

В серии
СОВ.
секретно

Алексей
Литвин

А. Широкоград
«ТАЙНЫ РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ»

В. Чиков
«ИУДА ИЗ АКВАРИУМА»

А. Первушин
«ОККУЛЬТНЫЕ ВОЙНЫ НКВД И СС»

С. Чарный
«ТАЙНЫ ОКТЯБРЯ 1993»

А. Широкоград
«ОГНЕННЫЙ МЕЧ РОССИЙСКОГО ФЛОТА»

А. Литвин
«КРАСНЫЙ И БЕЛЫЙ ТЕРРОР В РОССИИ.
1918—1922 ГГ.»

Москва
«Яуза»
«ЭКМО»
2004

Оформление художника С. Силина

Л 64 **Литвин А. Л.**
Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг. —
М.: Эксмо, Яуза, 2004. — 448 с. (Совершенно секретно).

ISBN 5-87849-164-8

Книга профессора Казанского университета Алексея Литвина посвящена малоисследованной теме — карательной политике красных и белых правительств против сограждан. Исследование основано на неизвестных ранее материалах из архивов бывшего КГБ СССР и других, прежде закрытых архивохранилищ.

Тех, кто прочтет эту книгу, ждет немало неожиданного. Это и секретные репрессивные акты ВЧК, и достоверные факты о покушениях и убийствах политических противников той поры. Вы узнаете, что не Каплан стреляла в Ленина, и имена убийц Николая II, а главное, кому все это было нужно. Вы убедитесь в том, что террор тех лет породил Большой террор 30-х годов. Прочтите эту книгу! Вы не напрасно потратите время!

ББК 63.3(2)612

ISBN 5-87849-164-8

© А. Л. Литвин, 2004
© ООО «Издательство «Эксмо», 2004
© ООО «Издательство «Яуза», 2004

Предисловие

*Светлой памяти моего друга и учителя, профессора
Леонида Михайловича Спирина посвящаю*

Размышляя о гражданской войне в России

О войне писать трудно, на войне убивают. Особо тяжело писать о гражданской войне, ставшей общенациональной трагедией огромной страны. И безумно сложно говорить об убийствах миллионов невинных людей, о карательной политике правительств, нацеленной на уничтожение и унижение своих сограждан.

Работая в архивах, в том числе и бывшего КГБ, не хотелось верить многочисленным кровоточащим документам, содержащим убийственные данные статистики и факты узаконенного беззакония, разгула произвола и изощренных издевательств над жизнями и достоинством людей.

Красные, белые, зеленые армии и карательные отряды, воюющие в 1918—1922 гг. со своим собственным народом, были одинаково преступны и ответственны за свои злодеяния. В. Г. Короленко писал в 1920 г. А. В. Луначарскому: «...Когда пришли деникинцы, они выгнали из общей ямы 16 разлагающихся трупов и положили их напоказ. Впечатление было ужасное, но — к тому времени они сами расстреляли уже без суда нескольких человек, и я спрашивал у их приверженцев: думают ли они, что трупы расстрелянных ими, извлеченные из ям, имели бы более привлекательный вид?»¹

Война — явление отвратительное, война против сограждан отвратительна вдвойне. XX век вошел в историю миро-

¹ В. Г. Короленко в годы революции и гражданской войны. 1917—1921. Биографическая хроника. Vermont, 1985. С. 207.

выми войнами, геноцидом, разгулом нацистского и большевистского террора. Готовы ли люди извлечь уроки из этого трагического опыта, вступая в новое тысячелетие и новый век? Неужели только смерть побежденных и поверженных может успокоить победителей? Требуется исследования многих специалистов и время, чтобы ответить на эти вопросы.

В годы моей юности была популярна песня о боевом и тревожном 1918 г., когда в стране полыхала широкомащтабная гражданская война и романтические «комиссары в пыльных шлемах» одерживали победы над врагами революции во имя светлой и счастливой жизни трудящихся. Сейчас поют иные песни и то время чаще всего называют словами И. А. Бунина: «окаянные дни». Прежде революции объявлялись «единственно правильной дорогой человечества», его локомотивами, ныне они выдаются за воплощение абсолютного зла. Гражданская война рассматривалась советской историографией конъюнктурно, с позиций победителей-большевиков, теперь ее относят к «красной смуте», хотя участие в ней принимали и представители иных расцветок, из коих главным противником красных были белые. Диагноз таким переоценкам поставлен давно и точно. Их называют эпидемией исторической невменяемости. Историю пишут победители. Но значит ли это, что у них есть право решать, что из происшедшего следует помнить, а что забыть? Ведь правда независима от того, кому она предназначена. И ныне без непредвзятого исследования того, что происходило в России в 1917-м и последующих годах, невозможно понять труднейший процесс демократизации страны.

История — это всегда взгляд из настоящего в прошлое. Но и сейчас трудно объяснить многое из происшедшего, прежде всего потому, что начавшаяся более восьми десятилетий тому назад война между гражданами страны никак не может завершиться и в новом, XXI столетии. Меняются лишь ее формы и методы: на смену вооруженной конфронтации приходило жесткое противостояние государства и общества, которое массовые репрессии, экономические, политические, моральные или фискальные давления лишь

обостряли. Главные же составляющие гражданской войны: жестокость, насилие, пренебрежение к жизни и правам людей — оставались. Предпринятые в последние годы указы, объявляющие триколор и красный стяг одновременно государственными символами, предложения журналистов о присвоении улицам имен красных и белых военачальников мало что меняют. Объявленное примирение сверху, не подкрепленное реальными, понятными большинству населения действиями, не может решить проблему противостояния власти и значительной части населения, раскола внутри самого общества¹.

Сущностью гражданских войн, как правило, является борьба за власть политических партий, вождей, кланов, увлекающих за собой людей популистскими обещаниями «лучшего» обустройства их жизни, которая чаще всего оборачивается общенациональной трагедией и невосполнимыми потерями. Эти войны возникают в странах, переживающих экономический и политический кризисы. В «благополучных» странах подобное немыслимо. Россия в XX столетии была «неблагополучной» страной, ее преследовали войны, революционные потрясения и репрессии как продолжение перманентной гражданской войны. А главное — экономические неурядицы населения, необустроенность и недовольство массы людей своим материальным и социальным положением. Загони человека в угол, и он начнет штурмо-

¹ А. Н. Яковлев — один из инициаторов «перестройки» советского общества во второй половине 1980-х гг. — писал, что «завершение 70-летней гражданской войны в России — главная заслуга команды Горбачева перед историей, основной итог перестройки». // Черная книга коммунизма. М., 1999. С. 15. «Перестройка» не покончила с мотивами, готовыми вызвать гражданскую войну в стране. Достаточно вспомнить вспышки этнических погромов в Узбекистане, Азербайджане в конце 1980-х, попытки развязать гражданскую войну в августе 1991 г. и в октябре 1993 г., гражданские войны в бывших советских республиках в 1990-х гг. (Таджикистан), ее явные признаки в Чечне и т. д., чтобы признать этот вывод по меньшей мере некорректным. Подробнее о проявлениях гражданской войны в период «перестройки» см.: Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945—1991. М., 1998. С. 522—534.

вать небо или ложиться на рельсы. Ощущение бесперспективности бытия — одна из составляющих бунта против властей предержавных. В условиях недоедания и безработицы 1917 г., бессмысленной войны и правительственной чехарды призывы большевиков отнять «награбленное» у богатых и раздать его обездоленным пользовались большим успехом, чем обещания Временного правительства постепенно, «на законном основании», проведением реформ снять социальную напряженность. Германский канцлер Бисмарк был прав, когда сто с лишним лет тому назад утверждал, что сила революционеров не в идеях их вождей, а в обещании удовлетворить хотя бы небольшую дозу умеренных требований, своевременно не реализованных существующей властью.

Известно, что с 1918 по 1953 год, за 35 лет XX века, от войн, голода, болезней и репрессий Россия потеряла как минимум треть своего населения. Во время гражданской войны, за 4 года (1918—1922) — 13 миллионов. Из них примерно 2 миллиона человек покинули страну, на полях сражений потери красных и белых составили примерно столько же. Жертвами террора стали 1,5 миллиона россиян, около 300 тысяч из них были евреи, убитые во время погромов, проводимых и белыми, и красными. Остальные семь с половиной миллионов мирного населения погибли от болезней и голода. В мае 1922 г., согласно информационной сводке ГПУ, только в Татарстане насчитывалось более 500 тысяч захороненных трупов, а в ряде уездов имелись случаи людоедства¹.

В 1918 г. в России возник государственный террор в виде внесудебных расстрелов и концлагерей. В этом преуспели и красные, и белые. Тогда насилие стало массовым, а личность начала низводиться до уровня материала; необходимого для социального экспериментирования. Никогда в истории России столь огромное число людей и в столь ко-

¹ Родина. М., 1990. № 10. Данные В. П. Данилова; Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. М., 1998. Т. 1. С. 49.

роткий срок не испытало на себе таких нарушений элементарных свобод, став жертвами произвола и беззакония. Опыление свободой и вседозволенностью одних обернулось кровавым отрезвлением других. Конечно, в 1930-е годы, когда в стране правили красные, уничтожение миллионов россиян продолжалось в «мирных условиях», но что от этого менялось для невинных жертв террора?

Придя к власти, большевистское руководство взяло на себя ответственность за судьбы проживавших в стране людей. Правительство не может предотвратить стихийных бедствий, но помочь населению в их преодолении обязано. В 1921-м, начале 1930-х, 1946-м засушливых годах делалось для этого явно недостаточно. Засухи были не только в России, но вряд ли в Европе можно найти страну, потерявшую от неурожая миллионы людей, как это было в стране «победившего социализма» с его проповедью «все во имя человека».

В гражданской войне победили большевики, потерпели поражение их противники. Но это не принесло ни гражданского мира, ни стабильности в обществе. При помощи штыков можно завоевать власть, но сидеть на них неудобно. При помощи насилия, страха, социальной демагогии, организованности большевикам удалось провластвовать семь с лишним десятилетий и создать мощную милитаризованную империю с нищим населением. Они позволяли себе все: уничтожать инакомыслящих, создать огромный ГУЛАГ, где среди заключенных или расстрелянных были и те, кто представлял партию победителей, и их противники, где 90% узников составляли рабочие и крестьяне. Они выступали с расовых и антисемитских позиций, депортируя, истребляя и унижая целые народы. Подобный режим не мог быть вечным. И он рухнул в одночасье при полном равнодушии народа, как когда-то самодержавие. Мало кто заявил о своем желании защитить империю Романовых, никто не вышел защищать райкомы партии при недавнем наличии многомиллионных масс коммунистов. Народ безмолвствовал при гибели царской и большевистской империй. Режимы пооче-

редно изживали себя. Конечно, между империями были большие различия, основное из которых состояло в том, что в большевистской были разрушены частная собственность, права и традиции личности и народов, люди были превращены в государственных служащих, попали в крепостную зависимость от тоталитарной формы правления. Но и после распада последней империи XX столетия сполохи гражданской войны в России продолжают, хотя ее начало не предвещало ни столь драматического исхода, ни такой временной продолжительности. Ведь началось все довольно просто: большевики 6 января 1918 г. разогнали впервые избранное в стране демократическим путем Учредительное собрание и расстреляли демонстрацию его защитников. Именно после этого произошел взрыв.

Говорят, что первой жертвой войны являются не только люди, но и правда о ней. Потому с таким интересом до сих пор читается книга С. П. Мельгунова о красном терроре в России¹. В ней не только свидетельства очевидца, но и попытка проанализировать публикации той поры. И тогда и позже о красном и белом терроре писали многие, но исследование Мельгунова осталось среди наиболее эмоциональных. Первое издание его книги вышло в Берлине в 1923 г. «Я не могу взять ответственности за каждый факт, мною приводимый. Но я повсюду указывал источник, откуда он заимствован»², — писал историк. Этим источником для него стала, главным образом, большевистская и эмигрантская пресса. Мельгунов собирался писать и о белом терроре, подчеркивая, что это явление иного порядка, нежели красный террор, «это прежде всего эксцессы на почве разнузданности власти и мести»³. Он и сам полон этой «мести» и не скрывал своей цели показать миру, кто есть большевики и их

¹ Мельгунов С. П. Красный террор в России. Берлин, 1924. 2-е изд.; М., 1990. 5-е изд. См. также: Мельгунов Сергей. Воспоминания и дневники. М., 2003.

² Мельгунов С. П. Красный террор в России. М., 1990. С. 5.

³ Там же. С. 6.

власть, и был убежден, что красный террор «ужаснее» белого. Мельгунов был тенденциозен в своих писаниях и в силу остроты недавних личных переживаний, он не делал вывода о том, что любой террор является свидетельством остроты борьбы и беспомощности правителей иными способами добиться успеха, что жестокость — это общечеловеческая боль.

Настоящая книга основана на изучении прежде всего документов, хранящихся в различных архивах России. Автор хотел показать жестокость и бессмысленность террора, выступавшего в то время под разными цветами, предостеречь от любой возможности повторения подобного. Автор весьма признателен коллегам А. С. Велидову (1928—1997), Д. Кипу, Ю. И. Кораблеву (1918—1996), Л. М. Спирину (1917—1993) за советы, ставшие необходимыми при написании книги.

Первое издание книги появилось в 1995 г., ей предшествовала большая статья на эту тему, опубликованная в журнале «Отечественная история» (1993. № 6. С. 46—62). Тогда же в рецензиях и ряде книг о гражданской войне в России появились отклики на эти публикации¹. Среди замечаний хотелось бы выделить одно принципиальное, касающееся ответственности за террор и его жертвы в российской гражданской войне. Меня упрекали в том, что утверждение принципа равной ответственности и красных, и белых за кровавые вакханалии в 1918—1922 гг. в России не может способствовать «ее объективному научному исследованию». Как будто признание «неравной ответственности» этому поможет, если признать, что красные «хуже» белых, или наоборот, то это сделает исследование на заданную тему объективнее. Наиболее категорично об этом высказался А. Сулов, заявивший, что даже «нравственно уравнивать красный и белый террор нельзя». Он, как и некоторые другие историки, продолжил точку зрения Мельгунова о том, что для бе-

¹ Отечественная история. 1994. № 4—5. С. 284 (В. Бортневский); Вопросы истории. 1997. № 6. С. 169—170 (Б. Старков); и др.

лых террор был актом мести и самоуправства офицеров, а красный террор носил системный, государственный характер¹. Не думаю, чтобы какие-либо утверждения отдельных авторов могли помешать дальнейшим исследованиям проблемы. Разумеется, происхождение красного и белого террора в те годы имело свою специфику, но именно нравственно и тот и другой были одинаково жестоки и античеловечны. Какая разница для жертвы террора, во имя чего его лишают жизни без всяких на то оснований: во имя коммунизма или демократического устройства страны? Нравственно никакой террор не может быть оправдан, во имя каких бы светлых или мстительных целей он ни совершался².

¹ Отечественная история. 2000. № 5. С. 86—87.

² Подробнее о дискуссиях на эту тему см.: Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. М., 1998. С. 220—221, 254; Голдин В. И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980—1990-е годы). Архангельск, 2000. С. 170—173; Кан А. С. Постсоветские исследования о политических репрессиях в России и СССР. // Отечественная история. 2003. № 1. С. 124; и др.

Глава 1

Роль политического террора в борьбе за власть. Насилие и жестокость. Источники и литература.

В каждом веке свое Средневековье. 100-летние, 30-летние войны, инквизиция — отсюда, гражданские войны тоже. Только каждое последующее столетие они все более ужесточались: в них участвовало больше людей, совершенствовались средства их уничтожения, изощреннее становились издевательства и пытки, терялась ценность человеческой жизни. Препятствия оставались ненависть, остервененность, становившиеся на время национальной религией (в России многонациональной). Трагедия народов одной страны, тесно взаимосвязанной с остальным миром, становилась ощутимой для всех. Оставшиеся в живых жертвы произвола и очевидцы не воспринимали оптимизма историков: за Средневековьем следует эра Возрождения... Они думали и говорили о другом: удивительно не то, что этот ужас проходит, а что мы — живы.

Насилие и террор всегда были неперенными спутниками многовековой истории человечества. Но по числу жертв, узаконению насилия XX век не имеет аналогов. Этим столетием обязано, прежде всего, тоталитарным режимам в России и Германии, коммунистическим и национал-социалистическим правительствам⁽¹⁾.

Россия традиционно относилась к странам, где цена человеческой жизни была мизерной, а гуманитарные права не соблюдались. Крайне радикальные социалисты-большевики, захватив власть, провозгласив свершение в кратчайшие сроки мировой революции и создание царства труда, уничтожили подобие правового государства, предложив револю-

ционный беспредел, и тем самым усугубили бесправное положение личности. Никогда еще в истории утопические идеи не внедрялись в сознание людей столь жестоко, цинично и кроваво. Непротивление, отказ от использования силы при решении политических вопросов, предложенные веку Львом Толстым и Махатмой Ганди, не были восприняты ни в России, ни в Германии. В непродолжительной идейной борьбе победило беспощадное, фанатичное зло, принесшее столько невиданных ранее страданий людям.

Политика насилия и террора⁽²⁾, проводимая в России большевиками, меняла сознание населения. А. С. Пушкин в «Борисе Годунове» отмечал безмолвие народа при казнях, большевистская периодика полна громогласных одобрений массовых убийств.

Естественны извечные вопросы: кто в этом виноват? Каковы причины трагедии? Как объяснить, попытаться понять происшедшее?

Основные тенденции решения проблемы были намечены для советской историографии высказываниями В. И. Ленина о том, что красный террор в годы гражданской войны в России был вынужден и стал ответной акцией на действия белогвардейцев и интервентов⁽³⁾. Тогда же было сформулировано мнение: «...те репрессивные меры, которые вынуждены применять рабочие и крестьяне для подавления сопротивления эксплуататоров, не идут ни в какие сравнения с ужасами белого террора контрреволюции»⁽⁴⁾.

Одновременно, усилиями прежде всего российской эмиграции, создавались книги и рассказы о застенках ЧК, характеризовалось различие между красным и белым террором. По мнению С. П. Мельгунова, красный террор имел официальное теоретическое обоснование, носил системный, правительственный характер, а белый террор был похож на «эксцессы на почве разнузданной власти и мести». Потому красный террор по своей масштабности и жестокости был хуже белого⁽⁵⁾.

Подобную точку зрения разделял и генерал А. И. Деникин, назвавший гражданскую войну «русским погостом», на котором, по его словам, и красные, и белые пустили реки

крови. «Различны были способы мучений и истребления русских людей, но неизменной оставалась система террора, проповедуемая открыто с торжествующей наглостью. На Кавказе чекисты рубили людей тупыми шашками над вырытой приговоренными к смерти могилою; в Царицыне удушали в темном, смрадном трюме баржи, где обычно до 800 человек по несколько месяцев жили, спали, ели и тут же... испражнялись. Повсюду избивали до полусмерти, иногда хоронили заживо. Сколько жертв унес большевистский террор, мы не узнаем никогда». (Хотя тут же сообщал, что, по данным комиссии, созданной им, эта цифра только в 1918—1919 гг. составляла 1 млн. 700 тыс. человек.) Деникин признавал, что «набегающая волна казачьих и добровольческих войск оставляла грязную мусть в образе насилий, грабежей и еврейских погромов». Но уточнял: «Мы грозили, но были гуманнее. Они звали, но были жестоки»⁽⁶⁾.

В годы гражданской войны возникло и третье мнение, согласно которому любой террор был бесчеловечен и от него, как метода борьбы за власть, следовало отказаться. М. Горький заметил в то время взаимоистребление демократий к злорадному удовольствию ее врагов и призвал не закрывать глаза на то, что «теперь, когда народ завоевал право физического насилия над человеком, — он стал мучителем не менее зверским и жестоким, чем его бывшие мучители». И уточнил свою мысль: «Матрос Железняк, переводя свирепые речи своих вождей на простецкий язык человека массы, сказал, что для благополучия русского народа можно убить и миллион людей... Людей на Руси много, убийц — тоже достаточно...» Поголовное истребление несогласно мыслящих — старый, испытанный прием внутренней политики российских правительств. Горький отвечал на вопрос: «Кто жесточе — красные или белые? Вероятно, — одинаково, потому что все они — и красные, и белые — одинаково русские... В России любят бить, — безразлично кого»⁽⁷⁾.

В. Г. Короленко записал в дневнике 24 июля 1919 года: «Нет, не восхвалять надо террор, а предостерегать против него, откуда бы он ни исходил. Если бы он мог принести пользу большевистской революции, то так же полезен был

бы и ее противникам... И благо той стороне, которая первая сумеет отрешиться от кровавого тумана и первая вспомнит, что мужество в открытом бою может идти рядом с человечностью и великодушием к побежденному»⁽⁸⁾.

Подобные свидетельства защитников общечеловеческих, гуманных ценностей можно продолжить⁽⁹⁾, и все-таки их намного меньше высказываний адептов классовой ненависти и непримиримости, оправдания действий красных и белых времен гражданской войны в России. В основе последних — дискуссии тех лет между социал-демократами.

Г. В. Плеханов, в начале века наряду с Лениным не видевший греха в убийстве своих политических противников, после прихода к власти большевиков и обысков у себя в доме мнение изменил. В январе 1918 г. он писал в газете «Наше единство», что «употребление террористических средств... есть признак шаткости положения, а вовсе не признак силы. И уж во всяком случае, ни социализм вообще, ни марксизм в частности тут совершенно ни при чем». Тем более что, по мнению Плеханова, диктатура большевиков была диктатурой группы людей, а не трудящегося населения⁽¹⁰⁾.

Ю. О. Мартов, один из основателей РСДРП, пытавшийся примирить социалистов в октябре 1917 г., решительно выступил против большевистских смертных приговоров их политическим противникам. В специально написанной статье «Долой смертную казнь!» (июль 1918 г.) Мартов обличал большевистское руководство: «Как только стали они у власти, с первого же дня, объявив об отмене смертной казни, они начали убивать. Кровь родит кровь. Политический террор, введенный с октября большевиками, насытил кровавыми испарениями воздух русских полей. Гражданская война все больше ожесточается, все больше дичают в ней и звереют люди, все больше забываются великие заветы истинной человечности, которым всегда учил социализм. Там, где власть большевиков свергает народные массы или вооруженные силы, к большевикам начинают применять тот же террор, какой они применяют к своим врагам»⁽¹¹⁾.

Первые акты насилия по отношению к инакомысля-

щим, проводимые советским правительством, вызвали протест Р. Люксембург, К. Каутского, многих мировых политиков и общественных деятелей, тысяч жителей России⁽¹²⁾. Наиболее острой была тогда возникшая полемика между Каутским с одной стороны, Лениным и Троцким — с другой.

Знавшие Ленина и встречавшиеся с ним отмечали его приверженность к крайним мерам насилия⁽¹³⁾. Это у Ленина Сталин воспринял осуждение индивидуального и поощрение массового террора, заложничества, власть, опирающуюся на силу, признание государственного произвола высоко нравственным делом. Ленин, Троцкий, Бухарин и другие сподвижники вождя пытались подобную античеловеческую практику обосновать. Это нашло особое отражение в их книгах, направленных против работ Каутского, обвинившего большевиков в том, что они первыми применили насилие по отношению к другим социалистическим партиям и создали ситуацию, при которой «оппозиции осталась только одна форма политического выступления — гражданская война»⁽¹⁴⁾.

Каутский выступил тогда с тремя книгами, в которых рассматривались проблемы террора и насилия в Советской России. Выводы первой парировал Ленин, второй — Троцкий, тогда Каутский специально ответил Троцкому⁽¹⁵⁾. Оппоненты стояли слишком на различных позициях и занимали различное общественное положение в своих странах, чтобы в чем-то могли согласиться. Ленин и Троцкий захватили власть, пользовались и оправдывали те методы действий, которые эту власть им помогали защищать и утверждать. Они строили новый политический и экономический порядок, который привел к созданию тоталитарного государства в России⁽¹⁶⁾. Их непримиримость к любой иной альтернативе не способствовала отдельной личности самостоятельно, свободно решать свою судьбу.

Ленин исходил из того, что «польза революции, польза рабочего класса — вот высший закон», что только он — высшая инстанция, определяющая «эту пользу», а потому могущая решить все вопросы, в том числе и главный — право че-

ловека на жизнь и свободную деятельность⁽¹⁷⁾. Принципом целесообразности средств, применяемых для защиты власти, руководствовались Троцкий, Бухарин⁽¹⁸⁾ и многие другие партийно-советские руководители. Причем все они считали для себя естественным произвольно распоряжаться жизнями людей. Троцкий это право защищал и после окончания гражданской войны, когда на вопрос: «Оправдывают ли вообще последствия революции вызываемые ею жертвы?» — ответил: «Вопрос теологичен и потому бесплоден. С таким же правом можно перед лицом трудностей и горестей личного существования спросить: стоит ли вообще родиться на свет?» Троцкий был убежден, что революционер должен добиваться своих целей всеми средствами: вооруженным восстанием, терроризмом, подавлением оружием всех попыток вырвать у него власть. Особенно полезен, по его мнению, террор, устрашающий тысячи людей, сламывающий их волю. А так как красный террор направлен против сторонников старой России, то для коммунистов его проведение вполне оправданно. Устрашение есть могущественное средство политики⁽¹⁹⁾.

Иной точки зрения придерживался Каутский, полагая отмену смертной казни само собой разумеющимся для социалиста. Он говорил о победе большевизма в России и поражении там социализма, о том, что признание красного террора ответной акцией на белый есть не что иное, как оправдание собственного воровства тем, что и другие воруют. Он видел в призывах Ленина и Троцкого гимн бесчеловечности и близорукости и пророчески предсказывал, что «большевизм останется темной страницей в истории социализма»⁽²⁰⁾.

Политизированная советская историография длительное время занималась оправданием красного террора, романтизацией революционного насилия, представляя палачей героями⁽²¹⁾. Публицисты стали первыми, кто подверг это положение критике. Они увидели в красном терроре не «чрезвычайную меру самообороны», а попытку создать универсальное средство решения любых проблем, идеологичес-

кое обоснование преступных действий властей, а в ЧК — инструмент массовых убийств⁽²²⁾.

Более распространенным оказался ныне тезис Мельгунова о том, что белые более, чем красные, пытались придерживаться правовых норм при проведении карательных акций⁽²³⁾. С этим утверждением трудно согласиться. Дело в том, что правовые декларации и постановления конфронтируемых сторон не защищали население страны в те годы от произвола и террора. Их не предотвратили ни решения VI Всероссийского чрезвычайного съезда Советов (ноябрь 1918 г.) об амнистии и «о революционной законности», ни постановление ВЦИК об отмене смертной казни (январь 1920 г.), ни указания правительств противоположной стороны. И те и другие расстреливали, брали заложников, практиковали децимации и пытки. Само сравнение: один террор хуже (лучше) другого — некорректно. Убийство невинных людей — преступление. Никакой террор не может быть образцом. Были и у белых учреждения, подобные ЧК и ревтрибуналам, — различные контрразведки и военно-полевые суды, пропагандистские организации с осведомительными задачами типа деникинского Освага. Весьма сходны между собой призыв генерала Л. Г. Корнилова к офицерам (январь 1918 г.) — пленных в боях с красными не брать — с признанием чекиста М. И. Лациса о том, что к подобным распоряжениям относительно белых прибегали и в Красной Армии⁽²⁴⁾.

В начале 90-х советские историки стали утверждать, что в насилии и терроре тех лет повинны не прежде всего белые, а обе воюющие стороны. Вместе с тем они продолжали исходить из убеждения, что гражданскую войну в России начали белогвардейцы и интервенты, а большевики допустили лишь «серьезные просчеты»⁽²⁵⁾. По мнению некоторых из них, большевики ввели красный террор из-за несговорчивости противников наступающего советского режима. «Справедливости ради нужно сказать, — отмечает Д. А. Волкогонов, — что статья на путь террора большевиков в немалой степени заставила их классовые антиподы, не желавшие соглашаться со складывающейся не в их пользу ситуацией. Кроме того, большевики были вынуждены прибегнуть к

чрезвычайным мерам и в силу явной несостоятельности своей экономической политики»⁽²⁶⁾. Подобные разъяснения не убеждают. Последнее своей странной логикой направлено на оправдание явно разбойных действий, когда напавший свирепеет от сопротивления жертвы и своих же неумелых попыток быстро ее ограбить. Не представляются достаточно вескими и традиционные объяснения причин гражданской войны в России.

Советские историки, как правило, в своих рассуждениях основывались на изначальной легитимности большевистской власти в России и незаконности функционирования в то же время социалистических, а затем генеральских правительств Колчака, Деникина, Врангеля и других. Большевики захватили власть с помощью вооруженного восстания. Им понадобилось несколько лет братоубийственной войны, чтобы опять-таки силой оружия подтвердить свое право на управление страной. В ходе войны победителем могла оказаться любая воюющая сторона, а потому каждое из тогда существовавших правительств ответственно за проводимую, в том числе и карательную, политику. И за гражданскую войну. Вопрос о том, кто более ответствен: красные или белые, некорректен. Ответственны все, кто в этой войне между гражданами одной страны участвовал. Попытки снять таковую с большевиков не имеют основания. Более того, можно утверждать, что большевики ничего не сделали, дабы гражданскую войну в России предотвратить, а, напротив, всячески способствовали ее разжиганию. Следует отметить и другое: политические оппоненты большевиков в то время (за исключением части меньшевиков) также не предприняли никаких мер для ее предотвращения.

Среди подобных действий большевистского руководства назовем стремление сразу же монополизировать власть в своих руках, отказ от создания «однородного социалистического правительства» осенью 1917 года⁽²⁷⁾, строительство государства диктатуры пролетариата с резко усеченными демократическими свободами, с опорой на неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть. К таковым следует отнести разгон Учредительного собрания, представ-

лявшего все слои российского населения, в отличие от съездов Советов, выразивших интересы только рабочих и части крестьян.

Разумеется, вначале был возможен компромисс между политическими силами, рвавшимися к власти на развалинах самодержавия. Временное правительство называло себя таковым вплоть до выборов в Учредительное собрание и его решения о дальнейшем государственном устройстве страны. Нелегитимным правительством признавал себя и Совет народных комиссаров, утвержденный II Всероссийским съездом Советов 26 октября 1917 г., он также назвал себя временным до начала работы Учредительного собрания. Выборы в Учредительное собрание состоялись в ноябре 1917 г. и дали результаты, которые отнюдь не обрадовали правящих большевиков. Из 48 млн. (цифры округлены) избирателей за большевиков проголосовало 22,5%, за эсеров — 39,5%, кадетов — 4,5%, меньшевиков — 3,2%, за национальные партии неонароднического и социал-демократического толка — 14,5%, за национальные партии и списки несоциалистического характера — 9,6%⁽²⁸⁾ и т. д. Выборы показали, что подавляющее число граждан России не разделяло большевистских призывов и их властных действий. Стало ясно и другое: силы демократии в стране оказались разрозненными и приход диктатуры встал на повестку дня.

Большевики, упразднив легитимное со всех точек зрения собрание народных избранников, стали на путь тоталитаризма, начав гражданскую войну и этим объясняя необходимость свертывания демократических преобразований, ради которых вроде бы и был совершен захват власти. Антибольшевистское движение приобрело политических вождей, бывших избранников народа, которые возглавили его под лозунгами передачи власти Учредительному собранию. Многопартийное Учредительное собрание было демократической альтернативой тоталитаризму в России с его однопартийной системой, огосударствлением всей общественной и экономической жизни, изоляцией от остального мира невиданным до того утверждением террора в стране. Заметим лишь, что в ту пору ни красные, ни их противники не

были народными движениями прежде всего потому, что таковыми не могут быть те, кто был готов уничтожить массу сограждан, дабы доказать «правоту» своих идей и целей.

Гражданскую войну в России инициировала и экономическая политика большевистского правительства весной 1918 года: запрещение свободной торговли, усиление хлебной монополии, передача земли не в частную собственность, а государственную (социализация) собственность, национализация промышленности, начавшиеся реквизиции продуктов питания у крестьян, стремление осуществить свои планы любой ценой, дабы продержаться у власти любым способом, аресты и расстрелы политических противников — все это вызвало сопротивление различных слоев населения и способствовало развитию антибольшевистского движения. Содействовали расширению гражданской войны деятельность комбедов и продовольственных отрядов, безнаказанно пытавшихся грабить крестьян, общая политика по преодолению нехватки продовольствия, прежде всего «беспощадной и террористической борьбой и войной против крестьянства»⁽²⁹⁾.

Гражданская война в стране, возникшая как борьба демократической и тоталитарной альтернатив развития российского общества, вскоре за несостоятельностью первой переросла в противостояние военных режимов. Ленин не раз подчеркивал, что колчаковщине помогли родиться на свет и ее прямо поддерживали меньшевики («социал-демократы») и эсеры («социал-революционеры»)⁽³⁰⁾. Но следует признать и другое: раскол в социалистическом движении России в ту пору вызвал появление не одной, а двух военных диктатур — большевистской и генеральской. Не имеет большого значения, какая противоборствующая сторона пришла к созданию военной диктатуры раньше. Этапами в этом направлении было превращение Советской республики в единый военный лагерь (сентябрь 1918 г.) или колчаковский переворот в Сибири (ноябрь 1918 г.). Важно другое — главной опорой диктатур все более становились насилие, террор и репрессии. В такое время социалистические партии оказались не нужны ни красным, ни белым. (Может быть, и этим

объясняется резкость полемики Ленина—Троцкого с Каутским.) В стране тогда победила не социалистическая, а военно-коммунистическая идея, отрицавшая своим существованием демократические свободы, в которые с немалым трудом стало входить российское общество лишь в самое последнее время. На всем же протяжении гражданской войны царствовал террор, деморализующий все участвовавшие в ней стороны⁽³¹⁾.

Стремление понять истоки трагедии породило несколько исследовательских объяснений: красный террор и массовые репрессии 30-х годов — результат большевистского правления в стране; сталинизм — особый тип тоталитарного общества; во всех бедах виноваты руководители — Ленин, Свердлов, Сталин, Троцкий⁽³²⁾. Несмотря на кажущиеся различия, общим является утверждение, что виноваты большевики. Из разъяснений неясно, какое воздействие на советскую экономическую политику оказали подобные действия противной стороны в годы гражданской войны или сталинское утверждение о применении пыток «буржуазными разведками»⁽³³⁾.

Представляется перспективным изучение большевизма в целом от возникновения партии «нового типа» до ее запрета в стране, где она была правящей более семи десятилетий. Выяснилось, что интеллект большевистских вождей, захвативших власть в России, ограничивался созданием военно-коммунистического государства, где главным методом удержания власти стали террор, принуждение, где красный террор начал, а большой террор завершил создание тоталитарного правления.

В советской историографии выделяются периоды пропаганды лозунга «Сталин — это Ленин сегодня», критики «культы личности» и продолжающейся канонизации Ленина и большевизма (с конца 1950-х годов), утверждения формулы: сталинизм возник на почве ленинизма (с конца 1980-х годов)⁽³⁴⁾. Последняя точка зрения подтвердила мнение А. И. Солженицына о том, что сталинский террор коренится в ленинизме, вывод З. Бжезинского о том, что массовый террор был для Ленина «административным средством

решения всех проблем», утверждение Д. Кипа о том, что Ленин был первым в XX веке главой европейского правительства, официально поощрявшим, узаконившим террор против народа страны, заключение Р. Пайпса: «Курс для Сталина проложил Ленин»⁽³⁵⁾.

Есть и иное мнение: Ленин лучше Сталина. Красный террор Ленин проводил во время гражданской войны, Сталин расстреливал безоружное население в мирных условиях. Р. Конквест писал о том, что в 1918—1920 гг. террор проводили фанатики, идеалисты, «люди, у которых при всей их беспощадности можно найти некоторые черты своеобразного извращенного благородства». И продолжал: «У Робеспьера мы находим узкий, но честный взгляд на насилие, свойственный и Ленину. Сталинский террор был иным. Он осуществлялся уголовными методами, не был начат во время кризиса, революции или войны»⁽³⁶⁾. Это утверждение вызывает возражение.

Террор в годы гражданской войны осуществляли не фанатики, не идеалисты, а люди, лишенные всякого «благородства» и психических комплексов героев произведений Достоевского. Только недостаточное знание источников объясняет вывод Конквеста о «честном» взгляде Ленина на насилие. Таковыми не являются инструкции по совершению убийства, написанные им и ставшие известными в последнее время. Прочитируем лишь две из них. В записке Э. М. Склянскому (конец октября — ноябрь 1920 г.), заместителю председателя Реввоенсовета республики, Ленин, видимо оценивая план, рожденный в недрах этого ведомства, наставлял: «Прекрасный план! Доканчивайте его вместе с Дзержинским. Под видом «зеленых» (мы потом на них свалим) пройдем на 10—20 верст и перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия: 100 000 рублей за повешенного»⁽³⁷⁾. В секретном письме членам Политбюро ЦК РКП(б), написанном 19 марта 1922 года, уже после введения нэпа, Ленин предлагал воспользоваться голодом в Поволжье и провести изъятие церковных ценностей. Эта акция, по его мнению, «должна быть проведена с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь, и в самый крат-

чайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»⁽³⁸⁾.

Это был преступный, а не «честный» взгляд на насилие, который отличается от подписанных Сталиным расстрельных списков тем, что Сталин знал многих из тех, кого он решил казнить, а Ленин наверняка не знал абсолютное большинство тех, кого обрек на смерть.

Многие зарубежные историки (и некоторые российские) полагают, что инициаторами гражданской войны и террора в стране были Ленин и большевики, которые вынудили противников советского режима прибегнуть к подобному же. Л. Шапиро высказывал твердое убеждение, что «систематический произвол по отношению к политическим противникам допускался и поощрялся с самого начала деятельности большевиков»; Д. Леггет называл Ленина инициатором и главным защитником методов террора; А. Ципко писал, что не Ленин, а Маркс первым пришел к мысли, что революционный террор может стать мощным оружием в руках победившего пролетариата, что оба они были поклонниками якобинской диктатуры и оправдывали плебейский террор Великой французской революции; А. Яковлев полагает, что именно Ленин организовал гражданскую войну в России⁽³⁹⁾.

Действительно, в работах Ленина и советских историков содержится оправдание якобинского и красного террора как «революционной необходимости», указания на важность применения карательного опыта якобинцев и парижских коммунаров, широко использовавших институт заложничества⁽⁴⁰⁾. Ленин отмечал невозможность «зеркального эффекта» якобинских деяний, но российский результат превзошел самые мрачные ожидания и прогнозы. Лишь в последние годы российские историки отказались от «светлого» образа «друга народа» Марата, одного из авторов теории насилия, перестали полагать Робеспьера и Сент-Жюста «рыцарями без страха и упрека»⁽⁴¹⁾, приучать людей к «красоте ужаса», т. е. выразили согласие с выводами многих западных коллег.

Выяснились страшные аналогии: Робеспьер, утверждавший свое право на власть при помощи гильотины и объяснениями необходимости террора — возвышенными нравственными идеалами, уничтожение более мнимых, нежели действительных, противников революции, «большой террор» лета 1794 г., приведший к термидору и т. д.⁽⁴²⁾, во многом повторились в российской жизни времен гражданской войны. У каждого народа и страны своя история и судьба. Во Франции вдохновители террора погибли в ходе ими же устроенной человеческой бойни, в России марксизм-ленинизм был превращен в светскую религию, а преследования всякого инакомыслия намного превзошли действия инквизиции.

Наряду с этими точками зрения формировалась и иная, ищущая обоснование происшедшего в прошлой истории России. В этом ряду концепции рабской психологии народа и деспотизма власти, низкий уровень потребностей населения страны по сравнению с западными, потому более острое проявление «революции растущих ожиданий», отрицательное влияние на естественное развитие России «малых народов» и интеллигенции... Наверняка в России копившаяся веками взрывчатая сила обиды за несправедливость бытия была огромна. Призывы большевиков и иных радикалов к быстрым и прямым действиям провоцировали к таковым озлобленных и люмпенов.

Власти обычно отрицательно относятся к инакомыслию. Но различные государственные устройства ограничивали законами, силой оппозиции эту «отрицательность». В российской государственности террор в «жестких» или «расслабленных» формах присутствовал всегда. В жестких фазах террор служил непосредственно орудием управления, в расслабленных — орудием самозащиты режима. Регулярность смены «сталинистских» и «брежневских» фаз в России, их возможная предсказуемость и неизбежность исторических аналогий стали уникальными в европейской истории⁽⁴³⁾.

Заметим, что, как правило, последующая «жесткая» фаза была суровой предыдущей и вбирала в себя наиболее свирепые репрессивные меры. Особо воплощенно и убедительно они проявились в ходе гражданской войны в России.

В 1379 году в Москве по указанию князя Дмитрия Донского был публично обезглавлен боярин Иван Вельяминов за попытку самостоятельно вести переговоры в Орде. Это была первая из известных казнь за политическое преступление, желание аристократа эмансипироваться от княжеской власти. Иван Грозный во второй половине XVI века направил опричников на ликвидацию целого сословия — боярства⁽⁴⁴⁾.

Российский уголовный кодекс 1845 года устанавливал наказание «виновным в написании и распространении рукописных или печатных работ или заявлений, целью которых является возбуждение неуважения к Державной власти или личным качествам Самодержца или его правительства». По словам Р. Пайпса, этот кодекс для тоталитаризма был тем, чем «Хартия Свободы» была для независимости⁽⁴⁵⁾. Государственный антисемитизм, безнаказанность погромщиков, депортация почти 30 тысяч евреев из Москвы в 1891 г., создание «черт оседлости» — все это опыт для последующих переселений народов и создания искусственных ГУЛАГовских резерваций⁽⁴⁶⁾.

Насилие обычно расцветает там, где есть готовность ему подчиниться. Когда произволу оказывается сопротивление, он доходит до высшей точки ожесточения, затем заметно спадает. Так произошло в России в конце XIX — начале XX века. Террор — разновидность насилия, наиболее жесткое его воплощение. Левый экстремизм, проявившийся в призывах С. Нечаева и П. Ткачева, террористических акциях народовольцев, получил мощное развитие в тактике действий большевиков и эсеров⁽⁴⁷⁾. Попытки оправдать эти действия обычно исходят из формулы, предложенной народовольцем С. Г. Ширяевым на процессе «16-ти»: «Красный террор Исполнительного Комитета был лишь ответом на белый террор правительства. Не будь последнего, не было бы и первого»⁽⁴⁸⁾. Ответственность за террор народовольцы возлагали на царизм, а большевики позже — на белогвардейцев и интервентов. Так замыкался круг: произвол становился необходимым и нравственным, особенно тот, который служил целям революции, направлялся на разрушение

старого общественного порядка. В январе 1905 г. священник Гапон вывел людей в «кровавое воскресенье» не с проповедью примирения, а с криком «долой!». Священнослужитель пожелал смерти ближнему своему и тем самым освятил насилие. Большевики осуществляли кровавые акции, руководствуясь «бессмертным учением марксизма-ленинизма». В 1906—1907 годах жертвами террористических акций стали 4126 должностных лиц, а с ними и несколько тысяч рядовых граждан. В ответ военно-полевые суды с 1905 по март 1909 г. приговорили к смертной казни 4797 чел., т. е. свержалось по 995 казней в год. До этого цифра казненных за 80 лет (1826—1906 гг.) составляла 984 чел., т. е. по 11 казней в год. Историки отмечают, что в XIX в. каждый акт революционного насилия был сенсацией, а после 1905 г. стал обыденным явлением⁽⁴⁹⁾. В те годы стало расти и воспитываться поколение людей, не боявшихся крови. Первая мировая война, а затем революции 1917 года усугубили этот процесс. Понадобился многолетний отрицательный опыт, миллионы невинных жертв, подтверждение на собственном опыте бесперспективности утопических идеалов, чтобы понять, что добро с кулаками несовместимо, что посредством террора и устрашения управлять страной нельзя, чтобы почувствовать отвращение к насилию.

Влияние времени на оценки событий проявилось и в понимании значения свержения самодержавия в России в феврале 1917 года. Это была «самая бескровная и безболезненная из всех великих революций», она «порождена всенародным чувством самосохранения», — писал Н. А. Бердяев тогда же. Для А. И. Солженицына, в его узлах красного колеса, Февраль породил «народную обезумелость», вседозволенность, бессильное Временное правительство, а потому он против «февральского кабака», развалившего страну за 8 месяцев⁽⁵⁰⁾. Как-то забывается при этом, что после февраля 1917 года в России стала утверждаться демократическая республика с максимумом политической легальности, что впервые тогда главной функцией государства перестало быть содержание мощного аппарата насилия, ослабла и стала неэффективной карательная политика⁽⁵¹⁾. Если видеть

в февральской революции 1917 г. только силу, разрушившую российскую государственность, тогда нужно отказать России в праве на демократическое развитие и признать, что и сделали большевики, что ее народ подчиняется только силе, террору и мощному карательному аппарату. То, что это не так, показывает нынешняя агония тоталитарной системы в стране, еще одна попытка встать на выверенный путь общечивилизационного развития.

Не вполне корректным представляется и стремление некоторых исследователей видеть в большевиках восстановителей империи, наследников царизма в политической культуре и правовой системе⁽⁵²⁾. В отличие от царской, это была иная империя с другой политической культурой и правовой системой. Основное отличие заключалось в разрушении частной собственности, основ социальной жизни личности, ее прав и традиций, в превращении населения в государственных служащих, всецело зависящих от властей предрержащих.

Установление с середины лета 1918 года однопартийной системы решительно изменило политическую жизнь и культуру общества, имевшего в феврале 1917 года около двухсот функционирующих политических партий⁽⁵³⁾. Что касается правовой системы, то советское право восприняло наиболее антидемократические законы и методы проведения следствия по политическим делам. Это закон 1871 г. о производстве дознания о политических делах жандармами; о разбирательстве дел о государственных преступлениях в военных судах (1878 г.), упрощение судопроизводства, жестокое обращение с политзаключенными, широкое использование провокаторства, доноительства как свидетельства обвинения. Н. А. Троицкий, исследуя политические судебные процессы над народовольцами, подчеркивал стремление властей ограничить их гласность, указывал на предвзятость обвинения, стремление определить подсудимым высшую меру наказания, вмешательство царя, губернаторов в характер приговора, работу суда по подведению обвинения под заданный приговор⁽⁵⁴⁾.

Большевистское руководство не связывало себе руки ни-

какими законами, избрав произвол, революционное правосознание инструментом карательной политики. Характерно высказывание Ф. Э. Дзержинского при вступлении в должность руководителя ВЧК (декабрь 1917 г.): «Не думайте, что я ишу форм революционной юстиции; юстиция сейчас нам не нужна. Теперь борьба — грудь с грудью, борьба не на жизнь, а на смерть — чья возьмет! Я предлагаю, я требую организации революционной расправы над деятелями контрреволюции»⁽⁵⁵⁾. С ним был солидарен и П. И. Стучка, несколько позже ставший наркомом юстиции советского правительства: «Нам сейчас нужны не столько юристы, сколько коммунисты»⁽⁵⁶⁾. Беспредел в действиях карательных органов, готовность использовать террор для уничтожения целых социальных групп населения, физической ликвидации существующих и потенциальных оппонентов, отсутствие ограничительных законов доводили издевательства над людьми до немыслимого абсурда, несравнимого с тем, что имело место в дореволюционной России⁽⁵⁷⁾.

Трудно назвать первые акты красного и белого террора. Обычно их связывают с началом гражданской войны в стране, хотя вскоре после прихода большевиков к власти убийство политических противников стало весьма обыденным занятием. Причем случаи индивидуального и массового террора проявились одновременно⁽⁵⁸⁾.

Легко заметить связь между различными типами террора и социально-политическими действиями правительств и противоборствующих организаций. Покушение на Ленина произошло вечером 1 января 1918 г., незадолго до открытия Учредительного собрания, а убийство членов ЦК партии кадетов, депутатов этого собрания, юриста Ф. Ф. Кокوشкина и врача А. И. Шингарева — в ночь с 6 на 7 января, т. е. в то время, когда ВЦИК утвердил ленинское постановление о его роспуске⁽⁵⁹⁾. Введение массового террора не прекращало индивидуального, но, как правило, увязывалось с жесткими политическими акциями против основной части населения страны — крестьянства (введение комбедов, продовольственных реквизиций, взимание чрезвычайного налога и т. п.). Менее прослеживается связь между военными победами

(поражениями) сторон и ужесточением карательной политики. Крымская трагедия (осень 1920 г.) — расстрел чехистами тысяч офицеров и военных чиновников армии Врангеля, — произошла после победы красных.

В советской историографии длительное время существовало мнение о том, что белый террор в стране начался летом, а красный — постановлением Совнаркома 5 сентября 1918 г. как ответ на белый⁽⁶⁰⁾. Есть и иные точки зрения, связывающие начало красного террора с убийством царской семьи⁽⁶¹⁾, с призывом Ленина к проведению террора в Петрограде в ответ на убийство Володарского⁽⁶²⁾, с резолюцией ВЦИК 29 июля 1918 г. о проведении массового террора против буржуазии⁽⁶³⁾, с тем, что террор составлял сущность советской системы и до августа 1918 г. проводился фактически, а с 5 сентября 1918 г. — официально⁽⁶⁴⁾. Это последнее заключение ближе к истине, так как советские декреты либо фиксировали то, что уже происходило, либо инициировали ускорение того, что, по мнению властей, замедляло свой ход.

Классовые характеристики красного и белого террора появились в 1918 году для обоснования и оправдания действий сторон. В советских разъяснениях отмечалось, что методы того и другого террора схожи, но «решительно расходятся по своим целям»: красный террор направлен против эксплуататоров, белый — против угнетенных трудящихся. Позже эта формула приобрела расширительное толкование и назвала актами белого террора вооруженное свержение советской власти в ряде регионов и сопутствующую этому расправу над людьми⁽⁶⁵⁾. При этом имелось в виду наличие различных форм террора еще до лета 1918 года, а также понимание под термином «белый террор» карательных действий всех антибольшевистских сил той поры, а не только собственно белого движения. Отсутствие четко разработанных понятий, критериев приводит к разночтению.

Датирование различных типов террора следует начать не с расправы над известными общественными деятелями, с декретов, узаконивавших творящееся беззаконие, а с безвинных жертв конфронтирующих сторон. Они забыты, особенно беззащитные страдалцы красного террора⁽⁶⁶⁾. Террор

вершили офицеры, участники Ледового похода генерала Корнилова, чекисты, получившие право внесудебной расправы, революционные суды и трибуналы, руководствующие не законом, а целесообразностью и собственным правосознанием людей, не имевших по своему образованию к юриспруденции никакого отношения.

Остервеневшие от невзгод, люди с низкой культурой предпочитали насилие, а не убеждение, испытание страхом для того, чтобы заставить подчиняться себе. В замечании Ханны Арендт о том, что терроризм привлекал и чернь, и элиту, так как он стал «чем-то вроде философии, выражавшей отчаяние, негодование, слепую ненависть... человек был исполнен решимости отдать жизнь, лишь бы принудить нормальные слои общества признать его существование», есть социально-психологический смысл. По мысли Арендт, чернь хотела пробиться в историю, даже ценой разрушительной силы. Она хотела доказать величие человека и ничтожество великих⁽⁶⁷⁾. В гражданской войне в России эти качества воплощались во вседозволенность, и ею пользовались менее грамотные красные и более образованные белые в полной мере. Стремление к политической и нравственной исключительности сводило на нет право человеческой личности на жизнь. Экстремизм и жажда мести распространились не только на политических противников, но и на мирное население. При расколе общества каждая из воюющих сторон навязывала силой свое видение будущего страны. Отсюда взаимосвязь и взаимозависимость красного и белого террора, сходность форм и методов их осуществления⁽⁶⁸⁾.

Солженицын начал историю ГУЛАГа с 1918 года. Но противоборствующие стороны способствовали созданию единого ГУЛАГа, красные учитывали не только опыт своего, но и белого террора. Без этой взаимосвязи трудно понять развитие карательной системы: баржи и поезда смерти были и у красных, и у белых, те и другие применяли децимации и т. д. В. Б. Станкевич, бывший комиссар Временного правительства, писал в воспоминаниях, что суровость политических репрессий заставляла прятаться всех и выбирать тот или иной фронт гражданской войны⁽⁶⁹⁾. Террор, белый и крас-

ный, хронологически едины и в мерзости безжалостного уничтожения соотечественников.

П. Н. Милюков писал о терроре как деформации человеческой психологии, созданной мировой войной; как о безнаказанности бандитов, стремящихся сбросить власть любыми средствами, верующих в то, что они носители истины. Думаю, что в последнем Милюков ошибался: тогда многие становились убийцами-профессионалами, а им не до истины. Они исходили из принципа: убить противника прежде, чем он убьет.

По Милюкову, террор составлял «сущность советской системы», и он выделял категории: террор — месть за белый террор; борьба с оружием в руках против контрреволюции; беспощадная классовая борьба вообще⁽⁷⁰⁾. Но ведь все эти определения были тогда присущи и другой конфронтующей стороне. И. З. Штейнберг, сам принимавший участие в становлении советской системы террора в качестве наркомюста, так же как его единомышленники по партии левых эсеров, служившие до начала июля 1918 г. в ВЧК, позже всячески отреклись от содеянного, пытаясь дать ему свое объяснение, но подчеркивал: террор — это не единственный акт, не изолированное, случайное, хотя и повторяемое проявление правительственного бешенства; террор — это узаконенный план массового устрашения, принуждения, истребления со стороны власти; террор — не только смертная казнь, его формы разнообразны: допросы людей, запрет на инакомыслие, реквизиции, заложничество, массовые казни⁽⁷¹⁾.

М. В. Вишняк, бывший секретарь Всероссийского Учредительного собрания, назвал 1918-й — «черным годом», утверждая, что «большевизм стихийно враждебен всем, кто дорожит принципом личности, достоинством человека и его первейшим правом — правом на жизнь»⁽⁷²⁾, не сообщил, что не менее враждебными правам человека в ту пору оказались все противоборствующие стороны, в том числе и защитники Учредительного собрания.

Жертвами политического террора были люди, символизирующие те или иные взгляды. Его вдохновители были

убеждены, что общественные проблемы можно решить насильственными методами. Результатом стала гражданская война, где большинство победителей вскоре сами стали жертвами созданного ими же режима.

Красному и белому террору в России времен гражданской войны посвящены страницы бесчисленных книг, статей, воспоминаний, опубликованных документов. Как правило, все это — «партийные» произведения, каждая из сторон оправдывала свои действия. В 1990-е годы ситуация изменилась в связи с крушением советского режима, открытием источников и возможностью альтернативного исследования проблемы. Тогда, наряду с новыми публикациями документов, появились историографические обобщения и исследования, содержащие важные материалы по интересующей нас проблеме. Среди последних внимание многих историков привлекла монография В. П. Булдакова о «красной смуте», природе и последствиях революционного насилия, что выразилось в ее обсуждении на страницах журнала «Отечественная история» (1998. № 4. С. 139—168) и многих рецензиях. Психологический подход автора, в том числе и к проблеме террора в 1917—1920 гг., привел его к выводу о том, что жестокость и насилие разрушали среди граждан страны миф о строении справедливого и свободного мира⁽⁷³⁾. В последние годы исследователи стремятся использовать разнообразные документы, в том числе и хранящиеся в ранее закрытых архивах бывшего КГБ, они получили возможность высказывать разные, часто полярные взгляды по интересующей нас проблеме. Использование опубликованных и хранящихся во многих архивохранилищах документов, историографические достижения стали основой настоящего издания.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 1

¹ Х. Арндт, К. Фридрих, З. Бжезинский полагали, что признаками тоталитарного режима являются наличие пользующегося неограниченной властью лидера и применение массового террора. Arndt Hannah. The origins of totalitarianism. N. Y.,

1973. P. 458; Friedrich C., Brzezinski Z. Totalitarian dictatorship and autocracy. Cambridge, 1956. P. 9—10. Арндт подчеркивала: «К настоящему моменту мы знаем лишь две аутентичные формы тоталитарного правления: диктатуру национал-социализма после 1938-го и диктатуру большевизма после 1930-го. Эти формы правления существенно отличаются от других видов диктаторского, деспотического или тиранического правления». Arndt H. Op. cit. P. 419. Арндт имела в виду время расцвета тоталитарных режимов, но еще Ленин был уверен в том, что решения партийного съезда обязательны для всей республики (ПСС. Т. 43. С. 62), что необходимы диктатура одной партии, ЦК, власть вождя (ПСС. Т. 24. С. 245; Т. 25. С. 212). Ему вторил глава советской власти Я. М. Свердлов: «ЦК строго проводил общественно-политический контроль всей советской работы... Политика всех ведомств является политикой ЦК» (Избр. произвед. М., 1959. Т. 2. С. 157).

Все исследователи тоталитарных режимов единодушны в признании террора как одной из основных форм, обеспечивающих их существование. Они указали на специфику советской тоталитарной системы, состоявшей в создании партократического государства с осуществлением руководства и контроля над всеми сторонами жизни человека (Авторханов А. Происхождение партократии. Франкфурт-на-Майне, 1973. С. 22—23, 30—31), на революционность безграмотного люмпена, утверждавшего себя с помощью силы и вседозволенности (Сахаров А. Революционный тоталитаризм в нашей истории. // Коммунист. 1991. № 5. С. 67). Выяснение специфики советского тоталитаризма указало на него как на одну из худших разновидностей режима. Игрицкий Ю. И. Снова о тоталитаризме // Отечественная история. 1993. № 1. С. 4.

² Х. Арндт права, усматривая связь и различие между насилием и террором. «Террор — это не то же, что насилие, это, скорее, форма правления, которая осуществляется, когда насилие, уничтожив всю власть, не исчерпывает себя, а получает полный контроль». Arndt Hannah. On violence. N. Y., 1969. P. 55. Под красным и белым террором в годы гражданской войны в России понимались репрессивные меры каждой из воюющих сторон.

³ В. И. Ленин утверждал: «После революции 25 октября (7 ноября) 1917 г. мы не закрыли даже буржуазных газет и о терроре не было и речи. Мы освободили не только бывших ми-

нистров Керенского, но и воевавшего против нас Краснова. Лишь после того, как эксплуататоры, то есть капиталисты, стали разворачивать свое сопротивление, мы начали систематически подавлять его, вплоть до террора». Несколько позже Ленин расширил число зачинателей террора, включив в него Антанту. Ленин В. И. ПСС. Т. 39. С. 113—114, 405.

⁴ Быстрянский В. Контрреволюция и ее методы. Белый террор прежде и теперь. Пг., 1920. С. 1.

⁵ С. П. Мельгунов комментировал высказывание А. В. Пешехонова в брошюре «Почему я не эмигрировал», где о правительстве Деникина говорилось: «Или вы не замечаете крови на этой власти? Если у большевиков имеются чрезвычайки, то у Деникина ведь была контрразведка, а по существу — не то же ли самое? О, конечно, большевики побили рекорд и количеством жестокостей превзошли деникинцев. Но кое в чем и деникинцы перешагнули большевиков» — так: «Пешехонов ошибался, перешагивать большевиков никто не мог». Мельгунов С. П. Красный террор в России. Берлин, 1924. С. 5—6.

⁶ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Берлин, 1926. Т. V. С. 136; Деникин—Юденич—Врангель. М.—Л., 1927. С. 60.

⁷ Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. Пг. 1918. С. 68, 69, 101; он же: Русская жестокость // Новая Россия. 1922. № 2. С. 142. Горький уехал из России осенью 1921 г., вернулся в 1928 г., хотя и продолжал выезжать за границу. В 1930 г. Горький стал автором жестокого вывода: «Если враг не сдастся, его уничтожают». // Правда. 1930. 15 ноября. Этот лозунг стал весьма популярным при проведении террора 1930-х — начала 1950-х гг. в стране.

⁸ В. Г. Короленко в годы революции и гражданской войны. 1917—1921. Биографическая хроника. Vermont, 1985. С. 184—185. В интервью корреспонденту РОСТА 26 июня 1919 года Короленко утверждал: «Основная ошибка советской власти — это попытка ввести социализм без свободы. На мой взгляд, социализм придет вместе со свободой или не придет вовсе». // Там же. С. 185—186.

⁹ См.: Из глубины. Сб. статей о русской революции. М., 1918; Гражданская война оказалась неприемлема для социолога П. Сорокина, увидевшего в ней «с той и другой стороны невероятные акты жестокости и садизма, редко имеющие место в обычных войнах»; для писателя М. Осоргина, писавшего о пе-

режитом: «Стена против стены стояли две братские армии, и у каждой была своя правда и своя честь. Правда тех, кто считал и родину и революцию поруганными новым деспотизмом и новым, лишь в иной цвет перекрашенным, насилием, — и правда тех, кто иначе понимал родину и иначе ценил революцию и кто видел их поругание не в похабном мире с немцами, а в обмане народных надежд... Были герои и тут и там; и чистые сердца тоже, и жертвы, и подвиги, и ожесточение, и высокая, внекнижная человечность, и животное зверство, и страх, и разочарование, и сила, и слабость, и тупое отчаяние. Было бы слишком просто и для живых людей, и для истории, если бы правда была лишь одна и билась лишь с кривдой: но были и билась между собой две правды и две чести, — и поле битвы усеяли трупами лучших и честнейших». Сорокин П. А. Современное состояние России. // Новый мир. 1992. № 5. С. 172; Осоргин М. А. Сивцев Вражек. // Урал. 1989. № 7. С. 86. Работа Сорокина была впервые опубликована в 1922 г., Осоргина — в 1928 г.

¹⁰ Плеханов Г. В. Год на Родине. Пг., 1918., Т. 2. С. 267; Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 356—357; Пайпс Р. Россия при старом режиме. Кембридж, 1981. С. 426.

¹¹ Ю. О. Мартов и его близкие. N. Y., 1959. С. 149, 151. В 1919 г. Мартов пришел к выводу о том, что для большевиков характерна «склонность к решению всех вопросов политической борьбы, борьбы за власть, методами непосредственного применения вооруженной силы... Эта склонность предполагает скептическое отношение к возможностям демократического решения социально-политических проблем». // Мартов Ю. О. Мировой большевизм. Берлин, 1923. С. 13. Подробнее об этом см.: Урилов И. Х. Ю. О. Мартов: политик и историк. М., 1997.

¹² Р. Люксембург в принципе не была противницей революционного насилия, но в рукописи о русской революции, написанной в конце сентября — начале октября 1918 г. в бреславльской тюрьме, высказала сомнение в необходимости «господства террора», который деморализует население, убеждение, что «свобода есть всегда свобода для инакомыслящих». // Вопросы истории. 1990. № 2. С. 27, 29. Б. Рассел, бывший в России в 1920 г., пришел к выводу: «Основной источник всей цепи зол лежит в большевистском мировоззрении: в его догматизме ненависти и его вере, что человеческую природу можно полностью преобразовать с помощью насилия». Рассел Б. Поли-

тика и теория большевизма. М., 1991. С. 100. Чиновник писал 4 марта 1918 г.: «Со всем можно было бы помириться, лишь бы была какая-нибудь гарантия неприкосновенности личности и жилища». Русская революция глазами петроградского чиновника. Дневник 1917—1918 гг. Oslo, 1982. С. 45.

¹³ Ленин говорил Валентинову в 1904 г., что будущая революция должна быть якобинской и не нужно бояться прибегать к гильотине. Валентинов И. Встречи с Лениным. Н. У., 1979. С. 185. Струве, встречавшийся с Лениным в конце прошлого века, назвал чертами его характера резкость, жестокость, неукротимое властолюбие и определил: «Ленин — это думающая гильотина». Струве П. Б. Мои встречи и столкновения с Лениным. // Новый мир. 1991. № 4. С. 219; Известия. 1993. 16 января. II Всероссийский съезд Советов отменил смертную казнь в стране 25 октября 1917 г. Узнав об этом, Ленин возмутился: «Вздор... Как это можно совершить революцию без расстрелов». Ленин предлагал декрет отменить. Троцкий Л. О Ленине. Материалы для биографа. М., 1925. С. 72—73. В. М. Чернов, лидер партии эсеров и председатель Учредительного собрания, потрясенный его разгромом и расстрелом демонстрации в защиту Учредительного собрания, писал в открытом письме Ленину (январь 1918 г.), что он «человек аморальный до последних глубин своего существа». // Megapolis-Express, 1991. 31 января.

П. Кропоткин рассказывал И. Бунину о свидании с Лениным в 1918 году: «Я понял, что убеждать этого человека в чем бы то ни было совершенно напрасно! Я упрекал его, что он за покушение на него допустил убить две с половиной тысячи невинных людей. Но оказалось, что это не произвело на него никакого впечатления...». Бунин И. А. Воспоминания. Париж, 1950. С. 58. Подобных свидетельств множество. Ленин не раз выступал с шипящим требованием расстрелов невинных, обосновывая их высшими интересами классовой борьбы. См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 38. С. 295; Т. 45. С. 189; и др. Ленин не возражал против массового террора, который Сталин проводил в Царицыне летом 1918 г. Медведев Р. О Сталине и сталинизме. М., 1990. С. 40—42. Для Ленина нравственно было все, что, по его мнению, служило делу революции.

¹⁴ Каутский К. Московский суд и большевизм / Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин, 1922. С. 9.

¹⁵ Каутский К. Диктатура пролетариата. Wien, 1918; он же. Терроризм и коммунизм. Берлин, 1919; он же. От демократии к государственному рабству (ответ Троцкому). Берлин, 1922. Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. // ПСС. Т. 37; Троцкий Л. Д. Терроризм и коммунизм. // Соч. М. —Л., 1925. Т. XII.

¹⁶ Хайек еще в 1944 г. указал на генетическую связь тоталитаризма с социальными учениями. «Между социализмом и национализмом в Германии с самого начала существовала тесная связь», — писал он. Хайек Ф. А. Дорога к рабству. // Новый мир. 1991. № 8. С. 202. Агурский подтвердил подобное на примере России. Он подчеркивал веру большевиков в мессианскую роль России. Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.

¹⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 185. Ленинским принципом руководствовались, например, следователи казанской губЧК в 1919 г., вынося после краткого допроса арестованных заключение: «Советской власти полезен быть не может. Расстрелять!»

¹⁸ Л. Д. Троцкий обосновывал: «Вопрос о форме репрессии или о ее степени, конечно, не является принципиальным. Это вопрос целесообразности. В революционную эпоху отброшенная от власти партия, которая не мирится с устойчивостью правящей партии и доказывает это своей бешеной борьбой против нее, не может быть утрачена угрозой заключения, так как она не верит в его деятельность. Именно этим простым, но решающим фактом объясняется широкое применение расстрелов в гражданской войне». // Соч. Т. XII. С. 59. Бухарин был солидарен: «С более широкой точки зрения, т. е. с точки зрения большего по своей величине исторического масштаба, пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. М., 1920. Ч. 1. С. 146.

¹⁹ Троцкий Л. Д. История русской революции. Берлин, 1933. Т. II. С. 376; Соч. М. —Л., 1925. Т. XII. С. 59—60.

²⁰ Каутский К. Терроризм и коммунизм. С. 7, 196, 204; он же. От демократии к государственному рабству. С. 162, 166.

²¹ Голинков Д. П. Крушение антисоветского подполья в

СССР. М., 1986. Кн. 1. С. 137, 188; Велидов А. С. Предисловие к «Красной книге ВЧК». М., 1989. Т. 1. С. 7; Соловьев даже пришел к выводу о том, что «красный террор принес неизмеримо меньше жертв, чем белый террор». Соловьев О. Ф. Современная буржуазная историография о подавлении контрреволюции в России в годы гражданской войны. Исторический опыт Великого Октября. М., 1975. С. 420.

²² Фельдман Д. Преступление и... оправдание // Новый мир. 1990. № 8. С. 253; Феофанов Ю. Идеология у власти // Известия. 1990. 4 октября; Василевский А. Разорение // Новый мир. 1991. № 2. С. 253.

²³ Ю. Фельштинский пишет: «Мне хочется отвести здесь знакомое указание на жестокость обеих сторон. Белой армии как раз и была присуща жестокость, свойственная войне вообще. Но на освобожденных от большевиков территориях никогда белыми не создавались организации, аналогичные советским ЧК, ревтрибуналам и реввоенсоветам. И никогда руководители Белого движения не призывали к расстрелам, к гражданской войне, к террору, к взятию заложников. Белые не видели в этом идеологической необходимости, поскольку воевали не с народом, а с большевиками» // Родина. 1990. № 10. С. 40.

²⁴ См.: Иоффе Г. З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989. С. 233; Лацис М. И. Пленных не брать // Красноармеец. 1927. № 21. С. 18.

²⁵ Поляков Ю. А. Гражданская война в России (поиски нового видения) // История СССР. 1990. № 2. С. 104; Спирин Л. М. Партия большевиков в гражданской войне // Коммунист. 1990. № 14. С. 95.

²⁶ Волкогонов Д. А. Троцкий. Политический портрет. М., 1992. Кн. 1. С. 283.

²⁷ На совещании ЦК партии большевиков 1 ноября 1917 г. Троцкий выступил против создания «однородного социалистического правительства», так как «партии, в восстании участия не принимавшие, хотят вырвать власть у тех, кто их сверг». Позже Троцкий передал свои воспоминания о том совещании так: «По вопросу о соглашении Ленин говорил: А соглашение? — Я не могу даже говорить об этом серьезно. Троцкий давно сказал, что объединение невозможно. Троцкий это понял, и с тех пор не было лучшего большевика». Кончалась речь лозунгом: «Без соглашений — за однородное большевист-

ское правительство!» Троцкий и Л. Сталинская школа фальсификаций. М., 1990. С. 29. См. также: Злоказов Г. И. Большевистско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 г. М., 1997.

²⁸ В выборах депутатов в Учредительное собрание (ноябрь 1917 г.) приняло участие 50 млн. избирателей (62—63%) из примерно 80 млн. В результате было избрано 715 депутатов: 370 эсеров, 175 большевиков, 86 представителей от национальных групп, 40 левых эсеров, 17 кадетов, 15 меньшевиков, 2 представителя трудовой народно-социалистической партии, 1 не назвал своей партийной принадлежности. Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание. Л., 1976. С. 338—339. Получив всего 22,5% депутатских мандатов, большевики должны были уступить воле народа. Но этого не случилось. Учредительное собрание было разогнано большевиками в 4 часа 40 минут 6 января 1918 года, просуществовав немногим более 12 часов. В советской историографии длительное время существовало мнение, согласно которому в развязывании гражданской войны в стране повинны партии демократической контрреволюции, отвергавшие условия соглашения, диктуемые большевиками. Иную точку зрения выразил писатель Б. Васильев: «Я думаю, — имея в виду разгон Учредительного собрания, — что ночь с 5 на 6 января 1918 года — начало размежевания России и завтрашней гражданской войны, рубеж между Законом и Чрезвычайкой, между Соглашением и Конфронтацией. И дело совсем не в том, можно ли было тогда поступить по-иному, дело в первом применении силы при решении вопросов общенационального политического устройства. Гуманистическая тенденция развития России, начатая бескровной революцией и рассчитанная на духовное и материальное обогащение, отныне была прервана». // Известия. 1989. 18 января. В 1997 г., возвращаясь к теме о гражданской войне, Б. Васильев определял все время советской власти как многогранное противостояние: от «физического взаимного уничтожения до взаимной физиологической ненависти». // Российская газета. 1997. 29 мая. В 1990-х гг. выяснилось, что многие постановления Учредительного собрания были направлены на укрепление власти Советов, а меньшевики и эсеры и после разгона Учредительного собрания были против насильственного свержения большевиков. Журавлев В. В., Симонов Н. С. Причины и последствия разгона Учредительного собрания. // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 6. О реакции Ленина на разгон Учредительного собрания

вспоминал Бухарин: «В ночь разгона Учредительного собрания Владимир Ильич позвал меня к себе. У меня в кармане палто была бутылка хорошего вина, и мы... долго сидели за столом. Под утро Ильич попросил повторить что-то из рассказанного о разгоне Учредилки и вдруг рассмеялся. Смехался он долго, повторял про себя слова рассказчика и все смеялся, смеялся. Вовсю, заразительно, до слез. Хохотал. Мы не сразу поняли, что это истерика. В ту ночь мы боялись, что мы его потеряем». Подобная истерика была у Ленина и после подавления выступления левых эсеров 6 июля 1918 г. Икрамов К. Дело моего отца. // Знамя. 1989. № 5. С. 78. 5 января 1918 г. по улицам Петрограда двинулись к Таврическому дворцу около 60-ти тысяч сторонников Учредительного собрания. На углу Невского и Литейного проспектов демонстрация была обстреляна солдатами: имелись убитые и раненые. // Огонек. 1990. № 11. С. 24. Подробнее об Учредительном собрании см.: Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. С. 164.

²⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 316. Экономист Н. Д. Кондратьев писал: «...на вооруженное насилие деревня, наводненная вернувшимися после стихийной мобилизации армии солдатами, ответила вооруженным сопротивлением и целым рядом восстаний. Вот почему период... до глубокой осени 1918 г. представляется временем кошмарной и кровавой борьбы на полях производящей деревни». Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов. М., 1922. С. 124. В годы гражданской войны начал осуществляться «проект» Ленина по переустройству российского общества, существенными частями которого стали установление диктатуры пролетариата, власть правящей партии, перманентная необходимость врага и т. д. Байрау Д. Большевицкий проект как план и социальная практика. // Ab Imperio. Казань, 2002. № 3. С. 359

³⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 39. С. 127, 156.

³¹ См.: Lewine M. The civil war: dynamics and legacy. Party, state and society in the russian civil war. Indiana University Press, 1989. P. 406; он же. Гражданская война в России: движущие силы и наследие/ История и историки. М., 1990. С. 375. Деятельными были не только красный и белый террор, а также бандитизм и погромы. Только на Украине в 1918—1920 гг. было убито 200 тысяч евреев и еще около миллиона избито и ограблено. Погромы охватили 1300 местечек и городов Украины и

около 200 Белоруссии. Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. М.—Л., 1929. С. 39. В. П. Данилов назвал иные данные: петлюровский террор (его можно назвать черным или желтым) унес 300 тысяч жизней евреев. Такие жертвы ни белые, ни красные не могут принять на свой счет. // Родина. 1990. № 10. С. 15. Вероятно, более точна цифра примерно в 200 тысяч жертв массового геноцида еврейского населения и более 300 тысяч сирот, оставшихся без родителей в результате погромов. Гусев-Оренбургский С. И. Багровая книга. Погромы 1919—1920 гг. на Украине. Харбин, 1922. С. 15; Гаврилов Ю. Трагедия ухода от родины. // Огонек. 1991. № 25. С. 25. Можно утверждать, что именно тогда началась «катастрофа», «холокост» для евреев. И когда вопрошают, кто в этом виновен? — люди, истреблявшие себе подобных из классовой ненависти, тех, кто был неспособен оказать достойное сопротивление. Подобная катастрофа до этого коснулась армян (1915 г.), позже, в советское время, многих народов страны.

³² Коэн С. Переосмысливая советский опыт (политика и история с 1917 года). Вермонт, 1986. С. 47—78; Авторханов А. Ленин в судьбах России. // Новый мир. 1991. № 1; Волкогонов Д. А. Сталинизм: сущность, генезис, эволюция. // Вопросы истории. 1990. № 3; Ципко А. С. Насилие лжи, или Как заблудился призрак. М., 1990; и др. Обвинения современных черносотенных организаций (Молодая гвардия. 1989. № 6, 11) в адрес евреев как виновников революции и террора носят антисемитский характер и были с достаточной полнотой разоблачены на страницах газеты «Известия» (1990. 11, 29 августа). К антисемитским бредням относятся выступления с указанием на Свердлова как организатора гражданской войны, и на него же и Троцкого как инициаторов «рассказывания» (Назаров Г. Я. М. Свердлов: организатор гражданской войны и массовых репрессий. // Молодая гвардия. 1989. № 10; Назаров Г. Дальше... дальше... дальше... к правде. // Москва. 1989. № 12; Литературная газета. 1989. 29 марта. Писатель В. Солоухин возлагает всю вину за террор на Октябрьскую революцию, начавшую, по его словам, уничтожение генетического фонда народа. Родина. 1989. № 10. С. 70. Но генетический фонд народа уничтожался и расстрелами 9 января 1905 г., погромами, гибелью во время бесчисленных войн. Кто может поручиться за то, что среди расстрелянных колчаковцами жителей партизанских деревень не было будущего Ломоносова, а убитых еврей-

ских детей — Эйнштейна? Любой террор незаконен и отвратителен. «Виселицы не помогли Романовым, несмотря на 300-летние корни, — писал Короленко Х. Г. Раковскому 20 марта 1919 г. — В политической борьбе казни вообще недопустимы, а их было уже слишком много. Жестокость заливала всю страну, и все «воюющие» на внутренних фронтах в ней повинны. Вы, большевики, не менее других. Если можно указать на массовые казни, совершаемые добровольцами, петлюровцами, то вам не вычеркнуть из своей истории таких же массовых казней заложников. // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 7—8.

³³ Красные и белые объясняли жестокость обращения ссылками на подобные действия противоположной стороны — новейший тип «кровной мести». 10 января 1939 г. Сталин направил секретарям обкомов партии и начальникам управления НКВД телеграмму: «ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата, и притом в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод». // Известия ЦК КПСС. 1989. №3. С. 145.

³⁴ Д. А. Волкогонов в 1990 году оговаривался: сталинизм возник на извращении марксизма, само учение Ленина в этом не виновато. // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 6. После ознакомления в 1991 г. с неопубликованными 3724 ленинскими документами изменил свое мнение и написал о Ленине как диктаторе, создателе партии ордена, нетерпимом и жестоком, положившем начало правлению террора в стране. Волкогонов Д. С беспощадной решительностью... // Известия. 1992. 22 апреля.

³⁵ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. // Новый мир. 1989. № 9. С. 143; Бжезинский З. Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке. N. Y., 1989. С. 29; Шальнев А. Книга Р. Пайпса о революции в России. // Известия. 1990. 27 ноября; Кеер J. Lenin's Budget: the Smolny re-

rod. Revolution in Russia: Reassessment of 1917. Cambridge, 1992. P. 354; по мнению Анфимова, к массовым репрессиям народы России стал приучать П. А. Столыпин. Анфимов А. М. Тень Столыпина над Россией. // История СССР. 1991. № 4. С. 120. Подробнее об этом: Сахаров А. Н. Новая политизация истории или научный плюрализм? (О некоторых тенденциях в мировой историографии истории России XX в.). / Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 11—21.

³⁶ Конквест Р. Большой террор. Лондон, 1974. С. 16—17. Точку зрения Конквеста разделяет поэт Н. Коржавин: ленинщина — это преступление, совершенное людьми, которые считали исторически необходимым его совершить. Сталинщина — это уголовщина по методам и отношению к жизни. // Известия. 1992. 17 февраля. Иной взгляд у писателя-эмигранта М. А. Алданова. Говоря о смерти Ленина, он замечал: «Верно, половина человечества оплакала его смерть. Надо было бы оплакать рождение. // Собр. соч. М., 1991. Т. 6. С. 446.

³⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ), ф. 2, оп. 2, д. 380, л. 1; В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891—1922. М., 1999. С. 400.

³⁸ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 192—193; В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891—1922. С. 516—519.

³⁹ Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза. Лондон, 1975. С. 265; Legget G. The Cheka: Lenin's political police. Oxford, 1981. P. 102, 119; Ципко А. Хороши ли наши принципы? // Новый мир. 1990. № 4. С. 186—187; Яковлев А. Н. Сумерки. М., 2003. С. 14; и др.

⁴⁰ См.: Фридлянд Ц. Жан-Поль Марат и гражданская война XVIII в. М.—Л., 1934; Kondratieva T. Bolsheviks et Jacobines. Paris, 1989.

⁴¹ «Якобинцы XX века не стали бы гильотинировать капиталистов — подражание хорошему образцу не есть копирование». Ленин В. И. ПСС. Т. 32. С. 307; см.: Олар А. Теория насилия и французская революция. Париж, 1924. С. 18; Молчанов Н. Монтаньяры. М., 1989; Генифе П. Марат — идеолог террора. // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 150—156; и др.

⁴² Робеспьер объявил 5 февраля 1794 г.: «Движущей силой народного правительства в революционный период должны быть одновременно добродетель и террор: добродетель, без

которой террор пагубен, террор, без которого добродетель бес- сильна. Террор — это не что иное, как быстрая, строгая, непре- клонная справедливость, он, следовательно, является эманаци- ей добродетели...» Среди жертв якобинского террора 1792— 1793 гг. дворян менее 9%; крестьян — 28%, рабочих — 30%. Молчанов Н. Статьи // Московские новости. 1989. 16 июля; Литературная газета. 1989. 4 октября. Инструкции о массовых казнях создают психически больные люди. // Известия. 1994. 28 июля; Бовыкин Д. Ю. Революционный террор во Фран- ции XVIII века: новейшие интерпретации. // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 144—149; и др.

⁴³ Подробнее об этом: Янов А. Истоки автократии. // Ок- тябрь. 1991. № 8. С. 150. Страшен кровавый след диктатуры. Несколько утешает сознание их изначальной обреченности.

⁴⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1988. Т. 3. С. 284; Ключевский В. О. Курс русской исто- рии. М., 1988, Т. 2. С. 165. В Уложении Алексея Михайловича (1649 г.) смертная казнь предусматривалась за оскорбление ве- личества, бунт против существующего правительства, измену. Малиновский Н. Кровавая месть и смертные казни. Томск, 1908. Вып. 1—2. С. 177.

⁴⁵ Пайпс Р. Россия при старом режиме. С. 294—295; Гейфман А. Революционный террор в России. 1894—1917. М., 1997. С. 33.

⁴⁶ В марте 1917 г. в США проживало около 3 млн. урожен- цев России, из них 41% евреи, 29% — поляки. По опросам, ев- реи заявили, что покинули Россию навсегда. Тудоряну Н. Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализ- ма. Кишинев, 1989. С. 172. В октябре 1946 г. в спецпоселениях на территории Казахстана, Средней Азии, Урала и Сибири жили без права выезда 2 463 940 чел.; из них — 979 182 детей до 16 лет. Это были чеченцы и ингуши (более 400 тыс. чел.), карачаевцы (60 139), балкарцы (32 817), калмыки (81 672), крымские тата- ры, болгары и греки (почти 200 тыс.), немцы (774 178), турки, курды, хемшины (84 402), истинно православные христиане (1212), солдаты армии Власова (95 386) и др. // История СССР. 1992. № 1. С. 157; всего в 40-х годах в СССР были подвергнуты вынужденному переселению 3 226 340 чел. Бугай Н. Ф. К во- просу о депортации народов СССР в 30—40-х годах. // История СССР. 1989. № 6. С. 135.

⁴⁷ Вряд ли можно согласиться с выводом о том, что левый экстремизм в России исчерпал себя убийством Александра II и, не имея никаких планов реформ, перестал быть силой. Амальрик А. Записки диссидента. М., 1991. С. 38. Эсеров- ские боевики, со столь романтической приподнятостью воспе- тые Б. В. Савинковым в «Воспоминаниях террориста» (Харь- ков, 1926), видели в терроре наилучшую форму политической борьбы против неугодных им представителей властей. Писатель В. Шаламов полагал, что «русские писатели-гуманисты второй половины XIX века несут на душе великий грех человеческой крови, пролитой под их знаменем в XX веке. Все террористы были толстовцы и вегетарианцы, все фанатики — ученики рус- ских гуманистов. Этот грех им не замолить». // Московские но- вости. 1988. 4 декабря. Идеи террора как средство борьбы с самодержавием поддерживала интеллигенция. Дейч Л. Г. Провокаторы и террор: по личным воспоминаниям. Тула, 1927. С. 87. Политический террор оправдал А. Блок. Ссылаясь на журнал «Былое», где был помещен материал об эсере-террорис- те И. П. Каляеве, Блок сочувствовал: революционеры «убива- ют, как истинные герои, с сиянием мученической правды на лице... без малейшей корысти, без малейшей надежды на спасе- ние от пыток, каторги и казни». Блок А. Собр. соч. М. —Л., 1961. Т. 8. С. 276. По мнению Аксельрода, большевики использо- вали для истребления своих врагов теорию Ткачева, оправдыва- ющего практику Нечаева. Нечаев считал, что врагов революции следует уничтожить. К ним он относил: вождей господствую- щих классов, агентов старой власти, инакомыслящих социа- листов и противников своих планов. Аксельрод П. В. Пере- житое и передуманное. Берлин, 1923. Кн. 1. С. 199.

⁴⁸ Цит.: Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом. 1880—1891 гг. Саратов, 1971. С. 67; В. Ф. Антонов, пере- числяя случаи жестокости царских судов, отвечал положитель- но на им же поставленный вопрос: «Спрашивается, можно ли в условиях объявленной войны назвать аморальным применение народовольцами оружия против бешеного белого террора?» Антонов В. Ф. Народничество в России: утопия или отверг- нутые возможности. // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 14.

⁴⁹ История СССР. 1991. № 4. С. 120; в разных изданиях на- зываются различные числа казненных: за вторую половину 1906 г. военно-полевые суды рассмотрели более 1000 дел, 52 че- ловека было оправдано, 85 были лишены свободы, а 950 — каз-

нено. Фалеев Н. И. 6 месяцев военно-полевой юстиции. // Былое. 1907. № 2. С. 80; в России в 1907 г. вынесено 1692 смертных приговора, казнено — 748; в 1908 г. соответственно: 1959 — 782; в 1909 г. — 1435 — 543. Всего казнено 2073 чел. // Социал-демократ. Центр. орг. РСДРП. 1910. 26 февраля. № 11.

⁵⁰ Бердяев Н. А. Народ и классы в русской революции. М., 1917. С. 4. // Новый мир. 1993. № 2. С. 151, 164.

⁵¹ Набоков позже сожалел об этом. То обстоятельство, писал он, что МВД, «все управление, вся полиция осталась совершенно неорганизованной, сыграло очень большую роль в процессе разложения России. Сам большевистский переворот стал возможен потому, что исчезло сознание государственной власти». Набоков В. Временное правительство (воспоминания). М., 1924. С. 40—41. Декларация Временного правительства 3 марта 1917 г. освободила всех политзаключенных, были упразднены полиция и охранка, начато расследование их преступной деятельности, проведена либерализация тюремного законодательства (только после июля 1917 г. стали запирают камеры в тюрьмах и отменили отпуска заключенным). Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М. —Л., 1926. Т. 1—5; Скрипилев С. А. Тюремная политика и тюремное законодательство Временного правительства. М., 1968. 9 марта 1917 г. была отменена смертная казнь в стране, военно-полевые суды, на время войны оставлена военная цензура. 12 июля 1917 г. смертная казнь была введена «за военную и государственную измену, побег к неприятелю, бегство с поля сражения, самовольное оставление своего места во время боя и уклонение от участия в бою». Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. М., 1959. Т. 2. С. 562. Суханов писал: Керенский настоял на введении смертной казни, а возражали те, кто «применял потом массовые казни без суда». Суханов Н. Н. Записки с революции. М., 1992. Т. 1. С. 244. Тогда же МВД получило право закрывать издания, призывающие к неповиновению властям, и даже разрешило «внесудебные аресты». Это выразилось в предоставлении права военным арестовывать лиц, «деятельность которых представляется особенно угрожающей обороне государства и внутренней его безопасности». Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. М., 1960., С. 68. 20 октября 1917 г. правительство оговорило, что

лица, арестованные во внесудебном порядке, должны содержаться не более 5 месяцев. Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания. М., 1962. С. 209. Февральская революция поставила на время точку в истории «Союза русского народа» и иных черносотенных организаций.

⁵² Эндру К., Гордиевский О. КГБ. История внешне-политических операций от Ленина до Горбачева. «Nota Bene», 1992. С. 37; и др.

⁵³ Пайпс Р. Создание однопартийного государства в Советской России (1917—1918). // Минувшее. М., 1991. Т. 4. С. 139; он же. Россия при старом режиме. С. 375. Авторханов полагал причинами сохранения советской империи: а) совершенство военно-полицейского управления, когда каждый житель от рождения до могилы находится под тотальным полицейским надзором; б) систему террора против любого политического инакомыслия; в) установление интересов партии выше интересов народов. Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990. С. 7—8; Кривенький В. В. Новые данные сравнительно-количественного анализа политических партий России. / История национальных политических партий России. М., 1997. С. 126—127.

⁵⁴ Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом. С. 35.

⁵⁵ Цит.: Бонч-Бруевич В. Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1931. С. 191—192.

⁵⁶ Стучка П. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М., 1931. С. 67.

⁵⁷ Н. В. Тимофеев-Ресовский, профессор-генетик, побывав в советском ГУЛАГе, вспоминал: Столыпин «когда-то ввел арестантские вагоны. Теперешние плацкартные и даже жесткие купейные — дерьмо по сравнению со столыпинскими. Там просторные на шесть арестантов в купе. Удобно все, просторно, чисто. Но «столыпины», оставшиеся с дореволюционных времен, населяли так: в купе вталкивалось не шесть, а тридцать шесть. Так что я, например, днями висел, не доставая ногами до пола. Не стоял на полу, а висел... Все эти средневековые какие-то ямы тюремные — это была комфортабельная цивилизованная мура по сравнению со сталинскими лагерями, пересылками и т. д.». // Известия. 1993. 3 апреля.

⁵⁸ Вряд ли можно согласиться с выводом историка Шишкина, отметившего, применительно к восточному региону страны, что белый террор заключался не в отдельных терактах против большевистских лидеров, а в вооруженном свержении советской власти в Поволжье, на Урале, в Сибири, Дальнем Востоке. Белый террор, — утверждал он, — приобрел массовый характер до того, как убийство Урицкого и ранение Ленина стали «последними каплями, переполнившими чашу пролетарского терпения». Ш и ш к и н В. И. Дискуссионные проблемы Октября и гражданской войны. Актуальные проблемы истории Советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 25. Непонятно, почему точкой отсчета для массового белого террора следует полагать свержение советской власти на востоке страны? Ведь подобные случаи происходили и ранее. К ним следует отнести расстрел примерно 500 солдат-двинцев в Московском Кремле в конце октября 1917 г., жертв начавшейся гражданской войны на Дону. Преподаватель английского языка Саратовского университета А. В. Бабин записал в дневнике 22 января 1918 г.: «Раненых красноармейцев разместили в помещениях правительственных винных складов. Они могут лежать только на животах: их спины жестоко исполосованы казачьими нагайками. Многие из них не выживут после экзекуции, устроенной казаками». Дневник русской гражданской войны. Алексис Бабин в Саратове. 1917—1922 гг. // Волга. 1990. № 5. С. 127. К проявлениям террора следует относить убийства не только известных политических деятелей, а и просто обычных людей, таких же жертв творившегося тогда насилия.

⁵⁹ Следствие по делу о покушении на Ленина и об убийстве Кокошкина и Шингарева вел управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич, хотя ВЧК к тому времени была создана. Он указал, что покушавшиеся на Ленина трое офицеров были арестованы, а потом отправлены на фронт против начавших наступление немецких войск. Бонч-Бруевич В. Три покушения на В. И. Ленина. М., 1930. С. 10, 43—44. Обзорная справка об этом покушении на Ленина была составлена сотрудниками НКВД в августе 1936 г. В ней даны показания, взятые из допроса шофера машины Ленина 2 января 1918 г. и арестованного в 1935 г. бывшего подпоручика Г. Г. Ушакова. Шофер, Тарас Гороховик, сообщил, что «стрельба началась при спуске автомобиля с моста на Симеоновскую улицу». Гороховик сказал, что он слышал до 10 выстрелов и что Ф. Платтен был

ранен, спасая голову Ленина. Ушаков ко времени второго ареста работал журналистом в Ойротии и «признался», что вместе с Семеном Казаковым был исполнителем при покушении. Но гранату бросил не в машину, а в Мойку, другие офицеры стали стрелять в машину, но она быстро уехала. Платтен (1882—1942) — швейцарский коммунист, в 30-х годах преподавал немецкий язык в Московском институте иностранных языков, арестован 12 марта 1938 г., умер в лагерном пункте Липово Онежского лагеря. Ушаков был расстрелян в 1936 году. // Центральный архив федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее — ЦА ФСБ РФ). Обзорная справка о покушении на Ленина.

Следствие по делу об убийстве Кокошкина и Шингарева выяснило фактических организаторов преступления: начальника милицейского комиссариата Петрограда П. Михайлова, его подручных П. Куликова и Басова, спровоцировавших группу матросов, солдат и красногвардейцев на злодеяние. И о ф ф е Г. З. Белое дело. С. 246—247.

⁶⁰ С п и р и н Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968. С. 210, 213.

⁶¹ П а й с Р.: «Когда правительство присваивает себе право убивать людей... потому что их смерть необходима, мы вступаем в качественно новую моральную эпоху. И в этом символическое значение событий в Екатеринбурге, случившихся в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.». // Известия. 1990. 27 ноября.

⁶² Авторханов А. Ленин в судьбах России. // Новый мир. 1991. № 1. С. 172.

⁶³ Карр Э. Большевицкая революция. 1917—1923. М., 1990. Т. 1. С. 144.

⁶⁴ М и л ю к о в П. Н. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Париж. 1927. Т. 1. С. 192.

⁶⁵ С т е к л о в Ю. Белый террор. // Известия. 1918. 5 сентября.

⁶⁶ Генерал П. Григоренко вспоминал, как в годы гражданской войны в украинском селе, где он жил, свирепствовали белые и как чекисты расстреливали заложников за несдачу оружия, и замечал: «Но вот феномен. Мы все это слышали. Прошло два года, и уже забыли. Расстрелы белыми первых Советов помним, рассказы о зверствах белых у нас в памяти, а недавний красный террор начисто забыли. Несколько наших односельчан побывали в плену у белых и отдавали шомполов, но голову

принесли домой в целости. И они тоже помнили зверства белых и охотнее рассказывали о белых шомполах, чем о недавних чекистских расстрелах». Григоренко П. Воспоминания. // Звезда. 1990. № 2. С. 195. О подобном рассуждал еще в 20-е годы генерал А. А. фон Лампе: «Когда уходили красные — население с удовольствием подсчитывало, что у него осталось... Когда уходили белые, население со злобой высчитывало, что у него взяли... Красные грозили... взять все и брали часть — население обмануто и... удовлетворено. Белые обещали законность, брали немного — и население было озлоблено». Деникин А. И., фон Лампе А. А. Трагедия белой армии. М., 1991. С. 29.

⁶⁷ Арендт Х. Временный союз черни и элиты. // Иностранная литература. 1990. № 4. С. 244.

⁶⁸ Роман Гуль, участник Ледового похода корниловцев, рассказал о бое под станицей Лешанка на Дону, о том, как отнеслись офицеры к пленным красноармейцам: «Из-за хат ведут человек 50—60 пестро одетых людей, многие в защитном, без шапок, без поясов, головы и руки у всех опущены. Пленные. Их обгоняет подполковник Нешенцев, скачет к нам, остановился — под ним танцует мышиноного цвета кобыла.

—Желающие на расправу! — кричит он.

—Что такое? — думаю я. — Расстрел? Неужели?

Да, я понял: расстрел вот этих 50—60 человек с опущенными головами и руками. Я оглянулся на своих офицеров. Вдруг никто не пойдет, пронеслось у меня. Нет, выходят из рядов. Некоторые смущенно улыбаясь, некоторые с ожесточенными лицами. Вышли человек пятнадцать. Идут к стоящим кучкой незнакомым людям и шелкают затворами. Прошла минута. Долетело: пли!.. Сухой треск выстрелов, крики, стоны... Люди падали друг на друга, а шагов с десяти, плотно вжавшись в винтовку и расставив ноги, по ним стреляли, торопливо шелкая затворами. Упали все. Смолкли стоны. Смолкли выстрелы. Некоторые расстреливавшие отходили. Некоторые добивали прикладами и штыками еще живых. Вот она, гражданская война: то, что мы шли цепью по полю, веселые и радостные чему-то, — это не война... Вот она, подлинная гражданская война... Около меня — кадровый офицер, лицо у него как у побитого. «Ну, если так будем, на нас все встанут», — тихо бормочет он. Расстреливавшие офицеры подошли. Лица у них бледны. У многих бродят неестественные улыбки, будто спрашивают: ну, как после этого вы на нас смотрите?

—А почему я знаю! Может быть, эта сволочь моих близких в Ростове перестреляла! — кричит, отвечая кому-то, расстреливавший офицер.

Построиться! Колонной по отделениям идем в село. Кто-то деланно лихо запеваёт похабную песню, но не подтягивают, и песня обрывается». // Гуль Р. Ледяной поход. М., 1990. С. 53—54. Роман написан в 1920 г.

⁶⁹ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914—1919. М., 1926. С. 156.

⁷⁰ Милюков П. Н. Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 1. С. 188, 192.

⁷¹ Штейнберг И. Нравственный лик революции. Берлин, 1923. С. 18—24.

⁷² Вишняк М. В. Черный год. Париж, 1922. С. 34.

⁷³ Организационный отчет ВЧК за 4 года ее деятельности. М., 1921; В. И. Ленин и ВЧК. Сб. док. (1917—1922 гг.). М., 1975; Красная книга ВЧК. Изд. 2-е. М., 1989. Т. 1—2; Красный террор в годы гражданской войны. (По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков). London, 1992; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. / Док. и материалы. Тамбов, 1994; Левые эсеры и ВЧК. Сб. док. Казань, 1996; Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917—1921 гг. Док. и материалы. М., 1997; Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918—1939. / Док. и материалы в 4 томах. М., 1998. Т. 1; Литвин А. Л. ВЧК в советской исторической литературе // Вопросы истории. 1986. № 5. С. 96—103; он же. The Cheka. // Critical Companion to the Russian Revolution. London, 1997. P. 314—322; Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Леонов С. В. Рождение советской империи: государство и идеология. 1917—1922 гг. М., 1997; Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. М., 1999; Голдин В. И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980—1990-е годы). Архангельск, 2000; и др.

Наиболее спорными оказались суждения о втором издании «Красной книги ВЧК»: от положительной оценки (Правда. 1989. 16 ноября) до отрицательной (Д. Фельдман — Новый мир. 1990. № 8. С. 252—256).

Советская карательная политика. Теория и импровизация. Внесудебные (чрезвычайные) и юридические учреждения. Красный террор

История советской карательной политики исследована недостаточно. Более того, этот термин долгое время был изъят из обихода. Статей под таким названием нет в советских энциклопедиях, в книгах и статьях советских авторов говорилось лишь о правоохранительной политике. Потому оправдывающие все действия советских вождей, особенно в ленинский период, историки и юристы писали о том, что в 1918—1920 гг. устанавливались «важнейшие демократические принципы судостройства и судопроизводства», «укреплялся революционный правопорядок», а ВЧК была «органом государственной безопасности нового, социалистического типа»⁽¹⁾. Другие, сопоставляя российские уголовные кодексы 1845, 1927 и 1960 гг., находили неизменной полицейскую психологию в России, «вне зависимости от природы режима»⁽²⁾. Сторонников тезиса о преемственности репрессивной политики царского и советского правительств поддерживало высказывание Ленина о том, что сопротивление имущих подавлялось «всеми теми средствами, которыми они подавляли пролетариат, — другие средства не изобретены»⁽³⁾.

Разумеется, могут быть разные мнения, хотя руководители юстиции той поры были достаточно циничны и откровенны, открещиваясь от существующих правовых норм, поощряя беспредел — «революционный правопорядок». 16 июня 1918 г. нарком юстиции П. Стучка отменил

все ранее изданные циркуляры о революционных трибуналах и заявил, что эти учреждения «в выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и пр. не связаны никакими ограничениями». Председатель революционного военного трибунала К. Данишевский чуть позже уточнял: «Военные трибуналы не руководствуются и не должны руководствоваться никакими юридическими нормами. Это карающие органы, созданные в процессе напряженной борьбы, которые постановляют свои приговоры, руководствуясь принципом политической целесообразности и правосознанием коммунистов»⁽⁴⁾. Что касается ВЧК, то она имела столь огромные полномочия для своих действий, которых никогда не было ни у полиции, ни у корпуса жандармов.

У Ленина и большевиков не было строго продуманной и осуществляемой по какому-либо заранее разработанному плану карательной политики. Можно говорить о нигилистическом отношении советских властей к принимаемым указам и отметить тенденции к ужесточению наказаний. Большевики, пришедшие к власти, имели опыт разрушения, а не созидания государственных устоев. Они на себе испытали изнанку карательной системы царизма: знали тюрьмы, ссылки, эмиграции, законы, по которым их судили, умели опознавать провокаторов, избегать цензуру... Их долго и постоянно преследовали, приспособили к нелегальным действиям, теперь, получив власть, не желая ее никому отдавать и ни с кем ею делиться, они были готовы к отмщению за пережитое и, обосновывая свою готовность к самопожертвованию, оправдывали склонность к террору важностью приближения мировой революции. Участников первых заседаний большевистского Совнаркома поражала форма их проведения, напоминавшая собрание подпольного революционного комитета⁽⁵⁾.

Большевистский Совнарком во главе с Лениным быстро подчинил себе многопартийный ВЦИК и уже в начале ноября 1917 г. стал органом, объединившим в своих руках исполнительную и законодательную власть⁽⁶⁾. Несколько больше времени понадобилось Совнаркому для реализации декрета от 27 октября 1917 г. о закрытии всех газет, высту-

павших против большевистского правительства. Теперь формирование общественного мнения в стране всецело переходило в их руки. Всякая критика властей была объявлена «контрреволюционной». «Терпеть существование этих газет, — утверждал Ленин, — значит перестать быть социалистом... Мы не можем дать буржуазии клеветать на нас»⁽⁷⁾. В результате к январю 1918 г. было закрыто до 122 оппозиционных газет, к августу 1918 г. еще около 340, т. е. газеты неправительственного направления на советской территории перестали существовать. В принципе террор начинается тогда, когда власти начинают нарушать общепринятые в демократическом обществе права человека. Закрытие меньшевистских газет происходило болезненно, дискуссии на эту тему среди самих большевиков и левых эсеров шли долго, но результат был предопределен: при установлении однопартийной системы в стране оппозиционной прессе не было места⁽⁸⁾.

Отношения с судебной властью у большевиков сложились еще проще. Царские законы, регламентирующие политические преступления, были отменены еще Временным правительством, им же распущены полиция и охранка. Поэтому советские следственные и судебные учреждения власти создавали по своему усмотрению. Декрет Совнаркома о суде 22 ноября 1917 г. устанавливал его принципы — руководствоваться указаниями власти, революционной совестью и революционным правосознанием судей. Декрет устанавливал, что бороться с контрреволюцией будут не выборные суды, а революционные трибуналы с особыми следственными комиссиями⁽⁹⁾. Суды рассматривали в основном уголовные дела. Их деятельность все годы гражданской войны была малоэффективна. Создание судов не прекратило осенью 1917 г. в Петрограде «самосудов» толпы, когда преступника или подозреваемого избивали, убивали или топили в Фонтанке⁽¹⁰⁾. Когда же дело касалось ограбления или разбоя по отношению не к гражданам, а государственным складам, его передавали для рассмотрения более действенному учреждению — ЧК⁽¹¹⁾. Народные суды достаточно либерально относились к уголовным преступлениям, они не приговаривали

к расстрелам или длительным срокам заключения. В январе 1918 г. московские суды приговорили к условному наказанию 13% осужденных, во второй половине года — 40%. В 1920 г. народные суды осудили 582 571 человека, к лишению свободы приговорили 199 182 (из них условно — 79 979), остальных — к мерам наказания, не связанным с лишением свободы⁽¹²⁾. Эти данные свидетельствуют о том, что ужесточение наказания за политические преступления — разгул красного террора осенью 1918 г. — сопровождалось мягкостью наказания за уголовные — увеличение условных приговоров.

Контрреволюция, политические преступления были в ведении территориальных и военных революционных трибуналов, ВЧК. Местные (территориальные) революционные трибуналы по декрету о суде избирались губернскими или городскими Советами в составе председателя и шести очередных заседателей. В «Руководстве для устройства революционных трибуналов», подписанном П. И. Стучкой, указывалось, что «защитниками и обвинителями в революционных трибуналах могут быть все неопороченные граждане»⁽¹³⁾. Компетенции судов, трибуналов и ВЧК, несмотря на различные распоряжения о том, что входит в обязанности каждого из этих учреждений, все годы гражданской войны не соблюдались. Можно говорить о разном уровне террора в центральных городах и на периферии, но жестокость по отношению к арестованным была свойственна многим представителям властей.

Анкетирование 6 ноября 1918 г. 32 революционных трибуналов выявило, что за время функционирования они рассмотрели 12 223 дела. Среди них дела о контрреволюционных выступлениях составили 35%; о спекуляции — 32%; о взяточничестве, подлоге, неправомерном использовании советских документов — 19%; о погромах — 7%; о саботаже — 6%; о шпионаже — 1%.

Самым распространенным видом наказания, применявшимся в течение года революционными трибуналами, было тюремное заключение с принудительными общественными работами. К этому виду наказаний были приговорены 65%

за взяточничество, 60% подсудимых за саботаж, 57% за контрреволюционные выступления, 58% за погромы, к расстрелу — 14 человек (12 — за контрреволюционные выступления и 2 — за преступления по должности). Большинство революционных трибуналов возглавляли рабочие-коммунисты⁽¹⁴⁾. Постановлением ВЦИК от 18 июня 1918 г. были утверждены: председатель ревтрибунала при ВЦИК Медведев; следственный отдел трибунала — Розмирович, Кингисепп, Диасперов; обвинительная комиссия — Крыленко, Чикколини, Могилевский, одновременно ревтрибуналам предоставлялось право применения любой меры наказания. После этого расстрел стал постоянной практикой ревтрибуналов⁽¹⁵⁾. Ленин убеждал: «Не было ни одной революции и эпохи гражданской войны, в которых не было бы расстрелов»⁽¹⁶⁾.

На протяжении гражданской войны состав и функции ревтрибуналов изменялись. С весны 1919 г. их возглавляли политические работники, а еще через год в подсудность ревтрибуналов вошли: контрреволюционные деяния, дела о крупной спекуляции, должностные преступления, дезертирство. В 1919 г. 13 ревтрибуналов осудили 2321 человека, из них 17% к расстрелу; в 1920 г. ревтрибуналы рассмотрели 23 447 дел, из них в первом полугодии были присуждены к расстрелу 11% осужденных, во втором — 7%. Цифры эти условны, так как точной статистики не обнаружено. Можно лишь констатировать, что ревтрибуналы были чрезвычайными судебными органами, решения которых можно было обжаловать подачей кассаций в специальные отделы при ВЦИК. В кассационный трибунал входили: П. А. Красиков, член коллегии НКЮ — председатель; К. Х. Данишевский — председатель ревтрибунала республики; И. К. Ксенофонов — заместитель председателя ВЧК. Результативность подаваемых кассационных жалоб была невелика. В 1919 г. кассационный трибунал рассмотрел 39 жалоб священнослужителей, приговоренных к расстрелу. Из них 36 приговоров были подтверждены. В 1920 г. было рассмотрено 704 смертных приговора, из них 556 утверждены⁽¹⁷⁾.

В конце 1917 года петроградский революционный три-

бунал был весьма либерально настроен к своим первым подсудимым графине С. В. Паниной и монархисту В. М. Пуришкевичу. Панина была освобождена после денежного залога, а Пуришкевич приговорен к условному наказанию и вскоре амнистирован⁽¹⁸⁾. Затем ситуация изменилась. Пример незаконной расправы продемонстрировал революционный трибунал при ВЦИК, когда 21 июня 1918 г. вынес смертный приговор командующему Балтийским флотом капитану А. М. Щастному (1881—1918). Он был арестован по приказу Троцкого, наркомвоен был единственным свидетелем при рассмотрении дела. Высший в республике трибунал был создан для рассмотрения дел особой важности. Зачем же понадобилось Троцкому суровое осуждение популярного на флоте капитана и необычайно быстрое завершение процесса с нарушением прав арестованного на защиту?

Дело Пуришкевича и 13 его сообщников, обвиненных петроградским ревтрибуналом в «монархическом заговоре» (22 декабря 1917 г. — 3 января 1918 г.), стало, наверное, первым политическим процессом, который завершился для явных противников большевиков благополучно — через два с половиной месяца все оказались на свободе. Почему же Щастный, заявивший и своими действиями подтвердивший лояльность советским властям, был расстрелян и стал первым из осужденных к высшей мере наказания на политическом процессе?

Следственное дело по обвинению Щастного не опубликовано, но известно исследователям. Обвинительное заключение, наполненное грозными инсинуациями в адрес «готовившего контрреволюционный государственный переворот» капитана, не подтверждено документально, как, впрочем, и обвинительная речь Троцкого⁽¹⁹⁾. Поэтому ответить на поставленные вопросы можно лишь предположительно. В конце февраля 1918 г. в связи с захватом германскими войсками Ревеля (Таллина) базировавшиеся там военные суда с большим трудом перешли в Гельсингфорс (Хельсинки), оттуда в Кронштадт, в труднейших ледовых условиях 236 кораблей Балтийского флота привел капитан Щастный. Его называли человеком, спасшим Балтфлот. Его

стали называть адмиралом⁽²⁰⁾. Возможно, Балтийский флот ожидала участь затопленного по приказу Ленина Черноморского флота под Новороссийском (июнь 1918 г.). Ведь в обвинительном заключении говорилось, что Щастный, «воспользовавшись тяжким и тревожным состоянием флота, в связи с возможной необходимостью, в интересах революции, уничтожения его и кронштадтских крепостей», тем, что он имел «явно подложные» документы об имеющемся у советской власти секретном соглашении с немецким командованием об уничтожении флота или о сдаче его немцам, вел «контрреволюционную агитацию». Эти документы у него при обыске изъяли. В этом и была его вина: флот нужно было потопить, а он его спас, тайное соглашение нарушил, а потому и был быстро расстрелян, ибо секреты знать можно, раскрывать нельзя...

Дело Щастного создало опасный прецедент: в последующие политические процессы столь же решительно пресекались всякие потенциальные посяательства на действия вождей или их существование. Конечно, тогда грозили расстрелом за любой проступок, ибо полагали это ключевым решением многих проблем. Ленин предлагал расстреливать за ложный донос. Троцкий был убежден, что армию нельзя строить без репрессий. «Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока гордые своей техникой, злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армии и воевать, командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади». Троцкий понимал, что расстрелы без суда и следствия в армии вызывали естественное недовольство, а потому писал в реввоенсовет 2-й армии, что все-таки расстрелы без разбирательства в трибунале и судебного приговора следует прекращать⁽²¹⁾. Но сколько было расстрелов до этого письма и насколько письмо было принято к сведению — сказать трудно.

В последние годы пересмотр многих решений ревтрибуналов с реабилитацией безвинно погибших людей в связи с отсутствием в их действиях состава преступления свидетельствует не столько о некомпетентности судей, сколько об их

политизации, граничащей с произволом. Мало чем отличались от них в своей деятельности созданные летом 1918 г. революционные военные трибуналы в бригадах, дивизиях, армиях и фронтах. 14 октября 1918 г. был создан военный революционный трибунал республики в составе К. Данишевского (председатель), С. Аралова и К. Мехоношина (члены). Высший военный ревтрибунал функционировал при реввоенсовете республики, т. е. находился в подчинении Троцкого. По существу, это были «тройки», судившие военнослужащих за контрреволюцию, спекуляцию, должностные преступления, дезертирство, вооруженные грабежи и т. д. Диапазон их решений был широк: от штрафа до расстрела. Ревтрибуналы действовали в железнодорожных частях и войсках внутренней охраны (ВОХР). С работы в революционных трибуналах начал свою деятельность известный палач-судья в 30—40-х годах — В. Ульрих. Из наиболее знаменитых жертв революционных военных трибуналов — командир конного корпуса Б. Думенко, командующий 2-й конной армией Ф. Миронов и многие другие. Особенно многочисленны были расстрелы за самовольный уход бойцов с позиции или нежелание идти на фронт, дезертирство.

Введение с осени 1918 г. политики военного коммунизма с его тотальной регламентацией всей общественно-хозяйственной жизни, провозглашение насилия универсальным методом решения всех проблем, реализация большевистской политики красного террора, естественно, вызвали ужесточение приговоров ревтрибуналов. Эта тенденция поощрялась властями.

Из первого приказа наркомвоенмора на пути к Свяжску (август 1918 г.): «Борьба с чехо-белогвардейцами тянется слишком долго. Неряшливость и небрежность и малодушие в наших собственных рядах являются лучшими союзниками наших врагов... Предупреждаю, что врагам народа, агентам иностранного империализма и наемникам буржуазии пощады не будет. В поезде Народного Комиссара по военным делам, где пишется этот приказ, заседает Военно-революционный трибунал в составе тов. Смидовича, председателя Московского Совета Раб. и Крестьянских депутатов, тов.

Гусева, представителя Народного Комиссариата по военным делам, и тов. Жизмунда, представителя Нар. Ком. путей сообщения... Назначенный мною начальник обороны железнодорожного пути Москва—Казань тов. Каменщиков распорядился о создании в Муроме, Арзамасе и Свияжске концентрационных лагерей, куда будут заключаться темные агитаторы, контрреволюционные офицеры, саботажники, паразиты, спекулянты... Советская республика в опасности! Горе тем, которые прямо или косвенно увеличивают эту опасность!»⁽²²⁾

В Свияжске, готовясь к штурму Казани, занятой чехословацкими легионерами и народоармейцами, защищавшими идею передачи власти Учредительному собранию, Троцкий 14 августа 1918 г. предупреждал: «Если какая-нибудь часть отступит самовольно, первым будет расстрелян комиссар части, вторым — командир. Труссы, шкурники и предатели не уйдут от пули. За это я ручаюсь перед лицом всей Красной Армии»⁽²³⁾. Позже, по предложению Троцкого, стали освобождать арестованных офицеров, согласных служить в Красной Армии, взяв у них подписку, что их семьи — заложники в случае их измены; были введены заградительные отряды. В Свияжске была тогда осуществлена и первая децимация (расстрел каждого десятого) в Красной Армии. Военно-революционный трибунал решил тогда провести эту акцию в отношении бежавших с позиции бойцов питерского рабочего полка. В результате взвод матросов расстрелял 27 красноармейцев, командира и комиссара⁽²⁴⁾. Позже децимации практиковались и в Красной, и Белой армиях. Сталин в Царицыне летом 1918 г. поступил с жизнью людей проще и так же преступно: создал на барже плавучую тюрьму. Арестованных военспецов расстреливали и топили. Пользуясь полномочиями, полученными от Ленина, он развернул такую вакханалию террора, что похоронная команда чекистов не успевала закапывать жертвы расстрельной команды. Ленин позже признал, что ему пришлось урезонивать Сталина. «Когда Сталин расстреливал в Царицыне, — говорил Ленин, — я думал, что это ошибка, думал, что расстреливают неправильно. Моя ошибка раскрылась, я ведь

телеграфировал: «Будьте осторожны»⁽²⁵⁾. Ленин деликатно телеграфировал, а жизнь жертв произвола вернуть невозможно... Страшно, когда ошибочные решения реализуются и никто не несет ответственности.

Число территориальных и военных трибуналов в 1918—1920 гг. менялось. Это было связано с обстоятельствами и упразднением или воссозданием новых. Учитывая, что в разное время существовали уездные, губернские, различные ведомственные трибуналы, то их количество доходило до нескольких сот⁽²⁶⁾. В 1919 г. были учреждены летучие ревтрибуналы, судившие дезертиров на месте, без какого-либо расследования. За 7 месяцев 1919 г. было осуждено около 95 тысяч дезертиров, из них 600 расстреляны. Выездная сессия ревтрибунала 1-й Конной армии приговорила к расстрелу в ноябре 1920 г. 142 бойца 6-й кавдивизии за бандитизм. В 1920 г. реввоен трибуналы рассмотрели дела 106 966 человек, из них были расстреляны 5757 (5,4%). В 1920 г. 26 трибуналов из общего числа принятых к производству дел квалифицировали 12% за контрреволюцию, 29% — за преступления по должности. Военные трибуналы рассмотрели 13% политических дел. 26 губернских трибуналов приговорили тогда к расстрелу 4% осужденных⁽²⁷⁾.

Не было ни одного трибунала, который бы не расстреливал. Потому даже приблизительное число осужденных к высшей мере наказания этими чрезвычайными судилищами исчисляется тысячами в месяц. Попытка юристов оправдать тогдашнее правосознание судей, видеть в нем не произвол, а применение норм, «уже сложившихся, но еще не сформулированных в законе»⁽²⁸⁾, — не выдерживает критики. Когда довлел примат революционной целесообразности, а приговор принимался по «велению революционной совести», можно говорить лишь о вольном применении права на расстрел с одной установившейся нормой: «врагов народа» — к стенке. Эта норма поощрялась. Ее пропагандировало большевистское руководство, полагая свою вседозволенность правилом для других.

Как правило, произвол по отношению к гражданам страны насаждался сверху. Об этом свидетельствует множе-

ство фактов. Назовем лишь некоторые из них. 28 ноября 1917 г. Совет народных комиссаров утвердил написанный Лениным декрет об аресте лидеров гражданской войны. Таковыми провозглашались руководители партии кадетов. Тогда же вся партия кадетов была объявлена партией врагов народа. Протесты в Совнаркоме и ВЦИК против признания всех членов партии кадетов «врагами» не возымели действия. ВЦИК поддержал предложение Ленина 150 голосами против 98. 3 июня 1918 г. Ленин предлагал председателю ЧК Бакинской коммуны С. М. Тер-Габриеляну (1886—1937) в случае угрозы захвата города британскими или турецкими войсками «все подготовить для сожжения Баку полностью». В начале сентября 1918 г. Ленин выражал Троцкому удивление и тревогу в связи с замедлением операции против Казани. «По-моему, нельзя жалеть города, — телеграфировал Ленин, — и откладывать дольше, ибо необходимо беспощадное истребление, раз только верно, что Казань в железном кольце». 28 февраля 1920 г. Ленин телеграфировал в реввоенсовет Кавказского фронта И. Смилге и С. Орджоникидзе: «Нам до зарезу нужна нефть. Обдумайте манифест населению, что мы перережем всех, если сожгут и испортят нефть и нефтяные промыслы, и наоборот даруем жизнь всем, если Майкоп и в особенности Грозный передадут в целости»⁽²⁹⁾. Военные обстоятельства сложились так, что тяжких последствий для населения названных городов свирепые ленинские указания не имели. Английский отряд вошел в Баку 4 августа 1918 г., когда местные коммунары просто не обладали возможностями что-либо предпринять; Казань была взята красными через день после получения телеграммы председателя Совнаркома, и надобность в «беспощадном истреблении» отпала. В марте 1920 г. советским стал Грозный.

У Ленина необычайно часто в лексиконе тех лет присутствовало слово «расстрел». Он грозил расстрелом бывшим капиталистам и помещикам, интеллигенции, казакам и кулакам, политическим партиям и их лидерам, тем, кто был с ним не согласен из его окружения, священнослужителям.

Именно эти слои населения понесли наибольшие потери от красного террора⁽³⁰⁾.

Вожди призывали к жертвенности во имя диктатуры пролетариата и мировой революции. Их беспощадные призывы находили жестокое претворение в решениях чрезвычайных судилищ. Особенно это касалось тех участков фронта или регионов, где сопротивление большевикам угрожало их существованию. Во время успешного наступления войск Деникина, 26 ноября 1918 г., ЦК РКП(б) постановил: «Красный террор сейчас обязателен, чем где бы то ни было и когда бы то ни было, на Южном фронте — не только против прямых изменников и саботажников, но и против всех трусов, шкурников, попустителей и укрывателей. Ни одно преступление против дисциплины и революционного воинского духа не должно оставаться безнаказанным...»⁽³¹⁾ Реввоен трибуналы, по сути, стали применять только расстрелы за дезертирство, неподчинение приказу и т. д.

Разумеется, когда взаимоотношения карательных органов (ревтрибуналов, ЧК, милиции и юридических учреждений) не были строго регламентированы, возникали бесконечные споры на тему: кто главнее? В них, как правило, побеждали чекисты, всецело поддерживаемые Лениным.

В декабре 1918 г. М. Ю. Козловский, член коллегии Наркомата юстиции РСФСР, писал Ленину, что посылает 8 дел из ВЧК, из коих можно убедиться, «как ведутся дела в ВЧК, с каким легким багажом отправляют там в «лучший мир». Козловский приводил примеры подобных дел: расстрел жены белогвардейца, активного монархиста, за кражу ржи и т. д. Сергееву расстреляли за участие в работе организации Савинкова. Она заявила, что призналась в этом под угрозой расстрела. Когда Козловский спросил, где этот следователь, ему ответили, что он расстрелян как провокатор. Никаких данных о сотрудничестве Сергеевой с Савинковым и его организацией в деле нет. На заседании коллегии ВЧК 17 декабря 1918 г. обсуждалось письмо-протест Козловского. Решили, что Козловский не имел права вмешиваться в дела ВЧК, потребовать от него доказательств о 50% невинно расстрелянных ВЧК, внести по этому поводу про-

тест в ЦК партии, «считать действия его совершенно недопустимыми и вносящими полную дезорганизацию в работу ВЧК». По предложению Дзержинского коллегия ВЧК потребовала полного доверия ЦК РКП(б) к своим действиям и заявила о недопуске контроля своей деятельности со стороны Наркомюста. В ответ на это Козловский, заявив, что его протест поддержан коллегией Наркомюста, вновь писал Ленину 19 декабря 1918 г., что им опротестованы как незаконные 16 расстрелов из 17, осуществленные ВЧК. Ленин согласился с Дзержинским⁽³²⁾.

Неограниченная власть, находившаяся в руках ВЧК, право брать заложников, вести розыск и следствие, выносить приговоры и приводить их в исполнение вызывали несогласие многих ведомств и организаций. В 1918—1920 гг. было несколько случаев, когда какое-либо из названных прав ВЧК передавалось ревтрибуналам. Но через какое-то время все права вновь возвращались чекистам. В конце декабря 1918 г. — начале 1919 г. эта проблема обсуждалась в печати и на партийных собраниях. Н. В. Крыленко, выступивший за ограничение прав ВЧК, на московской общегородской конференции РКП(б) 30 января 1919 г. говорил о необходимости «уничтожить принципы безгласности и бесконтрольности в работе ЧК». Дзержинский в ответ Крыленко обосновал методы работы ВЧК тем, что «там, где пролетариат применил массовый террор, там мы не встречаем предательства», «право расстрела для ЧК чрезвычайно важно». Дзержинского поддержали сотрудники ВЧК Я. Х. Петерс и Г. С. Мороз, Крыленко — советские работники, члены ревтрибуналов. Суть спора выразил в заключение Крыленко, сказав, что нельзя допустить, «будто чекисты являются монополистами спасения революции». Это была дискуссия не по правовым вопросам, а о том, кто «нужнее» революции, тому больше власти, финансирование и т. д. Собрание приняло резолюцию, предложенную Крыленко, по которой судебные решения имели право принимать только ревтрибуналы, а за ВЧК оставалась «роль розыскных боевых органов по предупреждению и пресечению преступлений». Постановление ВЦИК 17 февраля 1919 г. оставило ВЧК право

выносить приговоры в местностях, объявленных на военном положении, для пресечения контрреволюционных и иных выступлений⁽³³⁾.

На местах, в отличие от дискуссий в московских газетах, чаще наблюдалась совместная работа чекистов и трибунальцев, общие мотивы их преступлений по должности⁽³⁴⁾. Они все вместе осуществляли «террор среды» в борьбе с тем, что они полагали «контрреволюцией». Для этих учреждений террор был обыденным делом, собственно, для его проведения они и были созданы. Советские юристы отмечали, что революционные военные трибуналы возникали вопреки решению Наркомата юстиции, их появление явилось творчеством военного ведомства, а не законодательных актов. У них были чрезвычайные полномочия, и даже тогда, когда в начале 1920 г. была временно приостановлена смертная казнь по приговорам ВЧК, военные трибуналы этим правом пользовались (в 1920 г. военные трибуналы приговорили к расстрелу 5757 чел. — 5,4% от общего числа осужденных)⁽³⁵⁾.

ВЧК и ревтрибуналы, особенно при проведении массового террора, опирались на многочисленные силовые структуры Советского государства. Все они специальными приказами вынуждены были участвовать в карательных акциях. Осенью 1918 г. член коллегии Наркомата внутренних дел РСФСР В. Тихомирнов и начальник управления милиции А. Дижбит в приказе № 3 осуждали тех милиционеров, которые заявляли о своей нейтральности к контрреволюционным выступлениям, полагая своей обязанностью только защиту личной и имущественной безопасности граждан. «На советской милиции, — писали эти руководители, — как первейшая обязанность лежит охрана прав рабочего класса и беднейшего крестьянства. Для советской милиции спекулянт, мешочник, всякое лицо, нарушающее распоряжения центральной или местной власти о твердых ценах, правила распределения между гражданами продуктов и товаров — большой преступник, чем преступник и вор обыкновенный». С мест докладывали, что этот приказ стал выполняться, когда в милицию пришли коммунисты⁽³⁶⁾. Милиционе-

ры участвовали в арестах подозреваемых, подавлении крестьянских выступлений, реквизиции хлеба и т. д.

Для ликвидации крупных антибольшевистских крестьянских, рабочих, солдатских и матросских выступлений использовались части Красной Армии, внутренние войска (ВОХР), части особого назначения (ЧОН), продовольственные отряды и продовольственная армия. Внутренние войска были созданы постановлением совета рабоче-крестьянской обороны 28 мая 1919 г. Они объединили красноармейские отряды, состоявшие до этого в ведении Наркомпрода, Главвода, Главсахара, Главнефти и прочих ведомств, за исключением войск железнодорожной и пограничной охраны. Общая численность этих войск устанавливалась в 120 тысяч человек⁽³⁷⁾. Продовольственные отряды и продовольственные армии действовали в сельских районах страны. Их численность колебалась от 23 201 бойца в октябре 1918 г. до 62 043 человек к декабрю 1920 г.⁽³⁸⁾ Части особого назначения — военно-партийные отряды — создавались на основании постановления ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 г. для борьбы с контрреволюцией из коммунистов, комсомольцев и рабочих активистов. В декабре 1921 г. в ЧОН числилось кадрового состава 39 673 чел. и переменного — 323 372 чел.⁽³⁹⁾

Но главным проводником террора была ВЧК, руководителем политики его осуществления — большевистское руководство. ЦК РКП(б) в послании чекистам сообщал: «Необходимость особого органа беспощадной расправы признавалась всей нашей партией сверху донизу. Наша партия возложила эту задачу на ВЧК, снабдив ее чрезвычайными полномочиями и поставив ее в непосредственную связь с партийным центром». Лацис подчеркивал, что ВЧК создавалась «главным образом как орган коммунистической партии», Ленин полагал, что каждый коммунист должен быть чекистом и что во главе местных ЧК должны быть члены партии с двухлетним стажем⁽⁴⁰⁾.

Всероссийская чрезвычайная комиссия при СНК РСФСР по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности (ВЧК) была создана 7(20) декабря 1917 г. по инициативе Ленина. Председателем ее стал

Ф. Э. Дзержинский⁽⁴¹⁾, сотрудниками в разное время были видные советские государственные и партийные деятели. Большинство сподвижников Ленина считали формирование ВЧК естественным и необходимым для защиты революции и осуществления диктатуры пролетариата. Историк-большевик М. Н. Покровский обосновал это так: марксисты планировали «буржуазную реакцию» на захват власти. «При этом рисовалась картина сопротивления сравнительно тонкого слоя, сильного не численностью, а накопленными богатствами, частью умело спрятанными, да поддержкой буржуазии других стран... Рисовалась, значит, такая картина: с одной стороны — масса, борющаяся за революцию, с другой стороны — кучки реакционеров. Что и на стороне реакции может оказаться тоже масса, это не то чтобы совсем не учитывалось, но, несомненно, оставалось вне поля ясного сознания»⁽⁴²⁾. Вот эта сопротивляющаяся большевикам масса и вызвала появление учреждения, не стесненного в своих действиях никакими законами. Этого объяснения властей придерживался Ленин, когда «логикой борьбы и сопротивлением буржуазии» обосновывал «самые крайние», «самые отчаянные, ни с чем не считающиеся приемы гражданской войны». И успокаивал, что там, где не будет такого бешеного сопротивления буржуазии, не будет того насилия и кровавого пути, «который нам навязали господа Керенские и империалисты»⁽⁴³⁾. Эта скорее пропагандистская, самооправдывающая точка зрения не может быть принята, так же как и противоположная, согласно которой красный террор и введение военного коммунизма были «сопряжены не столько с реальными условиями тех или иных моментов в истории страны, сколько с самой идеологией ленинизма, с первородным грехом большевизма»⁽⁴⁴⁾.

Действительность была намного сложнее: часто необходимость вооруженной расправы с населением провоцировалась властями большевистской ориентации, иногда подобное диктовалось логикой гражданской войны, но главным оставался ленинский принцип удержания захваченной власти любыми средствами, в том числе и созданием учреждений, свободных в своих действиях от нравственности и об-

щечеловеческой морали. Такие учреждения тогда назывались «чрезвычайками»⁽⁴⁵⁾.

В момент своего создания ВЧК была однопартийным, большевистским учреждением. С 7 января по 6 июля 1918 г. в составе ВЧК занимали ответственные посты представители партии левых эсеров. Опубликованные документы и воспоминания чекистов рисуют довольно благостную картину деятельности ВЧК на начальном этапе, до переезда правительства в Москву из Петрограда в начале марта 1918 года.

На ВЧК в декабре 1917 г. возлагались задачи: выработка мер по борьбе с саботажем и контрреволюцией; предание виновных суду революционного трибунала и ведение предварительного расследования. Дзержинский тогда среди мер борьбы называл конфискацию имущества арестованных, выдворение, лишение продовольственных карточек, публикацию списков врагов народа. Первоначально аппарат ВЧК состоял из трех основных отделов: информационного (сбор политической и оперативной информации), организационного (организация борьбы с контрреволюцией), отдела борьбы (непосредственно борьба с контрреволюционерами и саботажниками). Но уже через несколько дней, 11(24) декабря 1917 г., в ВЧК был создан отдел по борьбе со спекуляцией, 18 марта 1918 г. организационный отдел был преобразован в иногородний, 20 марта создан отдел по борьбе с преступлениями по должности. Количество сотрудников было незначительным: в Петрограде — 23 человека, к марту 1918 г. в Москве — 120 чел⁽⁴⁶⁾. Эти цифры условны, так как постановлением Совнаркома 14 января 1918 г. было разрешено ВЧК и ее местным подразделениям формировать для своих нужд внутренние отряды. Эти отряды в июне 1918 г. были влиты в корпуса войск ВЧК — 35 батальонов (до 40 тыс. бойцов), размещенных в центральных губерниях европейской части России⁽⁴⁷⁾. В апреле 1918 г. отряд ВЧК в Москве состоял из 5 рот по 125 бойцов в каждой.

ВЧК создавалась как элитная организация: большинство — коммунисты, практически безграничная власть над людьми, повышенные оклады (зарплата члена коллегии ВЧК — 500 рублей — равнялась окладу наркомов, рядовые

чекисты в феврале 1918 г. получали 400 рублей в месяц; для сравнения: оклад красноармейца в то же время — 150 р. в месяц, семейного — 250 р.), пайки продовольствием и промышленными товарами, бесплатное обмундирование. Привилегии отрабатывались. Многие чекисты стали палачами, исполнителями партийно-номенклатурной воли.

В радикальном перевороте в России на начальном этапе формирования режима приняли участие и левые эсеры. Они не только вошли в состав Совнаркома в начале декабря 1917 г., но и были, наряду с большевиками, создателями ВЧК и ее местных комиссий. Более того, их представители оставались в ВЧК вплоть до 6 июля 1918 г., хотя Совнарком левые эсеры покинули после подписания Лениным Брестского мирного договора с Германией (март 1918 г.)⁽⁴⁸⁾. В начале июля 1918 г. из 21 члена коллегии ВЧК — 7 левых эсеров.

Формально ВЧК подчинялась только Совнаркому, но о действиях, имеющих важное политическое значение, должна была сообщать в народные комиссариаты юстиции и внутренних дел. Эти обязательства не соблюдались. Контролировали деятельность ВЧК лично Ленин и ЦК РКП(б), на местах губкомы большевистской партии. В апреле 1920 г. оргбюро ЦК поручило Дзержинскому подготовить письмо, по которому председатель губЧК должен быть членом губкома партии. С сентября 1918 г. по 1920 г. вопросы, связанные с деятельностью ВЧК, рассматривались на 25 заседаниях ЦК РКП(б)⁽⁴⁹⁾.

Призывы ВЧК в конце 1917— начале 1918 г. создать чрезвычайные комиссии при губернских советах не увенчались успехом. Однако постановление ВЧК 18 марта 1918 г. с приказом всем советам организовать с одинаковым названием чрезвычайные комиссии для борьбы с контрреволюцией, спекуляцией и злоупотреблениями по должности вызвало их создание в ряде губернских городов. «Известия ВЦИК» сообщали 28 августа 1918 г. о функционировании 38 губернских и 75 уездных ЧК. К концу 1918 г. число уездных ЧК возросло до 365. Штатное расписание предусматрива-

ло в составе губернского ЧК 84 человека, уездного — 28. При чем при уездной ЧК формировалась рота в 188 человек⁽⁵⁰⁾.

Всероссийская перепись в августе 1918 г. выявила следующий партийный состав сотрудников центральных наркоматов: в ВЧК 781 сотрудник, из них 408 (52,2%) коммунистов, больше, чем во всех других наркоматах, 115 сочувствующих коммунистам, остальные беспартийные, социал-демократ (интернационалист), 2 левых эсера, не согласных с ЦК своей партии. В ВЧК работало 291 (37,3%) коммунист с дореволюционным стажем, 40 — после 25 октября 1917 г., 32 — после 1 января 1918 г., 23 — после 10 марта 1918 г., 33 — после 6 июля 1918 г. По социальному составу в ВЧК было 83 рабочих (10,6%), 296 служащих (38%), 287 военнослужащих (36,7%) и др. Пришли в ВЧК 287 человек из армии и флота, 99 — из советских учреждений, 83 — с фабрик, 14 — с партработы, 6 — с профсоюзной работы, 13 — из милиции и Красной гвардии. Это были: 33 руководителя высшего типа, 96 руководителей среднего и низшего звена, 11 специалистов, 116 служащих, 225 — вспомогательный персонал, 143 — сотрудники, 157 — в боевых отрядах. По рекомендации Ленина, ЦК, ВЦИК и СНК в ВЧК работало 28 человек (3,6%), по рекомендации известных деятелей партии и правительства — 48 человек (6,1%), членов или организаций РКП(б) — 180 человек (23%), советских учреждений — 346 (44,3%), профсоюзов — 18 человек (2,3%), заводов — 3 человека (0,4%), воинских подразделений — 81 человек (10,4%). Среди других наркоматов ВЧК занимала первое место по процентному соотношению работавших в них коммунистов, особенно с дореволюционным стажем, второе место после наркомнаца по числу рекомендованных ЦК и ВЦИК и последнее место по числу служивших в ней специалистов из дореволюционных учреждений, всего два человека. Одним из них был бывший шеф отдельного корпуса жандармов генерал В. Ф. Джунковский (1865—1938). В 1921 г. он консультировал Дзержинского при разработке советской паспортной системы.

На вопрос, данный при опросе анкеты — удовлетворены ли вы работой в ВЧК в идейном отношении, 587 чекистов

(75,1%) ответили утвердительно, 88 (11,3%) — отрицательно, остальные от ответа воздержались⁽⁵¹⁾. Эти данные за время преобразования ВЧК изменились: в 1923 г. в личном составе ОГПУ было 50,84% коммунистов, в 1924 г. среди занимавших должности от заместителя начальника отделения и выше дореволюционный большевистский стаж имели 45,1% сотрудников; с 1918 г. — 28,1%; с 1919 г. — 17%, т. е. число коммунистов в процентном соотношении к составу и в ОГПУ продолжало оставаться наивысшим по сравнению с другими ведомствами.

В 1921 г. в ВЧК служило 77,3% — русских; 9,1% — евреев; 3,5% — латышей; 1,7% — поляков; 3,1% — украинцев; 0,5% — белорусов; 0,5% — мусульман; 0,2% — армян; 0,1% — грузин; 315 немцев, 1 француз, 2 англичанина, 3 шведа, 46 финнов, 25 чехов, 13 китайцев. Среди чекистов той поры высшее образование имели 513 человек (1,03%), большинство — 28 647 (57,3%) ограничивалось начальным. По служебным характеристикам только каждый четвертый чекист работал хорошо и отлично, основная масса — 55,8% — относилась к службе удовлетворительно, а 1092 человека (6,1%) — плохо⁽⁵²⁾. К концу 1920 г. в стране функционировало 86 областных и республиканских ЧК, 16 особых отделов, 508 уездных ЧК⁽⁵³⁾.

Рост сети чекистских учреждений — территориальных, военных, транспортных, их непрерывное финансирование, предоставление всевозможных прав с очевидностью доказывали, что большевики ради удержания власти сделали ставку на силу, террор и страх. Главным орудием, исполнителем стала ВЧК. «Для нас важно, — утверждал Ленин, — что ЧК осуществляет непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неопределима»⁽⁵⁴⁾. ЧК было предоставлено право арестовывать, вести следствие и приводить приговор в исполнение. Лацис признавал, что это был «орган... пользующийся в своей борьбе приемами и следственных комиссий, и судов, и трибуналов, и военных сил»⁽⁵⁵⁾.

Постановления ЦК РКП(б) и Совнаркома быстро превратили ВЧК в главный орган специальной системы организованного насилия, создав для этого декретно-законода-

тельное обоснование. II Всероссийский съезд Советов (25 октября 1917 г.) отменил смертную казнь в стране. Казалось бы, вновь ввести ее может только съезд. Но III съезд Советов (январь 1918 г.) этого вопроса не обсуждал, лишь встретил аплодисментами заявление Ленина о том, что «ни один еще вопрос классовой борьбы не решался в истории иначе, как насильем»⁽⁵⁶⁾. Но еще до этого, сразу после первого покушения на Ленина, «Правда» в редакционной статье 3 января 1918 г. предупреждала: «Если они будут пытаться истреблять рабочих вождей, они будут беспощадно истреблены сами. Все рабочие, все солдаты, все сознательные крестьяне скажут тогда: да здравствует красный террор против наймитов буржуазии... За каждую нашу голову — сотня ваших!» Начавшееся в середине февраля 1918 г. германское наступление на Петроград создало чрезвычайную ситуацию, которой не преминули воспользоваться Ленин и Троцкий для введения в стране внесудебной смертной казни. Право ее проведения было предоставлено ВЧК.

21 февраля 1918 г. Совнарком утвердил декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности!», написанное Троцким по поручению Ленина. На его основании ВЧК получила право внесудебной расправы над «неприятельскими агентами, спекулянтами, громилами, хулиганами, контрреволюционными агитаторами, германскими шпионами». Через день к ним добавили «саботажников и прочих паразитов», предупредили, что ВЧК не видит других мер, кроме беспощадного уничтожения таковых «на месте преступления». В ответ на недоумение левого эсера, наркома юстиции И. Штейнберга, Ленин заверил, что «без жесточайшего революционного террора» быть победителями невозможно⁽⁵⁷⁾. Тогда же, 21 февраля 1918 г., коллегия ВЧК по предложению Дзержинского приняла решение о том, что чекистами могут быть преимущественно большевики и левые эсеры, т. е. представители правительственных партий.

Заметим, что в данном случае декрет о внесудебных правах ВЧК лишь фиксировал те беззакония, которые советские учреждения уже творили в стране. Председатель сева-стопольского военно-революционного комитета Ю. П. Га-

вен признавал, что в январе 1918 г. он, воспользовавшись своим служебным положением и вседозволенностью, приказал расстрелять более 500 офицеров⁽⁵⁸⁾. Практика придания творящемуся произволу легитимности была характерной для всех действий советских властей. Именно: не пресечения их, а поощрения.

Функции ВЧК с февраля 1918 г. возрастали. В Москве ВЧК расположилась в гостинице «Селект» на Лубянке, а затем заняла соседнее здание — страхового общества «Россия». В этих зданиях разместились 12 отделов ВЧК, среди которых отдел по борьбе с контрреволюцией (возглавил И. Н. Полукаров), со спекуляцией (В. В. Фомин), преступлениями по должности (П. А. Александрович) и др. Для оперативного руководства создавалась «тройка»: Дзержинский, Александрович, Петерс. 15 июня 1918 г. была создана первая расстрельная «тройка» ВЧК. В тот день коллегия ВЧК постановила: «Составить тройку из представителей партии коммунистов (больш.) и левых с.-р., которые и уполномочиваются решать вопросы о расстреле. Избраны в тройку: Дзержинский, Лацис и Александрович. Заместителями к тройке избраны: тт. Фомин, Петерс и Ильин. Расстрелы применяются ко всем, кто замешан в заговоре против советской власти и республики, если это будет доказано. Приговоры тройки должны быть единогласны»⁽⁵⁹⁾. К тому времени ВЧК широко использовала агентурные методы, наружное наблюдение, систему секретных сотрудников (сексотов), вербуя их среди арестованных и членов «контрреволюционных» организаций, перлюстрацию писем, международной корреспонденции и т. д. Тогда же появились инструкции о том, кто подлежит расстрелу. Это все бывшие жандармские и полицейские офицеры (по результатам обыска), носящие оружие без разрешения или проживающие по фальшивым документам, активные члены партий кадетов, октябристов, а также эсеров (правых и центра). Дело о расстреле обсуждалось «обязательно в присутствии представителя РКП(б)». Разъяснялось, кого можно считать активным членом «контрреволюционных партий»: членов комитетов от центральных до местных, боевых дружинников, несущих службу между

отдельными организациями⁽⁶⁰⁾. Расстрельная политика поощрялась Совнаркомом, который, ссылаясь на выступление чехословацкого корпуса, 10 июня 1918 г. предлагал всем советам беспощадно истреблять «офицеров-заговорщиков, предателей, сообщников Скоропадского, Краснова, сибирского полковника Иванова»⁽⁶¹⁾.

Итоги деятельности ВЧК и перспективы были обсуждены на I Всероссийской конференции чекистов (Москва, 11—14 июня 1918 г.), собравшей 66 делегатов от 43 ЧК. Чекисты на конференции провозгласили себя «оплотом охраны советской власти», заявив, что главным средством в борьбе с контрреволюцией должна стать секретная агентура, которая, находясь в обследуемой среде, даст, несомненно, больше ценных сведений, чем их можно получить официальным путем или при помощи других вспомогательных средств⁽⁶²⁾. В дни работы конференции, 12 июня 1918 г., состоялось заседание фракции коммунистов — участников конференции. Они потребовали ареста руководителей партии кадетов, правых эсеров и меньшевиков, установления наблюдения за командным составом Красной Армии, расстрелов «видных и явно уличенных контрреволюционеров»⁽⁶³⁾.

По полученным правам ВЧК и трибуналов можно судить о развитии советской карательной политики, ибо эти учреждения (с лета 1918 г. к ним присоединились революционные военные трибуналы) рассматривали преимущественно политические преступления, а к ним относили «все, что против советской власти». Характерно, что право ВЧК на внесудебные расправы, сочиненное Троцким, подписал Ленин, трибуналам предоставил неограниченные права нарком юстиции, постановление о красном терроре завизировали наркомы юстиции, внутренних дел и управляющий делами Совнаркома (Д. Курский, Г. Петровский, В. Бонч-Бруевич). Понижение рангов подписывающих важнейшие акты карательной политики свидетельствовало о том, что террор быстро становился обыденным делом. Партократия инициировала, вырабатывала карательную политику, убеж-

дая себя и других в важности соблюдения при этом классового принципа.

«Левозеровское восстание совершалось аппаратом ВЧК», — писал Петерс. Действительно, германского посла в Москве 6 июля 1918 г. убили сотрудники ВЧК Я. Блюмкин и Н. Андреев, отряд ВЧК стал опорой вооруженного сопротивления большевикам. Дзержинский был арестован левыми эсерами и после подавления их выступления подал в отставку, объясняя свое заявление необходимостью выступить в качестве свидетеля. Совнарком отставку Дзержинского принял и временным председателем ВЧК назначил Петерса, прежнюю коллегия ВЧК объявил упраздненной. Петерсу 7 июля 1918 г. поручалось в недельный срок представить в СНК доклад о личном составе с тем, чтобы устранить из органов ЧК всех, кто прямо или косвенно был связан с «провокационно-азефовской деятельностью члена партии левых социалистов-революционеров Блюмкина»⁽⁶⁴⁾. Хотя Дзержинский был отстранен от председательной должности, но, по признанию Петерса, новая коллегия ВЧК была сформирована только из коммунистов и при том, что Дзержинский фактически оставался руководителем ВЧК⁽⁶⁵⁾.

На частном совещании бывших членов коллегии ВЧК: Фомина, Полукарова, Дзержинского, Савинова, Ксенофонтова, Каменщикова и Лациса, проходившего под председательством Петерса, была составлена коллегия из 11 человек: Дзержинского, Петерса, Фомина, Полукарова, Каменщикова, Ксенофонтова, Лациса, Пузырева, Янушевского, В. Н. Яковлевой и Пуляновского. Этот состав коллегии был утвержден Совнаркомом. Вскоре в коллегия вошли Скрыпник и начальник особого отдела М. С. Кедров. Этот состав работал до конца 1918 г. В 1919 г. вместо выбывших по разным причинам Полукарова, Пузырева, Каменщикова, Пуляновского и Янушевского членами коллегии стали Аванесов, Уралов, Эйдук, Медведь, Жуков, Манцев и Валобуев. В 1920 г. Совнарком утвердил коллегия ВЧК в составе: Дзержинский, Ксенофонтов, Лацис, Аванесов, Медведь, Зимин, Кедров, Корнев, Менжинский, Манцев, Мессинг, Петерс и Ягода.

Нетрудно установить, что все время гражданской войны ВЧК руководили Дзержинский, Петерс, Лацис, Ксенофонов. Эти четверо были неизменным ядром коллегии ВЧК. Именно они прежде всего ответственны за те беззакония и произвол, которые творились от имени ВЧК, а также за своих воспитанников, проводивших большой террор в середине 30-х годов. Тогда погибли Лацис, Петерс и тысячи бывших и функционирующих чекистов, ставших жертвами той системы, которую они столь истово защищали и утверждали...

Заметим, что каждая неудача лишь вызывала реорганизацию ВЧК, усиливала ожесточенность советской карательной политики, предоставляла репрессивным учреждениям все больше прав и рост финансирования⁽⁶⁶⁾. Быстро оправившись после левоэсеровского покушения, чекисты не смогли предотвратить ни покушения на Ленина, ни убийства председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого. В результате последовало постановление Совнаркома о красном терроре (5 сентября 1918 г.), призывы узаконить массовый подход к физической ликвидации «контрреволюционеров», расстреливать заложников и применять по отношению к арестованным пытки.

Роль левых эсеров в сдерживании расстрельных мер ВЧК в значительной степени условна. Заместитель Дзержинского — левый эсер Александрович — вел в ВЧК до 7 июля всю практическую работу и даже в день выступления части своих однопартийцев, 6 июля, подписал распоряжение о повсеместной организации уездных ЧК⁽⁶⁷⁾. 12 июня 1918 г. московский комитет партии левых эсеров протестовал против массовых смертных приговоров, выносимых ЧК, и предлагал левым эсерам из таких комиссий выйти⁽⁶⁸⁾. Александрович и многие другие остались. На заседании V Всероссийского съезда Советов (5 июля 1918 г.) М. Спиридонова возражала против судебных решений о смертной казни, что вызвало реплику Свердлова: «...в российской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией... принимают равное участие во всех работах, в том числе и в расстрелах, проводимых комиссией, и левые эсеры, и боль-

шевики, и по отношению к этим расстрелам у нас как будто никаких разногласий нет. Но левые эсеры заявляют, что они — против смертной казни. Тут нужно сделать корректив: они против смертной казни по суду, но смертная казнь без суда ими допускается. Для нас... такое положение является совершенно непонятным, оно нам кажется совершенно нелогичным»⁽⁶⁹⁾. Позже, когда левые эсеры стали преследоваться ЧК, они выступили за отмену смертной казни и упразднение чекистских организаций.

После постановления Совнаркома о введении красного террора резко стало увеличиваться число коммунистов в ЧК, они должны были проводить в жизнь карательную политику РКП(б), следуя указанию Ленина, что без ЧК власть трудящихся (точнее, правящей партийной элиты) существовать не может⁽⁷⁰⁾. Проведение террора на местах инициировалось, обстановка искусственно нагнеталась. Это наглядно подтверждают действия в Казани председателя ЧК Восточного фронта республики Лациса. Прибыв в Казань 10 сентября 1918 г., после изгнания из города защитников Учредительного собрания, он не спешил с проведением карательных акций, полагая, что наиболее активные противники большевиков бежали. Но 11 сентября 1918 г. в «Правде» появляется статья Н. Осинского в защиту недавно принятого декрета о красном терроре с призывом: «От диктатуры пролетариата над буржуазией мы перейдем к красному террору — системе уничтожения буржуазии как класса...» 22 сентября 1918 г. в «Еженедельнике чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией» появился приказ наркома внутренних дел Г. И. Петровского, в котором содержался призыв к проведению массового террора. Нарком предлагал: «Все известные местным советам правые эсеры должны быть немедленно арестованы. Из буржуазии и офицерства должны быть взяты значительные количества заложников. При малейшей попытке сопротивления или малейшем движении в белогвардейской среде должен применяться безоговорочно массовый расстрел. Местные губисполкомы должны проявлять в этом отношении особую инициативу»⁽⁷¹⁾.

Казанский комитет РКП(б), реагируя на московские указания, предложил ответственному организатору комитета Е. Стельмаху 28 сентября собрать фактический материал, «доказывающий, что красный террор недостаточно энергично проводится в жизнь», вызвать на заседание комитета Лациса и обсудить этот вопрос⁽⁷²⁾. И начались безудержные расстрелы...

Сначала красный террор заполыхал в столицах. Из убийства Урицкого и ранения Ленина большевики выжали максимум, стремясь расстрелами показать, кто есть власть в стране. Провинция вначале молчала. Но массовый террор мог основываться только на инициированном подъеме «народного гнева» за покушение на жизнь вождей. А здесь на первых порах растерялся в Казани даже Лацис. Оправился он быстро, партийные указания легко подсказали, как следует действовать, и не только ему.

1 ноября 1918 г. Лацис пытался обосновать необходимость массовой ликвидации буржуазии. Он писал, давая указания местным ЧК: «Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против совета оружием или словом. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Все эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл красного террора»⁽⁷³⁾.

Этот призыв Лациса к беспощадному классовому уничтожению врагов был не случаен, как и требование коммунистов и чекистов Нолинского уезда Вятской губернии применять на допросах пытки, пока арестованный «все не расскажет»⁽⁷⁴⁾. Это было следствием проводимой партийной политики произвола и вседозволенности. Ведь еще в июле 1918 г. петроградские газеты требовали «истреблять врагов народа», а Петросовет принял 28 августа решение: «Если хоть волосок упадет с головы наших вождей, мы уничтожим тех белогвардейцев, которые находятся в наших руках, мы истребим поголовно вождей контрреволюции»⁽⁷⁵⁾.

Журнальный отчет сообщал о том, как по инициативе Дзержинского было принято 5 сентября 1918 г. в Совнарком-

ме постановление о красном терроре. Дзержинский обосновал его нужность ситуацией, когда «обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью». Он предлагал для усиления ВЧК направить в комиссии «возможно большее число ответственных партийных товарищей»; врагов изолировать в концлагерях; те, кто «прикосновенен» к заговорам, мятежам и белогвардейским организациям, «подлежат расстрелу»; списки расстрелянных публиковать с «основанием применения к ним этой меры». Все положения доклада Дзержинского полностью вошли в постановление Совнаркома⁽⁷⁶⁾. Характерно, что вскоре после этого постановления ВЧК начала издавать свой «Еженедельник» (№ 1, 22 сентября 1918 г.) с задачей помочь чекистам на местах «однообразнее, планомернее, методичнее проводить борьбу, уничтожение идеологов, организаторов и руководителей враждебных, непримиримых классовых врагов пролетариата и его диктатуры». Статьи первого номера журнала подчеркивали необходимость проведения индивидуального и массового террора. Тогда же последовали приказы по ВЧК: за подписью Дзержинского, 19 сентября 1918 г., о том, что основной задачей ЧК является борьба с «контрреволюцией» отдельных лиц и организаций; Петерса, 26 сентября 1918 г., о том, что в своей деятельности «ВЧК совершенно самостоятельна, производя обыски, аресты, расстрелы, давая после отчет Совнаркому и ВЦИК»⁽⁷⁷⁾. И, наконец, 1 ноября 1918 г. в Казани Лацис выпускает номер журнала (он-оказался единственным) под названием «Красный террор» с доведенными до абсурда формулировками об убийствах по происхождению и профессии, апологией происходящей кровавой вакханалии.

«Нужность» террора для удержания власти большевикам была очевидна, важно было убедить в этом население. Пропагандистский аппарат играл на чувствах люмпенов, уверяя их, что террор их не коснется, а направлен лишь против «богатых контрреволюционеров». Но классовый принцип, особенно под давлением крестьянских выступлений, не выдерживался. Понятнее было усиление террористических акций за убийство или покушение на большевистских вождей.

Мнение о всемогуществе и беспощадности власть имущих создавали расстрелы царской семьи и великих князей: уж если их убили, то об остальных и говорить нечего... убьют. Умелое использование этих актов для разжигания ненависти к противникам режима ставило целью и запугать, подавить возможное сопротивление ему каждого гражданина. Принятие декрета о красном терроре означало официальное признание его проведения от имени государственных властей.

Вводимая с осени 1918 г. политика военного коммунизма означала регламентацию всей общественной жизни в стране, где грани, разделяющей революционный порядок и беззаконие, практически не существовало. Предложение Ленина в январе 1918 г. о «расстреле на месте» спекулянтов⁽⁷⁸⁾ распространилось на все слои населения. Репрессивный государственный механизм был запущен со времени разгона большевиками Учредительного собрания. 31 января 1918 г. советское правительство предписало увеличить число мест для заключенных. Чуть позже было признано необходимым «обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях». Для этого не требовалось судебного разбирательства — достаточно было административного решения⁽⁷⁹⁾, что давало широкий простор для деятельности репрессивных органов: от расстрела «врагов революции», нейтрализации, устрашения потенциальных противников до решения хозяйственных либо личных дел. В июне 1918 г. Троцкий предложил заключить в концлагеря чехословацких легионеров, не желавших сдать оружие, и бывших офицеров, отказывающихся служить в Красной Армии. В августе 1918 г., оказавшись под Казанью, Троцкий расширил состав тех, кого можно отправить в концлагеря в Муроме, Арзамасе и Свияжске, включив в него «темных агитаторов, контрреволюционных офицеров, саботажников, паразитов, спекулянтов». Список тех, кому уготовлены концлагеря, дополнил тогда же Ленин. Он потребовал 9 августа 1918 г. от пензенских властей покончить с крестьянскими выступлениями. Для этого «провести беспощадный массовый террор против

кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города»⁽⁸⁰⁾.

Постановление Совнаркома РСФСР о красном терроре (5 сентября 1918 года) не только фиксировало уже происходящее в стране, но и придало высказываниям вождей форму законодательного акта, давало право карателям и далее ужесточать террористические действия, распространяя их на все социальные группы, превращая террор в массовый. Одни — дворянство, казачество, — подлежали ликвидации, другие — предупреждались. Крестьянам угрожало постановление Совета рабоче-крестьянской обороны 15 февраля 1919 г.: «...взять заложников из крестьян с тем, что, если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны»; рабочих предупреждал Дзержинский: всех недовольных властью рабочих следует считать «нерабочими», не «чистыми» пролетариями, как зараженных мелкобуржуазной психологией, концлагеря провозглашались «школами труда»⁽⁸¹⁾.

24 января 1919 г. оргбюро ЦК РКП(б) приняло секретную директиву о проведении «массового террора» против богатых казаков, истребив их поголовно; «провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с советской властью»⁽⁸²⁾. В ответ на репрессивные меры и политику «расказачивания» казаки ответили вооруженным выступлением против властей.

Осенью 1918 г. были созданы многие формы и методы проведения правительственной карательной политики в стране, которая затем осуществлялась долгие десятилетия. Они, по мнению многих участников гражданской войны и исследователей, основывались на «классовом интересе, то есть, по существу дела, не являлись правом, а потому... лишены были и правового фетишизма»⁽⁸³⁾. Это была политика принуждения как универсальная мера устрашения населения, быстрого решения сложнейших проблем, результат срабатывания психологии «прямого действия», военно-административных методов руководства.

Милитаризация экономики страны, создание трудовых

армий приводили к регламентации жизни каждого гражданина, к превращению общества в казарму. Для удержания всех в повиновении карателям, прежде всего ВЧК, были даны неограниченные права расстрелов, арестов и развития института заложничества.

Руководством ВЧК были разработаны подробные инструкции об арестах, производстве расстрелов. Приказ ВЧК № 208 от 17 декабря 1919 г. за подписями Дзержинского и Лациса определял, кого следует считать заложником. Окажется, это «пленный член того общества или той организации, которая с нами борется. Причем такой член, который имеет ценность, которым этот противник дорожит... За какого-нибудь сельского учителя, лесника, мельника или мелкого лавочника, да еще еврея, противник не заступится и ничего не даст. Они чем дорожат... Высокопоставленными сановными лицами, крупными помещиками, фабрикантами, выдающимися работниками, учеными, знатными родственниками находящимися при власти у них лиц и тому подобными». Инструкция предписывала взятие на учет всех, кто мог быть заложником: бывших помещиков, купцов, фабрикантов, крупных домовладельцев, офицеров старой армии, банкиров, верных чиновников царского времени и времени Керенского, родственников сражающихся «против нас» лиц, работников противосоветских партий, склонных отстать за фронтом в случае «нашего отступления». Списки этих лиц представлялись ВЧК с указанием звания, должности, имущественного положения заложника до и после революции⁽⁸⁴⁾.

Эти категории заложников стали первой узаконенной жертвой красного террора. В ответ на убийство председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого (30 августа 1918 года) было расстреляно до 900 заложников и отдельно, в Кронштадте — 512⁽⁸⁵⁾. «...После убийства Урицкого начался страшный террор, — вспоминал бывший сотрудник петроградского военного комиссариата М. Смильг-Бенарио. — Вооруженные красноармейцы и матросы врываются в дома и арестовывали лиц по собственному усмотрению... Ежедневно происходили аресты и расстрелы, а власть не только не

стремилась приостановить массовое убийство, а, наоборот, она лишь разжигала дикие инстинкты солдатских масс. Председатель петроградской коммуны Зиновьев не испугался бросить в массы лозунг: «Вы, буржуазия, убиваете отдельных личностей, а мы убиваем целые классы»⁽⁸⁶⁾. Петерс писал, что число расстрелянных в те дни в Москве и Петрограде не превышало 600 человек⁽⁸⁷⁾. Это была весьма заниженная цифра, если судить о количестве расстрелянных только в Петрограде.

Губернские и уездные ЧК спешили наперебой (кто раньше!) сообщить о числе расстрелянных заложников в ответ на убийство Урицкого и покушение на Ленина. 31 августа 1918 г. (оперативность потрясающая: выстрелы в Ленина прозвучали вечером накануне) Нижегородская ЧК докладывала о расстреле 41 человека «из лагеря буржуазии»; костромская — 13 офицеров, священников и учителей; уездная моршанская — 4 (бывших полицейских и земских начальников). Во многих журналах и газетах вводилась рубрика возмездия — «красный террор», где публиковались списки расстрелянных. Журнал «Красный террор» сообщал о расстрелах до 16 октября фронтовой ЧК — 66 человек, уездными ЧК Казанской губернии — 40 и 109 крестьян во время их выступления в Курмышском уезде Симбирской губернии (сентябрь 1918 года)⁽⁸⁸⁾.

Постановление Совнаркома о красном терроре превращало самую радикальную форму насилия в государственную политику. В те дни ЦК РКП(б) и ВЧК выработали практическую инструкцию. В ней предлагалось: «Расстреливать всех контрреволюционеров. Предоставить районам право самостоятельно расстреливать... Взять заложников (крупных фабрикантов) от буржуазии и союзников. Объявить, что никакие ходатайства за арестованных... не принимаются. Район определяет, кого брать в заложники... Устроить в районах мелкие концентрационные лагеря... Сегодня же ночью президиуму ВЧК рассмотреть дела контрреволюционеров, а всех явных контрреволюционеров расстрелять. То же сделать районным ЧК. Принять меры, чтобы трупы не попали в нежелательные руки...»⁽⁸⁹⁾

Беспредел превзошел самые мрачные ожидания: было расстреляно 6185 чел., посажено в тюрьмы 14 829, в концлагеря — 6407, стали заложниками — 4068⁽⁹⁰⁾. Это приблизительные цифры, так как подсчитать, сколько жизней было тогда загублено местными ЧК, практически невозможно. ВЧК разъясняла: во время гражданской войны правовые законы не пишутся, потому «единственной гарантией законности был правильно подобранный состав сотрудников Чрезвычайной комиссии»⁽⁹¹⁾.

Так, покушения на большевистских вождей способствовали разгулу массового террора в стране, ставшего на долгие годы неотъемлемой частью военно-коммунистического государства. Этот метод будет использован в начале 30-х, когда инспирируемое убийство Кирова приведет к большому террору, и осуществлять его будут чекисты гражданской войны: Ягода, Берия, Агранов, Заковский и многие другие...

В сентябре 1918 года нарком внутренних дел Петровский негодовал по поводу «ничтожного количества серьезных репрессий и массовых расстрелов» и предлагал губисполкомам, т. е. исполнительным органам советской власти, проявить в распространении массового террора «особую инициативу»⁽⁹²⁾. Заметим, что подобную практику использовал Сталин, когда критиковал действия Ягоды и сетовал на то, что НКВД с развертыванием большого террора опоздал на два года...

Красный террор с его неперемными спутниками — произволом, концлагерями, заложничеством, пытками — функционировал все время гражданской войны. Его приливы и некоторые ограничения зависели от многих обстоятельств, так же как и развитие сопутствующих ему институтов.

Произвол, творившийся чекистами, вызвал в конце 1918 — начале 1919 года острую дискуссию в советской периодике. Одни требовали ликвидировать чрезвычайные комиссии, а их функции передать: следственные — ревтрибуналам, розыскные — милиции, подавление антибольшевистских выступлений — внутренним войскам; другие предлагали сохранить ВЧК как орган розыска, подчинив

НКВД или Наркомюсту. Дзержинский решительно возразил: «Мы против уничтожения ЧК, так как период чрезвычайных обстоятельств еще не прошел». Его поддержал Ленин: «Когда я гляжу на деятельность ЧК и сопоставляю ее с нападками, я говорю: это обывательские толки, ничего не стоящие»⁽⁹³⁾.

В результате ЦК РКП(б) 19 декабря 1918 г. постановил запретить критику ВЧК на страницах печати, ибо работа ВЧК «протекает в особо тяжелых условиях»⁽⁹⁴⁾. В одном ВЧК была вынуждена уступить: президиум ВЦИК 24 января 1919 года указом ликвидировал уездные ЧК. Но, как отмечал Лацис, это решение было выполнено не полностью и часть уездных ЧК продолжала существовать до 15 февраля 1920 года, когда им изменили название на политбюро при уездных органах милиции⁽⁹⁵⁾.

Провозглашаемые советским руководством малейшие отступления от жесткой карательной политики носили популистский, формальный характер. Часто они были направлены на обман общественного мнения. Примером тому — предложение Дзержинского 26 сентября 1919 года о том, чтобы «ЦК партии большевиков, не объявляя официально массового красного террора, поручил ВЧК фактически его провести»⁽⁹⁶⁾. Сами чекисты были за усиление своего влияния в обществе, за контроль за всеми сферами его деятельности, поскольку, по их мнению, «во всех областях нашей жизни контрреволюция развелась везде и повсюду»⁽⁹⁷⁾.

VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов (ноябрь 1918 г.) принял постановление о соблюдении «революционной законности», амнистии тем, кому в течение двух недель со дня ареста не предъявлено обвинения, освобождении тех заложников, которые не влияли на судьбу советских товарищей, «попавших в руки врагов». Выполнение этих постановлений было возложено на ВЧК, т. е. орган, более других вершивший беззаконие. Лацис писал в минуту откровения: «ВЧК как орган чрезвычайный и временный не входит в нашу конституционную систему. Пройдет время гражданской войны, время чрезвычайных условий существования советской власти, и чрезвычайные комиссии станут лишни-

ми: они... будут вычеркнуты из аппарата советской власти»⁽⁹⁸⁾. Этого не случилось...

26 ноября 1918 года в Москве состоялась II Всероссийская конференция чекистов, на которую съехалось около ста делегатов. Среди прочих решений чекисты возложили ответственность за «кулацкие мятежи» на тех, кто «поднял против них поход», и оставили за собою право на расстрелы без суда по решениям губернских, фронтовых, армейских и областных ЧК. И тут же, 4 декабря, для доказательства силы, ВЧК предлагала установить негласный надзор за всеми крупными селами и волостями для ареста агитаторов против властей и кулаков. Петерс подписал инструкцию о методах работы ЧК, в которой рекомендовал несколько их изменить: не терроризировать «мирную обывательскую среду», дать возможность специалистам работать, наладить еще более тесную работу с большевистскими руководителями. У ЧК осталось право объявлять военное положение на отдельных территориях и широко использовать агентурно-осведомительную сеть⁽⁹⁹⁾.

Для уяснения своих позиций в губерниях состоялись свои чекистские конференции. Смысл принятых решений был один: опорой советской власти являются чекисты. Это мнение утверждалось в центре и в провинции⁽¹⁰⁰⁾. Чекисты убеждали себя и власти в нужности, необходимости творимого произвола, их руководство не допускало вмешательства в свои дела. 28 декабря 1918 г. президиум ВЧК отклонил предложение Петерса о том, чтобы чекисты вершили расстрелы с ведома ревтрибуналов на том основании, что «ревтрибуналы не перешли в ведение ВЧК». В состав судебной тройки ВЧК вошли Дзержинский, Лацис, Кедров и Ксенофонтов⁽¹⁰¹⁾.

Достоверной статистики жертв красного террора не существует. Произвол не способствовал ее созданию. Лацис в 1920 г. назвал две цифры расстрелянных в 1918 г.: 6185 и 6300, а за семь месяцев 1919 г. — 2089. Наибольшее число из них приходилось на крестьян (3082 чел.), участников «контрреволюционных организаций» (2024 чел.) и прочих (1704 чел.)⁽¹⁰²⁾. Подсчеты расстрелянных осенью 1918 г.,

опубликованные в «Еженедельнике ЧК» (№ 1—6), дали цифру 2212 чел. (из них заложников — 500, контрреволюционеров — 418, бывших полицейских — 30, генералов — 4, офицеров — 81, духовенства — 79, чиновников — 50 и др.)⁽¹⁰³⁾. Методика подсчета расстрелянных неизвестна. Возможно, Лацис назвал число жертв террора только в Москве и Петрограде, а журнал — лишь информацию тех ЧК, которые ее посылали? Неизвестно, были ли включены в названные цифры пострадавшие во время кровавых вакханалий в Москве, Казани и других городах России?⁽¹⁰⁴⁾ Ясно одно: цифры, данные Лацисом, не отражали реалий того времени. Жертв было значительно больше.

Анализ сохранившихся протоколов заседаний судебной тройки ВЧК дал следующие результаты: 8 мая 1919 года из 23 рассматриваемых дел — 13 завершились расстрельным приговором; 17 мая 1919 года — 4; т. е. третья-четвертая часть арестованных расстреливалась. Протоколы заседаний Казанской губЧК, где также заседала «тройка» — председатель губЧК Карлсон, начальник секретно-оперативного (вначале отдел назывался провокаторский) отдела Дунаев, представитель губкома РКП(б) Ендаков и секретарь ЧК Шкеле, свидетельствовали, что 28 декабря 1918 г. из рассмотренных 43 дел к расстрелу приговорили 11 чел.; 21 декабря из 32 дел — 3 чел. Данные о расстрелах, произведенных уездными ЧК, не опубликованы. За семь месяцев 1919 года Казанская губЧК расстреляла: в январе — 44; в марте — никого; в апреле — 5; в мае — 29; в июне — 22; в июле — 10. За семь месяцев — 117 человек⁽¹⁰⁵⁾. В то время функционировало 40 губЧК и 335 уездных ЧК⁽¹⁰⁶⁾.

Если предположить, что результаты деятельности всех губЧК были схожи с казанской, то получится цифра расстрелянных более 4 тысяч человек (117х40 = 4680). Это будет намного превосходить число жертв за первые семь месяцев 1919 г. (2089 чел.), особенно если учесть активное участие в красном терроре уездных ЧК и 49 особых отделов.

В 1918 году был узаконен большевиками от имени советской власти неограниченный массовый террор как главное средство удержания у власти создаваемой военно-бюро-

кратической имперской системы. «В тех условиях, в каких мы работаем, обойтись без расстрелов совершенно невозможно», — писал член реввоенсовета Восточного фронта Ф. Раскольников 28 июля 1918 г. Троцкому. Он предлагал на фронте и в прифронтовых районах «провозгласить немолчимый красный террор». По его мнению, ЧК должна расстреливать «без следствия и суда» всех, кто уличался в подготовке выступления против советской власти с оружием в руках, агитаторов, тех, кто временно стал у власти, «выпавшей из рук Советов»⁽¹⁰⁷⁾. Раскольников в своем радикализме был не одинок, с ним солидаризировалось большевистское и чекистское руководство.

Именно в 1918 г. широкую практику обрело попрание законности во имя целесообразности, а идея жестокости провозглашена безальтернативной ради победы «добра» в будущем. В 1918 г. ВЧК стала мощной силовой структурой, подавлявшей всех, кого большевистский режим не устраивал. Чекисты вселяли страх и ужас среди населения. Они осуществляли государственный массовый и индивидуальный террор по системе круговой поруки. Ленин и, вероятно, Дзержинский лично никого не расстреливали. Но те, кто это делал, оправдывались необходимостью выполнения приказа. Эта безнаказанность в сто крат увеличивала ненависть, агрессивность, нетерпение люмпенизированного, измученного войной населения⁽¹⁰⁸⁾. Всякая чрезвычайщина порождает беззаконие, которое вначале оправдывалось обстоятельствами гражданской войны и затем многими иными причинами. ВЧК с 1918 года стала символом произвола, страха и террора, «карающим мечом революции»⁽¹⁰⁹⁾.

Опасность функционирования, по сути дела, бесконтрольного учреждения, защищаемого от ответственности большевистским руководством страны, понимали многие. Адвокат В. Жданов в письме управляющему делами Совнаркома В. Бонч-Бруевичу, написанном 11 июля 1918 г., предупреждал, что ВЧК отличается от прежней охранки тем, что обладает «гораздо большими полномочиями»: производит дознание и следствие, казнит, допускает провокацию, ее состав некомпетентен, «невежественные следователи идут на

поводу у агентов-provokatorов». Опытный юрист, защищавший еще в 1905 году И. Каляева, предлагал «лишить комиссию права самостоятельно решать дела, обязав ее каждое дело в определенный срок представлять в соответствующий трибунал для гласного разбирательства и допустить защиту к участию в дознаниях, производимых комиссией»⁽¹¹⁰⁾.

Последствий это обращение не имело. Дзержинский был категорически против какого-либо контроля над деятельностью ВЧК, отказывая даже наркомюсту Стучке в необходимых материалах для выяснения обстоятельств убийства германского посла Мирбаха.

Лидер партии левых эсеров Мария Спиридонова осенью 1918 г. обратилась с открытым письмом в ЦК партии большевиков. Она осуждала красный террор, убийство тысяч людей «из-за поранения левого предплечья Ленина», писала, как левые эсеры, члены коллегии ВЧК Александрович и Емельянов умоляли свое партийное руководство освободить их от чекистской работы⁽¹¹¹⁾. Возможно, так и было. Но ведь нельзя забыть, что левые эсеры вместе с большевиками создавали ВЧК, что они не возражали и сами принимали участие в расстрелах и были лишь против объявления террора государственной политикой. 1 сентября 1918 г. газета «Известия ВЦИК» опубликовала резолюцию ЦК партии левых эсеров, в которой они называли себя представителями «крайне левого крыла революционного социализма, считающими террор одним из способов борьбы трудящихся масс». ЦК партии левых эсеров предлагал на покушение на Ленина ответить «встречным нападением на цитадели отечественного и международного капитала...». Письмо Спиридоновой было неуклюжей попыткой отмежеваться от красного террора, который внушал страх перед властями, а не доверие к ним. Заметим, что многие левые эсеры, работавшие в местных ЧК, осенью 1918 г. вступили в РКП(б) и наиболее преданно служили «машине смерти»⁽¹¹²⁾. Какого-либо реально-го сопротивления деятельности ВЧК в 1918 г. оказано не было.

Лето и осень 1918 года знаменовали собой переход к массовому красному и белому террору. Это была высшая

точка развития экстремизма в стране, которая смогла продержаться с небольшими отливами более 70 лет. Начиналось же все тогда. Следом шло совершенствование, упорядочение системы сыска, террора, насаждение страха.

В 1919 году советская карательная политика опиралась на приобретенный опыт проведения массовых расстрельных акций. Они лишь приобрели стабильный, усовершенствованный характер. Продолжали действовать институты заложничества, концлагеря, внесудебные расправы. Созданная в начале февраля 1919 г. комиссия ЦК РКП(б) в составе Дзержинского, Сталина и Каменева предложила оставить за ВЧК розыскные функции и право внесудебных расстрелов при введении военного положения. Но через месяц, в марте, в связи с наступлением армии Колчака все права ВЧК осени 1918 г. были восстановлены.

В конце марта 1919 г. был утвержден на заседании Совнаркома состав членов коллегии ВЧК. В нем 14 человек во главе с Дзержинским. Не указаны по крайней мере двое: Сталин и Бухарин. Сталин выполнял поручение ЦК РКП(б) — контролировать деятельность ВЧК; Бухарин был направлен в 1919 г. Лениным в коллегию ВЧК с «правом вето». Именно в те годы Сталин познал всевластие и незаконность, развил вкус к жестокой целеустремленности и лаконичному решению судеб людей: есть человек — есть проблема; нет человека — нет проблемы. Бухарин оправдывал террор, цитируя Сен-Жюста: «Нужно управлять железом, если нельзя управлять законом»⁽¹¹³⁾. Направление политических работников столь высокого ранга для сотрудничества с ВЧК означало не что иное, как придание этому репрессивному органу авторитета, иллюстрацию непосредственного участия большевистского руководства в карательной политике, партийного освящения творящегося произвола. Исследователи истории ВЧК (А. Велидов, Д. Легтет) полагают, что это учреждение контролировалось не Совнаркомом, а ЦК РКП(б). Но можно лиц, бравших на себя ответственность за деятельность ВЧК, назвать персонально: В. И. Ленин, Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский, И. В. Сталин. Все они были избраны в состав ЦК на VIII съезде партии большевиков (март

1919 г.). Руководитель ВЧК сам был полномочным членом высшего партийного ареопага и стремился воздействовать на членов ЦК, доказывая всячески нужность и «секретность», т. е. ненужность контроля над вверенным ему учреждением⁽¹¹⁴⁾. Поэтому любые попытки ограничить какими-либо законами, проверить работу чекистов наталкивались на круговое поручительство и противостояние наиболее авторитетных членов ЦК. Ведь не кто иной, как Бухарин, тогда формулировал: «В революции побеждает тот, кто другому череп проломит»⁽¹¹⁵⁾.

2 сентября 1918 года Советская республика была объявлена постановлением ВЦИК единым военным лагерем, в котором все граждане должны были беспрекословно выполнять распоряжения властей⁽¹¹⁶⁾. Добиться этого в значительной степени большевикам удалось лишь в 1919 году. Опыт этого года, как торжества политики военного коммунизма и превращения страны в казарму, позже широко использовал Сталин⁽¹¹⁷⁾. Тогда стали брать заложниками (постановление ВЦИК 19 февраля 1919 г.) советских работников (членов исполкома, комбедов) за невыполнение гужевой и иных повинностей. Тогда М. Лацис, упиваясь всевластием ЧК, писал на страницах газеты «Красный меч» (18 августа 1919 г.): «Нам все разрешено, ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого-либо, а во имя раскрепощения от гнета и рабства всех... Жертвы, которых мы требуем, жертвы спасительные... Кровь? Пусть кровь, если только ею можно выкрасить в алый цвет серо-бело-черный штандарт старого разбитого мира»⁽¹¹⁸⁾.

Поражение на фронте, подход войск генерала Деникина к Москве заставили большевистское руководство думать о своей дальнейшей судьбе⁽¹¹⁹⁾, но это не отразилось на действиях чекистов⁽¹²⁰⁾. По мнению Л. Хэймсона, большевики одержали победу в гражданской войне более благодаря успехам в сфере государственного строительства, нежели в проведении террора⁽¹²¹⁾. Но эти два действия нельзя противопоставлять, так как террор являлся неотъемлемой частью большевистского государственного строительства, главным способом его проведения. Карательные учреждения финан-

сировались и поощрялись Советским государством. В результате этого, по признанию бывшего советского комиссара юстиции И. З. Штейнберга, был создан слой «революционных убийц, которым суждено было вскоре стать убийцами революции»⁽¹²²⁾. В 1919 году советская карательная политика приобрела осмысленный вид. Ее решающее значение для победы в гражданской войне большевистскими лидерами было понято и осознано вполне. Этим объясняется и бесспорная поддержка Лениным многих достаточно сомнительных деяний ВЧК. Тогда ВЧК окончательно оформилась в орган «непосредственной расправы», основное орудие террора. П. А. Сорокин, современник событий, оценивал это время так: «С 1919 года власть фактически перестала быть властью трудящихся масс и стала просто тиранией, состоящей из беспринципных интеллигентов, деклассированных рабочих, уголовных преступников и разнородных авантюристов». А террор, отмечал он, в большей степени стал осуществляться против рабочих и крестьян⁽¹²³⁾.

Организационная перестройка в ВЧК, проведенная в 1919 году, ориентировала чекистов на усиление контроля над населением, насаждение страха многими никак не обоснованными казнями. 16 октября 1918 года была создана Московская чрезвычайная комиссия (члены коллегии: Дзержинский — председатель, члены — Б. А. Бреслав, В. Н. Манцев, С. А. Мессинг, Я. Юровский). Ее основными задачами были определены: проведение секретно-оперативной работы по выявлению замыслов контрреволюции, борьба с дезорганизацией деятельности транспорта и промышленности. Но когда во время отчетного доклада 30 декабря 1919 года на пленуме Московского совета Манцева обвинили в том, что он говорит о чем угодно, но не о терроре чекистов, то услышали демагогические рассуждения на тему важности чекистской работы для рабочего класса⁽¹²⁴⁾.

В аппарате ВЧК в 1919 г. вместо иногороднего отдела был создан инструкторский, во главе с Г. С. Морозом (1893—1940), который отвечал за работу местных ЧК, но предполагал их большую самостоятельность. Главным в ВЧК стал секретно-оперативный отдел, чьи сотрудники занимались

наблюдением, арестами и следствием. Его возглавил Скрыпник, вскоре замененный М. Я. Лацисом⁽¹²⁵⁾. В центре внимания отдела были заговоры и политические партии, все, кроме большевистской. Наиболее характерными приказами ВЧК за 1919 г. были: об изъятии всей контрреволюционной литературы, особенно календарей издательства Сытина (январь); у беспартийных чекистов оружие отобрать, чекистам-большевикам — оружие зарегистрировать (апрель); концлагеря обеспечить усиленной вооруженной охраной (май); сотрудниками секретно-оперативных отделов могли быть только коммунисты (май); расширение прав ВЧК в связи с «очисткой Советской республики от врагов рабоче-крестьянской России» (июнь); открытие двухмесячных курсов для подготовки чекистов (июль, зав. курсами — К. Карлсон); вещи расстрелянных ВЧК концентрировать у А. Беленького (1883—1942), распределять их по указанию президиума ВЧК (август)⁽¹²⁶⁾.

15 июня 1919 г. на заседании ЦК РКП(б) слушали доклад Дзержинского о расширении права расстрелов. В результате 20 июня ВЦИК принял постановление о том, что «право непосредственной расправы сохраняется за чрезвычайными комиссиями в местностях, объявленных на военном положении...»⁽¹²⁷⁾. В течение всего года увеличивалась численность войск ВЧК и внутренней охраны, расширялись штаты ВЧК⁽¹²⁸⁾. ВЧК занималась конфискацией у населения оружия, автомашин, шинелей и даже топлива у церквей и священнослужителей. Чекисты продолжали расстреливать по разным поводам, в том числе и за убеждения, которые расходились со взглядами следователя. Так, 19 сентября 1919 года коллегия особого отдела при реввоенсовете 5-й армии приговорила к расстрелу бывшего штабс-капитана Бориса Пятницкого за то, что он «по своему убеждению не может быть полезен для Советской власти»⁽¹²⁹⁾.

В 1919 году происходит максимальное сосредоточение карательной власти в руках Дзержинского. В апреле ВЦИК утвердил положение об особых отделах при ВЧК. Работа особых отделов контролировалась Реввоенсоветом республики, но общее руководство их деятельностью осуществляла

коллегия ВЧК (из 9 человек). В августе 1919 года во главе особого отдела вместо Кедрова стал Дзержинский с заместителями И. П. Павлуновским (1888—1940) и В. А. Аванесовым (1884—1930). Особые отделы армий и губЧК имели право расстрелов. По неполным данным, за второе полугодие 1919 года особые отделы 1-й, 4-й, 10-й и 14-й армий расстреляли 533 человека за шпионаж и контрреволюцию, а особые отделы 18 губЧК за то же время — 1436 человек⁽¹³⁰⁾. Заметим, что к ноябрю 1919 года были развернуты 14 полевых и одна конная советские армии, в которых также функционировали особые отделы.

В октябре 1919 года ВЧК получила право расстреливать на месте тех, кто нарушает работу железных дорог. Чекисты признавали, что правовые акты тогда изменялись «под давлением действительности»⁽¹³¹⁾. Их права стали необычайно широкими после апрельского (1919 год) предложения оргбюро ЦК РКП(б), согласно которому все ответственные советские работники должны были зарегистрироваться и пройти проверку в ЧК. Чекисты мотивировали это «борьбой с проникновением жулья»⁽¹³²⁾. Не случайно Б. Рассел, побывавший тогда в России, отнес чекистов ко второй группе правящего слоя страны (первым была компартия). Он увидел в ВЧК орган, «практически независимый от правительства», с собственными вооруженными формированиями, с правом расстрела тысяч людей без надлежащего судебного расследования. Ленин подобные права ВЧК приветствовал и с восторгом утверждал на VII Всероссийском съезде Советов (6 декабря 1919 г.), что «ЧК у нас организована великолепно»⁽¹³³⁾. Большевицкое руководство направляло и давало чекистам полную свободу действий. В декабре 1919 г. казанский губком предписал местному губЧК навести в городе порядок, расправляясь с нарушителями «по принципу красного террора»⁽¹³⁴⁾.

Об интенсивности расстрельных деяний чекистов можно судить по тем данным, которые сохранились в протоколах заседаний Казанской губЧК за август—декабрь 1919 года. В августе из рассмотренных 164 дел — расстреляно двое; в сентябре из 352 дел — 16; в октябре — из 285 дел — 11; в но-

ябре — из 190 дел — 11; в декабре — из 233 дел — 12. Итак, за пять месяцев губЧК рассмотрела 1224 дела, из них примерно третья часть — это арестованные бандиты. За это же время было расстреляно 52 человека, две трети из них — по политическим мотивам⁽¹³⁵⁾. Но если это число умножить на количество существовавших тогда ЧК разных уровней, особые отделы, то получится довольно значительное количество уничтоженных людей.

Марк Ферро, изучивший российскую революционную символику, пришел к выводу, что Ленин обожал медицинские метафоры, называя своих оппонентов истериками и сумасшедшими. Себя Ленин видел в роли вождя, призванного исцелить больное общество. Следует лишь дополнить это наблюдение указанием на то, что действия Ленина напоминали целенаправленное усердие весьма жестокого и не очень умелого хирурга... Трудно было тогда предположить, что символ меча-кладенца, рубящего цепи, станет «карающим мечом революции» — эмблемой ВЧК—ОГПУ—НКВД.

В начале 1920 года ситуация стала меняться. С одной стороны, были, несомненно, военные победы над армиями Колчака и Деникина, с другой — экономика военного коммунизма терпела крах: казарменная регламентация, реквизиции не способствовали росту производительности труда. Назовем лишь несколько цифр, свидетельствующих о крушении этой политики. Годовая потребность страны в хлебе исчислялась тогда примерно в 744 млн. пудов. В 1918—1919 гг. было собрано 107,9 млн. пудов хлеба и зернофуража, в 1919—1920 гг. — 212,5 млн. пудов, в 1920—1921 гг. — 367 млн. пудов. Обеспечить республику необходимым количеством хлеба продрозверстка не смогла. Национализация промышленности привела к тому, что «в 1919 г. на территории Советской республики не дымилось ни одной домны. Мы жили тогда, — говорил А. И. Рыков, — исключительно за счет того металла, который мы унаследовали от старого режима»⁽¹³⁶⁾. Единственное, что в те годы увеличивалось, — это численность управленческого аппарата. В 1920 г. в Москве и Петрограде служащие составляли около 40% работоспособного населения⁽¹³⁷⁾.

Многие из правителей России тогда понимали гибельность и неэффективность политики военного коммунизма. Н. Н. Суханов, экономист, арестованный в 1930 г. по обвинению в «меньшевизме», подтверждал в своей автобиографии неприятие «якобинской диктатуры большевиков». В начале 1920 г. он был вместе с Троцким на Урале и доказывал ему важность немедленной отмены продразверстки. «Троцкий оспаривал мои положения, — писал Суханов, — и резюмировал такого рода беседы в смысле, что своей продовольственной политики партия менять не собирается. Впоследствии оказалось, что именно в это время Троцкий по телеграфу с Урала выступил с проектом введения нэпа и во время кампании против него, в одном из партийных заседаний, демонстрировал соответствующую телеграфную ленту»⁽¹³⁸⁾. Попытка либерализации экономических отношений в начале 1920 г. потерпела неудачу: на IX съезде РКП(б) был взят курс на дальнейшую милитаризацию страны, и военно-коммунистическая политика достигла тогда своего бесславного апогея. Но, вероятно, в плане возможных послаблений политики следует рассматривать и предложение Дзержинского, поддержанное ВЦИК и Совнаркомом, об отмене расстрела по приговорам ВЧК и местных ЧК. Комиссия в составе Дзержинского, Каменева и Троцкого подготовила это решение, вступившее в силу 17 января 1920 г.⁽¹³⁹⁾. Право расстрелов оставалось за ревтрибуналами.

По официальной версии, запрет на чекистские расстрелы действовал до 28 мая 1920 г., когда они вновь были начаты в связи с советско-польской войной. И. К. Ксенофонтов 29 мая подписал приказ всем губЧК «арестовать опасных и вредных лиц польской национальности и объявить их заложниками, представив списки ВЧК». На основании этого приказа расстрельное право получили 16 губернских ЧК из 51. Еще 8 ЧК было это разрешено делать с санкции ВЧК⁽¹⁴⁰⁾. Критерий их выбора зависел, по всей вероятности, не от близости фронта, а важности территорий, нестабильности в них обстановки и других обстоятельств.

29 июля 1920 г. Ленин утвердил новый список членов коллегии ВЧК из 12-ти человек: Дзержинский, Ксенофон-

тов, Петерс, Лацис, Менжинский, Ягода, В. А. Аванесов, М. С. Кедров, В. Н. Манцев, Ф. Д. Медведь, С. А. Мессинг, В. С. Корнев. В сентябре сотрудники ВЧК были приравнены к военнослужащим действующей Красной Армии. 4 ноября 1920 г. ВЦИК подтвердил, что в местностях, объявленных на военном положении, ЧК имеют расстрельные права⁽¹⁴¹⁾.

В течение всех лет гражданской войны происходило увеличение числа концлагерей и лагерей принудительных работ, тюрем и тюремных больниц. Они создавались на основе постановлений Президиума ВЦИК РСФСР (11 апреля 1919 г.) и инструкции о лагерях принудительных работ (12 мая 1919 г.). Их организацией занимались в губерниях и уездах чекисты, затем они перешли в ведение отделов управления исполкомов⁽¹⁴²⁾. На 1 ноября 1920 г. в лагерях принудительных работ, по неполным данным, находилось 16 967 заключенных, в том числе за контрреволюцию — 4561; саботаж — 255; спекуляцию — 2969; преступления по должности — 2036; дезертирство из армии — 2885; дезертирство от трудовой повинности — 509; уголовники — 3563; заложники — 189. Среди них рабочих и служащих — 5768; крестьян — 6616; домовладельцев — 510; торговцев и владельцев фабрик — 1782; помещиков — 848; священнослужителей — 255 и др.⁽¹⁴³⁾ Эти данные свидетельствовали о том, что среди заключенных преобладали рабочие и крестьяне, что более четверти заключенных были репрессированы по политическим мотивам. Их положение в лагерях и тюрьмах было тяжелым. Начальник секретного отдела ВЧК Т. П. Самсонов докладывал Дзержинскому о посещении в начале января 1921 г. Лефортовской и Бутырской тюрем: «В камерах грязь, сырость, вонь, испарения и, главное — дым, абсолютно не дающий возможности дышать... Арестованные жалуются на плохое питание и отсутствие книг... Так обращаться дальше с живыми людьми и содержать их в таких условиях нельзя; это преступление»⁽¹⁴⁴⁾.

Н. В. Устрялову принадлежит высказывание о том, что ЧК победила контрреволюцию, а спекуляцию одолеть не смогла⁽¹⁴⁵⁾. Хотя, согласно военно-коммунистичес-

кой доктрине, меры по борьбе со свободной торговлей, искоренению частной инициативы и собственности предпринимались самые чрезвычайные. 21 октября 1919 г. декретом Совнаркома по инициативе ВЧК был создан особый революционный трибунал, решения которого не были связаны никакими процессуальными тонкостями, а приговоры окончательны, не терпящие обжалования. Но чекисты признавали, что число привлекаемых за спекуляцию все время росло⁽¹⁴⁶⁾.

Критика жестокой карательной политики, творимого произвола мало беспокоила Ленина и его соратников. Март в 1920 г. в Галле на конгрессе Германской независимой социал-демократической партии в присутствии председателя Коминтерна Зиновьева резко отрицательно говорил о бессмысленном массовом терроре против невинных людей в Советской России. «В ответ на убийство Урицкого и покушение на Ленина, — утверждал Март, — совершенные отдельными людьми, в Петрограде, где правительствует Зиновьев, казнены не менее восьмисот человек. Это были офицеры, арестованные задолго до покушения и никакого отношения к ним не имевшие, к тому же арестованные не за контрреволюцию, а только за якобы их оппозицию против революции. (В зале оживление, крики по адресу Зиновьева: «Палач!», «Бандит!») Список этих людей опубликован в газете «Известия», и Зиновьев не может отрицать этот факт. Среди казненных был и рабочий, член нашей партии Краковский. Зиновьев не может также отрицать, что подобные же казни состоялись и во всех других городах России по прямому указанию из центра, которое изложено в циркулярах наркома внутренних дел Г. Петровского органам местной власти. Уже сам по себе факт, что жены и сыновья политических противников были также арестованы как заложники и многие из них из мести за действия их мужей и отцов расстреляны, является доказательством масштаба террора»⁽¹⁴⁷⁾.

П. Кропоткин в письме Ленину 21 декабря 1920 г. возмущался тем, что центральные большевистские газеты угрожали «беспощадно истребить» заложников в случае покушения

на советских вождей. «Неужели среди вас не нашлось никого, чтобы напомнить своим товарищам и убедить их, что такие меры представляют возврат к худшим временам Средневековья и религиозных войн и что они недостойны людей, взявшихся созидать будущее», — утверждал Кропоткин. И спрашивал: не будет ли заложничество «сочтено признаком, что вы считаете свой коммунистический опыт неудавшимся, и спасаете уже не дорогое вам строительство коммунистической жизни, а лишь самих себя?». По мнению Кропоткина, заложничество представляло «пережиток старого строя и старых безобразий неограниченной всепожирающей власти»⁽¹⁴⁸⁾.

Анализ некоторых документов Ленина позволяет утверждать, что на всю эту критику вождь не реагировал. Более того, в начале 1921 г. он предлагал Н. Крестинскому создать комиссию «для выработки экстренных мер». В состав комиссии предполагалось ввести Крестинского, Владимирского или Дзержинского, Рыкова или Милютина. Перед комиссией ставилась задача «тайно подготовить террор: необходимо и срочно». Постановление об этом предлагалось оформить решением Совнаркома или как-то иначе⁽¹⁴⁹⁾.

Это была общая линия советской внутренней политики, жестокость, казарменная строгость во всем. Главком советских вооруженных сил И. И. Вацетис в 1919 г. сообщал Ленину: «Дисциплина в Красной армии основана на жестоких наказаниях, в особенности на расстрелах... Беспощадными наказаниями и расстрелами мы навели террор на всех, на красноармейцев, на командиров, на комиссаров... Смертная казнь... у нас на фронтах практикуется настолько часто и по всевозможным поводам и случаям, что наша дисциплина в Красной Армии может быть названа, в полном смысле слова, кровавой дисциплиной». Ленин приветствовал такое, когда говорил в октябре 1921 г.: «В Красной Армии... применялись строгие, суровые меры, доходящие до расстрелов, меры, которых не видело даже прежнее правительство. Мещане писали и вопили: «Вот большевики ввели расстрелы». Мы должны сказать: «Да, ввели, и ввели вполне сознательно»⁽¹⁵⁰⁾.

1920 год вошел в историю террора в России его ужесточением. Хотя год начинался с частичной отмены расстрелов, созданием музея ВЧК, где, по плану сбора документов, главная роль отводилась показу необходимой положительной деятельности чекистов и белому террору, белогвардейским жертвам. В январе чекистам повысили оклады: членам коллегии с 4050 р. до 5063 р.; следователям — с 3600 до 4125 р. 1 сентября 1920 г. Ксенофонтов призвал сотрудников ЧК избавиться от недостатков, соблюдать «железную дисциплину», прекратить пьянство, грубость, работать сверхурочно, т. к. зарплату повысили на 25%, навести порядок в делах⁽¹⁵¹⁾. Казанская губЧК в январе 1920 г. расстреляла 8 человек, в феврале—мае, судя по протоколам заседаний ее коллегии, расстрелов не было. Но рассмотрение ряда личных дел показывает обратное. В марте 1920 г. в Казани был расстрелян полковник А. М. Миронов, в апреле — штабс-капитан Л. И. Синявин, в мае — капитан Н. Г. Леухин. Все — за службу у Колчака⁽¹⁵²⁾. Ясно, что не все расстрелянные заносились в протоколы заседаний руководства казанских чекистов. 15 июня 1920 г. Казанский губком РКП(б) принял к сведению заявление председателя ЧК Г. М. Иванова о введении расстрелов в губернии⁽¹⁵³⁾, хотя они и не прекращались. В результате в июне было расстреляно 19 человек, июле — 13, августе — 8, сентябре — 8, октябре — 2, ноябре — 2, декабре — 7. Всего за вторую половину года — 59 человек. Среди них третья часть — уголовники и спекулянты, остальные — бывшие офицеры, священники, домохозяева и объединенные словом «контрреволюционеры». Среди заключенных осенью 1920 г. — «представители польской буржуазии», как заложники в резерв Временного польского ревкома.

В 1920 г. появились симптомы боязни у палачей. 18 ноября 1920 г. председатель реввоен трибунала Заволжского военного округа В. И. Сперанский просил руководство перевести его из Самары на другое место работы, так как за 5 месяцев реввоен трибунал приговорил к расстрелу 400 человек, из которых 370 фактически расстреляны. Он мотивировал свою просьбу тем, что жители его третируют, угрожа-

ют, называют палачом!⁽¹⁵⁴⁾. Эти случаи единичны. Массовый террор порождал коллективную безответственность и уверенность в личной безнаказанности. Много позже стали известны имена наиболее свирепых чекистских изуверов⁽¹⁵⁵⁾.

Свидетельств жестокостей чекистов той поры более чем достаточно. Центральный комитет российского Красного Креста сообщал в международный комитет 14 февраля 1920 г. о положении в Киеве, где ЧК — «средневековая инквизиция» — составляла «политическую опору советской власти». В письме отмечалось, что после бегства петлюровцев в разных частях города было обнаружено «около 400 полуразложившихся трупов, преимущественно офицерских». Но их действия не шли ни в какое сравнение с действиями чекистов, расстрелявших с февраля по август около 3 тысяч человек. В докладе отмечалось, что чекисты «шеголяли друг перед другом своей жестокостью»⁽¹⁵⁶⁾.

Одной из наиболее варварских акций 1920 года стала крымская трагедия, разыгравшаяся после эвакуации войск Врангеля. Победитель Ленин весьма оптимистически высказался по отношению к 300 тысячам людей, оставшихся по разным причинам в Крыму. Он назвал их всех «буржуазией», «источником будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам». Ленин предлагал их не бояться, потому что «возьмем их, распределим, подчиним, переварим»⁽¹⁵⁷⁾. Переварили по-своему, уже привычно, по-чекистски.

Даже приблизительная реконструкция событий того времени в Крыму, по немногим сохранившимся документам, свидетельствует о превращении и этой территории в часть «всероссийского кладбища», число которых столь резко выросло в те годы.

П. Н. Врангель на 126 судах вывез из Крыма 145 693 человека (в том числе около 5 тысяч больных и раненых). В Крыму осталось: 2009 офицеров и 52 687 солдат армии Врангеля в качестве военнопленных, в госпиталях — около 15 тысяч раненых и больных военнослужащих; более 200 тысяч человек — это военные чиновники, журналисты, актеры, преподаватели, врачи, члены их семей, офицеры, не воевавшие и не желавшие покинуть страну. Их всех скорее

объединяло слово «беженцы», нежели «буржуазия», так как состоятельные люди покинули Крым еще до начала боев.

В сентябре 1920 г. Троцкий предложил врангелевским офицерам амнистию в ответ на их признание Советов. 18 октября, не получив ответа, он потребовал от Фрунзе издания приказа «о поголовном истреблении всех лиц врангелевского командного состава, захваченного с оружием в руках». Однако реввоенсовет Южного фронта (М. В. Фрунзе, И. Т. Смилга, М. В. Владимиров, Бела Кун) 10 ноября гарантировал сдающимся «полное прощение». Теперь вмешался Ленин, удивленный «непомерной уступчивостью условий» и потребовавший с противником «расправиться беспощадно». Требования Ленина и Троцкого стали осуществляться по мере освобождения Крыма, когда тяжелые потери красных и сопротивление белых привели к убийству сотен раненых врангелевских офицеров в госпиталях.

После эвакуации Врангеля в советских газетах стало муссироваться предложение о «новом» десанте белогвардейцев в Крым, и в связи с этим первоочередной задачей объявлялось очищение полуострова от «чуждых элементов». С чрезвычайными полномочиями для выполнения этой акции в Крым прибыл Г. Пятаков. Крым «чистили» расстрелами, арестами и выселениями.

17 ноября 1920 года за подписями председателя крымского ревкома Бела Куна и управляющего делами Яковлева был опубликован приказ № 4: «Все офицеры, чиновники военного времени, солдаты, работники в учреждениях Добрармии обязаны явиться для регистрации в 3-дневный срок. Неявившиеся будут рассматриваться как шпионы, подлежащие высшей мере наказания по всем строгостям законов военного времени»⁽¹⁵⁸⁾. В регистрационных пунктах выстроились очереди: в Севастополе — 3 тысячи человек, в Ялте — 7 тысяч, всего по Крыму за 3 дня — не менее 25 тысяч. После этого начались облавы. Только в Севастополе при такой тотальной проверке документов было задержано 6 тысяч человек, из них отпущено 700; расстреляно 2 тысячи, остальные отправлены в концлагеря. Крымский обком

РКП(б) в отчете о работе с 22 ноября по 13 декабря 1920 года отмечал, что основная часть борьбы с контрреволюцией в то время проводилась особым отделом фронта во главе с Е. Г. Евдокимовым (1891—1940)⁽¹⁵⁹⁾.

Роль Евдокимова, как одного из главных действующих лиц — организаторов трагедии, подтверждается его характеристикой, данной для награждения орденом боевого Красного Знамени. В обоснование подчеркивалось: «Во время разгрома армии генерала Врангеля в Крыму тов. Евдокимов с экспедицией очистил Крымский полуостров от оставшихся там для подполья белых офицеров и контрразведчиков, изъяв до 30 губернаторов, 50 генералов, более 300 полковников, столько же контрразведчиков и в общем до 12 000 белого элемента, чем предупредил возможность появления в Крыму белых банд»⁽¹⁶⁰⁾. В этом документе впечатляет цифра в 12 тысяч человек, расстрелянных только сотрудниками особого отдела фронта. Разумеется, трудно предположить, что оказавшиеся в Крыму бывшие губернаторы или генералы стали бы создавать банды... Но стереотип тех лет не требовал аргументации, политические обвинения приравнивались к уголовным. Более того, 2 января 1921 года Крымский обком РКП(б) согласился с мнением чекистов о том, чтобы особый отдел, вынося приговор о расстреле, одновременно высылал из Крыма семью расстрелянного⁽¹⁶¹⁾.

Проверить называемые в разных изданиях числа расстрелянных в то время в Крыму — 25 или 120 тысяч человек — невозможно из-за отсутствия документов. Но и сохранившиеся данные подтверждают жестокость проводимых экзекуций. В ноябре—декабре 1920 года и позднее в Крыму проводились массовые расстрелы, хотя основная масса зарегистрированных, примерно в 30 тысяч человек, была направлена etapом на восстановление шахт Донбасса, мостов и дорог. К лету 1921 года из Крыма было выселено не менее 100 тысяч беженцев. До этого времени в Крыму властвовал и террор. 28 ноября 1920 г. «Известия временно-го севастопольского ревкома» сообщали о расстреле 1634 человек, в том числе 278 женщин, два дня спустя в них же го-

ворилось о расстреле 1202 человек, в том числе 88 женщин. 14 декабря 1920 г. член Крымревкома Ю. П. Гавен писал Н. Н. Крестинскому о том, что Бела Кун в Крыму «превратился в гения массового террора», и возмущался тем, что пытался освободить 10 невинных людей, а его обвинили в мелкобуржуазности. Гавен сообщал, что по инициативе Б. Куна и Р. С. Землячки расстреляли около 7 тысяч человек из арестованных более 20 тысяч людей⁽¹⁶²⁾.

Сохранившиеся в крымских архивах документы свидетельствуют об ужесточении действий ЧК в первой половине 1921 года. Чекисты выселяли из Крыма дашнаков, меньшевиков и эсеров и вели беспощадную борьбу с «вредными элементами». ЧК объявляла уезды на военном положении и на месте расстреливала всех, кого считала бандитами⁽¹⁶³⁾.

Специальная комиссия ВЦИК, расследовавшая крымскую резню 1920—1921 годов, натолкнулась на круговую поруку. Исполнители говорили, что выполняли приказы Куна и Землячки, а последние за свою палаческую деятельность получили правительственные награды...

Список убиенных в Крыму велик. Там были расстреляны брат Василия Шульгина — Дмитрий, сын писателя Ивана Шмелева — Сергей и многие другие. Князь В. А. Оболенский, бывший в 1918 году в Крыму председателем земской управы, вспоминал о судьбе министра финансов крымского правительства А. П. Барта, который не захотел уехать. «Я решил остаться, — объяснял Барт, — так как ехать некуда. Нужно смотреть прямо в глаза действительности: борьба кончилась и большевистская власть укрепилась надолго. Это тяжело, но что же делать, нужно как-то приспособиться. К тому же я почти уверен, что мне лично никакой опасности не угрожает. Ведь уже в прошлый раз большевики в Крыму никого почти не казнили, а теперь, окончательно победив своих противников, они захотят показать себя милостивыми. Все это я обсудил и бесповоротно решил остаться в Симферополе». Через месяц его расстреляли во дворе симферопольской тюрьмы. Оболенскому помог уехать из Крыма капитан французской армии Зиновий Пешков (брат Якова Свердлова и приемный сын Максима Горького)⁽¹⁶⁴⁾.

Победоносное для большевиков завершение военного противостояния в России не означало умаление роли карательных органов в жизни пролетарского государства. В отчете о деятельности ВЧК подчеркивалось, что, несмотря на улучшившееся международное положение, прекращение войны, советская власть «определенно сказала: работа ВЧК нужна сейчас больше, чем когда бы то ни было»⁽¹⁶⁵⁾.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 2

¹ Портнов В. П., Славин М. М. Становление правосудия Советской России (1917—1922 гг.). М., 1990. С. 163; Велюдов А. С. Ленинская концепция советских органов государственной безопасности (исторический очерк) // Проблемы и суждения. 1990. № 2. С. 20.

² Волошин М. Россия распятая. // Юность. 1990. № 1. С. 29; Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 383; он же. Создание однопартийного государства в Советской России (1917—1918 гг.) // Минувшее. М., 1991. Т. 3. С. 82.

³ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 136.

⁴ Собрания узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (далее — СУР). 1918. № 44. С. 536; Известия ВЦИК. 1919. 3 января.

⁵ Специалист по лесному хозяйству С. Либерман, присутствовавший на нескольких заседаниях Совнаркома, вспоминал: «Совещания высшего исполнительного органа Советской России, на которых председательствовал Ленин, проходили в необычной атмосфере. Несмотря на все усилия назойливого секретаря придать каждой такой встрече торжественный характер заседаниям Совета Министров, невозможно было избавиться от ощущения, что присутствуешь на собрании подпольного революционного комитета!» Цит. по: Пайпс Р. Создание однопартийного государства в Советской России (1917—1918 гг.) // Минувшее. М., 1991. Т. 3. С. 121.

⁶ См.: Разгон А. И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М., 1977. С. 161—163; // Минувшее. Т. 3. С. 111—113.

⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 54—55.

⁸ О कोरोков А. З. Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970. С. 204, 310; Аросев, помощник командующего войсками Московского военного округа, вспоминал, как по поручению Ленина он весной 1918 г. закрывал газеты по указанному списку. В ту памятную ночь, писал Аросев, «не раз пришлось в телефонную трубку слышать густой, немного глухой, немного картавящий голос Владимира Ильича. Он внимательно меня выслушивал и опять, и опять старался поконкретнее предусмотреть все препятствия». Аросев в А. Я. Как закрывали буржуазные газеты. // Красная нива. 1929. № 4. С. 12. Из этого следует, что Ленин руководил закрытием оппозиционных газет и к этой акции были привлечены военные. Созданный 18 декабря 1917 г. Народным комиссариатом юстиции Петроградский революционный трибунал печати постановил, что наказанию подлежат публикуемые «сообщения ложных или извращенных сведений о явлениях общественной жизни, поскольку они являются посягательством на права и интересы революционного народа». В постановлении говорилось о наказании лиц, совершивших преступление при помощи печати. С мая 1918 г. закрытие газет осуществляли чекисты. «Газеты «Родина» закрыть навсегда...» // Родина. 1994. № 5. С. 98—100. А. С. Велидов, говоря о закрытии антисоветской прессы в условиях развертывавшейся гражданской войны, считал эту меру неизбежной и обоснованной. Велидов А. С. На пути к террору. // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 92. Но ведь оппозиционная властям пресса не получила развития и после официального окончания гражданской войны в стране. Это можно обосновать лишь тоталитарными принципами создаваемого тогда режима власти.

⁹ Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 125—126.

¹⁰ Об этом писали многие петроградские газеты. См.: Сегал Д. Сумерки свободы: о некоторых темах русской ежедневной печати 1917—1918 гг. // Минувшее. М., 1991. Т. 3. С. 146—149.

¹¹ В декабре 1919 г. Казанский губисполком, обеспокоенный ростом преступности в городе, постановил: «Ввиду участвовавших краж из продскладов, магазинов и распределителей, принявших угрожающий характер, объявить город Казань и губернию на чрезвычайном положении. На основании этого положения все воры и грабители, захваченные на месте преступления при совершении ограбления и кражи продскладов и т. п.,

передаются в распоряжение ЧК, которая вправе в течение 24-х часов виновных в хищении народного добра подвергнуть расстрелу». // Национальный архив республики Татарстан (далее — НА РТ), ф. 3977, оп. 1, д. 7а, л. 12.

¹² Портнов В. П., Славин М. М. Становление правосудия Советской России (1917—1922 гг.). С. 51—52.

¹³ Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства. 1917—1918. М., 1987. С. 204.

¹⁴ Титов Ю. П. Развитие системы советских революционных трибуналов. М., 1987. С. 13—14, 16.

¹⁵ Портнов В. П., Славин М. М. // Там же. С. 72—73.

¹⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 504.

¹⁷ Титов Ю. П. // Там же. С. 27—28, 34, 47, 51.

¹⁸ Тоболин И. Заговор монархической организации В. М. Пуришкевича / Красный архив. 1928. Т. 26. С. 169—185.

¹⁹ См.: Известия ВЦИК. 1918. 22 июня.

²⁰ См.: Известия. 1990. 26 октября; Фельштинский Ю. Брестский мир. М., 1992. С. 332; А. Рабинович пришел к выводу о том, что Щастный «пал жертвой глубокого расхождения, возникшего между ним и Троцким». Щастный не считал, что для сохранения мира с Германией можно (без сражения) пожертвовать флотом и Петроградом. А. М. Щастный был реабилитирован в 1995 г. Рабинович А. Досье Щастного: Троцкий и дело героя Балтийского флота. // Отечественная история. 2001. № 1. С. 77, 78.

²¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 37. С. 535; Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930. Т. 2. С. 141; Волкогонов Д. А. Троцкий. М., 1992. Кн. 1. С. 299.

²² Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция. М., 1923. Т. 1. С. 232—233.

²³ Там же. С. 235, 236.

²⁴ Председательствовал на заседании военно-революционного трибунала А. П. Розенгольц. Участники боев за Казань Лариса Рейснер и С. Гусев (Я. Драбкин) положительно оценили эту акцию. Рейснер Л. Свяжск. // Пролетарская революция. 1923. № 6—7. С. 185—186; Гусев С. Свяжские дни. // Пролетарская революция. 1924. № 2. С. 102. Через год, в разгар борьбы с троцкизмом, Гусев осуждал действия Троцкого, хотя сам

был членом трибунала в 1918 г. Гусев С. И. Гражданская война и Красная Армия. М., 1925. С. 17—20. Троцкого в 20-е годы обвиняли не в том, что он утвердил решение трибунала о проведении децимации, а за то, что не возразил против расстрела командира и комиссара полка, коммунистов. Троцкий огрызался: суд расстрелял коммунистов в числе других дезертиров. «Никаких других расстрелов комиссаров, которые происходили при моем хотя бы косвенном участии, насколько помню, не было». // The Trotsky papers. L., Hague, Paris, 1964. V. 1. P. 206.

²⁵ Ленинский сборник. М., 1970. XXXVII. С. 136; Авторханов А. Происхождение партократии. Франкфурт-на-Майне, 1973. Т. 1. С. 508.

²⁶ К осени 1920 г. было 150—160 военных трибуналов. Титов Ю. Там же. С. 62.

²⁷ Портнов В. П., Славин М. М. Там же. С. 119, 121, 122; Родин Д. Революционные трибуналы в 1920—1922 гг. // Вестник статистики. 1989. № 8. С. 49, 54.

²⁸ Портнов В. П., Славин М. М. Там же. С. 152.

²⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 126, 135, 137; Т. 50. С. 178; В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891—1922. С. 239, 330; Известия. 1993. 29 мая.

³⁰ Разумеется, были случаи, как с угрозой разрушить город, когда подобные указания вождя не осуществлялись. Так произошло, например, с телеграммой, посланной Лениным в адрес Симбирского губпродкомиссариата 6 января 1919 г.: «Комитет 42 организаций голодающих рабочих Петрограда и Москвы жалуется на Вашу нераспорядительность. Требую максимальной энергии с Вашей стороны, неформального отношения к делу и всесторонней помощи голодающим рабочим. За неуспешность вынужден буду арестовать весь состав Ваших учреждений и передать суду. Отдал срочное распоряжение об увеличении паровозов и вагонов. Вы должны немедленно погрузить имеющиеся налицо два поезда по 30 вагонов. Телеграфируйте исполнение.

Хлеб от крестьян Вы обязаны принимать днем и ночью. Если подтвердится, что Вы после 4 часов не принимали хлеба, заставляли ждать до утра, то вы будете расстреляны».

Материалы, хранящиеся в государственном архиве Ульяновской области, позволяют выяснить судьбу этой телеграммы.

В день ее получения председатель Симбирского губисполкома М. А. Гимов сообщил Ленину, что «2-х поездов по 30 вагонов, на которые Вы указываете в телеграмме от 5 января № 20, на означенных линиях не оказалось, что лица, повинные в неприемке хлеба после четырех часов, выясняются и виновные будут преданы суду. Все поставлено на ноги для выяснения причин нераспорядительности. Просим сделать распоряжение о присылке паровозов на Волго-Бугульминскую дорогу, потому что хлеб не подается за неимением паровозов... В настоящее время на линии Волго-Бугульминской дороги на 6 января находятся 14 груженых хлебом вагонов, вывозка которых задерживается вследствие недостатка паровозов».

7 января решением президиума губисполкома было назначено следствие над всеми организациями, которые имели то или иное отношение к погрузке, подаче вагонов и паровозов. Проведение следствия было возложено на отдел юстиции. Ленину сообщили, что были приняты меры для выяснения случая неприемки хлеба после четырех часов, было еще раз указано производить приемку хлеба во всякое время дня и ночи, хотя, как было отмечено, «приемка производилась до сих пор непрерывно, подаваемые вагоны грузили без задержки».

Следствие выяснило, что в начале января 1919 г. сотрудник первого продовольственного магазина 5-й армии коммунист Грудин послал Ленину из Симбирска телеграмму: «Симбирский губпродком, занимаясь с 9 до 4 часов, после означенного времени никаких занятий не производит. Крестьяне, доставляющие из уездов хлеб, прибывшие после 4 часов вечера, вынуждены были стоять на улице до утра. Отчего настроение у крестьян неблагоприятное. Прошу Вашего распоряжения Симбирскому губпродкому о приемке от крестьян хлеба без очереди как днем, так и ночью». Вызванный следственной комиссией Грудин никаких фактов в подтверждение своей телеграммы привести не мог.

Через три дня, 10 января, симбирский губисполком, заслушав доклад Гимова по материалам следственной комиссии, признал возведенное на губисполком обвинение совершенно необоснованным, «а телеграмму тов. Ленина следствием недоразумения, вызванного выпадом безответственного лица, находящегося в состоянии опьянения и недостойного дальнейшего пребывания в рядах коммунистов». Губисполком постановил: «Весь материал следствия... направить председателю Совнарком-

ма; войти с ходатайством о привлечении гражданина Грудина к ответственности перед Революционным трибуналом... за безответственное выступление, повлекшее за собой введение в заблуждение председателя Совнаркома и тяжелое необоснованное обвинение на советских работников Симбирской губернии».

Вместе с тем члены губисполкома высказали мнение: нельзя считать правильным такой порядок, когда центральная власть предъявляет обвинения и даже грозит ответственным советским и партийным работникам расстрелом — без всякого разбирательства и расследования, на основании голословных и совершенно ложных заявлений отдельных лиц. Губисполком решил: «обратиться с изложением такого взгляда к тов. Ленину, а также ЦК партии, указав, что такой порядок совершенно дезорганизует работу на местах, ибо ни один советский работник не сможет твердо и неуклонно проводить политику рабоче-крестьянского правительства, не будучи уверен, что по первому же вздорному обвинению безответственных лиц на них без производства расследования не будет возводиться самых тяжелых и серьезных обвинений с угрозами расстрела». Ленин В. И. ПСС. Т. 50. С. 238; Государственный архив Ульяновской области (далее — ГАУО), ф. 200, оп. 4, д. 2, л. 1—6, 16 23; Литвин А. Л. Жалоба на товарища Ленина. // Московские новости. 1987. 27 декабря.

Подобный случай связан и с реакцией Ленина на рассмотрение фальшивки — «Декрета об отмене частного владения женщинами». 11 февраля 1919 г., получив жалобу крестьян на комбед деревни Медяны Чимбелевской волости Курмышского уезда Симбирской губернии, который, по их утверждению, распорядился судьбами молодых женщин, «отдавая их своим приятелям, не считаясь ни с согласием родителей, ни с требованиями здравого смысла», Ленин предложил губернской ЧК сурово наказать мерзавцев, но при проверке выяснилась ложность информации, данной в жалобе Ленину. Алексеев В. «Национализация женщин» комбедом села Медяны. // Ульяновский общественник. 1927. № 5. С. 5—7; Ленин и ВЧК. М., 1975. С. 149; Велидов А. «Декрет» о национализации женщин. // Московские новости. 1990. 25 февраля.

³¹ Из истории гражданской войны в СССР. Сб. док. и материалов. М., 1960. Т. 1. С. 465—466.

³² РГАСПИ, ф. 2, д. 133, л. 1—2, 9, 11, 13; д. 134, л. 1. Н. И. Бу-

харин, выступая в «Правде» (1 января 1919 г.), предлагал реформировать ВЧК, «иначе эти органы будут «выдумывать» для себя работу, т. е. «вырождаться».

³³ Из истории взаимоотношений чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов. // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 157—159, 161.

³⁴ В июле 1919 г. в казанском губревтрибунале начался длительный процесс по делу заведующего секретным отделом губЧК Э. Лапинлауска, его заместительницы М. Кангер, председателя ревтрибунала В. Устьянцева, следователей трибунала и нескольких жителей города, обвиняемых в вымогательстве, взяточничестве, пьянстве, дискредитации советской власти и преступлениям по должности. Всего судили 9 человек, привлекались 94 свидетеля. Следствие быстро установило, что проживающая в Казани Ольга Афанасьева, 25 лет, русская, имевшая 4-летнюю дочь, устроила у себя дома притон. Ей удалось с целью «обеспечения своего существования завязать интимную связь» с Устьянцевым (32 лет, русский, столяр, большевик с марта 1917 г.), через него познакомиться с Лапинлауском (30 лет, латыш, токарь, большевик с 1905 г.) и «с ним установить интимную связь, через последнего иметь доступ в губЧК и выдавать себя сотрудницей таковой». Афанасьева ездила по тюрьмам, за взятки освобождала заключенных при помощи своих высокопоставленных сожителей. Во взяточничество, укрывательство при обысках ценных вещей были вовлечены следователи трибунала, а также Кангер (19 лет, латышка, гражданская жена председателя Казанской губЧК К. Карлсона).

А. И. Бочков, ставший председателем губревтрибунала после ареста Устьянцева, говорил, что это дело было начато губкомом РКП(б) и об этом было сообщено в ЦК партии и ВЧК. Для выяснения в Казань приехала комиссия в составе наркома юстиции Д. И. Курского и заместителя председателя ВЧК И. К. Ксенофонтова, которые ознакомились с делом, согласились, что аресты проведены правильно, а заступничество Карлсона неверно. Губком просил Карлсона из Казани убрать и для беспристрастного рассмотрения дела прислать в Казань из Москвы судей.

В конце сентября прибыл в Казань новый председатель губЧК Жан Фрицевич Девинггаль (1892—1938), большевик с 1907 г., латыш, чекист. ВЦИК командировал в Казань М. П. Янышева, председателя Московского ревтрибунала, для

разбора дела. Трибунал заседал 7—10 августа 1919 г.: Лапинлауск и Афанасьева были приговорены к расстрелу, остальные к различным срокам заключения. Учитывая нахождение Кангер в это время в роддоме, она была оставлена под домашним арестом, по амнистии в честь годовщины революции приговор всем был изменен: Лапинлауск и Афанасьева получили по 5 лет заключения с конфискацией имущества, остальные освобождены. Около года Лапинлауск и Афанасьева лечились в психбольнице, в сентябре 1920 г. также были освобождены, причем Лапинлауск под поручительство членов коллегии ВЧК Я. Петерса и М. Лациса. // НА РТ, ф. 526, оп. 2, д. 352, л. 7, 9, 220—221; д. 711, л. 45, 57, 99, 270.

³⁵ Муранов А. Правда о трибунале. // Известия. 1989. 4 мая.

³⁶ НА РТ, ф. 3997, оп. 1, д. 1, л. 13; д. 8, л. 246; в 1920 г. численность милиции устанавливалась из расчета — милиционер на 3 тысячи сельских жителей и на 400 горожан. В мае 1918 г. в Омске, Томске, Красноярске, Барнауле и Иркутске было 1634 милиционера, в сентябре 1920 г. — 14 843 (из них коммунистов до 30%). Николаев П. Ф. Советская милиция Сибири (1917—1922). Омск, 1967. С. 70, 177, 272. В декабре 1919 г. в Казани — 641 милиционер (67 коммунистов и 55 им сочувствующих), в мае 1922 г. в милиции Татарской республики 1707 человек (из них 1414 русских, 199 татар, 75 чувашей и др., 69 коммунистов и 15 им сочувствующих). // НА РТ, ф. 3997, оп. 1, д. 25, л. 171; д. 94, л. 94.

³⁷ Внутренние войска Советской республики. 1917—1922 гг. Документы и материалы. М., 1972. С. 109—110. Начальником войск ВОХР был назначен бывший полковник царской армии, член коллегии ВЧК К. М. Валобуев (1879—1942). Численность войск ГПУ постановлением Совета труда и обороны от 2 июня 1922 г. сокращалась на 60% и доводилась до 45 тысяч человек. // Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. 1922—1941 гг. Документы и материалы. М., 1977. С. 4.

³⁸ Стрижков Ю. К. Продовольственные отряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции. 1917—1922 гг. М., 1973. С. 119, 255. К 1 января 1921 г. численность продармии составляла 49 030 человек. Всего в рядах продармии и отрядах Военпродбюро побывало в 1918—1921 гг. около 250 тыс. человек. Стрижков Ю. К. Там же. С. 255, 299. С мая 1918 г. главным комиссаром и военным руководителем продовольственно-

реквизиционной армии (продармии) был большевик Г. М. Зусманович (1889—1944).

³⁹ ЧОН действовали в контакте с ЧК и внутренними войсками. Они были расформированы в 1924—1925 гг. К 1924 г. ЧОН в Татарии — 12 рот. Постоянный состав — 103 командира. Главная задача — изъятие оружия у населения, борьба с контрреволюцией. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (далее — ЦГАИПД РТ), ф. 868, д. 151, л. 56. В 1922 г. в ЧОН Калмыкии — 814 чел. Убушаев В. Отряды ЧОН Калмыцкой области в борьбе с внутренней контрреволюцией (1920—1924 гг.). // Военно-исторический журнал. 1974. № 9. С. 83. В начале 1921 г. в ЧОН — 31 полк (41 257 командиров и 330 630 бойцов). РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 263, л. 98.

⁴⁰ Известия ВЦИК. 1919 г. 8 февраля; Обзор деятельности ВЧК за 4 года. М., 1921. С. 14; В. И. Ленин и ВЧК. С. 124. ЦК РКП(б) заявлял, что «ЧК созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии, по ее директивам и под ее контролем». Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Январь—март 1919 г. М., 1971. Т. 6. С. 62.

⁴¹ Ф. Э. Дзержинскому (1877—1926) посвящена обширная литература. В. Р. Менжинский, его ближайший соратник, характеризовал Дзержинского «очень сложной натурой, при всей своей прямоте, стремительности и, когда нужно, беспощадности». О Ф. Э. Дзержинском. М., 1977. С. 95. Чекист М. Лацис полагал, что «организация ВЧК и ее работа настолько тесно связаны с именем тов. Дзержинского, что нельзя говорить о них отдельно». Лацис М. Тов. Дзержинский и ВЧК. // Пролетарская революция. 1926. № 9. С. 81. Советский биограф Дзержинского А. Ф. Хацкевич видел в нем «солдата великих боев», а Р. Гуль — «наиболее яркого воплощения полицейской диктатуры коммунизма». Хацкевич А. Ф. Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф. Э. Дзержинского. Минск, 1982; Гуль Р. Дзержинский (начало террора). Нью-Йорк, 1974. С. 140. Ф. И. Шалапин оставил неоднозначное описание встречи с Дзержинским, который произвел на него впечатление «человека сановитого, солидного, серьезного и убежденного... В деле борьбы с контрреволюцией для него, очевидно, не существовало ни отца, ни матери, ни сына, ни Св. Духа. Но в то же время у меня не получилось от него впечатления простой жес-

токости. Он, по-видимому, не принадлежал к отвратительным партийным индивидуумам, которые раз навсегда заморозили свои губы в линию ненависти и при каждом движении нижней челюсти скрежещут зубами...». Шаляпин Ф. И. Маска и душа. // Новый мир. 1988. № 6. С. 191. Наиболее апологетический образ Дзержинского представлен в кн.: Ф. Э. Дзержинский. Биография. М., 1983. В начале XXI века российские думские политики и московские власти вновь стали муссировать вопрос о роли Дзержинского в советской истории, связав это с возвращением памятника ему, снятого в августе 1991 г. с пьедестала, на место. В прессе появилось большое число разных статей, посвященных Дзержинскому, в том числе и называющих его «Красный бен Ладен» (Известия. 2002. 12 сентября). На современном сленге Дзержинский и возглавляемое им учреждение были исполнителями, а Ленин, Сталин и иные партийные вожди идейными вдохновителями и заказчиками творимого в то время произвола. О Дзержинском написано множество книг, хотя монографического исследования его деятельности на посту председателя ВЧК—ГПУ(ОГПУ) в 1917—1926 гг. пока нет. Дзержинский был талантливым организатором, в короткое время создавшим мощное и эффективно действующее учреждение, которое у одних вызывало уважение и страх, а у других — отвращение и неприятие. Он был прекрасным исполнителем часто, с современной точки зрения, преступных приказов (расстрелы заложников, создание концлагерей, внесудебных преследований и т. д.). Дзержинский верно и бескорыстно служил тому государству, которое тогда создавалось, и был убежден в необходимости принуждения. На любом занимаемом в то время посту Дзержинский не отказывался от чекистских методов руководства, находя их эффективными. Он яростно боролся с разгулом бандитизма в стране и столь же непримиримо с политическим инакомыслием. Но всячески защищал бывших меньшевиков, отказавшихся от политической деятельности и работавших под его руководством в ВСНХ.

Дзержинский позволял себе критиковать Ленина во время дебатов о заключении мирного Брестского договора с Германией (февраль—март 1918 г.) и Сталина — за отказ от принципов нэпа. Может быть, за известную популярность и определенную независимость суждений Сталин не любил Дзержинского. В 1932 г. он отказал Менжинскому, предлагавшего учредить орден в честь первого председателя ВЧК. (РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 5284, лл. 1—3). 2 июня 1937 г. на расширенном

заседании Военного совета при наркомате обороны Сталин вдруг заявил, что Дзержинский тоже был троцкистом. «Он не был человеком, который мог бы оставаться пассивным в чем-либо, — подчеркивал большевистский лидер. — Это был очень активный троцкист и весь ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого. Это ему не удалось». (Источник. 1994. № 3. С. 74). Подобное обвинение во времена репрессивного преследования явных и мнимых троцкистов означало немедленный арест и расправу. И кто знает, доживи Дзержинский до 1937 г., не ждала ли его участь тысяч бывших чекистов, многие из которых в одночасье превратились из верных слуг режима в жертвы сталинских репрессий.

Дзержинский и памятник ему остались в памяти одних как символ служения государству, в памяти других — как символ беспощадного отношения к согражданам. Поэтому дискуссия о возвращении памятника на прежнее место расколола общественное мнение. Видимо, только последующие поколения россиян смогут без излишних эмоций и истерических страстей решить эту и подобные проблемы.

⁴² Покровский М. Н. Контрреволюция за 4 года. М., 1922. С. 4. В. Д. Бонч-Бруевич, управляющий делами ленинского Совнаркома, сравнивал Дзержинского с А. Фукье-Тенвилем (1746—1795), якобинцем, общественным обвинителем революционного трибунала, и утверждал в воспоминаниях: «Мы все давным-давно были подготовлены к наступлению такой эпохи, когда завоевания диктатуры пролетариата нам нужно будет отстаивать не только с оружием в руках, но и применяя одно из самых радикальных и сильно действующих средств нашей революционной борьбы — красный террор». Бонч-Бруевич В. Д. Как организовывалась ВЧК (памяти Ф. Э. Дзержинского). // Избранные сочинения. М., 1963. Т. 3. С. 114, 115. Американский журналист Д. Рид оправдывал возникновение ВЧК, полагая это учреждение «Красной армией тыла». Старце в А. Русские блокноты Джона Рида. М., 1968. С. 218. По мнению Д. Неру, красный террор в России ввели люди, «загнанные в угол». Неру Д. Взгляд на всемирную историю. Письма дочери из тюрьмы, содержащие свободное изложение истории для юношества. М., 1975. Т. 3. С. 26.

⁴³ Ленин В. И. ПСС. Т. 38. С. 261; Т. 44. С. 204.

⁴⁴ Clark R. Lenin: The man behind the mask. L., 1988. P. 66.

⁴⁵ Ю. П. Титов подверг сомнению конституционность создания ВЧК. По его мнению, «в момент образования ВЧК на нее смотрели как на временный орган», «ВЧК, как орган чрезвычайный и временный, не входила в нашу конституционную систему». Титов Ю. П. Осуществление Советским социалистическим государством функции подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских классов внутри страны в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925 гг.). М., 1955. Канд. дис. С. 90; он же. Создание ВЧК, ее правовое положение и деятельность. М., 1981. С. 13. Большинство советских юристов и историков утверждали легитимность появления чрезвычайных учреждений, видя в этом право революции себя защищать. Многие цитировали К. Маркса: «Кровавые муки родов нового общества, только одно средство — революционный терроризм». Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 5. С. 494.

⁴⁶ В. И. Ленин и ВЧК. Сб. документов. М., 1970. С. 33—34. Петерс вспоминал, что вначале многим не была ясна разница между репрессиями в прошлом и настоящим, потому в органы ВЧК шли неохотно, не хотели заниматься обысками и арестами, так как это ассоциировалось с действиями прежней охранки. Петерс Я. Х. Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции. // Пролетарская революция. 1924. № 10. С. 10—11.

⁴⁷ В состав батальона входили 3 роты пехоты, команды пулеметчиков, конников и связи, взвод артиллерии и броневика. Бойцами корпуса могли быть только рабочие и крестьяне-бедняки, имевшие поручительство двух большевиков. Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. 1917—1921. Документы и материалы. М., 1958. С. 30, 31. 20 ноября 1918 г. командир корпуса войск ВЧК Валобуев просил Дзержинского отпустить на содержание корпуса 10 млн. руб. // РГАСПИ, ф. 76, оп. 3, д. 34, л. 1.

⁴⁸ Левый эсер И. З. Штейнберг был назначен наркомом юстиции. В январе 1918 г. левые эсеры М. Ф. Емельянов, В. Д. Волков, П. Ф. Сидоров были назначены членами ВЧК, а П. А. Александрович — заместителем Дзержинского. Левые эсеры возглавляли в ВЧК отделы: по борьбе с преступлениями по должности, хозяйственный, хранилищ ВЧК. В. И. Ленин и ВЧК. Сб. док. М., 1975. С. 51. Я. Г. Блюмкин писал в автобиографии, как в мае 1918 г. его, 18-летнего, ЦК партии левых эсеров направил на работу в ВЧК, и он был назначен начальником

отдела по борьбе с международным шпионажем. // ЦА ФСБ РФ, д. 5101. Т. 1. С. 176. Блюмкин до 6 июля занимался организацией советской контрразведки. В губернских городах в то время левые эсеры, как правило, были заместителями председателей ЧК. Председателями были коммунисты. М. В. Вишняк справедливо критиковал действия Штейнберга, который, будучи наркомом юстиции, ничего не сделал «против террора». Вишняк М. В. Два пути (Февраль и Октябрь). Париж, 1931. С. 170. Видимо, союз большевиков с левыми эсерами имел в виду Изгоев, когда писал о ЧК как «пределе левых устремлений русской интеллигенции». Изгоев А. С. Пять лет в Советской России. // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. X. С. 6.

Лацис писал, что левые эсеры «сильно тормозили борьбу с контрреволюцией, выдвигая свою общечеловеческую мораль, гуманность и воздержание для ограничения права свободы слова и печати для контрреволюции. Для руководителей советской власти становилось ясным, что совместно с ними будет немислимо повести борьбу с контрреволюцией», так как ВЧК «строилась, главным образом, как орган компартии». // Обзор деятельности ВЧК за 4 года. М., 1921. С. 8, 14. Это высказывание — полуправда. Потому что в начале 1918 г. действия левых эсеров и большевиков в ВЧК были весьма согласованны. Протоколы заседаний президиума ВЧК за первую половину 1918 г. свидетельствуют об этом.

Поименный список левых эсеров в состав президиума ВЧК от имени ЦК своей партии предложил Штейнберг. Александрович в качестве первого заместителя Дзержинского появился на заседаниях руководства ВЧК 15 января 1918 г. (Петерс только 24 января). Левому эсеру Александровичу и Евсееву было поручено ликвидировать прежнюю контрразведку и создать новое разведывательное учреждение. Под председательством Александровича коллегия ВЧК приняла решение о расстреле бандита Эболи, он же руководил эвакуацией ВЧК из Петрограда в Москву. Левые эсеры согласились на заседании коллегии ВЧК (7 марта 1918 г.) на введение института заложничества. Они выступили с инициативой создать тюремный отдел и отдельные тюрьмы для политических заключенных (18 марта 1918 г.). Руководитель тюремного отдела ВЧК Евсеев полагал нужным создать в такой тюрьме режим, «достойный контрреволюционер». 23 марта 1918 г. на заседании коллегии

ВЧК обсуждалось предложение Московского Совета о запрете внесудебных расстрелов. Дзержинский заявил, что если Совнарком будет солидарен с Моссоветом, то он сложит полномочия председателя ВЧК. Левые эсеры, сотрудники ВЧК поддержали мнение Дзержинского. Весной 1918 г. сотрудничать с ВЧК стали известные левые эсеры: В. А. Алгасов, Г. Д. Закс и др. // ЦА ФСБ РФ, ф. 1, оп. 2, д. 2, лл. 24, 12, 18, 22, 34, 35, 55.

Штейнберг писал, что массовый террор в России начался с мая 1918 г. Штейнберг И. З. Нравственный лик революции. Берлин, 1923. С. 16. Но подготовка к нему шла раньше и не без участия левых эсеров. Когда в начале марта 1918 г. за листовки в Петрограде были расстреляны чекистами семеро студентов, протестовал не Штейнберг, а Д. Б. Рязанов VII съезд РКП(б). Стенограф. отчет. М., 1962. С. 121. Штейнберг перед уходом из состава правительства, 18 марта 1918 г., предписал освободить из больницы «Крестов» товарища по партии Н. Д. Авксентьева. // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 166.

Советские историки и юристы, отождествляя большевизм и Советы, объясняли работу левых эсеров в ВЧК вплоть до 6 июля 1918 г. их стремлением использовать аппарат ВЧК против советской власти. Титов Ю. П. Создание ВЧК, ее правовое положение и деятельность. М., 1981. С. 22. Позже появились рассуждения о разности эсеровского (индивидуального) и большевистского (массового) террора. (Родина. 1990. № 5. С. 37). Но это не имело отношения ко многим левым эсерам — сотрудникам ВЧК, которые ставили свои подписи наряду с большевиками под расстрельными списками заложников. Дзержинский говорил об Александровиче: «Александровичу я доверял вполне. Работал с ним все время в комиссии, и всегда почти он соглашался со мною, и никакого двуличия не замечал». Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 1. С. 260. В ноябре 1918 г. М. Спиридонова опубликовала письмо ЦК партии большевиков (Пг., 1918), в котором оправдывала действия левых эсеров, говорила о терроре советских властей в деревне, осуждала большевистских карателей. Но незадолго до этого, 31 августа 1918 г., ЦК партии левых эсеров принял резолюцию в связи с покушением на Ленина. В ней содержался призыв к красному террору. Известия ВЦИК. 1918. 1 сентября. Судьба членов партии сложилась трагично: их расстреливали и красные, и белые. В списках погибших значились 30 — от красных и 43 — от белых. Кремль за решеткой (Подпольная Россия). Берлин,

1922. С. 205—209. И. З. Штейнберг в эмиграции пытался ответить на мучивший его вопрос, почему революция в России, которой он посвятил годы своей жизни, вызвала столько страданий многих людей? Он полагал повинным во всем «фальшивую изнанку» революции — террор и насилие. Штейнберг не был против террора и насилия вообще, а лишь за их проведение в известных пределах: не «убивать буржуазию», а лишить ее всякого участия в политической жизни страны и т. д. Штейнберг И. З. Нравственный лик революции. Берлин, 1923. С. 276—277.

⁴⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 114, л. 18; Велидов А. С. Коммунистическая партия — организатор и руководитель ВЧК (1917—1920 гг.). М., 1970. С. 158.

⁵⁰ Отчет ВЧК за 4 года. С. 31—32.

⁵¹ Ирошников М. П. Председатель Совета народных комиссаров В. И. Ленин. Очерки государственной деятельности в 1917—1918 гг. Л., 1974. С. 156—157, 358, 366, 390, 404, 429. Для сравнения: в Наркомземе тогда был 1161 служащий, из них 20 коммунистов; в Наркомпроде 1686 служащих — 73 коммуниста и т. д. Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 23. Генерал Джунковский был расстрелян 21 февраля 1938 года. // Там же. С. 25.

⁵² Отчет ВЧК за 4 года. С. 271, 272. Для сравнения: в войсках внутренней охраны к ноябрю 1920 г. служили 81,3% русских; 0,6% белорусов; 3,9% украинцев; 0,5% поляков; 1,1% евреев; 0,3% латышей; 0,5% немцев; 3,1% татар и др. / Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. С. 279.

⁵³ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2563, л. 6—24. ВЧК сообщала в Совнарком о дислокации местных ЧК и их личном составе. Политическим сыском в конце 1920 — начале 1921 г. занимались секретные отделы чрезвычайных комиссий. Их число в 32 российских губернских и уездных ЧК определялось в 1805 человек, из них 83% коммунисты. Основная масса — 64,1% — имела начальное образование; высшее — 0,8%, или 15 человек. Национальный состав: 79,1% русских; 7,5% латышей; 5,6% евреев; 16 украинцев, 11 белорусов, 34 поляка, 25 немцев, 3 татарина, 2 итальянца и др. Профессиональный состав: 362 рабочих, 263 солдата и матроса, 114 крестьян, 168 ремесленников, 180 учащихся, 26 учителей, 7 врачей, агроном, 2 юриста, 28 из прислуги. // Там же, л. 3—4.

54. Ленин В. И. ПСС. Т. 37, С. 174.
55. Лацис М. ЧК в борьбе с контрреволюцией. М., 1921. С. 8.
56. Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Стенографический отчет. Пг., 1918. С. 23.
57. Известия ВЦИК. 1918. 23 февраля; Стадник И. Кто написал декрет Владимира Ильича. // Московские новости. 1991. 3 марта; Волкогонов Д. Троцкий. Политический портрет. М., 1992. С. 191. Недоумение Штейнберга непонятно, так как этот декрет левые эсеры поддержали при утверждении его во ВЦИК. Фельштинский Ю. Брестский мир. М., 1992. С. 262.
58. Родина. 1992. № 4. С. 100—101.
59. Отчет ВЧК за 4 года. С. 19.
60. Цит. по: Альбац Е. Мина замедленного действия (политический портрет КГБ). М., 1992. С. 82. Появление документов в книге (с. 81) неверно датируется весной 1918 г. Документ был написан после постановления ВЦИК 14 июня 1918 г. об исключении эсеров (правых и центра), меньшевиков из состава Советов всех уровней.
61. Декреты советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 410—411. По данным А. С. Велидова, за четыре месяца, с конца февраля и до конца июня 1918 г., по приговору ВЧК были расстреляны около 50 человек, в основном бандиты и фальшивомонетчики. Велидов А. С. На пути к террору. // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 104. Фальшивомонетчики в годы гражданской войны проявили большую активность. Только в январе—октябре 1919 г. Петроградская ЧК расстреляла не менее 60 «подделывателей» и сбытчиков фальшивых денег. Ходяков М. Фальшивомонетчики в годы революции и гражданской войны. // Родина. 2002. № 7. С. 73.
62. Резолюции первой конференции работников чрезвычайных комиссий. М., 1918. С. 4, 6. В организационном отношении для руководства разведкой в ЧК создавались «бюро разведки», состоящие из двух частей: внутренней (или секретной) разведки, осуществляющей с помощью сексотов разработку антибольшевистских партий и организаций; и внешней разведки, занятой наружным наблюдением за объектами разработки.

В губЧК агентами руководил начальник отдела по борьбе с контрреволюцией.

63. Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. С. 30.
64. Ф. Э. Дзержинский писал в заявлении на имя председателя Совнаркома 7 июля 1918 г., что просит освободить его от поста председателя ВЧК, так как «является несомненно одним из главных свидетелей по делу об убийстве германского посланника графа Мирбаха». Его просьба была удовлетворена. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2567, лл. 1, 3. По мнению Ю. Фельштинского, Дзержинский был снят с поста председателя ВЧК за то, что знал о готовящемся убийстве Мирбаха, но не предупредил его. Фельштинский Ю. Брестский мир. С. 488. Подробнее о судьбе Я. Блюмкина см.: Велидов А. С. Похождения террориста. Одиссея Якова Блюмкина. М., 1998. «Дело о мятеже левых эсеров в Москве в 1918 г. и об убийстве германского посла Мирбаха» в 19 томах хранится в ЦА ФСБ РФ. Частично эти материалы опубликованы в «Красной книге ВЧК» (М., 1989. Т. 1. С. 185—310), а также в документальном сборнике «Левые эсеры и ВЧК» (Казань, 1996. С. 66—233). В настоящее время многие историки не склонны считать противостояние левых эсеров и большевиков 6—7 июля 1918 г. «левоэсеровским мятежом», видя в нем политический кризис правящих тогда партий Советской России. Литвин А. Л., Овруцкий Л. М. Предисловие. / Левые эсеры и ВЧК. Сб. док. С. 8—23; Леонтьев Я. В. 6 июля 1918 года: региональный аспект. // Гражданская война в России. События, мнения, оценки. М., 2002. С. 362—388; и др.

65. Пролетарская революция. 1924. № 10. С. 16, 20.
66. Отчет о деятельности ВЧК за 4 года. С. 287—289. Представленные в книге финансовые расходы ВЧК трудно проверить, но и они доказывают быстрый рост кредитов этому главному карательному учреждению страны, составивших за 1918—1920 гг. около 7 млрд. руб., кроме расходов «секретного характера». В официальном отчете они распределялись так: за вторую половину 1918 г. на содержание центрального аппарата — 2 956 500 руб., местных ЧК — 34 403 437 руб.; первая половина 1919 г. на то же, соответственно, — 7 335 000 и 56 336 750, на содержание арестованных — 4 102 740 руб.; содержание войск ВЧК — 250 млн. руб.; на борьбу с контрреволюцией и спекуляцией — 200 млн.; вторая половина 1919 г. увеличивала финан-

сирование на содержание личного состава до 16 821 620 руб.; личный состав губЧК — 23 857 683 руб.; личного состава уездных ЧК — 2 603 479 руб., содержание арестованных — 29 650 250 руб.; расходы на борьбу с контрреволюцией — 500 млн., содержание войск ВОХР — 579 386 081 руб. Всего за вторую половину 1919 г. — 2 144 381 067 руб. В 1920 г. на личные составы ВЧК ушло — 65 375 000 руб., местных ЧК — 417 981 150 руб., транспортных ЧК — 750 млн., содержание арестованных — около 250 млн., всего за 1920 год — 3 899 744 074 руб.

⁶⁷ Отчет о деятельности ВЧК за 4 года. С. 31.

⁶⁸ ЦА ФСБ РФ, д. 685, т. 10, л. 151. 26 февраля 1918 г. коллегия ВЧК осудила Дзержинского за единоличное решение о расстреле, постановив, что для такового нужно согласие половины состава коллегии. // ЦА ФСБ РФ, ф. 1, оп. 2, д. 2, л. 14.

⁶⁹ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Стенографический отчет. М., 1918. С. 23, 47.

⁷⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 328. Осенью 1918 г. в Калужской ЧК коммунисты составляли 87% личного состава; в Тульской — 75,5%. Лебедев А. Г. Руководство коммунистической партии органами ВЧК. 1918—1920 гг. (На материалах партийных организаций Калужской и Тульской губерний.) М., 1981. Автореф. канд. дис. С. 10. В то же время в Витебской ЧК коммунисты составляли 85%, в Могилевской — 91,4%. Майданов И. И. Коммунистическая партия — организатор и руководитель чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией (1917—1921 гг.). На материалах Белорусской ССР. М., 1977. Автореф. канд. дис. С. 9.

⁷¹ Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918. № 1. С. 11. О трагической судьбе семьи наркома Г. И. Петровского см.: Прудович П. О семье Г. И. Петровского. // Минувшее. Исторический альманах. М., 1990. Т. 2. С. 358—361.

⁷² ЦГАИПД РТ, ф. 868, оп. 1, д. 4, л. 56.

⁷³ Красный террор. Казань, 1918. № 1. С. 1—2. Обычно говорят, что Ленин подверг критике утверждение Лациса, ссылаясь на его слова по этому поводу (Ленин В. И. ПСС. Т. 37. С. 410; Голанков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1986. Кн. 1. С. 225). Лацис вспоминал об этом эпизоде так: «Владимир Ильич напомнил мне, что наша задача от-

нюдь не состоит в физическом уничтожении буржуазии, а в ликвидации тех причин, которые порождают буржуазию. Когда я ему разъяснил, что мои действия точно соответствуют его директивам и что в статье мною просто допущено неосторожное выражение, он задержал свою статью, намеченную для отпечатания в «Правде». Лацис М. Ленин в борьбе с контрреволюцией на внутреннем фронте. Машинопись. С. 41. Рукопись хранилась в кабинете произведений Ленина (ИМЭЛ при ЦК КПСС). Статья Ленина «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов» была впервые опубликована в «Правде» 7 ноября 1926 г., то есть когда острота обсуждаемого вопроса отпала и критика Лациса не имела прежнего значения.

⁷⁴ Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, 1918, № 3, 6 октября 1918 г. опубликовал статью Нолинского комитета РКП(б), председателя уездной ЧК и военного комиссара «Почему вы миндаляничаете?». В ней говорилось, что террор должен быть не бумажным, а действительным и спрашивалось: почему не подвергли «Локкарта самым утонченным пыткам, чтобы получить сведения и адреса... почему... вместо того, чтобы подвергнуть его таким пыткам, от одного описания которых холод ужаса охватил бы контрреволюционеров», ему позволили уехать. Статья вызвала негативный общественный резонанс. 25 октября 1918 г. ее осудили на заседании ЦК РКП(б) и в тот же день на президиуме ВЦИК, где было принято постановление: «...пролетариат и беднейшее крестьянство не могут отказаться от мер террора, советская власть отвергает в основе как недостойные, вредные и противоречащие интересам борьбы за коммунизм меры, отстаиваемые в указанной статье». В. И. Ленин и ВЧК. С. 112, 113. Статья «Почему вы миндаляничаете?» была перепечатана // Источник. 1993. № 2. С. 62. Издание «Еженедельника ЧК» было прекращено в конце 1918 г., а президиум ВЧК 27 декабря 1918 г. постановил: «Отказать уездной Нолинской ЧК в праве расстрелов». В экстренных случаях предлагалось действовать с согласия исполкома и комитета партии РКП(б). // ЦА ФСБ РФ, ф. 1, оп. 2, д. 2, л. 11. Решение президиума ВЧК было принято через два месяца после постановления ВЦИК и означало лишь одно: в течение этого времени нолинские чекисты действовали по своему усмотрению.

⁷⁵ Минувшее. Paris, 1986. Т. 1. С. 94—95.

⁷⁶ Ежедневник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918. № 1. С. 11; СУР РСФСР. 1918. С. 789.

⁷⁷ Ежедневник ЧК. 1918. № 1. С. 1, 8; Сборник важнейших приказов и распоряжений ВЧК. М., 1919. Т. 1. С. 12, 13. Дзержинский видел в красном терроре «непреклонную волю беднейшего крестьянства и пролетариата уничтожить всякие попытки восстания против нас». Избранные произведения. М., 1957. Т. 1. С. 274. Петерс полагал красный террор «глубоким возмущением не столько руководящей верхушки, стоявшей во главе советских органов, сколько возмущением широких трудящихся масс» и представлял ВЧК «органом расправы». // Былое. Париж, 1933. Т. 2. С. 122, 123.

⁷⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 358.

⁷⁹ Из истории ВЧК. 1917—1921 гг. Сб. док. М., 1958. С. 256.

⁸⁰ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция. М., 1923. Т. 1. С. 216, 232—233; Ленин В. И. ПСС. Т. 50. С. 143—144.

⁸¹ Декреты советской власти. М., 1966. Т. 4. С. 627; Стенограмма выступления Ф. Э. Дзержинского на 8-м заседании ВЦИК 17 февраля 1919 г. // Исторический архив. 1958. № 1. С. 6—11. Над воротами многих гитлеровских концлагерей тоже висел лозунг «Труд делает человека свободным!». Все это указывало на схожесть тоталитарных систем.

⁸² Известия ЦК КПСС. 1986. № 6. С. 178. Публицистическую полемику о том, насколько виновен персонально Я. М. Свердлов в проведении «рассказывания» между В. Кожиновым и Б. Сарновым см.: Литературная газета. 1989. 8, 15, 22, 29 марта. Нельзя не согласиться с В. П. Даниловым и Н. С. Тарховой, которые, рассматривая вопрос о «рассказывании» в первой половине 1919 г., указали на ответственность в этом не только Свердлова, но и Ленина и Троцкого как представителей высшего политического руководства страны. Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917—1921 гг. С. 14.

⁸³ Крицман Л. Н. Героический период русской революции. М. —Л., 1926. С. 85.

⁸⁴ Обзор деятельности ВЧК за 4 года. С. 190—191.

⁸⁵ Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. С. 96. Ильин-Женевский рассказывал Смилыг-Бенарио, что в Кронштадте «ночью матросы ворвались в тюрьму и без

суда расстреляли арестованных заложников». Ильин-Женевский А. Большевики у власти. Л., 1929. С. 133; Смилыг-Бенарио М. На советской службе. Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 3. С. 150. Заложников в Петрограде расстреливали по алфавиту. Арансон Г. На заре красного террора, Берлин, 1929. С. 54.

⁸⁶ Архив русской революции. Т. 3. С. 149—150.

⁸⁷ Былое. Т. 2. С. 123.

⁸⁸ Ежедневник ЧК. 1918. № 1. С. 22, 24, 25; Красный террор. 1918. № 1.

⁸⁹ Обзор деятельности ВЧК за 4 года. С. 79.

⁹⁰ Лацис М. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920. С. 75; он же. Правда о красном терроре. // Известия ВЦИК. 1920. 6 февраля; Leggett G. The Cheka: Lenin's political police. Oxford, 1981. P. 181.

⁹¹ Обзор деятельности ВЧК за 4 года. С. 187—188. По предложению Ленина с 3 декабря 1918 года во главе ЧК следовало назначать только большевиков со стажем пребывания в партии не менее двух лет. Ленинский сборник. XXI. С. 225.

⁹² Ежедневник ЧК. 1918. № 1. С. 11.

⁹³ Ленин В. И. ПСС. Т. 37. С. 173; Цит. по: Велидов А. С. На страже завоеваний Октября. // История СССР. 1970. № 1. С. 7. Лацис поучал выступившего против ВЧК М. С. Ольминского, называя его «добродушно-наивным», наблюдавшим за гражданской войной из окна своего кабинета и не понявшим, что она дошла «до стадии, когда пленных не берут. А все лето 1918 г. было именно таким периодом». Обзор деятельности ВЧК за 4 года. С. 80.

⁹⁴ В. И. Ленин и ВЧК. Сб. док. С. 133.

⁹⁵ СУР, 1919. № 1. Ст. 14; Обзор деятельности ВЧК за 4 года. С. 32.

⁹⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 24, л. 1.

⁹⁷ Лацис М. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. С. 27.

⁹⁸ Декреты советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 231—232; Лацис М. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. С. 27.

⁹⁹ Резолюции II Всероссийской конференции чрезвычай-

ных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. М., 1918. С. 6; Сборник важнейших приказов и распоряжений ВЧК. М., 1919. С. 15, 17, 23. Внутренняя агентура подразделялась на две группы: секретные сотрудники, завербованные из враждебной среды; агенты внутреннего наблюдения — штатные сотрудники ЧК или особых отделов.

¹⁰⁰ Ломоносов, работавший в Комиссариате путей сообщения, вспоминал, как Петерс предлагал навести порядок на железной дороге с помощью расстрелов. Петерсу казалось, что «ЧК может справиться со всем». Была создана «тройка». Но Красин назвал эту акцию «очередным головоутишением», когда «пошумят, расстреляют десяток-другой спецов и выдохнутся». // Минувшее. М. — СПб., 1992. Т. 10. С. 16—18. Представители уездных ЧК Казанской губернии на своей конференции (25 декабря 1918 г.) говорили, что они являются гарантом стабильности в уездах. // ЦГАИПД РТ, ф. 868, д. 90, л. 88—92.

¹⁰¹ ЦА ФСБ РФ, ф. 1, оп. 2, д. 2, л. 12.

¹⁰² Лацис М. Правда о красном терроре. // Известия ВЦИК. 1920. 6 февраля; он же. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920. С. 75. Лацис завершал эту книгу словами, оправдывавшими жестокость чекистов. «Работающие в чрезвычайных комиссиях, — писал он, — фанатики своего дела. История этого им минусов не поставит» (с. 81). К счастью, Лацис ошибся. Он же в лекции для сотрудников ВЧК 16 мая 1921 г. объяснял создание «троек» необходимостью принятия быстрых оперативных решений.

¹⁰³ ЦА ФСБ РФ, ф. 1, оп. 5, д. 663 а, л. 1—2.

¹⁰⁴ С. Кобяков, бывший защитник в революционных трибуналах Москвы в 1918 г., вспоминал: 5 сентября 1918 г. на Лубянку из тюрем было привезено более 80 человек. Среди них были бывшие царские сановники Шегловитов, Хвостов, Белецкий, протоиерей Восторгов и другие. «Расстреляли всех в Петровском парке. Казнь была совершена публично. Чекисты выкрикивали имена казнимых. Указывая на Шегловитова, они кричали: «Вот бывший царский министр, который всю жизнь проливал кровь рабочих и крестьян». За несколько минут до расстрела Белецкий бросился бежать, но приклады китайцев вогнали его в смертный круг... После расстрела все казненные были ограблены. Большевицкая власть в виде поощрения разрешает палачам обирать трупы казненных». // Архив рус-

ской революции. Берлин, 1922. Т. VII. С. 274—275. В Казани 12 сентября 1918 г. на квартире Александра Боратынского, внука известного поэта, был произведен обыск и сам он арестован. На допросе в ЧК Боратынский сказал, что ему 51 год, он вдовец, до революции был членом 3-й Государственной думы, октябристом, но после «Октябрьского переворота политической деятельностью не занимался». За его освобождение ходатайствовали сослуживцы, прислуга усадьбы сообщала, что «для бедного класса он был очень хороший». Ничего не помогло. 18 сентября следователь ЧК решил «Боратынского, как бывшего предводителя дворянства, дворянина, сына которого находятся в рядах белой армии, расстрелять». Приговор утвержден Лацисом. Сыновья Боратынского были мобилизованы в Казани народной армией Комуча. Его сестра, Ксения Боратынская, позже опубликовала воспоминания об этом. «Теперь я расскажу, как его убили... Нам сказали... что их расстреливают за Архангельским кладбищем. День был серый, пасмурный, сырой... Его расстреляли между полотном новой самарской дороги, Архангельским кладбищем и полуобгорелой избушкой сторожа... Тело разрешили взять домой и похоронить. В него стреляли три раза, убили выстрелом в затылок... Рабочий, сидевший с ним и выпущенный на свободу, говорил, что он вел себя твердо и гордо, когда выходили из тюрьмы на автомобиль. Сидел до этого в подвале темном, сыром. Людей там было много, так много, что ему пришлось сидеть, не разгибаясь, на корточках всю ночь, т. к. он свою постель уступил большой татарке. Он всех поддерживал и утешал. Вот и все». // Юность. 1990. № 10. С. 80—81; Архив Управления ФСБ по РТ, д. 2355, л. 1—5. В сентябре 1918 г. в Казани Лацис проводил массовые расстрелы. Среди тех, кто тогда погиб, был Б. Фликкель, правый эсер, один из секретарей Керенского; бывшие офицеры, священники, те, кто сотрудничал с комучевцами, — сохранилось 35 расстрельных дел. Отдельно о расстрелах сообщали уездные ЧК: Лаишевская — 15, Казанская уездная — 2, Арская — 31 и др. // ЦГАИПД РТ, ф. 868, д. 144, л. 6—15; д. 40, л. 2; НА РТ, ф. 116, оп. 1, д. 78, л. 914. Самарская губЧК сообщала в декабре 1918 г., что за контрреволюционные действия было расстреляно 107 человек, в основном бывшие офицеры. Образование и деятельность местных чрезвычайных комиссий. 1917—1921 гг. Сб. док. М., 1961. С. 140.

¹⁰⁵ ЦА ФСБ РФ, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 13, 19; Архив Управле-

ния ФСБ по РТ, протоколы заседаний казанской губЧК., Т. 1. С. 1—183.

¹⁰⁶ Обзор деятельности ВЧК за 4 года. С. 83—92.

¹⁰⁷ Родина. 1992. № 4. С. 100.

¹⁰⁸ А. И. Деникин вспоминал о своем путешествии по Кавказу в конце 1917 года. Его поразила «разлитая повсюду безбрежная ненависть» и к людям, и к идеям. Ко всему, что было социально и умственно выше толпы, что носило малейший след достатка, даже к неодушевленным предметам — признакам некоторой культуры, чуждой или недоступной толпе. В этом чувстве слышалось непосредственное веками накопившееся озлобление, ожесточение тремя годами войны и воспринятая через революционных вождей истерия. Ненависть с одинаковой последовательностью и безотчетным чувством рушила государственные устои, выбрасывала в окно вагона «буржуя», разбивала череп начальнику станции и рвала в клочья бархатную обшивку вагонных скамеек. Психология толпы не обнаруживала никакого стремления подняться до более высоких форм жизни: царило одно желание — захватить или уничтожить». Деникин А. И. Очерки русской смуты. // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 124—125.

¹⁰⁹ В. Менжинский 14 ноября 1932 г. от имени коллегии ОГПУ предлагал Сталину следующее описание ордена Ф. Дзержинского: на нем изображен барельеф Дзержинского, сверху меч и красное знамя, внизу — на красной ленте надпись: «За беспощадную борьбу с контрреволюцией». Сталин ответил отказом. // РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 5284, л. 1—3.

¹¹⁰ Московские новости. 1989. 2 апреля.

¹¹¹ Родина. 1990. № 5. С. 50.

¹¹² В. П. Брауде в качестве левой эсерки в 1918 г. работала заместителем председателя Казанской губЧК, после 6 июля перешла в партию революционных коммунистов, а в ноябре 1918 г. в РКП(б). Служила в омском, а затем в московском аппарате ЧК. Правые эсеры писали о ней как о «машине, делающей свое дело холодно, бездушно, ровно и спокойно». Чувствуется, делали вывод они, «что, если бы в ее руках была судьба пленных социалистов, она равнодушно и твердо расправлялась бы со всеми нами так, как она делала это в Сибири и Казани». Брауде была одним из следователей, готовивших процесс над

членами ЦК партии правых эсеров в 1922 г. Че-Ка. Материалы к деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин, 1922. С. 59.

¹¹³ В. И. Ленин и ВЧК. С. 174—175; Коэн С. Бухарин. Политическая биография. М., 1988. С. 109, 131. В мае 1919 г. Оргбюро ЦК по предложению Дзержинского решило: особый отдел ВЧК еженедельно докладывает Сталину о своей деятельности. // РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 4, л. 2.

¹¹⁴ «На всем беспредельном пространстве шла поднятая Дзержинским всероссийская робеспьериада, осуществляемая руками большевистского охлоса, на который оперся в терроре Дзержинский. Над всероссийским ужасом открытого апофеоза убийства горели его лихорадочные глаза, глаза изувера и демагога, — так характеризовал деяния Дзержинского Роман Гуль. — Созданная Дзержинским ВЧК по праву занимает первое место в истории всех терроров, ее кровавая слава переживет не одно поколение». Гуль Р. Дзержинский (начало террора). Нью-Йорк, 1974. С. 101, 107.

В марте 1919 г. власть Дзержинского достигла апогея: он возглавил Комиссариат внутренних дел и подчинил себе ВЧК и милицию. Свою задачу определил тогда как «единичную... более тонкую», когда разоблачению заговоров должна предшествовать розыскная работа. Хацкевич А. Ф. Солдат великих боев. Минск, 1982. С. 268; Портнов В. П. ВЧК. 1917—1922. М., 1987. С. 130. Дзержинский сблизился со Сталиным во время совместных проверочных командировок в конце 1918 г. в район Перми для расследования причин ее сдачи колчаковцам, в 1922-м — в Грузию и др. Г. А. Соломон, тогда заместитель наркома внешней торговли РСФСР, позже вспоминал слова своего шефа Л. Б. Красина об отношениях Ленина и Дзержинского. Красин говорил Соломону в 1920 г.: «Ленин стал совсем невменяем, и если кто и имеет на него влияние, так это «товарищ Феликс», т. е. Дзержинский, еще больший фанатик и, в сущности, хитрая bestия, которая запугивает Ленина контрреволюцией и тем, что она сметет нас всех и его в первую очередь. А Ленин — я в этом окончательно убедился — самый настоящий трус, дрожащий за свою шкуру. Дзержинский играет на этой струнке... Словом, дело обстоит так: все подавлено и подавляется еще больше, люди боятся не то что говорить, но даже думать... Шпионство такое, о каком не мечтал даже Наполеон Третий — шпионы повсюду, в учреждениях, на улице, наконец, даже в семьях... Доносы и расправы втихомолку... Дальше уж

некуда идти». Соломон Г. А. Среди красных вождей. Лично пережитое и виденное на советской службе. Париж, 1930. Т. 1. С. 173.

¹¹⁵ Р. Гуль цитировал высказывания противников бесконтрольных действий ВЧК. И отмечал попытки подчинить ВЧК Наркомату юстиции, из которых ничего не получилось. Гуль Р. Дзержинский. С. 100; Коэн С. Там же. С. 131.

¹¹⁶ Правда. 1918. 4 сентября.

¹¹⁷ А. Солженицын писал: «Когда Ленин задумал и основал, а Сталин развил и укрепил гениальную схему тоталитарного государства, все было ими предусмотрено и осуществлено, чтобы эта система могла стоять вечно, меняясь только мановением своих вождей, чтоб не мог раздаваться свободный голос и не могло родиться противотечение, предусмотрели все, кроме одного — чуда, иррационального явления, причины которого нельзя предвидеть, предсказать и перерезать». Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. Париж, 1975. С. 395.

¹¹⁸ Из объявления Казанской ЧК (сентябрь 1919 г.): «ЧК привлекла по делу о контрреволюции 40 человек, из них 18 уже никогда не будут мешать советской власти как злостные враги трудового народа». По мнению В. Б. Станкевича, суровость политических репрессий заставляла всех выбирать тот или иной фронт гражданской войны. Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914—1919 гг. Л., 1926. С. 156.

¹¹⁹ Е. Д. Стасова, секретарь ЦК РКП(б) в 1919 г., вспоминала, что осенью положение было столь опасным, что «не исключена была необходимость вновь уйти в подполье». Тогда были сделаны паспорта для Ленина и других членов ЦК на другие фамилии, а также подготовлены большие суммы царских денег. Они были запакованы в оцинкованные ящики и спрятаны. На имя Н. Е. Буренина были оформлены документы на владение гостиницей «Метрополь». Но Деникин был разбит, и эти приготовления не понадобились. Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. М., 1960. С. 7—8; Буренин Н. Е. Памятные годы. Л., 1967. С. 7—8.

¹²⁰ 25 сентября 1919 года в доме по Леонтьевскому переулку в Москве происходило заседание большевиков. В результате брошенной гранаты было убито 12 и ранено 55 человек, среди раненых были Бухарин, Ем. Ярославский и др., убитых — сек-

ретарь Московского комитета РКП(б) Загорский и др. Позже выяснилось, что террористический акт осуществила группа анархистов. В ответ по приказу Дзержинского начали расстреливать по спискам «всех кадетов, жандармов, представителей старого режима и разных там князей и графов, находящихся во всех местах заключения Москвы, во всех тюрьмах и лагерях». По непроверенным данным, было расстреляно несколько сот человек. Алданов М. Взрыв в Леонтьевском переулке. // Огонек. 1991. № 28. С. 31; Гуль Р. Дзержинский. С. 127.

¹²¹ См.: Party, State and Society in the Russian Civil War. Indian University Press, 1989. P. 45.

¹²² Цит. по: Мельгунов С. П. Красный террор. С. 35. Ленин поощрял произвол, когда говорил: «Я рассуждаю трезво и категорически: что лучше — посадить в тюрьму несколько десятков или сотен подстрекателей, виновных или невиновных, сознательных или несознательных, или потерять тысячи красноармейцев и рабочих? — Первое лучше». Ленин В. И. ПСС. Т. 38. С. 295. Троцкий был более циничен, когда в 1919 г. выступал в Киеве: «Чиновники, лакеи старого режима, судейские, издававшиеся в судах, педагоги, развращающие в своих школах, помещики и их сынки, студенты, офицеры, крестьяне-кулаки и сочувствующие рабочие — все должны быть зажаты в кровавую рукавицу, все пригнаты к земле. Кого можно — уничтожить, а остальных — прижать так, чтобы они мечтали о смерти, чтобы жизнь была хуже смерти». Цит. по: Жуков Д. М. Таинственные встречи. М., 1992. С. 16.

¹²³ Сорокин П. Современное состояние России. // Новый мир. 1992. № 4. С. 198.

¹²⁴ МЧК. Сб. док. М., 1978. С. 134—135, 210.

¹²⁵ Обзор деятельности ВЧК за 4 года. С. 95—96.

¹²⁶ ЦА ФСБ РФ, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 3, 10, 18, 99; д. 3а, л. 20.

¹²⁷ В. И. Ленин и ВЧК. С. 218—219.

¹²⁸ В начале июня 1919 г. численность войск ВЧК — 17 904 человека, караульных и конвойных войск — 96 606; на 1 января 1920 г. последних было 104 042 человека. Внутренние войска Советской республики. 1917—1922 гг. Док. и материалы. С. 111, 144. В аппарате ВЧК было 723 сотрудника и 1019 бойцов батальона. Обзор деятельности ВЧК за 4 года. С. 120.

¹²⁹ Архив Управления ФСБ по РТ, д. 6856. л. 7.

¹³⁰ ЦА ФСБ РФ, ф. 1, оп. 4, д. 724, л. 3—5, 7—12. Особые отделы фронтов и армий имели своих осведомителей до 30 человек.

¹³¹ Обзор деятельности ВЧК за 4 года. С. 187—188.

¹³² РГАСПИ, ф. 76, оп. 1, д. 194, л. 1.

¹³³ Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 45; Ленин В. И. ПСС. Т. 39. С. 416.

¹³⁴ ЦГАИПД РТ, ф. 868, оп. 1, д. 76, л. 118. Иногда в газетах объявлялось о наказании чекистов, обвиненных во взяточничестве, пьянстве, насилиях. Их расстреливали для успокоения общественного мнения, но ничего не менялось по существу в проведении карательной политики.

¹³⁵ Архив Управления ФСБ по РТ, протоколы заседаний Казанской губЧК. Т. 1. С. 184—263.

¹³⁶ Рыков А. И. Статьи и речи. М.—Л., 1927. Т. 1. С. 376.

¹³⁷ Гимпельсон Е. Г. Проблемы создания и совершенствования аппарата управления Советским государством (1917—1920 гг.) // История СССР. 1987. № 3. С. 63—64.

¹³⁸ ЦА ФСБ РФ. Следственные дела о «Союзном бюро ЦК РСДРП». Т. 9. С. 34.

¹³⁹ В. И. Ленин и ВЧК. С. 324, 328—329.

¹⁴⁰ Право расстрела было предоставлено следующим губЧК: Петроградской, Московской, Нижегородской, Тульской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Саратовской, Брянской, Казанской. В исключительных случаях, с санкции ВЧК, это право могло быть у Череповецкой, Вологодской, Северо-Двинской, Костромской, Иваново-Вознесенской, Владимирской, Рязанской и Орловской ЧК. Обзор деятельности ВЧК за 4 года. С. 187.

¹⁴¹ В. И. Ленин и ВЧК. С. 396, 401, 410.

¹⁴² Декреты советской власти. М., 1971. Т. V. С. 69—70.

¹⁴³ Статистический ежегодник. 1918—1920 гг. М., 1922. Т. VII. Вып. 2. С. 59. Данные условны, так как только в судах 41 губернии РСФСР в первой половине 1920 г. находилось 550 214 уголовных дел; в первом полугодии 1921 г. — 699 572; в первом полугодии 1922 г. — 728 644. Преступность в Витебской, Воронежской, Курской и Нижегородской губерниях в 1920—1922 гг. увеличилась в 6 раз. Тарновский Е. Преступ-

ность в 1920—1922 гг. Ежедельник советской юстиции. 1923. № 7—8. С. 153—154. Только в 1919 г. Одесская ЧК арестовала не менее 1114 человек. Одесская «чрезвычайка». Большевицкий застенки. Факты и наблюдения Н. И. Авербуха (Авенариуса). Кишинев, 1920. Ч. 1. С. 8.

¹⁴⁴ РГАСПИ, ф. 76, оп. 3, д. 149, л. 6; Неизвестная Россия. М., 1992. Т. 1. С. 36. Еще хуже было положение пленных солдат из армии Врангеля. Ленину писали тогда, в конце 1920 г.: «При современном положении дел массовая работа по фильтрации громадных количеств пленных белогвардейцев становится почти невероятной. Между тем республике предстоит организовать более или менее продолжительную изоляцию в лагерях около 100 000 пленных с Южного фронта и громадных масс, выселяемых из восставших станиц Терека, Кубани и Дона. В данный момент до Харькова достигла волна в 37 000 пленных врангелевцев, в Орле находится партия в 400 человек детей и стариков от 14 до 70 лет, прибывших совершенно случайным и неорганизованным порядком с Терека». Положение в переполненных концлагерях было тревожным, за котелок воды часовой требовал взятку. // РГАСПИ, ф. 2, оп. 2, д. 463, л. 1.

¹⁴⁵ Устрялов Н. Под знаком революции. Харбин, 1927. С. 104.

¹⁴⁶ В декрете, подписанном Лениным, говорилось: «Особый революционный трибунал в своих суждениях руководствуется исключительно интересами революции и не связан какими-либо формами судопроизводства». Обзор деятельности ВЧК за 4 года. С. 112, 113.

¹⁴⁷ См.: Новый мир. 1991. № 1. С. 173.

¹⁴⁸ РГАСПИ, ф. 2, оп. 2, д. 478, л. 1—2.

¹⁴⁹ Там же, д. 492, л. 1. См. также: В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891—1922. С. 416—417.

¹⁵⁰ Воспоминания И. М. Вацетиса. Память. Исторический сборник. М., 1977. Т. 2. С. 72; Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 166.

¹⁵¹ Сборник приказов и распоряжений ВЧК. М., 1920. С. 3, 16, 80.

¹⁵² Архив Управления ФСБ по РТ, д. 510, 589, 6859. В феврале—мае 1920 г. Казанская губЧК к разным срокам заключения приговорила 790 человек. Вот один из типичных приговоров: 29 марта 1920 г. Казанская губЧК постановила: в отноше-

нии обвиняемых Г. Гирфанова, М. Демерт, В. Демерт, Георгия и Николая Первушиных (сыновья двоюродной сестры Ленина. — А. Л.), активное участие которых в контрреволюционной организации юридически является недоказанным, хотя и подтверждается агентурными сведениями, дело за недоказанностью состава преступления прекратить, взяв их всех на учет как заговорщиков, о чем сообщить в срочном порядке в секретный отдел губЧК. А. и Г. Распоповых, А. Ашихмина, Галимова за активное участие в белогвардейской организации, вербовку дезертиров, виновность коих доказана и частичным признанием самих обвиняемых... заключить в тюрьму на все время гражданской войны без права досрочного освобождения по амнистиям. Архив Управления ФСБ по РТ, протоколы заседаний Казанской губЧК. Т. 2. С. 33.

¹⁵³ ЦГАИПД РТ, ф. 868, д. 299, л. 93.

¹⁵⁴ Родина. 1992. № 4. С. 101.

¹⁵⁵ Роман Гуль называл жестокой чекистку Веру Брауде, которая обыскивала и мужчин, и женщин. Побывавшие в «ее руках» называли Брауде «разновидностью женщины-садистки». Гуль Р. Дзержинский. Менжинский—Петерс—Лацис—Ягода. Париж, 1936. С. 96. Самым жестоким палачом в Петрограде была Софья Гертнер, изобретшая свой способ пытки: привязывала допрашиваемого за руки и за ноги к столу и со всего размаху била несколько раз по «мужскому достоинству», выбивая нужные признания. Аргументы и факты. 1993. 19 мая. Эти женщины-палачи умерли в своих квартирах: Брауде — в 1961 г., Гертнер — в 1982 г. Первой было 71, второй — 78 лет. О женщинах-чекистах см.: Бережков В. И., Пехтерева С. В. Женщины-чекистки. СПб. — М., 2003.

¹⁵⁶ Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. VI. С. 340, 347, 349.

¹⁵⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 42. С. 74.

¹⁵⁸ Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. М., 1992. Ч. 2. С. 433; Российский государственный военный архив (далее — РГВА), ф. 101, оп. 1, д. 118, л. 49; Петров В. П. К вопросу о красном терроре в Крыму в 1920—1921 годах. // Тезисы докладов научной конференции «Проблемы истории Крыма». 23—28 сентября 1991 г. Симферополь, 1991. Вып. 2. С. 90—91; Троцкий Л. Д. Соч. М. — Л., 1925. Т. 17. С. 460. Троцкий заявил, что в Крыму было зарегистрировано 52 тыс. пленных,

277 орудий, 7 бронепоездов, 100 паровозов, 32 автомобиля, 31 судно и 7 бронемашин (с. 490). Ленин В. И. ПСС. Т. 52. С. 6; Сборник приказов революционного комитета Крыма. Изд. Крымревкома, 1921. С. 9. Мельгунов цитировал Б. Куна: «Троцкий сказал, что не приедет в Крым до тех пор, пока хоть один контрреволюционер останется в Крыму; Крым — это бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит, а так как Крым отстал на три года в своем революционном движении, то быстро подвинем его к общему революционному уровню России...» Мельгунов С. П. Красный террор в России. С. 66.

¹⁵⁹ Архив Республики Крым, ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 6. В советском Крыму были традиции расправы без суда. «Известия Севастопольского Совета» 28 февраля 1918 года сообщали, что матросы корабля «Борцы за свободу» постановили истребить всю буржуазию. За две ночи они расстреляли 400 человек. С большим трудом ревкому удалось удержать дальнейшие расстрелы без суда.

¹⁶⁰ Документ обнаружен в РГВА А. А. Здановичем. На наградном списке Евдокимова есть резолюция командующего Южным фронтом Фрунзе: «Считаю деятельность т. Евдокимова заслуживающей поощрения. Ввиду особого характера этой деятельности проведение награждения в обычном порядке не совсем удобно». Евдокимов был награжден орденом без публичного объявления об этом. Секретаря Крымского обкома РКП(б) Р. С. Землячку (1876—1947) с награждением в начале 1921 г. орденом боевого Красного Знамени поздравили публично.

¹⁶¹ Архив Республики Крым, ф. 1, оп. 1, д. 60, л. 2.

¹⁶² Родина. 1992. № 4. С. 100—101. Только известному поэту М. Волошину Б. Кун разрешил раз в неделю приходить в Феодосийскую ЧК, дабы вымолить жизнь только одного из сотни приговоренных к расстрелу. // Известия. 1993. 10 июля. Подробнее о красном терроре в Крыму см.: Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997.

¹⁶³ Архив Республики Крым, ф. 32, оп. 1, д. 6, л. 18, 51; д. 11, л. 7. КрымЧК тогда возглавляли В. В. Фомин и С. Ф. Реденс. 2 марта 1922 г. председатель КрымЦИК Фавен отмечал на второй сессии Крымского ЦИК, что осенью 1921 г. в Крыму уси-

лился бандитизм, в котором участвовали белые офицеры и крестьяне-татары. Но его тогда не удалось ликвидировать. // Вторая сессия Крымского ЦИК. 2—4 марта 1922 г. Симферополь, 1922. С. 100.

¹⁶⁴ Оболенский В. А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 740, 741.

¹⁶⁵ Обзор деятельности ВЧК за 4 года. С. 201.

Глава 3

Репрессивная практика антибольшевистских правительств

Советская историография на протяжении десятилетий пыталась обосновать легитимность режима и его представителей, одержавших победу в гражданской войне. Действия противоборствующих сторон, представлявших альтернативные видения будущего России, объявлялись заведомо незаконными. Подобная постановка проблемы некорректна. После свержения самодержавия Россия так и не перешла к демократическим методам правления. Всенародно избранное Учредительное собрание было разогнано большевиками, а Конституция РСФСР (июль 1918 г.) содержала многочисленные классовые квоты для избирателей. Не избирались и белые правительства. От имени Учредительного собрания действовали в 1918 г. социалистические правительства на Волге — Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), Временное областное правительство Урала, Временное сибирское правительство, Верховное управление Северной области. Они подчеркивали временность своего функционирования, т. е. не претендовали на демократическую легитимность. Потому следует признать де-факто все существовавшие на территории России в 1918—1922 гг. правительства. И их ответственность за свои действия.

«Гражданская война была гораздо больше, чем просто борьба красных-белых за власть в Москве. Это также не была в сколько-нибудь реальном смысле классовая борьба. Это была война колеблющихся союзов и индивидуальной лояльности, и она разделила семьи легче, чем классы», — пишет Берил Уильямс⁽¹⁾. Действительно, гражданская война планировалась и виделась большевикам классовой, а стала

братоубийственной. Прогноз большевиков не оправдался, и белые, как и красные, собрали под свои знамена значительные контингенты, прежде всего крестьянского населения. По разные стороны фронта оказались люди из одной общественной среды, одного класса. Связано это было в значительной степени с двумя обстоятельствами: с представлениями о будущей жизни страны и личным восприятием происходящего. Речь шла не о реставрации монархии (хотя были и ее приверженцы), а об установлении в России парламентской республики либо будущего «царства социализма». Сразились приверженцы Февральской и Октябрьской революций. Террор стал действенным средством самозащиты той и другой стороны.

Частные письма той поры, перлюстрированные военной цензурой, в какой-то мере раскрывают отношение населения к белым и красным. Крестьяне колебались и плохо воспринимали и тех, и других. Люди не хотели воевать, их насильно мобилизовывали, провоцировали жестокостями⁽²⁾. «У нас был приказ идти на военную службу, но в деревне говорят: «За что мы будем воевать, на кого, друг на друга и брат на брата?» — писали из Смоленской губернии в августе 1919 г.⁽³⁾ Донской атаман, генерал П. Н. Краснов писал о зверствах красноармейцев, расстреливавших пленных казаков, пытавших и насиловавших жителей станиц. Он утверждал, что ни один «пленный большевик не был казнен без суда. Но казаки сами следили за тем, чтобы суд не давал пощады комиссарам... Это была в полном смысле этого слова народная война». Но вот другое свидетельство: «Все плохо, а хуже нет казацкой плети. Она никого не щадит — ни старого, ни малого. Казаки не дали нам никакого продовольствия, а отнимали одежду, мало того, что грабили, но приходилось самому отнести без одной копейки (оплаты), если не отнесешь, то к полевому суду. Много расстреляно мирных жителей, не только мужчин, но и женщин, а также ребятишек. Отрезали ноги, руки, выкалывали глаза», — писали из Новоузенского уезда Самарской губернии 20 июля 1919 г. «Нужно вешать направо и налево», — призывал атаман А. М. Каледин. И сожалел, что «сил для этого нет»⁽⁴⁾. Это

была не народная война. Это было истребление сограждан. Это была народная, общенациональная трагедия, где в жестокости действий каждая сторона проявляла себя наихудшим образом.

Вряд ли следует рассматривать белое движение как народное сопротивление коммунизму в России. Не может движение, направленное на уничтожение массы своих сограждан, быть народным. Таковым не было и большевистское движение. Были фанатики с обеих сторон. Но очень скоро Романа Гуля, участника Ледового похода Добровольческой армии, оттолкнули беспощадность и беспросветность войны, участником которой он стал и где не было места «рыцарскому подвигу». Многоопытные политики Б. Савинков и В. Шульгин были поражены осквернением «белой идеи». Герой Савинкова из «Коня вороного» записал в дневнике: «не воины в белых одеждах, двойники своих врагов». О том же писал Шульгин в книге «1920»: «Белое дело» погибло. Начатое «почти святыми», оно попало в руки «почти бандитов». Жестокость и свирепость красных всю гражданскую войну шли рука об руку с белым террором...

В историографии гражданской войны есть мнение, что это была война политическая, что красными руководили политики, а белыми — военные, что сражения тогда велись «не между демократией и авторитаризмом, а между двумя совершенно различными авторитарными политлагерями, способными противопоставить друг другу мощные армии»⁽⁵⁾. Так было в 1919—1920 гг. Но началась гражданская война со столкновения противоборствующих политиков, когда Ленин для сохранения единой России предложил диктатуру, а бывшие члены Учредительного собрания — парламентаризм. Потому и вопрос стоит об ином, о быстром поражении в России начал демократии, о поддержке населением той или иной формы стабилизационной диктатуры, пусть и с явно мафиозными, жестокими чертами. Большевики быстрее своих противников смогли организовать, подкрепив политику военного коммунизма нетрадиционными идеологическими принципами, беспощадным террором и утопическими обещаниями.

Первый большой всплеск массового террора произошел летом — в начале осени 1918 г. В то время главным фронтом гражданской войны Ленин определил Восточный, на Волге, где сражалась формируемая Красная Армия с одной стороны, а с другой — легионеры чехословацкого корпуса и Народная армия Комуча⁽⁶⁾. Историки среди участников гражданской войны выделяют несколько групп: сторонников парламентарной или ограниченной монархии; приверженцев демократических идей Февральской революции и защитников диктатуры пролетариата, а также говорят о государственном характере красного террора и кустарном белом терроре⁽⁷⁾, как-то забывая при этом, что и антибольшевистские силы занимали обширные территории страны и заявляли о себе как суверенных правительственных государственных образованиях. Есть и нравственный аспект такой классификации террора: его невинным жертвам было безразлично, от какого из них они погибли.

В. К. Вольский, председатель самарского Комуча, позже признавал: «Комитет действовал диктаторски, власть его была твердой... жестокой и страшной. Это диктовалось обстоятельствами гражданской войны. Взявши власть в таких условиях, мы должны были действовать, а не отступать перед кровью. И на нас много крови. Мы это глубоко сознаем. Мы не могли ее избежать в жестокой борьбе за демократию. Мы вынуждены были создать и ведомство охраны, на котором лежала охранная служба, та же чрезвычайка и едва ли не хуже»⁽⁸⁾. Эта оправдательная констатация, произнесенная им в 1919 г., весьма напоминала защиту необходимости красного террора большевиками. Итак...

«ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ» ТЕРРОР

Его проводили правые эсеры, частично меньшевики в Поволжье, Сибири, Архангельске, где были у власти в 1918 году. В их действиях по укреплению своей власти много сходного.

КОМУЧ

Создан в Самаре 8 июня 1918 г. В него вначале вошли пять членов Учредительного собрания: И. М. Брушвит, В. К. Вольский, П. Д. Климушкин, И. П. Нестеров, Б. К. Фортунатов. Позже он объединил около сотни приехавших в Самару членов Учредительного собрания вместе с его председателем В. М. Черновым. Политическое руководство Комучем осуществляли правые эсеры. Тогда меньшевик И. М. Майский возглавил ведомство труда⁽⁹⁾. Народной армией Комуча командовал и полковник В. О. Каппель. Главной военной силой были легионеры чехословацкого корпуса. За Комуч под Казанью сражался Б. В. Савинков с членами «Союза защиты родины и свободы». В первых приказах самарского Комуча сообщалось о низложении большевистской власти и восстановлении городских дум и земств. В связи с этим — решением ВЦИК от 14 июня 1918 г. правые эсеры и меньшевики изгонялись из Советов всех рангов. Комуч 12 июля 1918 г. признал недопустимым вхождение в состав Комуча большевиков и левых эсеров как партий, отвергнувших Учредительное собрание. Комуч считал себя продолжателем политики Временного правительства и полагал сложить свои полномочия перед Учредительным собранием, которое изберет «всероссийское правительство». В воззвании Комуча 8 июня 1918 г. говорилось, что переворот «совершен во имя великого принципа народо-властия и независимости России»⁽¹⁰⁾.

В декларативных воззваниях и приказах Комуча было много демагогического. А. С. Соловейчик, участник комучевского движения, писал чуть позже, оправдывая свои действия: в Самаре с большевиками велась борьба на словах, а на деле «созданное новое министерство охраны государственного порядка и безопасности вело усиленную слежку за добровольцами-офицерами, за кадетами и за буржуазией и сквозь пальцы смотрело на большевиков». Ему вторил К. В. Сахаров, колчаковец, будущий русский фашист в зарубежье: «Как во времена существования самарского правительства, так и во времена Директории все его усилия были на-

правлены не к борьбе с большевиками, а как раз к обратной цели: к воссозданию единого социалистического фронта, другими словами — к примирению с большевиками путем компромиссного решения. Одной из первых забот новой власти было учреждение особой охраны для борьбы с контрреволюцией справа»⁽¹¹⁾.

А на самом деле... Самара, 8 июня 1918 г., день захвата города легионерами и комучевцами. В этот, первый же день были зверски, самосудом убиты председатель революционного трибунала Ф. И. Венцек, заведующий жилищным отделом горисполкома И. И. Штыркин, популярный пролетарский поэт и драматург, слесарь А. С. Конихин, рабочие-коммунисты Абас Алеев, Е. И. Бахмутов, И. Г. Тезиков, член агитаторской группы молодежи Я. М. Длутоленский, работник коллегии по формированию Красной Армии Шульц, красногвардейка Мария Вагнер и другие. Поплатился жизнью за попытку оказать помощь раненому красноармейцу рабочий П. Д. Романов. В этот же день расстреляно более 100 захваченных в плен красноармейцев и красногвардейцев. Вооруженные патрули по указаниям из толпы расстреливали заподозренных в большевизме лиц прямо на улице. В приказе № 3 Комуча предлагалось доставлять в штаб охраны города всех лиц, подозреваемых в участии в большевистском восстании, и тут же были арестованы «по подозрению в большевизме» 66 человек⁽¹²⁾.

Симбирск, 26 июля 1918 г., предсмертное письмо И. В. Крылова, председателя ревтрибунала, из тюрьмы жене о детях: «Я люблю их безумно, но жизнь сложилась иначе»⁽¹³⁾. Он тоже был большевик, и не он один был в Симбирске расстрелян по должности и партийной принадлежности.

Казань была захвачена комучевцами и легионерами 6 августа 1918 г. Террор сразу же захлестнул город. П. Г. Смидович делился впечатлениями: «Это был поистине безудержный разгул победителей. Массовые расстрелы не только ответственных советских работников, но и всех, кого подозревали в признании советской власти, производились без суда, — и трупы валялись по целым дням на улице»⁽¹⁴⁾. А Кузнецов, очевидец: «На Рыбнорядской улице, — вспоминал

он, — я увидел и первые жертвы боя — славно погибших защитников этих баррикад. Первый — моряк, крепкий, сильный, широко раскинув руки, лежал на тротуаре. Он был весь изуродован. Кроме огнестрельных ран (белогвардейцы стреляли разрывными пулями), были штыковые и следы от ударов прикладом по голове. Часть лица вдавилась, отпечатав приклад. Ясно было видно, что раненых зверски добивали... Это было похоже на пир дикарей, справлявших тризну на трупах побежденных»⁽¹⁵⁾.

Жертвами комучевского террора стали полковник Руанет, перешедший с солдатами на сторону большевиков, председатель губернского Совета и комитета РКП(б) Я. С. Шейнкман, комиссар Татаро-Башкирского комиссариата при Наркомназе РСФСР и председатель Центральной мусульманской военной коллегии, член Учредительного собрания Мулланур Вахитов, руководитель бондюжских большевиков и первый председатель Елабужского уездного Совета депутатов С. Н. Гассар, комиссар юстиции Казани М. И. Межлаук, представитель самарской партийной организации Хая Хатаевич, организаторы рабочих отрядов братья Егор и Константин Петряевы, профсоюзный работник А. П. Комлев и многие другие.

Можно упрекать советскую историографию в том, что ее выводы иллюстрируются фактами террора против большевиков прежде всего, а не многочисленными жертвами беспартийного населения страны. Но ведь и факт остается фактом: представители демократии, социалистических партий убивали в первую очередь тех, с кем еще недавно бывали вместе в царских ссылках и тюрьмах. Они заявляли о себе как «третьей» силе, действующей между «двумя большевизмами» (диктатурами большевиков и генералов), но это не исключало их карательных действий против всех, кто, с их точки зрения, нарушал их право строить свое «народовластное» государство. Потому и Колчак в июне 1918 г. в интервью заявлял о своей поддержке Учредительного собрания, так как это поможет спасти Россию от большевиков. А в августе 1918 г. Колчак продолжал: «Гражданская война по необходимости должна быть беспощадной. Командирам я

приказываю расстреливать всех захваченных коммунистов. Сейчас мы делаем ставку на штыки. Военная диктатура — единственная эффективная система власти»⁽¹⁶⁾.

Наверное, поэтому раньше других ведомств после захвата власти в Самаре комучевцы создали ведомство государственной охраны (контрразведка), ставшее частью управления внутренних дел (руководитель — заместитель председателя Комуча П. Н. Климушкин). На работу в это ведомство приглашались офицеры-добровольцы, дезертиры Красной Армии, по рекомендации бывших работников охраны или земств. Число сотрудников в разных городах колебалось от 60 до 100, включая платных агентов. Все учреждения обязывались оказывать контрразведке «беспрекословное и полное содействие».

Бывший управляющий делами Комуча Я. Дворжец, впоследствии перешедший на сторону советской власти, признавал, что «террор и работа, от которой отказался даже народный социалист Хрунин, требовалась, вдохновлялась и руководилась эсером, членом Учредительного собрания и министром Климушкиным, содружественно и успешно работавшим с соответствующим требованием штаба (в лице генерала Галкина), начальником штаба и охраны Коваленко»⁽¹⁷⁾. Уже в августе территория, подведомственная Комучу, была покрыта сетью военно-полевых судов, а карательные органы выделились в специальный отдел государственной охраны во главе с Е. Ф. Роговским. Согласно приказу Комуча от 20 июня 1918 г. граждане подлежали суду за шпионаж, за восстание против власти Комуча (при подстрекательстве к восстанию), за умышленное разрушение или порчу вооружения, военного снаряжения, продовольствия или фуража, за повреждение средств связи или транспорта, за оказание сопротивления милиции или любым другим властям, за хранение оружия без соответствующего разрешения. Суду предавались также граждане, виновные «в распространении необоснованных слухов» и в «погромной агитации». В сентябре 1918 г., терпя поражение на фронте, Комуч объявил приказ о принятии чрезвычайных мер для поддержания общественного порядка. Согласно этому при-

казу учреждался чрезвычайный военный суд, выносивший только один приговор — смертную казнь⁽¹⁸⁾. Одновременно в городах действовали чешские, а в Казани и сербская контрразведки.

8 июня 1918 г., когда в Самаре начались самосуды над партийно-советскими работниками и в течение дня погибли сотни людей, Комуч призвал «под страхом ответственности немедленно прекратить всякие добровольные расстрелы. Всех лиц, подозреваемых в участии в большевистском восстании, предлагаем немедленно арестовывать и доставлять в штаб охраны»⁽¹⁹⁾. И продолжали расстреливать уже на «законном» основании. 11 июня Комуч дал указание начальнику самарской тюрьмы: приготовить места на полторы тысячи человек. 26 июня в тюрьме находилось 1600 человек, из них 1200 пленных красноармейцев, а вскоре газеты сообщили, что тюрьма переполнена, заключенных стали переводить в бугурусланскую и уфимскую тюрьмы⁽²⁰⁾. А там их старались «разгрузить»: у моста через реку каждую ночь в час или в два производились расстрелы.

10 июля 1918 года комучевцы вступили в Сызрань, и тут же последовал приказ «выдать немедленно всех сторонников советской власти и всех подозреваемых лиц. Виновные в их укрывательстве будут преданы военно-полевому суду». Вернувшийся из Сызрани член Комуча П. Г. Маслов докладывал: «Военно-полевой суд в Сызрани находится в руках двух-трех человек... Проявляется определенная тенденция подчинить сфере своего влияния всю гражданскую область... Им вынесено шесть смертных приговоров в один день. По ночам арестованных выводят и расстреливают»⁽²¹⁾.

В архивном фонде Комуча, хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации, есть списки арестованных, содержащихся в тюрьмах Самары, Симбирска, Уфы и других городов. Их много. Для освобождения мест для вновь прибывающих арестованные, особенно пленные, переводились в концлагеря. О переводе 52 красноармейцев из уфимской тюрьмы сообщалось в конце августа 1918 года⁽²²⁾. Уполномоченный Комуча по Вольскому и Хвалынскому уездам докладывал в то же время: «Несмотря на мои стара-

ния ограничить аресты лишь необходимыми случаями, они практиковались в широких размерах, и места заключения в Хвалынске все время были переполнены, хотя часть наиболее важных арестантов была отправлена в Сызрань, явилась необходимость устроить плавучую тюрьму, которая при эвакуации Хвалынска принесла огромную пользу»⁽²³⁾. Арестовывали по подозрению и доносам, агитацию против власти, сочувствие красноармейцам. Охранники делили между собой вещи арестованных, занимались вымогательством. Это был самый настоящий произвол.

Эсеры пытались от имени Комуча установить подобие законности. Они стали создавать следственно-юридические комиссии для рассмотрения оснований ареста, арестовывать только с разрешения Комуча. Самарская городская Дума запросила Комуч о причинах арестов, «беспорядочно и хаотично производящихся в городе». На это откровенно ответил член Комуча Брушвит: «Власть будет арестовывать за убеждения, за те убеждения, которые ведут к преступлениям»⁽²⁴⁾.

В самарской тюрьме в качестве заложников содержались 16 женщин — жен и сестер ответственных советских работников. Среди них были Цюрупа, Брюханова, Кадомцева, Юрьева, Кабанова, Мухина с сыном и другие. Содержались они в плохих условиях. По предложению Я. М. Свердлова они были обменены на заложников, указанных Комучем и до того содержавшихся в советской тюрьме.

Майский констатировал, что, несмотря на широковетательные заявления лидеров Комуча, никакой демократии на подвластной ему территории не было. Эсеры сажали в переполненные тюрьмы, пороли крестьян, убивали рабочих, посылали в волости карательные отряды. «Возможно, что сторонники Комитета мне возразят: в обстановке гражданской войны никакая государственная власть не в состоянии обойтись без террора, — писал Майский. — Я готов согласиться с этим утверждением, но тогда почему же эсеры так любят болтать о «большевистском терроре», господствующем в Советской России? Какое они имеют на это право? Террор был в Самаре... И от этого террора партия социалистов-ре-

волюционеров не сможет отмыть своих «белоснежных» риз, сколько бы она ни старалась»⁽²⁵⁾.

При наступлении красных комучевцы эвакуировали тюрьмы в так называемых «эшелонах смерти». В первом поезде, отправленном в Иркутск из Самары, было 2700 человек, во втором из Уфы — 1503 человека в холодных товарных вагонах. В пути — голод, холод, расстрелы. Из самарского эшелона до конечного пункта добрались 725 человек, остальные погибли⁽²⁶⁾.

П. Д. Климушкин в 1925 г. закончил в Праге писать книгу «Волжское движение и образование Директории». Ему было что осмыслить, попытаться понять причины комучевского поражения. Он писал о практической изоляции эсеров: крестьяне не давали солдат в армию, рабочие отказывались подчиняться, армия была неуправляема, террор к заметному улучшению ситуации не приводил. В Бугурусланском уезде отказались дать новобранцев сразу семь волостей во главе с большим селом Богородское. Чтобы утратить остальных, село окружили и начали по нему стрелять из пушек и пулеметов, убили ребенка и женщину. После этого крестьяне согласились с мобилизацией, но заявили, что гражданская война им надоела и воевать они больше не хотят. Офицеры в армии надели погоны. Группа солдат явилась в эсеровский комитет и заявила: «Мы бы служили, да боимся, чтобы в одну ночь нас не повели арестовывать самих же членов Учредительного собрания». Отсюда массовое дезертирство. Климушкин подробно останавливался на жестоком подавлении рабочих восстаний в Казани и Иващенкове, в чем, полагал он, «надо признаться хотя бы для истории»⁽²⁷⁾.

Климушкин цитировал письмо члена Учредительного собрания Толстого, который приехал в Уфу из Москвы: «...в армии неблагополучно. Отряды не получают продуктов и проводят реквизиции у крестьян. Часты случаи расправ с крестьянами. У них отбирают помещичьих лошадей и коров, это сопровождается поркой и террором. Офицеры снова надели погоны и кокарды. Все это приводит крестьян

и солдат в такой ужас, что они искренне теперь хотят возвращения большевиков... На его вопрос, почему они это делают, ему отвечали, что большевики все же их народная власть, а там царем пахнет. Опять придут помещики, офицеры и опять будут нас бить. Уж пусть лучше бьет — так свой брат»⁽²⁸⁾.

А. И. Деникин называл Комуч пустоцветом. По его мнению, «придя к власти на штыках чехословаков, Комитет Учредительного собрания — филиал ЦК партии эсеров — явился отображением советского правительства, только более тусклым и мелким, лишенным крупных имен, большевистского размаха и дерзаний»⁽²⁹⁾. В этом смысле и в карательной политике Комуча было много общего с большевистской: карательные отряды и жестокий беспредел в обращении с людьми. Самарская газета «Волжское слово» 12 июня 1918 г. сообщала, что в редакцию поступают письма с протестом против зверской расправы с пленными красноармейцами. Очевидцы оставили большое число воспоминаний о происходившем терроре⁽³⁰⁾. Комучевец С. Николаев признавал: «режим террора... принял особо жестокие формы в Среднем Поволжье»⁽³¹⁾. Начинали комучевцы с арестов большевиков и левых эсеров, организации военно-полевых судов, рассматривавших дела арестованных в их отсутствие в течение не более двух суток⁽³²⁾. Они довольно быстро ввели внесудебные расправы и только тогда, когда эти репрессии через несколько месяцев стали вызывать общие нарекания, только после начала своих военных поражений, Комуч 10 сентября 1918 г. издал положение о временной комиссии «по рассмотрению дел о лицах, арестованных во внесудебном порядке». Было оговорено, что положение действует только для лиц, арестованных в Самаре⁽³³⁾. 16 сентября 1918 г. состоялось первое заседание этой комиссии. Она не стала рассматривать вопроса о судьбе пленнх красноармейцев. По докладу В. П. Денике о редакторе газеты «Волжский день», где члены Комуча были названы «митинговыми дельцами, которые гоняются за дешевыми успехами и поощрениями толпы», было решено: состава преступления не обнаружено⁽³⁴⁾.

По мере поражений на фронте члены Комуча усилили репрессии. 18 сентября 1918 г. в Самаре был учрежден «Чрезвычайный суд» из представителей чехословаков, Народной армии, юстиции. Суд собирался по приказу командующего поволжским фронтом. В то время им был полковник В. О. Каппель (1883—1920). В положении о суде говорилось, что виновные приговариваются к смертной казни за восстание против властей, сопротивление их распоряжениям, нападение на военных, порчу средств связи и дорог, государственную измену, шпионаж, насильственное освобождение арестантов, призыв к уклонению от воинской службы и неподчинению властям, умышленный поджог и разбой, «злонамеренное» распространение ложных слухов, спекуляции⁽³⁵⁾. Число жертв этого суда неизвестно. Бюллетень ведомства охраны Самары давал весьма заниженные цифры арестованных в городе: за июнь — 27 человек, июль — 148, август — 67, сентябрь — 26 человек⁽³⁶⁾.

3 сентября 1918 г. восстали рабочие Казанского порохового завода, протестующие против комучевского террора в городе, мобилизации в армию и ухудшения своего положения. Комендант города генерал В. Рычков расстрелял рабочих из орудий и пулеметов, в том числе и арестованных. 1 октября 1918 г. рабочие Ивашенкова выступили против демонтажа предприятий и эвакуации их в Сибирь. Комучевцы прибыли из Самары, смяли рабочие патрули и учинили жестокую расправу над рабочими, не щадя ни женщин, ни детей. Всего от рук комучевцев погибло около тысячи человек⁽³⁷⁾.

Комучевцы позже сетовали: «Силы у демократии и Учредительного собрания не оказалось. Оно потерпело поражение со стороны двух диктатур. Очевидно, в процессах революции рождаются силы диктатур, но не уравновешенного народовластия» (В. К. Вольский); «Комучу не удалось сделаться сильной демократической властью. Тогдашние руководители волжского фронта совершили ряд крупных и роковых ошибок» (В. Архангельский)⁽³⁸⁾. Но сами комучевцы, даже со ссылками на условия военного времени, проводили свою карательную политику отнюдь не демократическими

методами, в чем и признавались. Убедительно критикуя большевиков за террор и действия чрезвычайек, они действовали не менее жесткими способами, дабы утвердить свою власть.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА НА УРАЛЕ, В СИБИРИ И НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Процессы, подобные поволжским, происходили и в других районах страны, где были сделаны попытки демократических правлений и где, как отмечал депутат Учредительного собрания и член самарского Комуча В. Л. Утгоф, политическая атмосфера была густо насыщена заговорами, борьбой честолюбий, анархическим разгулом авантюристов, где политическое убийство не было редкостью⁽³⁹⁾. Заметим, что режимы «демократической контрреволюции» в различных регионах опирались не только на штыки чехословацких легионеров или интервентов, а на значительную часть населения, предпочитавшую жесткой политике большевиков демократические лозунги социалистов, прежде всего правых эсеров и меньшевиков⁽⁴⁰⁾. Но карательная политика всюду и проводилась, опираясь на тех, кто поддерживал действия властей.

Временное областное правительство Урала 27 августа 1918 г. декларировало установление власти партий народной свободы, трудовой народно-социалистической, социалистов-революционеров и социал-демократов-меньшевиков. Заявлялось о признании власти только Учредительного собрания. Исполнителем воли областников стал генерал Голицын. И началась расправа: в Альняшинской волости Осинского уезда с 10 сентября по 10 декабря было расстреляно 350 коммунистов, красноармейцев и членов их семей; на станции Сусанна — 46 родственников красноармейцев и советских работников. Террор сразу же принял массовый характер. Центральное областное бюро профсоюзов Урала в августе 1918 г. заявляло: «Вот уже второй месяц идет со дня занятия Екатеринбурга и части Урала войсками Временного

сибирского правительства и войсками чехословаков, и второй месяц граждане не могут избавиться от кошмара беспричинных арестов, самосудов и расстрела без суда и следствия. Город Екатеринбург превращен в одну сплошную тюрьму, заполнены почти все здания, в большинстве невинно арестованными. Аресты, обыски и безответственная и бесконтрольная расправа с мирным населением Екатеринбурга и заводов Урала производятся как в Екатеринбурге, так и по заводам различными учреждениями и лицами, неизвестно какими выборными организациями, уполномоченными. Арестовывают все кому не лень, как то: военный контроль, комендатура, городские и районные комиссии, чешская контрразведка, военно-уполномоченные заводских районов и различного рода должностные лица»⁽⁴¹⁾.

Временное сибирское правительство 3 августа 1918 г. постановило передать всех представителей «так называемой советской власти» политическому суду Всесибирского Учредительного собрания. В результате только в Омске было расстреляно полторы тысячи человек. 4 июня 1918 г. в Новониколаевске «при попытке к бегству» были убиты многие партийно-советские работники. Когда родственникам разрешили взять тела погибших для похорон, то оказалось, что они были сильно изуродованы штыковыми, сабельными ударами. 4 сентября 1918 г. Административный совет Временного сибирского правительства принял решение о восстановлении смертной казни за военную и государственную измену (бегство с поля боя, дезертирство, невыполнение приказов, умышленное убийство, разбой и т. д.)⁽⁴²⁾.

В Архангельске и губернии Верховное управление северной области во главе с народным социалистом Н. В. Чайковским также заявило о своей приверженности идее Учредительного собрания⁽⁴³⁾. И сразу же начались аресты большевиков, левых эсеров, советских работников. Многочисленные воспоминания сподвижников Чайковского свидетельствовали о жестокостях и произволе по отношению к различным социальным слоям населения в этом регионе⁽⁴⁴⁾. В Архангельске социалисты совместно с интервентами творили скорый и неправый суд. В. И. Игнатъев, управляющий отделом

внутренних дел в правительстве Чайковского, писал 9 февраля 1922 г. своему премьеру из Ново-Николаевска в Париж: «Вспомните, Николай Васильевич, хотя бы наш север, Архангельск, где мы строили власть, где мы правили! И вы, и я были противниками казней, жестокостей, но разве их не было? Разве без нашего ведома, на фронтах (например, на Пинежском и Печоре) не творились военщиной ужасы, не заполнялись проруби живыми людьми? Да, мы этого, к сожалению, в свое время не знали, но это было, и не падает ли на нас, как на членов правительства, тень за эти злодеяния?»

Вспомните тюрьму на острове Мудьюг, в Белом море, основанную союзниками, где содержались «военнопленные», т. е. все, кто подозревался союзной военной властью в сочувствии большевикам. В этой тюрьме... начальство — комендант и его помощник — были офицеры французского командования, что там, оказывается, творилось? 30% смертей арестованных за пять месяцев от цинги и тифа, держали арестованных впроголодь, избивания, холодный карцер в погреб и мерзлой земле...»⁽⁴⁵⁾

За год на территории с населением в 400 тысяч жителей только через архангельскую тюрьму прошло 38 тысяч арестованных. Из них было расстреляно 8 тысяч и более тысячи умерло от побоев и болезней. В пяти тюрьмах Мурманска содержалось не менее тысячи заключенных, а кроме того, были еще концлагеря смерти на безлюдном острове Мудьюг.

«Белый террор» — мы возьмем только Северную область, — писал А. И. Потылицин, — в руках ставших у власти буржуазии и интервентов стал системой управления, так как положение белых было неустойчивым». П. П. Рассказов, прошедший архангельскую губернскую тюрьму, мудьюгскую каторгу и, в качестве заложника, тюрьмы Франции, подчеркивал, что ни эсеры, ни меньшевики, ни различного рода социалисты не давали никаких гарантий не оказаться в тюрьме, а там издевались как хотели. Рассказов описал все эти ужасы достаточно красноречиво⁽⁴⁶⁾. Подобных и иных примеров множество. Их сопоставление между собой и сравнение с карательной политикой советской власти позволяет признать их определенное сходство.

В 1918 г. в России существовало не менее двух десятков различных правительственных режимов, советский — один из них. Видимо, говоря о том времени, следует отказаться от устоявшегося мнения о том, что в октябре 1917 г. было создано государство, политике которого было обязано подчиняться все население России. Это право еще нужно было завоевать в годы гражданской войны. В 1918 году сторонники Учредительного собрания считали себя высшей законно избранной властью страны, а большевиков — узурпаторами, захватчиками власти. Естественно, что эсеры (за исключением левых) считали себя правительственной партией, ведь им принадлежало большинство мандатов избирателей Учредительного собрания. Отсюда политические режимы, установившиеся в то время в стране, весьма сопоставимы по преимущественно насильственным методам решения вопросов организации государственной власти, по отсутствию в их действиях понимания цены человеческой жизни как таковой, по стремлению к диктатуре.

Разумеется, можно говорить об аналогах со временем якобинства⁽⁴⁷⁾, с опорой в действиях на теоретические доктрины, максимализме и экстремизме. При этом апологетами режимов будут найдены исторические параллели и оправдания своим действиям, борьбе за власть, но не за жизнь людей, не за права личности.

«Принципом демократического правительства является добродетель, а средством, пока она не установится, — террор», — говорил в конце 1793 года Робеспьер, желавший гильотиной переделать французов в общество, полное добродетели. «Успех революции — высший закон, — подчеркивал Г. В. Плеханов на II съезде РСДРП. — И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или иного демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться»⁽⁴⁸⁾.

На подобные принципы опирались тогда и красные, и белые, и левые, и правые в своем неистовом, неистребимом желании завоевать и удержать власть. Обвинения конфронтирующих сторон в адрес друг друга напоминают эпоху

«кровной мести» и выглядят неубедительно. Проиллюстрируем это несколькими диалогами.

М. Лацис, чекист: «На белый террор жизнь заставила ответить красным террором».

В. Лебедев, правый эсер, член Военного штаба при правительстве Комуча: большевики расстреляли мирную демонстрацию, направлявшуюся в день открытия Учредительного собрания к Таврическому дворцу. «Итак, война была объявлена официально. И уже началась, не мы ее начали. Ее начали те, кто разогнал Учредительное собрание, кто заключил позорный мир и одновременно с германцами расстреливал инакомыслящих противников».

М. Лацис: «В припадке отчаяния эсеры стали развивать самый ужасный белый террор. На фронте это сказалось в чрезвычайных жестокостях, проявленных чехословацко-белогвардейскими частями. Был дан приказ — пленных не брать! И пленных не брали. Даже больных в лазаретах убивали».

Из резолюции 2-го съезда горнорабочих Западной Сибири (начало июля 1918 г.) о действиях Сибирского правительства: «Прикрываясь лозунгами гражданских свобод, оно держит в тюрьмах под уголовным режимом сотни рабочих за инакомыслие».

С. Мельгунов, бывший народный социалист, историк, эмигрант: «Жестокость повсюду порождали большевики — эти отрицатели всякой «буржуазной» морали первые развязали гражданскую войну. На них лежит вина за дикость произвола, они морально ответственны за темные пятна междоусобной борьбы».

В. И. Ленин: «...довольно неумно порицать Колчака только за то, что он насильничал над рабочими и даже порол учительниц за то, что они сочувствовали большевикам. Это вульгарная защита демократии, это глупые обвинения Колчака. Колчак действует теми способами, которые он находит»⁽⁴⁹⁾.

Это верно не только по отношению к Колчаку, а к действиям всех правительств, функционировавших тогда в России, в том числе и советского. Каждое из них действовало

так, как считало необходимым. И в этих действиях насильственного со всех сторон было очень много.

А. И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» пришел к выводам: 1) большевики захватили силою власть и вызвали гражданскую войну; 2) эсеры не были инициаторами гражданской войны, хотя и «не стали на колени перед Совнаркомом... Они продолжали упорствовать, что единственно законным было предыдущее правительство»; 3) террор против советской власти трижды обсуждался на ЦК с.-р. в 1918 г. и был трижды отвергнут (несмотря на разгон Учредительного собрания).

Можно сколько угодно иронизировать, как это делает Солженицын, на тему о том, что гражданская война началась потому, что «не все жители одновременно и послушно подчинились законным декретам Совнаркома»⁽⁵⁰⁾. Эту идею даже можно продолжить — эсеры начали гражданскую войну и создали правительство в Поволжье, Сибири, на Севере потому, что не все население встало на защиту идеи Учредительного собрания и т. д. Над большевиками, левыми эсерами и правыми социалистами тогда в значительной степени довлели идеологические догматы, каждая сторона соглашалась на союз с другой только при условии полного подчинения себе. Признание большевиками прав на проведение государственного террора и поощрение подобных же действий конфронтирующей стороной не делали ее действия более нравственными. Гражданские войны нигде и никогда не велись в цивилизованных, правовых формах. С. П. Мельгунов признавал, что власть Комуча должна нести ответственность за все, что делалось от ее имени, а карательные экспедиции Комуча мало чем отличались от аналогичных актов других властей. Когда казанская рабочая конференция потребовала от комучевцев объяснения по поводу арестов членов конференции, В. Лебедев и Б. Фортунатов, представлявшие самарский Комуч в Казани, ответили: «Власть, исходящая из всенародного голосования, никаких требований от частных групп населения не принимает и впредь отнюдь не допустит, не останавливаясь для того перед мерами строгости»⁽⁵¹⁾. Причем в Самаре находилась

тогда большая часть ЦК партии эсеров во главе с В. М. Черновым, и эсеровский ЦК никак не предотвращал и не осуждал террор по отношению к различным слоям населения, инакомыслящим на захваченной территории...

Меньшевицкий ЦК осудил действия И. М. Майского и своих поволжских коллег, а эсеровский — нет. Следовательно, убивать захваченных большевистско-советских работников эсеровский ЦК считал законным, а карание их коллег на советской территории — нет. Шла жестокая борьба за власть, и действия всех сторон были непредсказуемы. Эта борьба еще раз высветила беспочвенность любого террора. Хотя в то время правящая элита в стране сделала для себя вывод о его эффективности и превратила в обыденное явление, опираясь на самые разрушительные элементы общества.

Эсеры пытались не раз оправдать свои действия. Н. И. Ракитников писал о том, что «в столкновении Омска и Самары проявилась борьба двух программ возрождения России вне большевистской диктатуры и большевистского террора». С. А. Щепихин утверждал, что «террор и связанные с ним насилия... не входили в кодекс общего уклада белых». Английский журналист А. Рэнсом передал свой разговор в феврале 1919 г. с бывшим председателем самарского Комуча В. К. Вольским: «Я спросил его, что побудило его и тех, чьим представителем он был, покинуть Колчака и перейти на сторону советского правительства. Он поглядел мне прямо в глаза и проговорил: «Я скажу вам правду. Факты убедили нас, что политика представителей союзников в Сибири имела своей целью не поддержку Учредительного собрания против большевиков и немцев, а просто усиление реакционных сил за нашими спинами»⁽⁵²⁾. Но эти объяснения нельзя считать убедительными, поскольку они опровергаются фактами жестоких реалий. И в этом смысле террор и большевиков, и комучевцев, и колчаковцев был одинаково реакционным явлением — ведь убивали за право людей думать и жить не по предписанию свыше.

Уже VIII Совет партии эсеров (7—16 мая 1918 г.) в резолюции по текущему моменту говорил о важности возвраще-

ния к идеям Февральской революции и о том, что «главным препятствием для осуществления этих задач является большевистская власть. Поэтому ликвидация ее составляет очередную и неотложную задачу всей демократии»⁽⁵³⁾. Эту задачу они и осуществляли в 1918 г. всеми возможными мерами⁽⁵⁴⁾. Вот краткая хроника последних дней комучевской Самары. 5 октября 1918 г. опубликован приказ коменданта города Ребенды: «Немедленному расстрелу подлежат виновные в подстрекательстве к мятежу, уклоняющиеся от воинской повинности и от участия в военных действиях, не исполняющие приказов и распоряжений военной власти, распространяющие ложные слухи и т. п. Запрещены всякие собрания, совещания и митинги». Из самарской тюрьмы эвакуированы на восток свыше 2500 политзаключенных. На станции Липяги расстреляны начальник, дорожный мастер и стрелочник.

6 октября. Мелекес. За время, когда город находился под властью Комуча, были расстреляны 20 рабочих-грузчиков. Ставрополь. Перед бегством из города комучевцы расстреляли 7 человек, заподозренных в помощи Красной Армии⁽⁵⁵⁾. И так в каждом городе и деревне.

В целях объединения сторонников Учредительного собрания 8 сентября 1918 г. в Уфе собралась, по выражению В. М. Зензинова, «вся противобольшевистская Россия»⁽⁵⁶⁾. Его участники избрали из эсеров и кадетов Всероссийскую верховную власть — Директорию (правые эсеры Н. Д. Авксентьев и В. М. Зензинов, кадет В. А. Виноградов и беспартийный сибиряк П. В. Вологодский, генерал В. Г. Болдырев). Собрание приняло «Акт об образовании всероссийской верховной власти», объявив временное всероссийское правительство (Директорию) «единственным носителем Верховной власти на всем пространстве государства Российского». Главной задачей правительства провозглашалась «борьба за освобождение России от советской власти»⁽⁵⁷⁾. Однако быстро выяснилась недееспособность Директории, неподчинение ее распоряжениям сибирских областников, непримиримость в ее составе сторонников военной диктатуры и народовластия, отсутствие поддержки со стороны со-

юзников. Гаррис сообщал в Вашингтон, что декларация, принятая уфимским совещанием, является «радикально-социалистической», что в Уфе, к сожалению, не оказалось «сильной личности», которая смогла бы успешно возглавить борьбу с большевиками⁽⁵⁸⁾. Такой личностью стал адмирал А. В. Колчак, сторонники которого 18 ноября 1918 г. разогнали Директорию и провозгласили его «верховным правителем России».

Во все губернские города Сибири и Урала была послана телеграмма с требованием недопущения никаких выступлений и обсуждений в печати и на собраниях происшедшего, «не останавливаясь перед арестом как отдельных лиц, так и правлений и руководителей партий и организаций»⁽⁵⁹⁾. Члены Директории были арестованы: Авксентьев и Зензинов получили по 100 тыс. рублей золотом и высланы за границу; часть эсеров была расстреляна, часть, во главе с бывшим председателем Комуча В. Вольским, создала группу «Народ» и стала сотрудничать с советской властью, другие пошли на службу к Колчаку.

Д. Ф. Раков, член ЦК партии эсеров и депутат Учредительного собрания, был арестован казаками и до марта 1919 г. на себе испытал «прелести» тюремного заключения. Эмигрировав, он в 1920 г. опубликовал в Париже брошюру «В застенках Колчака. Голос из Сибири». Раков подробно рассказал в ней об ужасах военного режима и его издевательствах над политическими противниками. Он поведал миру о таком случае. 22 декабря 1918 г. в Омске группа большевиков с солдатами напала на тюрьму и освободила арестованных. Часть эсеров отказалась бежать из города и вернулась в тюрьму, полагая, что «законная власть» их оправдает. Но ночью около 60 вернувшихся были выведены конвоем на лед Иртыша, раздеты, расстреляны, изрублены саблями. Среди них были эсеры, депутаты Учредительного собрания, рабочие и солдаты. «Разыскивать трупы убитых было чрезвычайно трудно еще и потому, — писал Раков, — что убитых, в связи с событиями 22 декабря, было бесконечное множество, во всяком случае, не меньше 1500 человек. Целые возы трупов провозили по городу, как возят зимой бара-

ны и свиные туши»⁽⁶⁰⁾. Он писал о насилиях над населением, расстрелах заложников из большевиков и рабочих в колчаковском тылу, подчеркивая, что погибло и много эсеров. Как правило, захваченное у большевиков селение подвергалось грабежу, мужчин пороли или расстреливали, наиболее «подозрительные» для колчаковцев деревни сжигались.

Раков не объясняет, почему колчаковцы были беспощадны и к эсерам, сразу же не пошедшим к ним на службу. Одной из причин такого отношения было то, что офицеры Сибири, да и Юга России видели в эсерах если не «красных», то «розовых», которые привели к поражению антибольшевистских сил в Поволжье. Они обвиняли эсеров в утопическом стремлении к демократии, тогда как, по их мнению, спасти Россию могла только военная диктатура. Для офицеров, служивших Колчаку или Деникину, гражданская война в стране началась не с разгона Учредительного собрания, а с заключения Брестского мира с Германией.

После разгона Учредительного собрания не был арестован ни один его депутат. Прошло меньше года, и ситуация резко изменилась. По приказу наркома внутренних дел Г. И. Петровского в сентябре 1918 г. «все известные местным советам правые эсеры должны быть немедленно арестованы». По приказу Колчака все военачальники должны были пресечь деятельность учредителей, «не стесняясь применить оружие»⁽⁶¹⁾. Со знаменем Учредительного собрания было покончено усилиями двух противоборствующих сторон. Учредительщина сошла со сцены, оставив после себя не только призывы к народовластию, но и кровавый след насилия. Часть эсеров пошла на службу к Колчаку. Советская и отчасти постсоветская историография включает «демократическую контрреволюцию» в общее белое движение той поры, объединяя их определением — «антибольшевизм». Это некорректно. Действительно, те и другие ставили целью свержение власти большевиков, но первые ставили целью превращения страны в демократическое, парламентарное государство, вторые — видели в будущем частичную реставрацию монархического режима с переходным периодом в виде военной диктатуры. К сторонникам «демократи-

ческой контрреволюции» больше подходит стремление найти свой, «третий путь» и в революции, и в гражданской войне⁽⁶²⁾.

Для представителей правительств «третьего пути» было характерно введение рыночной капитализированной экономики: восстановление частной собственности, свободная торговля продуктами питания и промышленными изделиями, поддержка фермерского хозяйства и неудачные попытки установить «законность», т. к. принимаемые нормативные акты были направлены на укрепление соответствующих режимов, а не защиту прав человека. Судебные учреждения руководствовались в значительной мере правовыми актами, принятыми Временным правительством в марте—октябре 1917 г., распространенным стало учреждение военно-полевых судов с их ускоренным производством, часто непрофессиональным составом и жестокостью приговоров. Мало было профессиональных юристов и в следственных комиссиях, арестовывающих тогда по стандартному обвинению «в большевизме». Весьма политизированной была и деятельность прокуратуры. Работа милиции (недостаточное финансирование, текучесть кадров, предпочтение при принятии на работу бывших полицейских и т. д.) была малоэффективной.

Важную, если не решающую роль в установлении власти Самарского Комуча и Временного областного правительства Урала сыграли чехословацкие легионеры, среди которых было значительное число социал-демократов. Легионеры — это бывшие военнопленные австро-венгерской армии, в годы Первой мировой войны сдавшиеся русским войскам и вооруженные для участия в боевых действиях на их стороне. Как-то идеализировать их действия невозможно: они расстреливали и грабили тех, кого считали нужным, реквизировали военное и гражданское имущество и при первой возможности перевезли в Прагу захваченную в казанском банке часть российского золотого запаса.

Одним из проявлений «третьей силы» стало антибольшевистское восстание рабочих в Ижевске в августе 1918 г. В советской историографии, когда в рабочих видели опору и

проводников большевистской политики, об этом предпочитали умалчивать либо обвинять во всем эсеров и анархистов. Исследователи (П. Н. Дмитриев, Д. О. Чураков) отмечают, что, несмотря на призывы руководства восстанием к установлению власти Учредительного собрания, призывам: «Власть советам, а не партиям», — первым действием было преследование большевиков и им сочувствующих, в тюрьмы было брошено более 3 тысяч человек, расстреляно не менее тысячи. Деятельность Прикамского Комуча мало чем отличалась от подобного же учреждения в Самаре. В этой связи трудно не согласиться с выводом Д. О. Чуракова о том, что «опыт правления в Ижевске «третьей силы» показал, что «демократическая власть в тех условиях была реальна только в виде «демократической диктатуры», которая по своим методам и средствам осуществления политики мало чем отличалась от большевистской и от военной диктатуры... Гражданская война навязывала свои законы; оказалось, что у баррикады может быть только две стороны, а стоящие посередине оказываются под перекрестным огнем».

В конце 1918 г. судьба социалистических (как правило, эсеровских) правительств сложилась трагично. Можно только удивиться российскому феномену: всего лишь год понадобился для того, чтобы социальная психология самых различных слоев населения изменилась. Теперь защищать идею передачи власти Учредительному собранию, где еще недавно социалисты обладали непререкаемым большинством, мало кто хотел. Причин тому множество. Среди них и та жестокость, беспощадность, с которой действовали те, кто ранее призывал к национальному согласию и тут же в своих поступках расходился между словом и делом. «Революционное самосознание», иными словами беззаконие, правило бал в стране, и жертвами его вседозволенности в известной степени стали Николай II и многие Романовы, Урицкий и Канегиссер, Ленин и Каплан, десятки тысяч еще погибших и пострадавших в смертельной, опаленной ненавистью, слепой и яростной схватке гражданской войны. Это в те годы начал властвовать «террор среды», когда симметрия действий сторон становится неминуемо схожей. Судьба

самых эсеровских «правителей» тогда сложилась по-разному: одни перешли на сторону большевиков, другие — к белому движению, третьи эмигрировали. Военнослужащие в большинстве ушли к Колчаку, а прикамская народная армия стала основой наиболее боеспособной рабочей дивизии в его армии.

РЕПРЕССИИ ПО-ГЕНЕРАЛЬСКИ. АДМИРАЛ А. В. КОЛЧАК И ГЕНЕРАЛ А. И. ДЕНИКИН

Это были наиболее крупные военачальники и политические руководители антибольшевистских сил России. Им удалось собрать тогда под свое начало значительные воинские контингенты, управлять большими территориями.

Александр Васильевич Колчак (1874—1920) — морской офицер, полярный исследователь, участник обороны Порт-Артура, один из лучших в мире специалистов по минированию морей, командующий Черноморским флотом в 1917-м, награжденный за храбрость многими орденами Российской империи. В ноябре 1918-го, по рекомендации и не без давления сторонников военной диктатуры и союзников, стал всероссийским верховным правителем.

На допросе в Иркутской ЧК в январе 1920 г. Колчак сказал, что до революции 1917 г. считал себя монархистом, потом признал Временное правительство и полагал, что в России должен установиться республиканский образ правления, встречался с Г. В. Плехановым, дабы уяснить ситуацию. Придя к власти, Колчак заявил о создании внепартийного правительства, ставящего главной целью искоренение большевистского режима. В 1918 г. Колчаку было 44 года. Барон А. Будберг, начальник снабжения при ставке Колчака, позже военный министр в его правительстве, записал в апреле 1919 г. о встрече с ним: «Эти плотно сжатые губы с опустившимися углами и двумя глубокими складками, бледное исхудавшее лицо и остро блестящие глаза — характерны для Колчака сибирского периода»⁽⁶³⁾.

Режим колчаковщины в исторической литературе характеризовался разноречиво. В советской историографии подчеркивалось и пропагандировалось высказывание Ленина: «Колчак — это представитель диктатуры самой эксплуататорской, хищнической диктатуры помещиков и капиталистов, хуже царской»⁽⁶⁴⁾. Поэтому в трудах многих советских историков Колчак — реакционер и скрытый монархист, так как он и его правительство «последовательно и неотвратимо шли по пути реставрации режима, сокрушенного еще в феврале 1917 г.»⁽⁶⁵⁾.

В эмигрантской и зарубежной советологической литературе режим и действия Колчака явно романтизированы. С. П. Мельгунов видел в трагедии Колчака не только его личную драму крушения надежд и разбитых иллюзий, но и трагедию страны, время возрождения которой «еще не пришло». Он полагал, что смерть Колчака знаменовала собой конец организованной в государственном масштабе антибольшевистской борьбы в Сибири⁽⁶⁶⁾. «Страдальцем» за Россию называют Колчака многие советологи. Р. Пайпс пишет о Колчаке так: «...его политическая и социальная ориентация была глубоко либеральной. Колчак давал торжественные обязательства уважать волю русского народа, выраженную путем свободных выборов. Он также проводил прогрессивную социальную политику и пользовался прочной поддержкой крестьян и рабочих»⁽⁶⁷⁾.

Среди советских историков и публицистов в последнее время появилась более либеральная оценка происшедшего и деятелей белого движения, стремление отойти от очернения деятельности белых, не полагать, что все они стремились лишь к реставрации дореволюционной России. Авторы увидели в белых режимах альтернативу пути, проложенному большевиками. А в Колчаке — бессребреника, не имевшего никаких личных богатств, гордость российского флота, человека, один год участия которого в антисоветской борьбе, по мнению советских историков, перечеркнул все его предыдущие заслуги. Несмотря на стремление отдельных историков отметить определенный «демократизм» колчаковского правительства на отдельных этапах его правления,

они единодушны в оценке идентичности карательных процессов, террора, проводимого как красными, так и белыми. В апреле 2002 г. в здании Морского корпуса в С.-Петербурге была открыта мемориальная доска в честь его выпускника — Колчака. Однако в ноябре 2001 г. Военная коллегия Верховного суда РФ отказала в реабилитации Колчака, т. к. он «не остановил террор в отношении гражданского населения, проводимого его контрразведкой»⁽⁶⁸⁾.

Примерно таковы же оценки в советской и зарубежной историографии роли генерала Деникина и созданного им режима на обширной территории юга России в 1919 г.

Антон Иванович Деникин (1872—1947) из офицерской семьи, окончил Академию Генштаба, участник Первой мировой войны, в 1917 г. — командующий войсками Западного и Юго-Западного фронтов, генерал-лейтенант. С января 1919 г. — главнокомандующий вооруженными силами юга России. Режим, установленный им на Северном Кавказе, Дону, Украине, части России, характеризуется в советской энциклопедии о гражданской войне как «военная диктатура буржуазно-помещичьей контрреволюции»⁽⁶⁹⁾. Сам Деникин называл проводимую им политику тактикой «непредрешенства», которое, по его мысли, должно было объединить все антибольшевистские силы. Такая позиция, писал он, давала «возможность сохранять плохой мир и идти одной дорогой, хотя и вперевод, подозрительно оглядываясь друг на друга, враждая и тая в сердце — одни республику, другие — монархию»⁽⁷⁰⁾.

В 20-е годы советские историки писали о Деникине несколько по-иному, характеризуя его как политика, который стремился найти «какую-то среднюю линию между крайней реакцией и «либерализмом», и по своим взглядам «приближался к правому октябризму». Позднее его режим стал рассматриваться более прямолинейно: правление Деникина было неограниченной диктатурой⁽⁷¹⁾. Первая публикация «Очерков русской смуты» на родине Деникина⁽⁷²⁾ вызвала новые оценки как его труда, так и военно-политической деятельности. Л. М. Спиринов в предисловии к одному из журнальных изданий «Очерков» назвал Деникина дворянином с

«полукадетским, полумонархическим настроением», человеком, преданным России. Анализируя труд Деникина, Спиринов резюмировал, что он проводил политику, ставящую конечной целью свержение большевистского господства при помощи армии, «диктатуры в лице главнокомандующего», восстановление сил «государственного и социального мира», создание условий «для строительства земли соборной волею народа», «установление порядка», «защиту веры», создание общества, в котором не будет «никаких классовых привилегий, а произойдет «единение с народом»⁽⁷³⁾.

Колчак и Деникин — профессиональные военные, по своему любившие страну и готовые ей служить так, как они представляли ее настоящее и будущее. Почему же опыт их режимов оказался, особенно для крестьян, столь тяжел, что они восставали массами, причем в Сибири, где не было помещиков и их возвращение крестьянам не грозило? Ныне известно, что примерно из 400 тысяч красных, действовавших в тылу белых во время гражданской войны, 150 тыс. приходилось на Сибирь и среди них было около 4—5% тех, кого тогда называли зажиточными, или кулаками⁽⁷⁴⁾. В этом плане проигрыш белых на «внутреннем фронте» был очевиден. И белые, и красные в то время синхронно строили похожие государственные образования, где осуществление заданной идеи превалировало над ценностью человеческой жизни, несмотря на многие декларативные заявления властей.

Г. К. Гинс, управляющий делами колчаковского правительства, в 1921 г. в Харбине опубликовал книгу «Сибирь, союзники и Колчак». Он свидетельствовал о том, что адмирал ненавидел «керенщину» и из ненависти к ней «допустил противоположную крайность: излишнюю «военщину», что Колчак не раз говорил ему о том, что «гражданская война должна быть беспощадной». Гинс привел в качестве доказательства бесчинств военных властей докладную записку начальника Уральского края инженера Постникова, ушедшего в отставку в апреле 1919 г. Постников отказался исполнять свои обязанности и перечислил 13 пунктов, почему он это сделал. Инженер писал: «Руководить краем голодным, удер-

живаемым в скрытом спокойствии штыками, не могу... Диктатура военной власти... незакономерность действий, расправа без суда, порка даже женщин, смерть арестованных «при побеге», аресты по доносам, предание гражданских дел военным властям, преследование по кляузам... — начальник края может только быть свидетелем происходящего. Мне не известно еще ни одного случая привлечения к ответственности военного, виновного в перечисленном, а гражданских сажают в тюрьму по одному наговору». Постников рисовал тяжелую картину: «В губерниях тиф, особенно в Ирбите. Там ужасы в лагерях красноармейцев: умерло за неделю 178 из 1600... По-видимому, они все обречены на вымирание»⁽⁷⁵⁾.

На допросе Колчак от всего, связанного с белым террором, отказывался, ссылаясь на незнание. Он «первый раз» слышал, что в омской контрразведке одного из коммунистов жестоко пытали, вытягивали на дыбе и т. д., требуя признания в том, что он является членом комитета партии; не знал, что расстреливали заложников за убийство кого-либо из чинов, что сжигались деревни при обнаружении у крестьян оружия. Он допускал лишь отдельные случаи. Ему говорили о том, что в одной деревне у крестьян отрезали носы и уши. Колчак признал, что это возможно, «это обычно на войне и в борьбе так делается»⁽⁷⁶⁾.

«Развесив на воротах Кустаная несколько сот человек, постреляв немного, мы перекинулись в деревню... — повествовал командир драгунского эскадрона, корпуса Каппеля штаб-ротмистр Фролов, — деревни Жаровка и Каргалинск были разделаны под орех, где за сочувствие большевизму пришлось расстрелять всех мужиков от 18-ти до 55-летнего возраста, после чего пустить «петуха». Убедившись, что от Каргалинска осталось пепелище, мы пошли в церковь... Был страстной четверг. На второй день Пасхи эскадрон ротмистра Касимова вступил в богатое село Боровое. На улицах чувствовалось праздничное настроение. Мужики вывесили белые флаги и вышли с хлебом и солью. Запоров несколько баб, расстреляв по доносу два-три десятка мужиков, Касимов собирался покинуть Боровое, но его «излишняя мяг-

кость» была исправлена адъютантами начальника отряда, поручиками Умовым и Зыбиным. По их приказу была открыта по селу ружейная стрельба и часть села предана огню... Эти два поручика прославились исключительной жестокостью, и их имена не скоро забудет Кустанайский уезд»⁽⁷⁷⁾.

«Год тому назад, — записал в дневнике 4 августа 1919 г. Будберг, — население видело в нас избавителей от тяжкого комиссарского плена, а ныне оно нас ненавидит так же, как ненавидело комиссаров, если не больше; и, что еще хуже ненависти, оно нам уже не верит, от нас не ждет ничего доброго... Мальчики думают, — продолжал он, — что если они убили и замучили несколько сотен и тысяч большевиков и замордовали некоторое количество комиссаров, то сделали этим великое дело, нанесли большевизму решительный удар и приблизили восстановление старого порядка вещей... Мальчики не понимают, что если они без разбора и удержки насильничают, порют, грабят, мучают и убивают, то этим они насаждают такую ненависть к представляемой ими власти, что большевики могут только радоваться наличию столь старательных, ценных и благодетельных для них сотрудников»⁽⁷⁸⁾. Жизнь не удалась, идеалы порушены, делал вывод Будберг; так жить нельзя, такую власть надо свергать, с насилиями, издевательствами, унижением следует бороться.

В последнее время вновь стали писать об Ижевской дивизии Колчака⁽⁷⁹⁾, основной контингент которой составляли рабочие. Эта дивизия была одной из наиболее боеспособных, и ей было позволено воевать под красным стягом и «Варшавянку». Именно их приказывал Троцкий уничтожить всех без разбора: ведь с точки зрения большевиков это выглядело «нелепо» — рабочая дивизия воюет против власти партии пролетариата. Вместо осуждения советскими историками действий ижевских рабочих, вставших в ряды армии Колчака⁽⁸⁰⁾, в исторической литературе ныне появились нотки сочувствия им. Попытаемся лишь кратко ответить на один вопрос: участвовала ли эта дивизия в карательных акциях, была ли она в силу «своего классового сознания» более лояльна к населению, чем другие колчаковцы? Об этом можно судить по следующему эпизоду. В ночь с 1 на 2 июля

1919 г. партизаны напали на караул дивизии у железнодорожного моста, ранив двух солдат. Командир ижевской дивизии генерал В. М. Молчанов (1886—1975) приказал: «При нападении на караулы и порчи ж. д. производить круговые аресты всего мужского населения в возрасте от 17 лет. При задержке в выдаче злоумышленников расстреливать всех без пощады как сообщников-укрывателей... Немедленно открыть огонь из всех орудий и уничтожить барачную часть селения как возмездие за нападение в ночь на 2 июля на караул неизвестных лиц, скрывшихся в барачной части». Огонь из пушек ижевцы открыли, погибли жившие в бараках рабочие семьи Кусинского завода. Недаром ижевцев называли варнаками (каторжниками, разбойниками).

Установившаяся система разнузданного террора была одним из характернейших признаков и основ военных диктатур. Классовое происхождение исполнителей значения не имело. Частных примеров беспощадности или, наоборот, какого-либо милосердия можно привести множество.

«Расстрел» было одним из самых популярных слов в лексике гражданской войны. Это слово увековечил генерал Корнилов, летом 1917 года введший смертную казнь и военно-полевые суды на фронте, им пользовались как талисманом многие генералы, устанавливая дисциплину во вверенных частях или грабя население. К нему не раз патетически обращался Троцкий, полагая, что без репрессий армии создать невозможно...

И ленинский Совнарком, и колчаковское правительство вначале объявили себя временными до решения Учредительного собрания, а затем быстро узурпировали исполнительные и законодательные функции. Те и другие претендовали на то, чтобы стать всероссийскими и объединить своих сторонников. Разница в проведении карательной политики состояла в провозглашении большевиками «революционного правосознания», а колчаковцами — «правового строя». Но, пожалуй, в признании произвола и отказе от правовой юриспруденции большевики были более откровенны и не маскировали свои действия. И красные, и белые при формировании и деятельности карательных органов использо-

вали опыт царской полиции, охранки и жандармерии с той лишь разницей, что первые отказались от услуг бывших полицейских и судили их, вторые — привлекали на службу. Хотя из-за небольшой зарплаты (милиционер получал 425 р., машинистка в колчаковском департаменте — 675 р.), опасной службы бывшие полицейские в милицию верховного правителя не рвались. В обзоре о деятельности министерства внутренних дел правительства В. Н. Пепеляева (октябрь 1919 г.) отмечалось, что лица, обладающие полицейским стажем, «в большинстве случаев избегают службы в милиции, т. к. она в настоящее время чрезвычайно опасна и не представляет тех материальных выгод, которые можно получить даже при самом примитивном труде»⁽⁸¹⁾.

Через две недели после прихода к власти Колчак 3 декабря 1918 г. подписал постановление о широком введении смертной казни. Расстрел или повешение объявлялись за «посягательство на жизнь, здоровье, свободу или вообще неприкосновенность верховного правителя или за насильственное лишение его или совета министров власти», за «посягательство на низвержение или изменение ныне существующего государственного строя». Виновный в оскорблении верховного правителя на словах, в письме или в печати наказывался заключением в тюрьму⁽⁸²⁾.

Через несколько дней после ноябрьского переворота был образован совет верховного правителя, в котором пост министра внутренних дел занял кадет А. Н. Гаттенбергер. На его предложение однопартийцу В. Н. Пепеляеву (1884—1920) избрать себе место службы тот избрал департамент милиции и государственной охраны. Его характеризовала «слепая ненависть к большевикам... С этой ненавистью могло только соперничать его презрение к массам, которыми он считал возможным легко распоряжаться при помощи насилия». В начале 1919 г. Пепеляев стал министром внутренних дел. При нем стали формироваться при МВД отряды особого назначения в каждой губернии до 1200 человек, была оформлена государственная охрана для предупреждения и пресечения государственных преступлений. Министр ликвидировал в Сибири все организации национального само-

управления, предлагая желающих этим заниматься — выпороть⁽⁸³⁾.

Командующие армиями, командиры отдельных отрядов, губернаторы часто действовали самостоятельно. 5 апреля 1919 г. командующий западной армией генерал М. В. Ханжин (1871—1961) приказал всем крестьянам сдать оружие, в противном случае виновные будут расстреляны, а их имущество и дома сожжены; 22 апреля 1919 г. комендант Кустаная предлагал до смерти пороть женщин, укрывавших большевиков. Управляющий Енисейской губернии Троицкий в марте 1919 г. предлагал ужесточить карательную практику, не соблюдать законы, руководствоваться целесообразностью. В июле 1919 г. управляющему особым отделом департамента милиции были представлены списки советских работников Симбирска (53 чел.), подлежащих в случае занятия города расстрелу. Симбирск колчаковцы захватить не сумели, а в Бугульме — из арестованных 54 человек расстреляли более половины⁽⁸⁴⁾. Беспредел по отношению к населению усиливался действиями отрядов, не контролируемых правительством, негласно поощрявшим их карательные функции. На допросе Колчак рассказывал, что стихийно создаваемые военные отряды присваивали себе функции полиции и сами создавали контрразведку. Тогда «самочинные аресты и убийства становились обычным явлением». У Колчака сложилось впечатление, что такая контрразведка «создавалась по образцу тех, которые существовали в Сибири при советской власти». Для борьбы с беззаконием сибирская власть «по революционной традиции» назначала комиссаров-уполномоченных при командующих фронтами. Но они были бессильны перед такими самовластными генералами, как Р. Гайда (1892—1948), производивший массовые расстрелы военнопленных. Или генерал С. Н. Розанов (1869—1937). О нем колчаковский министр Сукин писал: «Осуществляя свои карательные задачи, Розанов действовал террором, обнаружив чрезвычайную личную жестокость... расстрелы и казни были беспощадны. Вдоль сибирской магистрали в тех местах, где мятежники своими нападениями прерывали полотно железной дороги, он для вразумления развешивал по

телеграфным столбам трупы казненных зачинщиков. Проходящие экспрессы наблюдали эту картину, к которой все относились с философским безразличием. Целые деревни сжигались до основания»⁽⁸⁵⁾.

В середине 1919 г. в армиях Колчака были созданы осведомительные органы с задачей содействовать «подъему духа» войск и населения, непримиримому отношению к большевикам. По мере военных неудач колчаковские генералы становились все более жестокими. 12 октября 1919 г. генерал К. В. Сахаров (1881—1941), командующий Западной армией, издал приказ, требовавший расстрела каждого десятого заложника или жителя, а в случае массового вооруженного выступления против армии — расстрела всех жителей и сожжения селения дотла⁽⁸⁶⁾. Колчаковские осведомители-пропагандисты преподносили акты репрессий как меры, необходимые для установления «законности и порядка». На деле это было оправдание того же произвола и незаконности властей, того же, что делали и красные. Режим террора вызывал ответные действия крестьян, становившихся партизанами, дестабилизировал режим.

Воспоминания участников и очевидцев гражданской войны в Сибири свидетельствовали о преступной террористической деятельности многих колчаковских генералов, особенно атаманов Г. М. Семенова и И. М. Калмыкова. Американский генерал В. Грэвс вспоминал: «Солдаты Семенова и Калмыкова, находясь под защитой японских войск, наводняли страну подобно диким животным, убивали и грабили народ, тогда как японцы при желании могли бы в любой момент прекратить эти убийства. Если в то время спрашивали, к чему были все эти жестокие убийства, то обычно получали в ответ, что убитые были большевиками, и такое объяснение, очевидно, всех удовлетворяло. События в Восточной Сибири обычно представлялись в самых мрачных красках и жизнь человеческая там не стоила ни гроша.

В Восточной Сибири совершались ужасные убийства, но совершались они не большевиками, как это обычно думали. Я не ошибусь, если скажу, что в Восточной Сибири на каждого человека, убитого большевиками, приходилось сто че-

ловек, убитых антибольшевистскими элементами». Грэв сомневался в том, чтобы можно было указать за последнее пятидесятилетие какую-либо страну в мире, где убийство могло бы совершаться с такой легкостью и с наименьшей боязнью ответственности, как в Сибири во время правления адмирала Колчака. Заклучая свои воспоминания, Грэв отмечал, что интервенты и белогвардейцы были обречены на поражение, так как «количество большевиков в Сибири ко времени Колчака увеличилось во много раз в сравнении с количеством их к моменту нашего прихода»⁽⁸⁷⁾.

В воспоминаниях тех, кто пережил годы гражданской войны, особенно недобрую память оставили отряды разных атаманов, предпочитавших действовать от имени регулярных армий. На Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке это были Б. В. Анненков (1890—1927), в конце 1919 г. командующий отдельной семиреченской армией Колчака; А. И. Дутов (1879—1921), командующий оренбургской армией; Г. М. Семенов (1890—1946), в конце 1919 г. — главком всех тыловых войск армии Колчака; и другие, более мелкие атаманы, несмотря на дарованные им Колчаком генеральские звания: И. М. Калмыков (?—1920), И. Н. Красильников (1880—?).

Следственное дело № 37751 против атамана Бориса Анненкова чекисты начали в мае 1926 года. Ему было в то время 36 лет. О себе говорил, что из дворян, окончил Одесский кадетский корпус и Московское Александровское военное училище. Октябрьскую революцию не признал, казачий сотник на фронте, решил не выполнять советского декрета о демобилизации и во главе «партизанского» отряда в 1918-м появился в Омске. В армии Колчака командовал бригадой, стал генерал-майором. После разгрома семиреченской армии с 4 тысячами бойцов ушел в Китай.

В четырехтомном следственном деле, обвиняющем Анненкова и его бывшего начальника штаба Н. А. Денисова, хранятся тысячи показаний разграбленных крестьян, родственников погибших от рук бандитов, действовавших под девизом: «Нам нет никаких запрещений! С нами бог и атаман Анненков, руби направо и налево!»

В обвинительном заключении рассказывалось о множестве фактов бесчинств Анненкова и его банды. В начале сентября 1918 г. крестьяне Славгородского уезда очистили город от стражников сибирских областников. На усмирение были посланы «гусары» Анненкова. 11 сентября в городе началась расправа: в этот день было замучено и убито до 500 человек. Надежды делегатов крестьянского съезда на то, что «никто не посмеет тронуть народных избранников, не оправдались. Всех арестованных делегатов крестьянского съезда (87 человек) Анненков приказал изрубить на площади против народного дома и закопать здесь же в яму». Деревня Черный Дол, где находился штаб восставших, была сожжена дотла. Крестьян, их жен и детей расстреливали, били и вешали на столбах. Молодых девушек из города и ближайших деревень приводили к стоявшему на станции Славгорода поезду Анненкова, насиловали, потом выводили из вагонов и расстреливали. Участник Славгородского крестьянского выступления Блохин свидетельствовал: казнили анненковцы жутко — вырывали глаза, языки, снимали полосы на спине, живых закапывали в землю, привязывали к конским хвостам. В Семипалатинске атаман грозил расстрелять каждого пятого, если ему не выплатят контрибуцию.

Судили Анненкова и Денисова в Семипалатинске, там же по приговору суда и расстреляли 12 августа 1927 г.⁽⁸⁸⁾

Оренбургский казачий атаман Дутов был полковником, участником Первой мировой войны. Он поддержал самарский Комуч. Но его репрессивные приказы не отличались мягкостью. 4 августа 1918 г. он установил смертную казнь за малейшее сопротивление властям и даже за уклонение от воинской службы. 3 апреля 1919 г., уже командуя отдельной оренбургской армией, Дутов приказал решительно расстреливать и брать заложников за малейшую неблагонадежность⁽⁸⁹⁾. Дутов получил от комучевцев чрезвычайные полномочия для наведения «порядка» в крае, еще до прихода к власти Колчака. Он сразу же признал верховное командование адмирала и подчинил ему свое войско, свою волю и исполнение приказов.

Атамана Семенова судили в 1946 г. Он был арестован со-

трудниками контрразведки «Смерш» в Мукдене 26 августа 1945 г., когда в город вошли советские войска. На первом же допросе Григорий Семенов заявил, что он казак, 1890 года рождения, есаул в царской и генерал-лейтенант в колчаковской армии, с января 1920 г. — Главнокомандующий вооруженными силами Восточной Сибири, что он всю свою сознательную жизнь был противником советской власти.

Еще осенью 1917 г. он хотел в Петрограде при помощи двух юнкерских училищ арестовать Ленина, руководство Петроградского Совета и обезглавить революционное движение. Он встретился с М. А. Муравьевым, начальником обороны Петрограда, командующим войсками, участвующими в подавлении мятежа Керенского—Краснова, и предложил ему ротой юнкеров занять здание Таврического дворца, арестовать всех членов Совета и немедленно их расстрелять, чтобы поставить гарнизон города перед свершившимся фактом. Но Муравьеву, писал позже Семенов, «не хватило решительности, чтобы сыграть роль российского Бонапарта, к которой он себя безусловно готовил с самого начала революции»⁽⁹⁰⁾.

Семенов признавал, что в годы гражданской войны вел беспощадную борьбу против большевиков и всех, кто им сочувствовал. «Я посылал в районы Забайкалья карательные отряды для расправы с населением, поддерживавшим большевиков, и уничтожал партизан», — говорил он. Семенов сообщил о многочисленных случаях расстрелов тех, кто был за Советы. На допросе 13 августа 1945 г. сподвижник Семенова, бывший генерал-майор Л. Ф. Власьевский, говорил: «Белоказачьи формирования атамана Семенова приносили много несчастий населению. Они расстреливали заподозренных в чем-либо лиц, жгли деревни, грабили жителей, которые были замечены в каких-либо действиях или даже нелояльном отношении к войскам Семенова. Особенно отличились в этом дивизии барона Унгерна и генерала Тирбаха, имевшие свои контрразведывательные службы. Но наибольшее зверства все же чинили карательные отряды войсковых старшин Казанова и Фильшина, сотника Чистохина и другие, которые подчинялись штабу Семенова». В одном

из писем бывших сибирских партизан, поступивших в адрес суда над Семеновым, отмечалось: «Мы вспоминаем кошмарный разгул белогвардейско-семеновских и интервентских банд, организованные ими читинские, маковеевские, даурские застенки, где погибли от рук этих палачей без суда и следствия тысячи наших лучших людей. Не можем также забыть Татарскую падь, куда привозили целыми эшелонами смертников из числа красногвардейцев и красных партизан, расстреливали их из пулеметов, а случайно оставшихся в живых уничтожали самым зверским способом». Бывшие партизаны требовали от суда самого сурового приговора для Семенова от имени «детей-сирот, отцов, матерей, жен, погибших от рук этих палачей».

На суде Семенов затруднился ответить на вопрос, где, когда и сколько было казнено по его распоряжению людей.

Прокурор: Какие конкретные меры вы принимали против населения?

Семенов: Меры принудительного характера.

Прокурор: Расстрелы применялись?

Семенов: Применялись.

Прокурор: Вешали?

Семенов: Расстреливали.

Прокурор: Много расстреливали?

Семенов: Я не могу сейчас сказать, какое количество было расстреляно, так как непосредственно не всегда присутствовал при казнях.

Прокурор: Много или мало?

Семенов: Да, много.

Прокурор: А другие формы репрессий вы применяли?

Семенов: Сжигали деревни, если население оказывало нам сопротивление».

Выяснилось, что Семенов лично визировал смертные приговоры и контролировал пытки в застенках, где были замучены до 6,5 тысячи человек. О расстрелах и пытках крестьян, пленных красноармейцев, большевиков и евреев рассказывали и бывшие партизаны, и сами семеновцы⁽⁹¹⁾.

На допросе 16 августа 1946 г. Семенов заявил, что захватил в Чите в 1920-м два вагона с золотом на сумму 44 млн.

рублей. Из них 22 млн. получили японцы, 11 млн. были израсходованы на нужды армии, часть захватили китайцы.

26—30 августа 1946 г. под председательством В. В. Ульриха судили Семенова и его сподвижников: А. П. Бакшеева — заместителя атамана, создателя карательных дружин в станицах; Л. Ф. Власьевского — начальника канцелярии, главу семеновской контрразведки; Б. Н. Шепунова — офицера-карателя; И. А. Михайлова — министра финансов в колчаковском правительстве; К. В. Родзаевского — руководителя российского фашистского союза; Н. А. Ухтомского — журналиста, восхвалявшего деятельность атамана; Л. П. Охотина — офицера-карателя. Суд приговорил Семенова к смертной казни через повешение; Родзаевского, Бакшеева, Власьевского, Шепунова и Михайлова — к расстрелу; Ухтомского и Охотина — к каторжным работам. Тогда же, 30 августа, приговор был приведен в исполнение⁽⁹²⁾.

Они были разными людьми, волею судьбы оказавшимися в одном приговорном списке. Сын народовольца Михайлов. «Советской власти я не сочувствовал, — говорил он на допросе, — считаю ее выразительницей интересов только одного рабочего класса, а не всех трудящихся». Князь Ухтомский, сын председателя симбирской земской управы, юрист и журналист. В эмиграции слушал лекции Булгакова и Бердяева, брал интервью у Керенского, князя Львова и др. И руководитель российского фашистского союза Родзаевский, призывавший к установлению «нового порядка» в России, уничтожению и депортации евреев и т. д. Семенов одно время его поддерживал и даже 23 марта 1933 г. направил Гитлеру письмо: «Я выражаю надежду, что недалек час, когда националисты Германии и России протянут друг другу руки... Я посылаю Вам и вашему правительству... мой сердечный поклон и наилучшие пожелания...» Потому попытки как-то реабилитировать Семенова, выставить его трагической фигурой российской истории⁽⁹³⁾ можно принять лишь в плане понимания самой гражданской войны как национальной трагедии. Семенов был одним из многих палачей своего народа, чьи карательные действия невозможно оправдать никакими «лучшими побуждениями». Он

был жесток в проведении своих планов и навязывании силой казавшихся ему верными нравственных принципов и идеологии. «Мы дожидались Колчака как Христова дня, а дождались как самого хищного зверя», — писали пермские рабочие 15 ноября 1919 г. Колчак декларировал себя сторонником демократии. Но премьер его правительства П. В. Вологодский писал в дневнике, что тогда правили военные, которые «не считались с правительством и творили такое, что у нас волосы на голове становились дыбом». Действительно, распоряжение правительства Колчака разрешало военным самим выносить приговоры о смертной казни, что активизировало карателей. Это умножило внесудебные расправы, самосуды. Следствие, прокуратура и суды были слишком политизированны, чтобы выносить объективные решения⁽⁹⁴⁾.

Репрессивная политика, проводимая правительством генерала Деникина, была однотипна с проводимой Колчаком и другими военными диктатурами. Полиция, на территории, подчиненной Деникину, именовалась государственной стражей. Ее численность достигала к сентябрю 1919 г. почти 78 тыс. человек⁽⁹⁵⁾. (Заметим, что в действующей армии Деникина тогда было около 110 тыс. штыков и сабель.) Деникин, как и Колчак, в своих книгах всячески отрицал свое участие в каких-либо репрессивных мерах. «Мы — и я, и военачальники, — писал он, — отдавали приказы о борьбе с насилиями, грабежами, обиранием пленных и т. д. Но эти законы и приказы встречали иной раз упорное сопротивление среды, не воспринявшей их духа, их вопиющей необходимости». Он обвинял контрразведку, покрывающую густой сетью территорию юга страны, в том, что она была «иногда очагами провокации и организованного грабежа»⁽⁹⁶⁾.

Воспоминания и документы, опубликованные в 20-е годы бывшими соратниками Деникина и Врангеля, раскрывают неприглядную картину происшедшего.

Вначале подтверждение того, о чем писал Деникин. «Заняв Одессу, добровольцы прежде всего принялись за жестокую расправу с большевиками. Каждый офицер считал себя вправе арестовать кого хотел и расправляться с ним по свое-

му усмотрению». Было много самозванных разведок, которые занимались вымогательством, мародерством, взятками и т. д. Это свидетельство одного из ее бывших начальников. Очевидец, новороссийский журналист, продолжает: то, что творилось в застенках контрразведки города, напоминало «самые мрачные времена Средневековья». Распоряжения Деникина не выполнялись. Жестокости были таковы, что даже фронтовики «краснели». «Помню, один офицер из отряда Шкуро, из так называемой «волчьей сотни», отличавшейся чудовишной свирепостью, сообщал мне подробности победы над бандами Махно, захватившими, кажется, Мариуполь, даже поперхнулся, когда назвал цифру расстрелянных, безоружных уже противников: четыре тысячи!» Контрразведка развивала свою деятельность до безграничного, дикого произвола, говорили свидетели тех дней⁽⁹⁷⁾.

В том же духе действовали и прочие деникинские власти. Из пулеметов приказал расстрелять арестованных крестяна екатеринославский губернатор Щетинин. Кутепов распорядился повесить на фонарях вдоль центральной улицы Ростова в декабре 1919 г. заключенных, находящихся в тюрьмах города. О грабежах казаков в занятых Царицыне и Тамбове ходили страшные легенды.

Главный принцип сторонников белого и красного террора — устрашение методом скорого действия. Его откровенно выразил донской генерал С. В. Денисов (1878—1957): «Трудно было власти... Миловать не приходилось... Каждое распоряжение — если не наказание, то предупреждение о нем... Лиц, уличенных в сотрудничестве с большевиками, надо было без всякого милосердия истреблять. Временно надо было исповедовать правило: «Лучше наказать десять невиновных, нежели оправдать одного виноватого». Только твердость и жестокость могли дать необходимые и скорые результаты»⁽⁹⁸⁾. Нравственное оправдание своей жестокости белые находили в красном терроре, красные — в белом. Принцип родовой кровной мести поглощал здравый смысл, поощрялся и пропагандировался властями. Первое, что сделали деникинцы, вступив в Харьков, отрыли могилы расстрелянных чекистами. Трупы выставлялись на обозрение и

стали основанием казни и самосудов советских служащих⁽⁹⁹⁾.

30 июля 1919 г. Деникин подписал постановление особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами Юга России о деятельности судебно-следственных комиссий. На основании этого постановления советские работники приговаривались к смертной казни и конфискации имущества, сочувствующие комиссарам — к различным срокам каторжных работ⁽¹⁰⁰⁾. Жестоким было отношение к военнопленным, с которыми обе стороны расправлялись беспощадно⁽¹⁰¹⁾. Позже Деникин признавал, что насилия и грабежи были присущи красным, белым, зеленым. Они «наполняли новыми слезами и кровью чашу страданий народа, путая в его сознании все «цвета» военно-политического спектра и не раз стирая черты, отделявшие образ спасителя от врага»⁽¹⁰²⁾. Это он написал потом, после окончания гражданской войны, осмысления содеянного и собственного поражения. А тогда, когда генералу подчинялись многотысячные армии, у него не было сомнений в важности жестокой карательной политики как инструмента достижения власти. Хотя в воспоминаниях Деникин в качестве своего мировоззрения признавал «российский либерализм», «без какого-либо партийного догматизма»⁽¹⁰³⁾, это не мешало ему ратовать за «единую и неделимую Россию», быть беспощадным к тем, в ком видел угрозу империи, — сепаратистам и националистам. Отсюда его конфликты с представителями самостоятельной Украины, кубанскими автономистами и др.

Деникин вспоминал, что вслед за войсками шла контрразведка. Отделы контрразведки создавали не только воинские части, но и губернаторы. Контрразведки, по его признанию, были «очагами провокации и организованного грабежа»⁽¹⁰⁴⁾. Он сообщал об огромной роли пропаганды — Осведомительного агентства (Освага), созданного в конце 1918 года. Его основными деятелями были кадеты Н. Е. Парамонов, К. Н. Соколов и др. Осваг ставил задачей «постоянное искоренение злых семян, посеянных большевистскими учениями в незрелых умах широких масс» и разгром «цитадели, построенной большевиками в мозгах населения».

Осваг выпускал газеты и журналы, к осени 1919 г. в его составе было более 10 тыс. штатных сотрудников и сотни местных отделений. Работники отдела пропаганды также вели слежку за «всеми», вплоть до Деникина, составляли секретные досье на лиц и партии⁽¹⁰⁵⁾.

Характерными документами являются отчеты Освага. Призванные прославлять белое воинство, сотрудники отдела должны были не забывать и реалии. 8 мая 1919 г., в период успехов Деникина, Осваг докладывал, что «к будущему государственному строительству массы относятся совершенно безразлично, стремясь лишь к прекращению гражданской войны и к уравниванию всех слоев населения в отношении их прав». В сводке отмечалось, что взаимоотношения жителей и воинских частей «напряженно-враждебные». Солдаты отбирают лошадей, скот, повозки, пьянствуют и бесчинствуют. 10 мая: «Успеху нашей агитации во многом вредит плохое поведение воинских чинов», которые грабят и жестоко расправляются с населением. Предполагалось оповещать о следствии за незаконными действиями, выплачивать компенсации ограбленным и т. д. 20 мая: грабеж приводит к тому, что крестьяне районов, где была Добровольческая армия, «совершенно не сочувствующие «коммуне», все же ждут большевиков как меньшее зло, в сравнении с добровольцами «казаками»⁽¹⁰⁶⁾.

Прежде всего с пропагандистскими целями была создана 4 апреля 1919 г. «Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков», перед которой ставилась задача «выявления перед лицом всего культурного мира разрушительной деятельности организованного большевизма»⁽¹⁰⁷⁾. Комиссию возглавлял Деникин, а после его отставки — Врангель. Публикация документов предназначалась не столько для российского обывателя, сколько для создания антибольшевистского общественного мнения в странах Антанты и в эмиграционных кругах.

Карательная политика белых мало чем отличалась от подобных действий красных. Кадет Н. Н. Астров, имевший самое непосредственное отношение к выработке внутренней политики правительства Деникина, признавал: «Наси-

лие, порка, грабежи, пьянство, гнусное поведение начальствующих лиц на местах, безнаказанность явных преступников и предателей, убогие, бездарные люди, трусы и развратники на местах, люди, принесшие с собой на места старые пороки, старое неумение, лень и самоуверенность». Правы те историки, которые признают, что разработанные, например, деникинскими правоведами основы будущего государственного устройства страны, его внутренней политики — практического значения почти не имели⁽¹⁰⁸⁾.

Биограф Деникина Д. В. Лехович писал, что одной из причин неудач белого движения на юге России было то, что генералу не удалось предотвратить жестокость и насилие. Но красные проводили тот же террор и сумели победить. Наверное, дело в целях и последовательности проводимой политики, а не в методах ее осуществления, которые часто выглядели идентичными. Генерал В. З. Май-Маевский объяснял Врангелю, что офицеры и солдаты не должны быть аскетами, т. е. могли и грабить население. На недоумение барона: какая же разница при этих условиях будет между нами и большевиками? — генерал ответил: «Ну вот большевики и побеждают»⁽¹⁰⁹⁾.

Все армии Деникина не избежали активного участия в грабежах населения, участия в еврейских погромах, казнях без суда и следствия. Ярким свидетельством этого является дневник участника деникинской эпопеи А. А. фон Лампе. 20 июля 1919 г. он записал, что белые из Добровольческой армии насильовали крестьянских девушек, грабили крестьян. 13 ноября 1919 г.: «...Ликвидировано несколько большевистских гнезд, найдены запасы оружия, пойманы и ликвидированы 150 коммунистов по приговору военно-полевого суда». 15 декабря Лампе сообщал о приказе командующего киевской группой белых войск, который публично отказался благодарить «терцов, находившихся в сентябре в районе Белой Церкви — Фастов, покрывших себя несмываемым позором своими погромами, грабежами, насилиями и показавшими себя подлыми трусами... 2) Волганскому отряду... опозорившему себя нарушением торжественно данного мне слова прекратить систематические грабежи и насилия над

мирными жителями... 3) Осетинскому полку, обратившемуся в банду одиночных разбойников...»⁽¹¹⁰⁾. О подобном же — в частных письмах: «Деникинские банды страшно зверствуют над оставшимися в тылу жителями, а в особенности над рабочими и крестьянами. Сначала избивают шомполами или отрезают части тела у человека, как то: ухо, нос, выкалывают глаза или же на спине или груди вырезают крест» (Курск, 14 августа 1919 г.). «Никогда не представляла, чтобы армия Деникина занималась грабежами. Грабили не только солдаты, но и офицеры. Если бы я могла себе представить, как ведут себя белые победители, то несомненно спрятала бы белье и одежду, а то ничего не осталось» (Орел, 17 ноября 1919 г.)⁽¹¹¹⁾.

Широкое распространение во времена правления Деникина получили черносотенно-монархические организации с погромными программами. На основании многочисленных фактов о еврейских погромах подсчитано: при Деникине их было не менее 226. Историки писали об антисемитской политике генерала, хотя сам он позже этого не признавал. Кин писал о том, что при Деникине евреи не допускались в армию и на государственную службу; Федюк — об антисемитизме как стойком элементе идеологии российских белогвардейцев; Н. И. Штиф называл факты погромов на Украине. «Там, где ступила нога Добровольческой армии, везде мирное еврейское население сделалось предметом жестокой расправы, неслыханных насилий и издевательств... Тысячами гибли евреи, жертвы Добровольческой армии, седебородые «коммунисты», застигнутые в синагоге за фоллантами Талмуда, «коммунисты»-младенцы в люльках вместе с их матерями и бабушками. Поражает в любом списке процент замученных глубоких стариков, женщин и детей». Среди причин антисемитских настроений белого офицерства авторы называют наличие евреев среди большевистского руководства и измену союзникам в Первой мировой войне⁽¹¹²⁾.

Француз Бернал Лекаш был одним из защитников ремесленника Шварцбарда, убившего в 1926 г. в Париже С. Петлюру из мести за многочисленные еврейские погромы на Украине в 1918—1920 гг. С целью собрать свидетель-

ства пострадавших Лекаш в августе—октябре 1926 г. объехал ряд городов и местечек Украины и по возвращении опубликовал книгу, вышедшую с предисловием Р. Роллана. По подсчетам Лекаша, в годы гражданской войны на Украине было совершено 1295 еврейских погромов, а все они (приплюсуем погромы в Белоруссии и России, совершенные и белыми, и красными) вылились в 306 тыс. погибших⁽¹¹³⁾.

Лекаш не объяснял причин случившегося. Он приводил показания свидетелей, фотографии погибших, похорон, документы. В Умани бандиты, сменявшие друг друга в марте, апреле и мае 1919 г., грабили, насиловали, убивали. «Погром 13 и 15 мая принимает невиданный размах, — писал он со слов очевидцев. — Расстреливают беспрерывно, в домах и на улицах. У Фуреров одиннадцать человек семьи: сперва убивают стариков; женщин бросили на землю и камнями раздробили головы, у детей и мужчин отрубили половые органы. Из одиннадцати человек — девять убитых. На другой день ловят и отводят в комендатуру 28 евреев и евреек. Там их избивают и отводят на площадь, покрытую уже трупами и залитую кровью. В свою очередь, их расстреливают не без того, чтобы отказать себе при этом в удовольствии «сыграть в мяч» их головами. После, при розыске и разборке трупов, их можно опознать только по одежде». Отчего такая жестокость, бездушность? Логического ответа дать невозможно. Потому, наверное, писал во введении к книге Роллан: «Самое ужасное — единственно ужасное — это тысячи безвестных людей, которые мучили, истязали несчастные жертвы, доводили их до наивысшей степени страданий. Эти люди... Кто знает, сколько из них встречается с нами, сталкивается с нами в каждодневной жизни...»⁽¹¹⁴⁾

XX век стал для евреев временем национальной катастрофы, только жертвами фашизма стали 6 млн. евреев. Холокост (уничтожение народа, евреев только за то, что они евреи) зрел исподволь. Прошлое показало, что общественное мнение защищало личность (французского офицера еврея Дрейфуса; в России — М. Бейлиса, обвиняемых в различных «еврейских грехах»), но не защищало массового

уничтожения людей, каковым был холокост по-русски, произошедший в годы гражданской войны.

27 марта 1920 г. Деникин на миноносце «Капитан Сажен» покинул Новороссийск. К тому времени созданный им режим потерпел военное и политическое поражение. Незадолго до отъезда он подписал приказ о передаче командования по существу разгромленной армией генералу Петру Врангелю. Барон, генерал П. Н. Врангель (1878—1928), был участником русско-японской и мировой войн, командовал армиями у Деникина. Он стал главнокомандующим вооруженными силами Юга России в то время, когда в его распоряжении оставалась лишь территория Крыма. Барон понимал, что одна Крымская губерния победить остальные 49 не может. Но, находясь в Крыму, он готовил широкомасштабные программы по привлечению на свою сторону населения: аграрную, рабочую, национальную.

В позже опубликованных воспоминаниях Врангель рассказал, как в январе 1918 г. был арестован и едва не расстрелян в Ялте революционными матросами. Потом он предложил свои услуги Деникину и стал командовать конной дивизией. Он написал о мародерстве казаков Шкуро и В. Л. Покровского (1889—1922). И пытался оправдать жестокости условиями войны. Потому что «трудно, почти невозможно было искоренить в казаках, дочиста ограбленных и разоренных красными, желание отобрать награбленное добро и вернуть все потерянное... Красные безжалостно расстреливали наших пленных, добивали раненых, брали заложников, насиловали, грабили и жгли станицы. Наши части со своей стороны... не давали противнику пощады. Пленных не брали... Имея недостаток во всем... части невольно смотрели на военную добычу как на собственное добро. Борьба с этим... было почти невозможно». Так же он писал о том, что хотел, но не смог ни разу предотвратить расстрелы раненых и пленных красноармейцев⁽¹¹⁵⁾.

Врангель, став новым военным диктатором, решил с учетом неудач Деникина проводить «левую политику правыми руками». При нем уменьшилось влияние кадетов на выработку внутренней политики, увеличилось — бывших цар-

ских сановников. Правительство Юга России (премьер — А. В. Кривошеин) в декларациях предлагало народностям России «определить форму правления свободным волеизъявлением»; крестьянам — Закон о земле, по которому часть помещичьих земель (в имениях свыше 600 десятин) могла отойти в собственность крестьянства с выкупом земли по 5-кратной стоимости урожая с рассрочкой на 25 лет; рабочим гарантировалась государственная защита их интересов от владельцев предприятий. Политическая цель определялась так: «Освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших святую Русь»⁽¹¹⁶⁾.

Одной из главных причин развала армий Деникина Врангель считал отсутствие ответственности за выполнением законов. Потому он усилил прокурорский надзор и создал особые военно-судебные комиссии при воинских частях. Их рассмотрению подлежали дела об убийствах, грабежах, разбоях, кражах, самочинных и незаконных реквизициях. За уголовные и государственные преступления полагался расстрел либо тюремное заключение⁽¹¹⁷⁾. В воспоминаниях Врангель пытался показать себя поборником права и законопорядка. Однако реалии часто были иными. И задача насильственного подавления инакомыслящих, подчинения властям при помощи террора оставалась неизменной. Как и суровые меры, предлагавшиеся конфронтирующими сторонами. 29 апреля 1920 г. Врангель приказом потребовал «безжалостно расстреливать всех комиссаров и коммунистов, взятых в плен». Троцкий в ответ предложил издать приказ «о поголовном истреблении всех лиц врангелевского командного состава, захваченного с оружием в руках». Фрунзе, командующий тогда войсками Южного фронта, нашел эту меру нецелесообразной, так как среди врангелевских командиров много перебежчиков из числа красных, а они без угрозы расстрела легко сдаются в плен⁽¹¹⁸⁾.

А. А. Валентинов, очевидец и участник крымской эпопеи Врангеля, опубликовал в 1922 г. дневник. Он записал 2 июня 1920 г., что из-за грабежей население называло Добрармию — «грабьармией». Запись 24 августа: «После обеда

узнал любопытные подробности из биографии кн. М. — адъютанта ген. Д. Знаменит тем, что в прошлом году ухитрился повесить в течение двух часов 168 евреев. Мстит за своих родных, которые все были вырезаны или расстреляны по приказанию какого-то еврея-комиссара. Яркий образец для рассуждения на тему о необходимости гражданской войны». Бывший председатель Таврической губернской земской управы В. Оболенский пришел к выводу о том, что при Врангеле «по-прежнему производились массовые аресты не только виновных, но и невиновных, по-прежнему над виновными и невиновными совершало свою расправу упрощенное военное правосудие». Он сообщил, что приглашенный Кривошеевым бывший полицейский генерал Е. К. Климович был полон злобы, ненависти и личной мстительности, и для Оболенского не было сомнений в том, что в полицейской работе в Крыму «все останется по-старому». В его рассказе возмущение жестокостями той поры. «Однажды утром, — вспоминал он, — дети, идущие в школы и гимназии, увидели висящих на фонарях Симферополя страшных мертвецов с высунутыми языками... Этого Симферополь еще не видывал за все время гражданской войны. Даже большевики творили свои кровавые дела без такого доказательства. Выяснилось, что это генерал Кутепов распорядился таким способом терроризировать симферопольских большевиков». Оболенский подчеркивал, что Врангель всегда в проведении карательной политики брал сторону военных. Ему вторил приближенный к Врангелю журналист Г. Раковский: «Тюрьмы в Крыму, как и раньше, так и теперь, были переполнены на две трети обвиняемыми в политических преступлениях. В значительной части это были военнослужащие, арестованные за неосторожные выражения и критическое отношение к главному командованию. Целыми месяцами, в ужасающих условиях, без допросов и часто без предъявления обвинений томилась в тюрьмах политические в ожидании решения своей участи... «Я не отрицаю того, что она на три четверти состояла из преступного элемента» — такой отзыв о крымской контрразведке дал в беседе со мной Врангель... Если читать только приказы

Врангеля, то можно действительно подумать, будто правосудие и правда царили в крымских судах. Но это было только на бумаге... Главную роль в Крыму... играли военно-полевые суды... Людей расстреливали и расстреливали... Еще больше их расстреливали без суда. Генерал Кутепов прямо говорил, что «нечего заводить судебную канитель, расстрелять и... все»⁽¹¹⁹⁾.

Особой жестокостью во времена военной диктатуры Врангеля прославился генерал Я. А. Слащов (1885—1929), один из руководителей Добровольческой армии. С декабря 1919 г. он командовал армейским корпусом, оборонявшим Крым. Установил там свой режим. «Можно, конечно, представить, какой тяжелой атмосферой бесправия и самодурства был окутан в это время Крым. Слащов упивался своей властью... в буквальном смысле слова измывался над несчастным и забитым населением полуострова. Никаких гарантий личной неприкосновенности не было. Слащовская юрисдикция... сводилась к расстрелам. Горе было тем, на кого слащовская контрразведка обращала внимание», — писал Раковский⁽¹²⁰⁾.

После поражения Слащов убежал в Турцию. Там по приказу Врангеля была создана комиссия по расследованию дела Слащова-Крымского. Его судили за то, что он помогал большевикам своей политикой террора. Высшие чины белой армии, входящие в комиссию, постановили Слащова разжаловать в рядовые и из армии уволить. В 1921 г. Слащов вернулся в Россию. Этому способствовал уполномоченный ВЧК Я. П. Тененбаум, склонивший генерала к возвращению. Решение о возвращении в Россию группы врангелевских офицеров обсуждалось на заседании Политбюро ЦК РКП(б) в начале октября 1921 г. Ленин при голосовании воздержался. Троцкий сообщил свое мнение Ленину запиской: «Главком считает Слащова ничтожеством. Я не уверен в правильности этого отзыва. Но бесспорно, что у нас Слащов будет только «беспокойной ненужностью»⁽¹²¹⁾.

По возвращении Слащов написал воспоминания⁽¹²²⁾, в которых заявил: «На смертную казнь я смотрю, как на уст-

рашение живых, чтобы не мешали работе». Он обвинял контрразведку в беззаконии, грабежах и убийствах, о себе же говорил, что ни одного тайного приговора к смертной казни никогда своей подписью не утверждал. Может быть. Но подписывал приказы о расстрелах сплочь и рядом. Д. Фурманов, помогавший Слащову писать воспоминания и редактировавший их, в предисловии отмечал, как по распоряжениям генерала в Вознесенске было расстреляно 18, а в Николаеве — 61 человек. В Севастополе 22 марта 1920 г. слушалось в суде дело «десяти» «о предполагаемом восстании». Военно-полевой суд оправдал пятерых. Узнав об этом, Слащов примчался в город, ночью взял с собой оправданных и расстрелял их в Джанкое. Отвечая на запрос об этом, сообщил: «Десять прохвостов расстреляны по приговору военно-полевого суда... Я только что вернулся с фронта и считаю, что только потому в России у нас остался один Крым, что я мало расстреливаю подлецов, о которых идет речь». Фурманов полагал, что Слащов-палач — это живое воплощение старой армии, «самое резкое, самое подлинное».

Вернувшись в Москву, Слащов публично раскаялся, был амнистирован и стал работать в Высшей тактической стрелковой школе РККА. Себе и семье просил органы ГПУ обеспечить безопасность. В ответ Ф. Э. Дзержинский написал: «Валюты или ценности для обеспечения его семьи мы дать не можем. Также не можем выдать ему и грамоту неприкосновенности личности. Генерал Слащов достаточно известен населению своими зверствами. А под охраной держать его нам нет надобности». 11 января 1929 г. Слащова в его московской квартире убил слушатель курсов «Выстрел» Л. Л. Коленберг, сказав, что убийство совершил, мстя за брата, казненного по приказанию Слащова в Крыму, и еврейские погромы.

В бывшем партийном архиве Крымского ОК КПСС хранится множество документов — свидетельств зверств и террора белогвардейцев. Вот некоторые из них: в ночь на 17 марта 1919 г. в Симферополе расстреляны 25 политзаключенных; 2 апреля 1919 г. в Севастополе ежедневно контрразведка уничтожала 10—15 человек; в апреле 1920 г.

только в одной симферопольской тюрьме было около 500 заключенных⁽¹²³⁾. и т. д.

Вряд ли чем-либо отличались карательные действия Колчака, Деникина и Врангеля от подобных же акций генералов Юденича под Петроградом или Миллера на севере страны. Во всяком терроре много сходного. Как писал И. А. Бунин в дневниковой записи 17 апреля 1919 г.: «Революции не делаются в белых перчатках... Что ж возмущаться, что контрреволюции делаются в ежовых рукавицах»⁽¹²⁴⁾, и особо проклинал карательную политику большевиков. Похожесть была прежде всего в том, что все военные диктаторы были боевыми генералами. Н. Н. Юденич (1862—1933) — генерал от инфантерии, участник русско-японской и мировой войны, в 1917 г. — главнокомандующий войсками Кавказского фронта. 10 июня 1919 г. был назначен Колчаком главнокомандующим белыми войсками на северо-западе России, в 1920 г. эмигрировал. Е. К. Миллер (1867—1937) — генерал-лейтенант, участник войны с Германией, в мае 1919 г. назначен Колчаком главнокомандующим белыми войсками Северной области, с февраля 1920-го — эмигрант.

При генералах-диктаторах были правительства. В октябре 1919 г. министр юстиции правительства Юденича подполковник Е. Кедрин составил доклад об учреждении Государственной комиссии по борьбе с большевизмом. Он считал нужным расследовать не отдельные «преступления», а «охватить разрушительную деятельность большевиков в целом». По мысли министра, следовало наказать всех, так как «опыт показал, что оставление без репрессий самых ничтожных участников преступления приводит к необходимости со временем иметь с ними дело уже в качестве главных виновников другого однородного преступления». В докладе предлагалось изучить большевизм как «социальную болезнь», а затем выработать практические мероприятия «для действительной борьбы с большевизмом не только в пределах России, но и на пространстве всего мира»⁽¹²⁵⁾. Этот доклад остался кабинетной затеей, свидетельствующей о том, что правительство Юденича своим главным противни-

ком считало большевиков. Реалии были более суровы и жестоки.

В мае 1919 г. в Пскове появились отряды генерала С. Н. Булак-Балаховича (1883—1940), и тут же в городе стали вешать людей всенародно, и не только большевиков. В. Горн, очевидец, писал: «Вешали людей во все время управления «белых» псковским краем. Долгое время этой процедурой распоряжался сам Балахович, доходя в издевательстве над обреченной жертвой почти до садизма. Казнимого он заставлял самого себе делать петлю и самому вешаться, а когда человек начинал сильно мучиться в петле и болтать ногами, приказывал солдатам тянуть его за ноги вниз». Горн сообщал, что подобные жуткие нравы были в Ямбурге и других местах пребывания войск Юденича. Он признавал, что в области внутренней политики северо-западное правительство было «совсем бессильным», что наказать ни одного офицера-палача не удалось. В грабеже населения видел Н. Н. Иванов одну из причин поражения Юденича»⁽¹²⁶⁾.

Не менее жесток был и генерал Миллер. Это он подписал 26 июня 1919 г. приказ о большевиках-заложниках, которые расстреливались за покушение на офицерскую жизнь, заведомо зная, что среди нескольких сот арестованных большевиков не так уж и много. Это он ввел сверхурочные работы на предприятиях, жестоко карая за «саботажи». По приказу генерала с 30 августа 1919 г. аресту подвергались не только большевистские пропагандисты, но и члены их семей, конфисковывалось имущество и земельные наделы. По распоряжению Миллера в непригодной для человеческого жилья Иоханге была создана каторжная тюрьма для политических преступников. Вскоре из 1200 арестантов 23 были расстреляны за непослушание, 310 умерли от цинги и тифа, через восемь месяцев там осталось здоровых не более ста заключенных⁽¹²⁷⁾. Член правительства при Миллере Б. Ф. Соколов позже в воспоминаниях приходил к неутешительному выводу о том, что военные диктатуры, возглавляемые генералами, а не стратегически мыслящими политиками, не могли победить в гражданской войне в России. «Пример большевиков, — писал он, — показал, что русский

генерал хорош тогда, когда его роль ограничивается исполнением. Они могут быть только, но не более, чем правая рука диктатора, — последним может быть отнюдь только не российский генерал»⁽¹²⁸⁾.

У всех белых диктаторов-генералов была антибольшевистская программа, все они выступали под одним девизом: «С русским народом, но против большевистского режима». И потерпели поражение от более сильной диктатуры, сумевшей добиться большего и в организации армии, и в столь же беспощадном отношении к населению, и в политической перспективе одурманивания масс, более четко определившей менталитетное неприятие обществом отживавших общественных отношений⁽¹²⁹⁾. Вот этим стремлением к чему-то новому политики воспользовались более эффективно, нежели генералы. Для советского и всех антибольшевистских правительств в годы гражданской войны была характерна склонность к администрированию, к решению сложных вопросов насильственным методом, везде уровень правовой защиты граждан был очень невелик. Лидеры белого движения более, чем представители красных в то время, говорили о создании правового государства, но эти заявления, как правило, оставались декларативными. Правоохранительная практика белых правительств была безуспешной. Вначале приход белых вызвал у населения сочувствие, но вскоре отношение к ним становилось неприязненным и враждебным. Это было результатом прежде всего карательной политики белых правительств и военных.

ИНТЕРВЕНТЫ ИЛИ СОЮЗНИКИ

Интервенция — это вмешательство одного или нескольких государств во внутренние дела другого. Это может быть ввод иностранных войск либо какая-то другая форма. В годы гражданской войны вмешательство стран Антанты, США, Японии и Германии во внутренние дела России приняло самые разнообразные, в том числе и военные действия. На территории страны в разное время находились войска

воюющих в то время вооруженных блоков, были оккупированы Украина и Крым, Север и Дальний Восток, действиями своего авангарда союзники считали свергающий советскую власть в Поволжье и других регионах чехословацкий корпус. Но все это делалось без официального объявления войны, под предлогами защиты союзника в Первой мировой войне, с нарочитым предпочтением «белых» перед «красными». Действительно, в своей основе белое движение носило преимущественно антантофильский характер. Поэтому борьба с большевиками рассматривалась руководством Англии, Франции и США продолжением войны «национальной» России с Германией, ее союзниками и советским правительством, заключившим с ними сепаратное соглашение в Бресте (март 1918 г.). По данным А. И. Крушанова, в Сибири и Дальнем Востоке было к 1920 г. 175 тыс. японцев, 20 тыс. американцев, 1600 англичан, 4 тыс. канадцев, 1100 французов, 55 тыс. чехословаков, 1500 итальянцев, 6 тыс. китайцев, 12 тыс. поляков, румын и сербов⁽¹³⁰⁾.

У. Черчилль цинично вопрошал: «Находились ли союзники в войне с Советской Россией?» — и отвечал: — «Разумеется, нет, но советских людей они убивали, как только те попадались им на глаза, на русской земле они оставались в качестве завоевателей, они снабжали оружием врагов советского правительства, они блокировали его порты, они топили его военные суда. Они горячо стремились к падению советского правительства и строили планы этого падения...» Черчилль подчеркивал единство действий белогвардейцев и интервентов. Более того, он писал: «Было бы ошибкой думать, что... мы сражались на фронтах за дело враждебных большевикам русских, напротив того, русские белогвардейцы сражались за наше дело»⁽¹³¹⁾.

Весной 1918 г. вооруженная интервенция в России стала фактом. Политики, юристы и историки объясняли ее причины и последствия разноречиво. Советские историки решительно осуждали интервенцию, выделяя особо негативную роль в ней правительства США. И лишь в самое последнее время появились попытки более объективно выяснить причины появления войск союзников России по

Первой мировой войне на ее территории. Так, выяснилось, что английский десант, высадившийся в Мурманске 6 марта 1918 г., не носил антисоветского характера, так как прибыл по приглашению Мурманского Совета и с санкции Троцкого для защиты края от возможного появления немецких и финских отрядов⁽¹³²⁾. Зарубежные историки либо оправдывали, либо осуждали интервенцию. Или утверждали, что интервенция послужила красным больше, нежели тем, кому она была предназначена оказать помощь⁽¹³³⁾. Руководство белых армий часто выражало недовольство недостаточностью материальной помощи их движению. Политика Германии после подписания Брестского мира с Советской Россией была своеобразной: формально они не воевали с большевиками, но на Украине оставались германские войска, а гетман П. П. Скоропадский (1873—1945) всецело зависел от их расположения. Германофильскими были и настроения донского атамана П. Н. Краснова (1869—1947).

Интервенция поддержала антибольшевистские силы в России и способствовала расширению гражданской войны в стране. Особенно это проявилось после окончания мировой войны, когда естественный вопрос: ради чего теперь иностранные войска оставались в России? — приобрел иную смысловую проблему. Тем более увеличение численности этих войск. В декабре 1918 г., по данным британского генштаба, на севере России насчитывалось 23 516 иностранных солдат и 7156 белогвардейцев. В августе 1919 г. их общая численность составила 53 тыс. человек, в том числе 25 тысяч белогвардейцев. Общее число интервентов на Севере составляло 43—44 тыс. военнослужащих⁽¹³⁴⁾. Осенью 1919 года основная часть иностранных войск покинула территорию Европейской России в силу военных неудач белых и бесперспективности дальнейшего пребывания.

Там, где были иностранные войска, устанавливался оккупационный режим, сфера влияния той или иной страны. Они оказывали антибольшевистским силам военную и экономическую помощь, политическую и моральную поддержку, участвовали в проведении карательной политики. Французские сержанты выступали в роли тюремщиков на севе-

ре⁽¹³⁵⁾, контрразведки интервентов на юге беспощадно расправлялись с партизанами, большевиками, не щадя и своих соотечественников (Ж. Лябурб и др.). На Дальнем Востоке была известна трагедия села Ивановки на Амуре, которое японцы сначала обстреляли из пушек, а затем сожгли. Погибло около 300 мирных жителей. Грэвс описывал следующий случай: «Пятеро русских были приведены к могилам, которые были вырыты в окрестностях железнодорожной станции; им завязали глаза и приказали встать на колени у края могилы со связанными назад руками. Два японских офицера, сняв верхнюю одежду и обнажив сабли, начали рубить жертвы, направляя удары сзади шеи. Эта расправа была произведена японцами не потому, что жертвы совершили какое-нибудь преступление, а потому, что они были заподозрены в большевизме»⁽¹³⁶⁾.

Интервентам пришлось убраться из России. Свои неудачи лидеры Антанты объясняли по-разному. Премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-Джордж, выступая в палате общин 19 апреля 1919 г., ссылаясь на опыт истории, говорил: «Россия — это страна, в которую легко вторгнуться, но которую очень трудно завоевать. Она никогда не была покорена чужеземными захватчиками, хотя много раз подвергалась иностранному вторжению. Это страна, в которую легко войти, но из которой очень трудно выбраться»⁽¹³⁷⁾. Выбрались. Оставили по себе недобрую память вмешательством в дела другой страны, террором, беспощадным отношением к людям.

Трудно подсчитать число жертв интервенции, кто убивал, по чьему наущению. Невозможно перечислить все жертвы той поры. Их множество. Цифры очень относительны. В 1924 году было создано в СССР Общество содействия жертвам интервенции. В его адрес шли индивидуальные претензии пострадавших. К июлю 1927 г. в Общество поступило 1135 тыс. заявлений. «Заявленные в Общество претензии говорят о потерях, которые понесли около 7,5 млн. человек, или 8,8% населения пораженных интервенцией районов», — говорится в изданном в 1929 г. сборнике «К десятилетию интервенции». Подсчеты показали,

что в оккупированных районах почти каждый десятый житель (включая младенцев и стариков) был либо убит, либо ранен, подвергся насилию, ограблению, аресту. Общая сумма ущерба исчислялась миллиардами рублей⁽¹³⁸⁾.

М. Горький не раз объяснял жестокость революции и гражданской войны безжалостностью русских людей. А как объяснить беспощадность «просвещенных европейцев»? Насколько в те годы зыбкой оказалась грань, отделявшая цивилизацию от варварства. В канун нового, 1918 г. президент США В. Вильсон обратился с трибуны конгресса к народам и правительствам стран мира, предлагая его будущее устройство — «14 пунктов». В этой программе был и «русский вопрос». «Яд большевизма, — говорил Вильсон, — только потому получил такое распространение, что явился протестом против системы, управляющей миром. Теперь очередь за нами, мы должны отстоять на мирной конференции новый порядок, если можно — добром, если потребуется — злом»⁽¹³⁹⁾. Зеленая ветвь миротворца Вильсона с его пацифистскими призывами успеха не имела. Ее заменила кровавая поступь обычных карателей.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 3

¹ Willains B. The Russian Revolution. 1917—1921. Oxford, 1987. P. 65.

² Письмо из Симбирской губернии о действиях красных, 3 августа 1919 г.: «Дела наши идут весьма плохо, ссыпка хлеба крестьянами идет плохо. В той волости, куда нас посылали, 5 раз обирали. Хлеба нет. Крестьяне относятся весьма враждебно. Агитация наша не помогает. Придется действовать затвором». Из Вятской губернии, 13 августа 1919 г.: «Белые нас очень обидели, все отобрали, что только было: корову, телегу и деньги до копейки. Деньги не отдавала, как стали бить, я и отдала все. Сапоги тоже уташили и все твои рубахи, брюки, пиджаки и фуражку». Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. Т. 2. С. 213, 239.

³ Там же. С. 221.

⁴ Краснов П. Н. Всевеликое войско донское. // Архив русской революции. Берлин, 1992. Т. 5. С. 226; Неизвестная

Россия. Т. 2. С. 236; Булдаков В. П. Красная смута. С. 225; см. также: Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг. М., 1998; и др.

⁵ Геллер М. Вехи 70-летия. Очерк советской политической истории. Лондон, 1987. С. 26; Левин М. Гражданская война в России: движущие силы и наследие. История и историки. М., 1990. С. 368.

⁶ В то время существовал, по мнению Б. Савинкова, следующий план ликвидации власти большевиков. «Согласно этому плану, — сообщал он, — союзники, высадившись в Архангельске, могли бы без труда занять Вологду и, опираясь на взятый нами Ярославль, угрожать Москве. Кроме Рыбинска и Ярославля, предполагалось также завладеть Муромом... Владимиром... и Калугой. Предполагалось также выступить и в Казани. Таким образом, нанося удар в Москве (убийство Ленина и Троцкого), предполагалось окружить столицу восставшими городами и, пользуясь поддержкой союзников на севере и чехословаков, взявших только что Самару, на Волге, поставить большевиков в затруднительное в военном смысле положение». Савинков Б. В. Борьба с большевиками. Варшава, 1920. С. 32.

⁷ Искендеров А. А. Гражданская война в России: причины, сущность, последствия. // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 79; Геллер М. Там же. С. 28.

⁸ Исторический архив. 1993. № 3. С. 134.

⁹ И. М. Майский (1884—1975), в 1921 г. вступил в РКП(б), позже советский дипломат, историк, академик.

¹⁰ ГАРФ, ф. 6257, оп. 71, д. 2, л. 25.

¹¹ Соловейчик А. С. Борьба за возрождение России на Востоке (Поволжье, Урал и Сибирь в 1918 г.). Ростов-на-Дону, 1919. С. 14; Славянофил (К. В. Сахаров). Чешские аргонавты в Сибири. Токио, 1921. С. 6.

¹² См.: Попов Ф. Г. 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев, 1972. С. 133, 134. Комучевец П. Д. Климушкин говорил лишь о двух случаях самосуда при взятии Самары и отрицал цифру в 300 убитых. Цит. по: Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. С. 132.

¹³ Письма славы и бессмертия. М., 1983. С. 119.

¹⁴ Известия ВЦИК. 1918. 4 октября.

¹⁵ Кузнецов А. Казань под властью чехоучредилловцев. // Пролетарская революция. 1922. № 8. С. 58. А. В. Луначарский, готовя к процессу над лидерами правых эсеров материалы, писал, опираясь на свидетельства очевидцев: «Председатель Казанского Совета Шейнкман после перестрелки у вокзала вернулся в город и стал ночевать в госпитале. Когда после бурной, грозовой ночи отряды Учредительного собрания входили в город, Шейнкману предложили немедленно покинуть госпиталь. Он пошел в земскую больницу к знакомой. Квартира оказалась запертой. Он, повязав платком щеку, долго сидел на скамье. А в это время кто-то уже сбегал к эсерам и донес. Его повели через толпу врагов и сдали в штаб. Заключенный в камере написал на стене: «Сегодня меня расстреливают. Шейнкман». Он оставил большое письмо маленькому сыну. Они уничтожили письмо. Его расстреливали на другой день, во дворе, на глазах арестованных и толпы. Он выкурил папироску и перед залпом бросил в лицо врагов грубые оскорбительные слова. На следующий день газеты учредилловцев сообщили о расстреле двух германских шпионов. Эсеры знали, что их было не двое, а больше, и что они были не шпионы». Луначарский подчеркивал, что учредилловцы не пощадили и члена Учредительного собрания М. Вахитова, потому что он был интернационалист. Луначарский и А. В. Бывшие люди. М., 1922. С. 50—52. Донесли на Шейнкмана фельдшер больницы С. Фурсов и надзиратель больницы Г. Мокеев. Расстреляны чекистами 10 октября 1918 г. в Казани.

Террор свирепствовал и в уездах Казанской губернии. В селе Егоркино Чистопольского уезда комучевцы заставили группу заключенных рыть для себя могилы; после этого их расстреляли, среди них были работники волисполкома. Партийно-советских работников комучевцы расстреливали и в других уездах Казанской губернии: Вертинскую-Аросеву (мать писателя и дипломата) — в Спасском; Х. Н. Хамзина — в Буинском; Е. П. Петровскую и С. С. Просвиркина — в Бугульминском; А. С. Фадеева — в Лаишевском. Самарский журналист Г. Лелевич привел в брошюре об «учредилке» выдержку из статьи «Правда о Казани», которую опубликовали меньшевики в уфимской газете «Голос рабочего» 10 октября 1918 г. Стремясь «оправдать» себя и «понять» причины комучевских поражений, они отмечали, что террор в Казани осуществляли «вооруженные люди с белыми повязками на руках, в военной форме. От-

дельные группы их по каким-то спискам и указаниям хватили на улицах и в квартирах людей и на глазах толпы одним-двумя выстрелами кончали с ними. Достаточно было крика из толпы: «Вот комиссар, вот большевик», как участь указанного была решена». Лелевич Г. В дни самарской учредилки. М., 1921. С. 19.

В 1923 г. в Казани судили бывших офицеров Г. А. Антипова, обвиненного в убийстве в августе 1918 г. профсоюзного работника А. П. Комлева; А. А. Земцова, участвовавшего в расстреле учительницы М. А. Вертинской-Аросевой. Офицеры были приговорены к различным срокам заключения. Архив Управления ФСБ по РТ, д. 14, л. 987.

¹⁶ См.: Петроградская правда. 1918. 11 июня; Dotsenko P. The struggle for democracy in Siberia: Eyewitness account of contemporary. Stanford, 1983. P. 109. В Саратов для поддержки Комуча тогда приехало большинство членов ЦК партии правых эсеров во главе с председателем Учредительного собрания В. М. Черновым. Основной идеей являлось: «Изгнать отовсюду захватчиков власти — большевистских диктаторов и образовать новую местную власть вокруг всенародных избранников». Чернов В. М. Перед бурей. М., 1993. С. 370. В Самару хотел приехать А. Ф. Керенский, но эсеры были против. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 339. В августе 1918 г. в Москве генерала А. А. Брусилова посетил английский посланник Б. Локкарт. Он пытался уговорить генерала переехать в Самару. Брусилов отказался. Соколов Ю. В. А. А. Брусилов. // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 88.

¹⁷ Известия ВЦИК. 1922. 1 июля.

¹⁸ Вестник Комуча. 1918. 19 сентября.

¹⁹ ГАРФ, ф. 749, оп. 1, д. 39, л. 6.

²⁰ РГАСПИ, ф. 71, оп. 3, д. 406, л. 365, 377.

²¹ Попов Ф. Г. Указ. соч. С. 163, 173.

²² ГАРФ, ф. 186, оп. 1, д. 3, л. 67.

²³ Там же, ф. 669, оп. 1, д. 2, л. 3. И. М. Майский писал о расстрелах в Казани: «... уже под вечер, пересекая центральную часть города, я был невольно увлечен людским потоком, стремительно несшимся куда-то в одном направлении. Оказалось, все бежали к какому-то большому четырехугольному двору, из-

нутри которого раздавались выстрелы. В щели забора можно было видеть, что делается во дворе. Там группами стояли пленные большевики: красноармейцы, рабочие, женщины — и против них — чешские солдаты с поднятыми винтовками. Раздавался залп, и пленные падали. На моих глазах были расстреляны две группы, человек по 15 в каждой. Больше я не мог выдержать. Охваченный возмущением, я бросился в социал-демократический комитет и стал требовать, чтобы немедленно же была послана депутация к военным властям с протестом против бессудных расстрелов. Члены комитета в ответ только развели руками.

— Мы уже посылали депутацию, — заявили они, — но все разговоры с военными оказались бесплодными. Чешское командование утверждает, что озлоблению солдат должен быть дан выход, иначе они взбунтуются.

Я отправился к эсерам, там господствовала та же растерянность. Ни та, ни другая партия не оказывалась в состоянии держать в руках воинскую силу, действовавшую именем демократии. Это была первая царапина, проведенная жизнью по моей стройной теоретической концепции...» Майский И. М. Демократическая контрреволюция. М. — Пг., 1923. С. 26—27.

²⁴ Голос рабочего. Самара, 1918. 10 июля.

²⁵ Майский И. М. Там же. С. 176, 186.

²⁶ См.: Красная быль. Самара, 1923. № 2. С. 130; № 3. С. 107—111; Поезд смерти. Куйбышев, 1957.

²⁷ ГАРФ, ф. 6257, оп. 1, д. 2, л. 142, 145, 242. Крестьяне от мобилизации в народную армию уклонялись, заявляя, что «мы войны гражданской не хотим» и потому «солдат для борьбы с большевиками не дадим». // ГАРФ, ф. 671, оп. 1, д. 34, л. 37—38. В октябре 1918 г. уполномоченный Комуча по Бугульминскому уезду сообщал, что к Учредительному собранию население далее выражения сочувствия не идет. «Нет уверенности в прочности новой власти — вот главная причина колебаний и пассивности». ГАРФ, ф. 681, оп. 1, д. 1, л. 8. Крестьяне на грабежи карательных отрядов народной армии отвечали вооруженными выступлениями. См: Тальнов Б. Краткие очерки первых четырех лет пролетарской революции в Бугурусланском округе (1917—1920). Бугуруслан, 1929. С. 20. По мнению участника событий тех лет, «в огне белого террора деревня расслоилась, каждая группа крестьянства осознала себя и встала на

свое место». Дорогойченко А. П. Крестьянство и учредиловщина. Четыре месяца учредиловщины. Историко-литературный сборник. Самара, 1919. С. 25. Вот одно из многих описаний действий карателей против крестьян. Агитатор Комуча из Бузулукского уезда В. Кондаков сообщал 26 августа 1918 г. о действиях карательного отряда капитана Вольских, который прибыл 26 августа 1918 г. в с. Утевка. Там по постановлению военно-полевого при отряде суда каратели пороли граждан и расстреляли бывшего председателя Совета С. М. Проживина и комиссара В. Пудовкина. «Подробности расстрела их, вернее способ расстрела, по словам очевидцев, отличались небывалой жестокостью. Так, например, труп Василия Пудовкина был изуродован, голова разбита, с вытекшим глазом, спина, бока носят явные следы ударов прикладом, руки до плеч буквально представляли кусок мяса с ободранной или обитой кожей, кроме того, на спине имелись 2—3 колотые штыковые раны. Характерное поведение добровольцев отряда при обыске в квартире В. Пудовкина — в сундуке были найдены две сорокарублевки «керенки», которые были взяты со словами: «Комиссары много награбили». Взято охотничье дробовое ружье. В силу сложившихся условий нашей государственной роковой необходимости момента, единичные жертвы, если таковые неизбежны, с ними можно мириться населению, но всякое издевательство над личностью, хотя бы и виновного, ненужная жестокость действуют на население хуже всякой большевистской агитации». // ГАРФ, ф. 671, оп. 1, д. 5, л. 10.

²⁸ ГАРФ, ф. 6257, оп. 1, д. 3, л. 77, 78. По приказу штаба народной армии Комуча войскам вменялось в обязанность охранять частновладельческие поля и посевы, для чего разрешалось «в случае надобности применять вооруженную силу и не останавливаться ни перед какими мерами воздействия на виновных». В приказе подчеркивалась обязанность всего состава армии «оказывать содействие и поддержку в этом отношении всем частным лицам, обращающимся за содействием по охране посевов». // ГАРФ, ф. 675, оп. 1, д. 21, л. 34. Некоторые крестьяне увидели в этом приказе возможность возвращения помещиков. Из Уфимской губернии сообщали, что отношение крестьян к Учредительному собранию отрицательное, т. к. «вопрос об отмене частной собственности Учредительным собранием заставил, по-видимому, их задуматься». // РГАСПИ, ф. 71, оп. 3, д. 406, л. 281.

²⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Берлин, 1924. Т. 3. С. 98.

³⁰ Лариса Рейснер, участница боев с народоармейцами, оставила описание о налете офицеров Каппеля на станцию Шихраны под Казанью. «Защищавший Шихраны малочисленный заслон был поголовно вырезан. Мало того, переловили и уничтожили все живое, населявшее полустанок. Мне пришлось видеть Шихраны через несколько часов после набега. Все носило черты того совершенно бессмысленного, погромного насилия, которым отмечены все победы этих господ. Во дворе валялась зверски убитая (именно убитая, а не зарезанная) корова, курятник был полон нелепо перебитых кур. С колодезем, небольшим огородом, водокачкой и жилыми помещениями было поступлено так, как если бы это были пойманные люди, и притом большевики. Из всего были выпущены кишки. Животные валялись выпотрошенные, безобразно мертвые. Рядом с этой исковерканностью всего, что было раньше человеческим поселком, неопишущая, непрогнозируемая смерть нескольких застигнутых врасплох железнодорожных служащих и красноармейцев казалась совершенно естественной. Только у Гойи в его иллюстрациях испанского похода и Герильи можно найти подобную гармонию деревьев, согнутых на сторону темным ветром и тяжестью повешенных, придорожной пыли, крови и камней». Рейснер Л. Свяжск (август—сентябрь 1918 г.) // Пролетарская революция. 1923. № 6—7. С. 183—184.

³¹ Николаев С. Возникновение и организация Комуча. // Воля России. Прага, 1928. № 8—9. С. 234.

³² Уполномоченный Комуча по Хвалынскому уезду 16 августа 1918 г. рапортовал: «Всех большевиков арестовал, места заключения в Хвалынске все время были переполнены, хотя часть наиболее важных арестантов была отправлена в Сызрань». // ГАРФ, ф. 669, оп. 1, д. 2, л. 3. Начальник гарнизона Казани генерал Рычков сообщал 11 августа 1918 г. об учреждении при управлении коменданта города военно-полевого суда из председателя, двух членов и делопроизводителя. РГАСПИ, ф. 71, оп. 33, д. 313, л. 5. Сотрудник Комуча В. И. Лебедев позже пытался оправдаться тем, что большевики были жестоки и комучевцам иного ничего не оставалось. «Большевики не брали нас в плен... Троцкий в ряде приказов особенно настаивал на немедленном расстреле всякого, захваченного с оружием

в руках». Из архива В. И. Лебедева. // Воля России, 1928. № 8—9. С. 112.

³³ ГАРФ, ф. 1405, оп. 1, д. 30, л. 2. В состав комиссии входили два представителя от ведомства юстиции, два от армии и один — от прокуратуры. «Комиссия при отсутствии оснований для содержания под стражей выносит постановление об освобождении арестованного». Но «на постановление комиссии об освобождении может быть заявлен протест». // Там же.

³⁴ ГАРФ, ф. 1405, оп. 1, д. 24, л. 25.

³⁵ Там же, ф. 681, оп. 1, д. 16, л. 58.

³⁶ Там же, ф. 675, оп. 1, д. 30, л. 367—375. В сентябре 1918 г. в Самаре и губернии комучевцы провели выборочный опрос по выяснению общественного мнения. В Бугурусланском уезде на вопрос: «Как смотрят крестьяне на Брестский мир с немцами?» — получили ответ: «У нас о нем не знают... Мы знаем только то, что видим, а видим только то, что у нас производится беспощадные аресты, арестовывают за одно слово». // Вестник Комуча. 1918. 18 сентября. № 59.

³⁷ Попов Ф. Г. Указ. соч. С. 224—225.

³⁸ Вольский В. К. Судьба Учредительного собрания // Исторический архив. 1993. № 3. С. 146; Архангельский В. Волжский фронт Учредительного собрания в 1918 г. / Гражданская война на Волге в 1918 г. Прага, 1930. Сб. 1. С. 37. И. Швец, командовавший чехословацкими легионерами, сражавшимися с красными под Казанью в августе—сентябре 1918 г., писал своим командирам, что легионеры деморализованы нежеланием мобилизованных в народную армию воевать и, когда они видят, что «собственный народ на собственной земле не желает эту землю защищать», то у них появляется «мысль, что они дерутся за чужие интересы». Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965, С. 263—264.

³⁹ Утгоф В. Л. Уфимское государственное совещание 1918 г. Из воспоминаний участника. // Бьлое. 1921. № 16. С. 40.

⁴⁰ См.: Сичинский Е. П. Из истории Временного областного правительства Урала (К вопросу о «третьем пути» русской революции). // История СССР. 1992. № 1. С. 164—172.

⁴¹ Революция защищается. Свердловск, 1989. С. 139—140,

148; Гражданская война на Южном Урале. Сб. док. и материалы. Челябинск, 1962. С. 164.

⁴² См.: Резниченко А. М. Борьба большевиков против «демократической» контрреволюции в Сибири (1918 г.). Новосибирск, 1972. С. 84—85. «С уходом большевиков, — сообщал генеральный консул США в Иркутске Э. Гаррис в начале июля 1918 г. в госдепартамент, — население Сибири снова приходит в себя. Вдоль всей линии сибирской железной дороги упрощенное правосудие определяет меру наказания командирам и комиссарам Красной гвардии. Австро-германские военнопленные, захваченные чехами с оружием в руках, расстреливаются, в то время как пленные красногвардейцы русской национальной передаются казакам и белогвардейцам с целью определения такого наказания, которого они заслуживают. До сих пор судьбой большинства комиссаров было повешение... Руководители Советов в деревнях получают по 20—25 ударов кнутом». Цит. по: Фоминых С. Ф. К истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Критический анализ американской дипломатической переписки как исторического источника. Томск, 1988. С. 108—109. В Омске 10 сентября 1918 г. Совет министров официально ввел смертную казнь. ГАРФ, ф. 4369, оп. 3, д. 10, л. 2; Законодательная деятельность белых правительств в Сибири (июнь—ноябрь 1918 г.). Томск, 1998. Вып. 2. С. 320.

⁴³ Пионтковский С. А. Гражданская война в России. Хрестоматия. М., 1925. С. 266; Мельгунов С. П. Н. В. Чайковский на «белом» фронте. / Белый Север. 1918—1921 гг. Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 79—80.

⁴⁴ С. Ц. Добровольский, бывший полевой военный прокурор Северной области, писал: «На Печоре население, занимающееся охотничьим промыслом, ставило силки для ловли красных. Один мой знакомый путевский инженер, узнав от одного из таких «охотников за черепами», что им одиночно было поймано и истреблено 60 красных, пришел в ужас... Оказалось, что у этого крестьянина все близкие были убиты красным отрядом Мандельбаума, а сам он совершенно случайно спасся, подвергнувшись страшным пыткам». Добровольский С. Ц. Борьба за возрождение России в Северной области. // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 3. С. 76. Генерал В. В. Марушевский, одно время командовавший армией Северной области, вспоминал, как однажды в декабре 1918 г. солдаты за-

явили о нежелании идти на фронт. Он писал: «Мне сообщили, что зачинщики в числе 13 человек выданы и находятся под охраной караула. Я отдал приказ зачинщиков расстрелять, взяв для этого первую полуроту первой роты, а ротам, назначенным в поход, выступить в таковой немедленно... Других средств в борьбе, которую я взял на свои плечи, я не мог применить, а потому совесть моя была спокойна». Когда об этом узнал Чайковский, то вскрикнул: «Как, без суда?» Марушевский ответил, что действовал по уставу и потому правительство признало его действия правильными и отвечающими обстановке. Марушевский В. В. Год на Севере (август 1918 — август 1919 г.) / Белое дело, 1926. Т. 2. С. 53—54. В. И. Игнатъев писал о переполненных тюрьмах в Архангельске, в которых свирепствовали тиф и цинга, расстрелах, проводимых военно-полевыми судами. Игнатъев В. И. Некоторые факты и итоги 4 лет гражданской войны (1917—1921 гг.) М., 1922. Ч. 1. С. 39, 44.

⁴⁵ См.: Белый Север. Архангельск, 1993. Вып. 2. С. 447—448.

⁴⁶ Потилицын А. И. Белый террор на Севере. 1918—1920. Архангельск, 1931. С. 16; Рассказов П. П. Записки заключенного. Архангельск, 1952.

⁴⁷ Подробнее об этом см.: Солженицын А. Черты двух революций. // Новый мир. 1993. № 12. С. 196—210.

⁴⁸ Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 182.

⁴⁹ Лацис М. Тов. Дзержинский и ВЧК. // Пролетарская революция. 1926. № 9. С. 92; он же. Пленных не брать. // Красноармеец, 1927. № 21. С. 18; Лебедев В. И. От Петрограда до Казани (Восстание на Волге в 1918 г.). // Воля России. 1928. № 8/9. С. 53, 62, 112; Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов. 1917—1919. Новосибирск, 1928. С. 97; Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Белград, 1930. Ч. 1. С. 131; Ленин В. И. ПСС. Т. 38. С. 355.

⁵⁰ Новый мир. 1989. № 9. С. 93, 99—100, 102.

⁵¹ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Ч. 1. С. 136, 138.

⁵² Ракитников Н. И. Сибирская реакция. Колчак. М., 1920. С. 12; Щепихин С. А. Под стягом Учредительного собрания. // Гражданская война на Волге в 1918 г. Прага, 1930. Сб. 1. С. 180; Рэнсом А. Шесть недель в Советской России. М. —Пг., 1924. С. 100.

⁵³ РГАСПИ, ф. 274, оп. 1, д. 1. л. 17.

⁵⁴ Писатель И. Вольнов в дневнике из Самары тех дней записал о виденном, как «казаки и чехи, под командой царских офицеров, истребляли крестьян и рабочих во имя Учредительного собрания». Говоря об отношении крестьян к комучевцам, он рассказывал о следующем случае: «Ехал с эсером, членом Учредительного собрания в Самару. Цекист говорит: «Ну, как — рады у вас и деревне, что Учредительное собрание освободило вас от большевистской кабалы?» Возница покосился и не отвечает.

—Нет — в самом деле?

—Конечно, довольны. Вы — тоже едете освобождать? Очень даже довольны, не забудем, — глухо говорил он. Остановил лошадей.

—Слезайте!

—То есть как — слезайте? — растерянно заелозил на вертёнке цекист. — Куда слезайте?

—В грязь, чего глаза-то лупишь! — бешено закричал мужик, взмахивая кнутовищем. — Не повезу больше!.. Слезай! Освободители, мать вашу в Христа!

...Война отнимает у людей все человеческое», — заключал Вольнов. Вольнов И. Самара (из дневника). // Новый мир. 1925. № 5. С. 71—72, 78.

Вольнов писал с горечью о своей поездке через линию фронта в Самару летом 1918 г.: «Мы не раз встречали изнасилованных женщин и девушек. Мы видели женщин, до костей иссеченных казацкими нагайками. Мы проезжали мимо братских могил. В общей куче, в братских объятиях, там покоились солдаты обоих фронтов, дети, случайно попавшие под выстрелы, до смерти изломанные, измятые солдатами женщины.

Мы видели попа, на котором целую ночь катались верхом скучавшие на отдыхе партизаны: попа ставили на четвереньки и подгоняли шомполами по толстому заду. На его шее мотался колокольчик. Катаясь, партизаны держали попа за длинные волосы.

Наконец, мы видели старуху, мать коммуниста, с выколотыми глазами и отрезанными грудями. Видели церковные кресты, валившиеся в навозе, трепыхающиеся по ветру концы намыленных вожжевок на столбах, в петлях которых умирали большевики...» Вольнов И. Огонь и воды. Куйбышев, 1990. С. 188—189.

⁵⁵ Попов Ф. Г. Там же. С. 226—228.

⁵⁶ Зензинов В. Из жизни революционера. Париж, 1919. С. 110. В. М. Зензинов (1880—1953), правый эсер, этнограф, депутат Учредительного собрания, член Самарского Комуча и уфимской Директории. Зензинов В. Пережитое. Нью-Йорк, 1953.

⁵⁷ Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. XII. С. 189, 190. Решение конкретных вопросов Директория откладывала до созыва Учредительного собрания в начале 1919 г. Как признавал член Директории генерал Болдырев, «наиболее слабым местом Директории была ее оторванность от широких масс. Она была порождением интеллигенции, декларировала общие красивые принципы и оперировала немymi отвлеченными лозунгами «Родина», «народ» и ничем не соприкасалась с живой жизнью». Болдырев В. Г. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1926. С. 54—55. Директорию признал лишь самарский Комуч, объявив 3 октября 1918 г. о своем упразднении. Тогда же Директория перенесла свою резиденцию в Омск. В. Н. Пепеляев, кадет и позже премьер правительства Колчака, 28 сентября 1918 г. объяснял чешскому генералу Р. Гайде: «Я не поехал на уфимское совещание, ибо не верю в создание таким путем прочной власти... спасение в единоличной военной диктатуре, которую должна создать армия». Дневник Пепеляева. // Красные зори. Иркутск, 1923. № 4. С. 78.

⁵⁸ См.: Фоминых С. Ф. Там же. С. 153.

⁵⁹ ГАРФ, ф. 147, оп. 8, д. 1, л. 2. 18 ноября 1918 г. в Уфе на квартире заместителя министра внутренних дел Директории Е. Ф. Роговского были арестованы отрядом казаков Роговский, Н. Д. Авксентьев, В. М. Зензинов, Д. Ф. Раков и др. Раков перед этим был в Москве, встречался со Свердловым и вел с ним переговоры об открытии фронта народной армии перед большевиками. Узнав об этом, члены Директории П. В. Вологодский и В. А. Виноградов передали власть Колчаку. Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 — январь 1919. Документы и материалы. Париж, 1982. С. 420.

⁶⁰ См.: Гражданская война в Сибири и Северной области. М. — Л., 1927. С. 26, 41. Раков Д. Ф. В застенках Колчака. Голос из Сибири. Париж, 1920; Колосов Е. Как это было? (Массовые убийства при Колчаке в декабре 1918 г. в Омске и гибель Н. В. Фомина.) // Былое. 1923. № 21. С. 250—297. Эти и

другие факты заставили А. Вольского сделать вывод: «... Нигде белый террор не достиг таких громадных размеров и такой жестокости, как в Сибири и на Дальнем Востоке». Вольский А. Белый террор в эпоху гражданской войны в СССР. / Десять лет белого террора. М., 1929. С. 17. В Омске за попытку восстать в декабре 1918 г. Колчак расстрелял, по разным данным, 547 или 2,5 тыс. человек. Сборник трудов ВНО. М., 1922. Кн. 3. С. 43.

⁶¹ Ежедневник ЧК. М., 1918. № 1. С. 11; Пионтковский С. А. Гражданская война в России. Хрестоматия. С. 301.

⁶² Министром финансов колчаковского правительства стал И. А. Михайлов («Ванька Каин»), сын народовольца, юрист, кооператор, при Керенском управляющий делами экономического совета Временного правительства. Арестован в Харбине 6 сентября 1945 г. На допросе сообщил: «Находясь на службе у Колчака, я снабжал колчаковскую армию денежными средствами, заключил кредитные соглашения для закупок вооружения за границей и, в качестве члена колчаковского правительства, принимал участие в обсуждении вопросов вооруженной борьбы с советской властью». Расстрелян по приговору советского суда 30 августа 1946 г.

В начале века один из социал-демократов писал для газеты «Рабочее дело», издававшейся в Париже: «Я, например, сочувствую террористам, думаю, что террор ничуть не противоречит социал-демократической программе. Благодаря тому, что социал-демократы стали в резко отрицательное отношение к террору, им воспользовались полумертвые обломки народничества, чтобы снова занять положение в рядах живых. Быть может, я ошибаюсь, но мне кажется, что терроризм будет развиваться». К сожалению, социал-демократ И. А. Гурвич не ошибся. РГАСПИ, ф. 283, оп. 1, д. 150, л. 2. Подробнее об отношении к террору российских социалистов см.: Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2000. Среди последних работ о «демократической контрреволюции» в России см.: Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918—1920. М., 1993; он же. Николай Чайковский в революции и контрреволюции. // Белая армия. Белое дело. 1997. № 4; Калягин А. В., Парамонов В. Н. «Третий путь» в гражданской войне (опыт деятельности Самарского Комуча). Самара, 1995; Медведев В. Г. Белый режим под красным флагом (Комуч). Улья-

новск, 1998; Плешкевич Е. А. Временное областное правительство Урала: дискуссия о причинах образования. // Отечественная история. 2003. № 5. С. 30—35; Дмитриев П. Н., Куликов К. И. Мятеж в Ижевско-воткинском районе. Ижевск, 1992; Чураков Д. О. «Третья сила» у власти: Ижевск, 1918 год. // Вопросы истории. 2003. № 5. С. 30—45; Звягин С. П. Формирование и реализация правоохранительной политики антибольшевистскими правительствами на востоке России (1918—1922 гг.). Автореф. дисс. докт. ист. наук. Кемерово, 2003; Коробкин А. А. Отечественная историография «демократической контрреволюции» (лето—осень 1918 г.) в России. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003; и др.

⁶³ Допрос Колчака. М., 1925. С. 42, 45, 59. Будберг А. Колчаковская эпопея. Дневник. // Архив русской революции. Берлин. 1924. Т. XIV. С. 270. Колчак заявил, придя к власти: «...Я не пойду по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру». Цит. по: Дроков С. В. А. В. Колчак. // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 60.

⁶⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 39. С. 397.

⁶⁵ См.: Спирин Л. М. Разгром армии Колчака. М., 1957. С. 40; Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. С. 181; он же. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 179.

⁶⁶ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Белград, 1930. Ч. II. С. 238; Белград, 1931. С. 179.

⁶⁷ Pipes R. Strive-Liberal on the Right. Cambridge, 1980. P. 276; а также см.: Fleming P. The Fate of Admiral Kolchak. New-York, 1963. P. 111; и др.

⁶⁸ Дроков С. В. А. В. Колчак. // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 63; Кларов Ю. Допрос в Иркутске. / Арестант пятой камеры. М., 1990; Колчак Александр Васильевич — последние годы жизни. Барнаул, 1991; Трукан Г. А. Верховный правитель России. // Отечественная история. 1999. № 6. С. 27—47; Зырянов П. Н. Молодые годы А. В. Колчака. // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 119—133; // Известия. 2001. 27 ноября; 2002.

18 апреля; Ожиганов А. Л. Отечественная историография колчаковского режима (ноябрь 1918 — январь 1920 г.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003; и др.

⁶⁹ Гражданская война и военная интервенция. Энциклопедия. М., 1983. С. 183; см. также: Алексахенко А. П. Крах деникинщины. М., 1966. С. 52, 62.

⁷⁰ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Берлин, 1925. Т. 4. С. 201. «Лично для меня было и осталось непререкаемым одно весьма важное положение, вытекающее из психологии октябрьского переворота, — писал он. — Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступления большевистской власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую родину, — это был бы не народ, а навоз для удобрения беспредельных полей старого континента, обреченный на колонизацию пришельцев с Запада и Востока... К счастью, мы принадлежим к замученному, но великому русскому народу». Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1923. Т. 2. С. 199. Для Деникина главным была Россия, ее народ. Революцию и большевиков он считал явлением преходящим.

⁷¹ Кин Д. Деникинщина. Л., 1926. С. 52; Федюк В. П. Деникинская диктатура и ее крах. Ярославль, 1990. С. 20.

⁷² Начало публикаций см.: Вопросы истории. 1990. № 3; Октябрь, 1990. № 10; а также: Пометки В. И. Ленина на книге А. И. Деникина. // Вопросы истории КПСС. 1989. № 5. С. 12.

⁷³ Октябрь. 1990. № 10. С. 51—56. Д. В. Лехович сравнивал Деникина с Дон Кихотом, потому что «высокие принципы чести и совести мешали Деникину найти правильные решения». Лехович Д. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992. С. 229. См. также: Деникин А. И. Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953. 14 марта 2002 г. «Независимая газета» заявила о возможном перенесении праха генералов Деникина и Врангеля на одно из московских кладбищ.

⁷⁴ Журов Ю. В. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986. С. 96, 109.

⁷⁵ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Харбин, 1921. Ч. 1. С. 4; Т. 2. С. 137—139.

⁷⁶ Допрос Колчака. С. 210, 211, 212, 213.

⁷⁷ Солодовников Е. Сибирские авантюры и генерал

Гайда. Из записок русского революционера. Прага, 1921. С. 12—13; В. Я. Зазубрин (1895—1938), участник гражданской войны в Сибири, автор книги «Два мира», писал об ужасах красного и белого террора и выделял два требования крестьян: «Бела власть! Грабеж! Убийство! Хуже старого режима! Где жить будем? Как жить? Уничтожать гадов!» и «Нам все равно, что красны, что белы, только бы жить дали». Зазубрин В. Два мира. Новосибирск, 1988. С. 170, 329, 331.

⁷⁸ Будберг А. Дневник белогвардейца. Л., 1929. С. 11, 191.

⁷⁹ См.: Урал и Прикамье. Документы и материалы. Ноябрь 1917— январь 1919 г. Париж, 1982; Кобзев И. С красным флагом против красных // Огонек. 1990. № 30; и др. Высококвалифицированные ижевские рабочие были спровоцированы на антибольшевистское выступление насильственными мобилизациями и поборами властей. В августе 1918 г. они создали прикамскую народную армию, а затем ушли к Колчаку. Они были за Советы, но против большевистского диктата. Вначале это была бригада, а с августа 1919 г. — дивизия, примерно 40—50 тысяч бойцов. Возвратившиеся в Ижевск были расстреляны в 1937 году.

⁸⁰ См.: Кучкин А. К истории ижевского восстания. // Пролетарская революция. 1929. № 6; Максимов В. В. Кулацкая контрреволюция и ижевское восстание. Ижевск, 1933; Куликов К. И. Руководители ижевского восстания / Гражданская война в Удмуртии. 1918—1919 гг. Ижевск, 1988. С. 137.

⁸¹ ГАРФ, ф. 147, оп. 8, д. 37, л. 6.

⁸² Гражданская война на Южном Урале. 1918—1919. Сборник документов и материалов. Челябинск, 1962. С. 168—169. См. также: Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001.

⁸³ См.: Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917—1920 гг.). М., 1982. С. 208, 215.

⁸⁴ Гражданская война на Южном Урале. С. 171, 172; ГАРФ, ф. 147, оп. 8, д. 2 «д», л. 17—18.; оп. 10, д. 20, л. 198, 201.

⁸⁵ См.: Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Белград, 1930. Ч. 1. С. 76—82; Спирин Л. М. Разгром армии Колчака. М., 1957. С. 38.

⁸⁶ См.: Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920). Документы и материалы.

М., 1962. С. 357. К. В. Сахаров (1881—1941), генерал, участник мировой и гражданской войн, эмигрировал в Германию, автор нескольких работ, в том числе «Белая Сибирь» (Мюнхен, 1923). Полагая, что белое движение в России являлось прообразом германского фашизма. Он писал: «Белое движение в самой сущности своей являлось первым проявлением фашизма... Белое движение было даже не предтечей фашизма, а чистым проявлением его». Сахаров К. В. Белая Сибирь. С. 314. Судя по приказам Сахарова в 1919 г., его роднили с фашизмом беспощадность к людям, презрение к «недочеловекам» по его мнению. В 1938 г. Сахаров выпустил в Германии книгу, полную ненависти к чехословацким легионерам («каины славянства»). Sakhałow K. Die tschechoslowakischen legioner in Sibiren. Berlin, 1938.

⁸⁷ Грэвс В. Американская авантюра в Сибири. 1918—1920. М., 1932. С. 80, 175, 237. О белом терроре говорил во время слушаний комиссии американского сенатора Овермэна 22 февраля 1919 г. сочувствующий большевикам журналист Альберт Рис Вильямс: «Белый террор — это тот, который существует в местах, где советская власть свергнута. Вспомните рассказ м-ра Аккермана в «Нью-Йорк таймсе». В одной из своих корреспонденций он приводит эпизод, когда поезд, отошедший с Урала с 2100 пленными большевиками, прибыл в Николаевск с 1300. Он спросил, что стало с остальными, и узнал, что в поезде отсутствовали какие бы то ни было гигиенические условия, а также продовольствие, и эти люди либо умерли от голода, либо покончили с собою, либо были убиты при попытке к бегству. Он сообщил, что пленные умирали на руках работников американского Красного Креста, когда последние снимали их с поезда. Это преступление, как и многие другие, лежит на совести врагов советской власти. Тот же корреспондент Аккерман рассказывал, что Калмыкову было разрешено идти впереди наступающих союзников, причем он действовал с такой беспощадной жестокостью, что люди не осмеливались даже убирать трупы расстрелянных им жертв. Трупы оставались лежать на улицах, покинутые на съедение собакам. В Хабаровске 16 советских учителей, которые преподавали детям по новому методу... были скошены пулеметами, и кровь учителей обогрела цветочные грядки, которые они сделали со своими учениками... Я знаю, что мы живем в очень неспокойное время. Но призовите на суд истории с одной стороны большевиков, обви-

няемых в красном терроре, а с другой стороны — белогвардейцев и черносотенцев, обвиняемых в белом терроре, и предложите им поднять руки, мозолистые и закрученные от работы руки крестьян и рабочих будут сиять белизной по сравнению с обгоревшими кровью руками этих привилегированных леги и джентльменов». Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. М. — Л., 1927. С. 111—112. Калмыков И. М. (? — 1920), в 1919 г. — начальник Уссурийской отдельной бригады.

М. Г. Александров, комиссар красногвардейского отряда в Томске. Был арестован колчаковцами, заключен в томскую тюрьму. В середине июня 1919 г., вспоминал он, из камеры ночью увели 11 рабочих. Никто не спал. «Тишину нарушали слабые стоны, которые доносились со двора тюрьмы, слышны были мольбы и проклятия... но через некоторое время все стихло. Утром уголовные нам передали, что выведенных заключенных казаки рубили шашками и кололи штыками на заднем прогулочном дворе, а потом нагрузили подводы и куда-то увезли». Александров сообщил, что затем был отправлен в Александровский централ под Иркутском и из более тысячи там заключенных красноармейцы в январе 1920 г. освободили только 368 человек. В 1921—1923 гг. Александров работал в уездной ЧК Томской области. РГАСПИ, ф. 71, оп. 15, д. 71, л. 83—102.

⁸⁸ ЦА ФСБ РФ, д. 37751. В 4 томах. Анненков и Денисов в конце 1925 г. были выданы ГПУ прокоммунистически настроенными китайцами. Среди документов, подписанных атаманом Анненковым в 1919 г., есть и обличающие его звериный антисемитизм. // Военно-исторический журнал. 1991. № 3. С. 72.

⁸⁹ Гражданская война в Оренбуржье (1917—1919 гг.). Документы и материалы. Оренбург, 1958. С. 153—154, 164.

⁹⁰ Семенов Г. О себе. Воспоминания, мысли, выводы. Харбин, 1938. С. 49—50. М. А. Муравьев (1880—1918), подполковник старой армии, в июне — начале июля 1918 г. — командующий Восточным фронтом Советской республики, 10 июля поднял мятеж, 11 июля убит чекистами во время перестрелки.

⁹¹ См.: Даурец Н. П. Семеновские застенки (записки очевидца). Харбин, 1921; Зайцев Ф. В вагоне смерти (воспоминания спасшегося), Дальистпарт. Владивосток, 1924. Кн. 2; Борьба за власть Советов в Приморье (1917—1922). Владивос-

ток, 1955; и др. Зайцев вспоминал (с. 26—30), как истязали, а затем убили Беренбаума (В. Харриса), который 20 декабря 1918 г. пытался убить Семенова, бросив в театр в него гранату, и тот был ранен в ногу. Его пытал прапорщик Кобеляцкий: порол, скальпировал, голым бросил на мороз, потом добил. Тирбах А. И. (1890—1935) — в 1918—1920 гг. — начальник 1-й Маньчжурской дивизии; Р. Ф. Унгерн (1887—1921) — в 1918—1919 гг. командир Туземного (азиатского корпуса). О нем см.: Юзефович Л. Самодержец пустыни. М., 1993.

⁹² ЦА ФСБ РФ, д. 18765. В 25 томах. См. также: Чистяков Н. Разгром семеновщины. / Неотвратимое возмездие. М., 1973; Чертков В. С нашим атаманом не приходится тушить. // Правда. 1990. 5 августа; и др.

⁹³ См.: Медведев В. Из жизни атамана // Комсомольская правда. 1991. 21 мая. 27 августа 1996 г. «Известия» опубликовали очерк о дочерях атамана Семенова, которые тогда жили в Новороссийске. Дети Семенова были репрессированы в 1948 г. В 1994 г. военная коллегия Верховного суда России отказала в полной реабилитации Г. И. Семенова.

⁹⁴ Неизвестная Россия. М., 1992. С. 238; Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 5. Трагична была судьба руководителей белого движения в Сибири. 21 января 1920 г. ЧК в Иркутске приступила к допросу Колчака. Судьба его была предрешена. Ленин телеграфировал заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянскому: «Пошлите Смирнову (РВС-5) шифровку (шифром). Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснениями, что местные власти до нашего прихода поступили так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске... Беретесь ли сделать архинадежно?» Председатель Сибревкома И. Н. Смирнов телеграфировал Ленину и Троцкому: «Сегодня ночью дал по радио приказ иркутскому штабу коммунистов... чтобы Колчака в случае опасности вывезли на север от Иркутска, если не удастся спасти его от чехов, то расстрелять в тюрьме». И отдал приказ исполкому иркутского Совета: «Ввиду движения каппелевских отрядов на Иркутск и неустойчивого положения советской власти в Иркутске настоящим приказываю вам находящихся в заключении у вас адмирала Колчака, председателя Совета министров Пепеляева с полу-

чением сего немедленно расстрелять. Об исполнении доложить». Колчак и Пепеляев были расстреляны утром 7 февраля 1920 г. на берегу реки Ушаковки. Совершила это левозеровская дружина в присутствии чекиста Чудновского, члена ревкома Левенсона и коменданта Иркутска Бурсака. Трупы Колчака и Пепеляева было решено «отправить туда, где тысячами лежат ни в чем не повинные рабочие и крестьяне, замученные карательными отрядами», — в прорубь. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. С. 173—175; Вопросы истории. 1991. № 1. С. 65; В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891—1922. С. 329. Вещи Колчака были переданы чекисту С. Г. Уралову. Близкая Колчаку А. В. Книпер (Тимирева) (1893—1975) вспоминала: «Я была арестована в поезде адмирала Колчака и вместе с ним. Мне было тогда 26 лет, я любила его и была с ним близка и не могла оставить его в последние дни его жизни. Вот, в сущности, все. Я никогда не была политической фигурой, и ко мне лично никаких обвинений не предъявлялось». С 1920 г. Тимирева была в лагерях и тюрьмах. Ей разрешили вернуться в Москву только в 1960 году. // Минувшее. М., 1990. Т. 1. С. 99. Об отношениях Тимиревой и Колчака см.: «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». М., 1997; Милая химера в адмиральской форме. Письма А. В. Тимиревой А. В. Колчаку. 18 июля 1916 года — 17—18 мая 1917 года. СПб., 2002. Незадолго до своего ареста, 4 января 1920 г., Колчак указом назвал Деникина «верховным правителем Российского государства» и передал власть на восточной окраине страны Г. М. Семенову. 5 января 1920 г. Колчак распустил свою охрану и перешел в поезд союзников, который охраняли чехословацкие легионеры. 15 января на станции Иннокентьевской (недалеко от Иркутска), Колчак и глава Омского правительства В. Н. Пепеляев были переданы сибирскому Политическому центру, который 21 января перевел арестованных в ведение Иркутского большевистского революционного комитета. Об ужасах бегства колчаковцев из Сибири сообщали очевидцы. Кроль Л. А. За три года. Владивосток, 1921. С. 180—181; Филантьев Д. В. Катастрофа белого движения в Сибири. 1918—1922. Впечатления очевидца. Paris, 1985. С. 51—65. Только в Казани в 1920 г. было расстреляно 9 бывших военнослужащих Колчака. // Архив Управления ФСБ по РТ, д. 4967, 374, 246 и др.

⁹⁵ Кин Д. Деникинщина. Л., 1927. С. 80.

⁹⁶ См.: Деникин—Юденич—Врангель. М.—Л., 1927. С. 64—65.

⁹⁷ Устинов С. М. Записки начальника контрразведки (1915—1920 гг.). Берлин, 1923. С. 125, 126; Виллиам Г. Белые. М., 1923. С. 67, 68; Арбатов З. Ю. Екатеринослав, 1917—1922 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 12. С. 94. Шкуро А. Г. (1886—1947) — в 1919 г. — командир 3-го Кубанского конного корпуса. Шкуро был организатором антибольшевистского партизанского движения на Кубани в 1918 г., затем уже в составе армии Деникина возродил созданную им еще в 1916 г. «волчью сотню» (250 казаков). Шкуро А. Г. Записки белого партизана. М., 1991; Цветков В. Волки гражданской войны. // Родина. 1999. № 10. С. 56—59.

⁹⁸ Денисов С. В. Начало гражданской войны на Дону. М.—Л., 1926. С. 98—99. Генерал В. М. Краснов называл результаты быстрых действий белых: «В Святокрестовском уезде безнаказанно буйствовала «дикая дивизия», способствуя превращению льяльных до того времени крестьян в «зеленых камышанников»... Во главе уезда стоял полковник Л., признававшийся начальнику особого агитационного отряда, что он не сторонник судебного преследования преступников и предпочитает вместо этой «волокиты» просто «ликвидировать» преступника на месте». Краснов В. М. Из воспоминаний о 1917—1920 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 8. С. 133. Подобные действия оправдывал генерал М. Г. Дроздовский: «В этой беспощадной борьбе за жизнь я стану вровень с этим страшным звериным законом — с волками жить... И пусть культурное сердце сжимается иногда непроизвольно — жребий брошен, и в этом пути пойдем бесстрастно и упорно к заветной цели через потоки чужой и своей крови». Дроздовский М. Г. Из Румынии на Дон (отрывки из дневника). / Начало гражданской войны. С. 111—112.

⁹⁹ Гражданская война на Украине. 1918—1920. Сб. док. и материалов. Киев, 1967. Т. 2. С. 233.

¹⁰⁰ Там же. С. 428.

¹⁰¹ «С пленными наши войска расправлялись с большой жестокостью». Из воспоминаний генерала А. Лукомского. // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 6. С. 109. «...Жестоко обращались большевики с пленными казаками. Они вымещали свою злобу на казаках за их победы не только на пленных, но и вообще на станичном населении». Краснов П. Н.

Всевеликое войско Донское. // Архив русской революции Берлин, 1922. Т. 5. С. 226.

¹⁰² Деникин—Юденич—Врангель. М. —Л., 1927. С. 63—64. Крестьяне не воспринимали лютые грабежи. «Большевиков, когда стали притеснять нас, выгнали! Бог даст, и «кадет» прогоним», — говорили они. // Там же. С. 170.

¹⁰³ Деникин А. И. Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953. С. 96. Деникин был убежден, что советскую власть от гибели спасли те, кто не содействовал национальному возрождению России. Деникин А. И. Кто спас советскую власть от гибели. Париж, 1937.

¹⁰⁴ Деникин—Юденич—Врангель. С. 63.

¹⁰⁵ Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. С. 295—296.

¹⁰⁶ ГАРФ, ф. 440, оп. 1, д. 34, л. 2, 12, 73; д. 12, л. 1—33.

¹⁰⁷ См.: Соколов К. П. Правление генерала Деникина (из воспоминаний). София, 1921. С. 95; На чужой стороне. 1924. Кн. 4, 5, 7, 8; 1925. Кн. 8, 9, 10; Красный террор в годы гражданской войны (по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков). London, 1992; Вопросы истории. 2001. № 7—10.

¹⁰⁸ Цит. по кн. Думовой Н. Г. Там же. С. 294. П. Н. Милуков сознавал: «Становится общепризнанным то положение, что деникинская армия и правительство не сумели связать себя с населением, которое стало враждебным». Думова Н. Г. Там же. С. 294; Бутаков Я. А. Белое движение на Юге России: концепция и практика государственного строительства (конец 1917 — начало 1920 г.). М., 2000; Михайлов И. В. Гражданская война в современной историографии: виден ли свет в конце тоннеля? Гражданская война в России. События, мнения, оценки. М., 2002. С. 646—647.

¹⁰⁹ Лехович Д. Белые против красных. С. 229, 335. Ни Деникину, ни кому-либо из других конфронтантов в те годы не удалось создать, как призывало Особое совещание при генерале, «равного для всех и независимого суда». ГАРФ, ф. 439, оп. 1, д. 74, л. 2, 3. См. также: Генерал Кутепов. Сб. ст. Париж, 1934.

¹¹⁰ ГАРФ, ф. 5853, оп. 1, д. 1, л. 15, 52, 122, 163—164.

¹¹¹ Неизвестная Россия. XX век. Кн. 2. С. 239. Грабили все армии: и белые, и красные. После штурма Хивы в апреле

1920 г. красные устроили там погром. «Такого ужаса, какой нами здесь сразу обнаружен, нигде не приходилось видеть, — телеграфировал 6 апреля в Ташкент председатель ревтрибунала Туркфронта И. Р. Фонштейн. — Открытый организованный военный грабеж, во главе коего в качестве активного организатора стоит штаб командующих людей, открыто распределяющий награбленное с оставлением себе львиной доли. Увод женщин, содержание их как пленниц, рабынь, продажа с аукционного торга на базарной площади Петроалександровска и Хивы, разгром хивинских дворцов, расстрел красноармейцами первого встречного как предпосылка ограбления имущества». То же повторилось и при взятии красными Бухары войсками Туркфронта (командующий Г. Я. Сокольников, члены РВС Г. И. Сафаров и Я. Х. Петерс). «Центр города уничтожен, сожжен Регистан, — сообщали Ленину. — На третий день после обстрела Бухарское правительство послало парламентаря, который задержан как заложник. Обстрел продолжался. После сдачи Бухары начались поджоги и невероятные грабежи и мародерства. Все богатства, содержащиеся в подвалах и кладовых Регистана, разграблены, громадные несгораемые шкафы разбиты, разломаны. В грабеже принимала участие Красная Армия, и два эшелона с грузным имуществом направлены в Ташкент, тридцать девять сабель, усыпанные драгоценными камнями, некоторые из них имеют тридцать пять бриллиантов, оказались в Ташкенте». Генис В. Л. Разгром Бухарского эмирата в 1920 году. // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 42, 49.

¹¹² Кин Д. Деникинщина. С. 244; Федюк В. П. Деникинская диктатура и ее крах. С. 57; Штиф Н. И. Добровольцы и еврейские погромы. Деникин—Юденич—Врангель. С. 141, 154; Козлов А. И. Антон Иванович Деникин. // Вопросы истории. 1995. № 10; он же. Генерал Деникин. Финкельштейн Ю. Е. Симон Петлюра. Ростов на-Дону, 2000; Козерод О. В., Бриман С. Я. Деникинский режим и еврейское население Украины: 1919—1920 гг. Харьков, 1996; Ипполитов Г. М. Кто Вы, генерал А. И. Деникин? Самара, 1999; и др.

¹¹³ Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. М.—Л., 1929. С. 39; Родина. 1990. № 10. С. 15.

¹¹⁴ Лекаш Б. Когда Израиль умирает... Л., 1928. С. 14, 22, 106. Также см.: Чериковер И. Антисемитизм и погромы на Украине в период Центральной рады и гетмана. / Революция на Украине. М. —Л., 1930; Шехтман И. Б. Погромы Добро-

вольческой армии на Украине (к истории антисемитизма на Украине в 1919—1920 гг.). Берлин, 1932; Дикий А. Евреи в России и СССР. Исторический очерк. Нью-Йорк, 1967; и др.

¹¹⁵ Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. М., 1992. Ч. 1. С. 90—91, 130—131; Цветков В. Ж. Петр Николаевич Врангель (1878—1928: исторический портрет). // Вопросы истории. 1997. № 7. В 2003 г. увидели свет воспоминания отца Врангеля — Н. Е. Врангеля (Воспоминания. От крепостного права до большевиков. М., 2003), позволяющие понять процесс воспитания генерала.

¹¹⁶ См.: Пионтковский С. А. Гражданская война в России. Хрестоматия. С. 632.

¹¹⁷ Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. Ч. 2. С. 76, 77, 141. 15 февраля 1920 г. Врангель писал Деникину, что «армия, воспитываемая на произволе, грабежах и пьянстве, ведомая начальником, примером своим развращающим войска, — такая армия не могла создать Россию». // Военно-исторический журнал. 1990. № 7. С. 70.

¹¹⁸ Там же. С. 73—74.

¹¹⁹ Валентинов А. А. Крымская эпопея. Деникин—Юденич—Врангель. С. 356; Оболенский В. Крым при Врангеле. Там же. С. 383, 391, 393—394; Раковский Г. Конец белых. Там же. С. 434, 436.

¹²⁰ Раковский Г. Конец белых. Прага, 1921. С. 11. Разведсводки штабов красных, составленные на основании анализа врангелевских газет, показаний перебежчиков и донесений агентов, сообщали об облавах, массовых порках крестьян, арестах и казнях. В августе—сентябре 1920 г. аналитики красных пришли к заключению, что насильственные мобилизации белых в Крыму и террор произвели перелом в настроении населения в пользу красных. Карпенко С. В. Разведсводки штабов Красной Армии как источник по истории внутренней контрреволюции и интервенции (на примере врангелевщины). Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1989. Т. XX. С. 76—77. В Джанкое, где помешалась ставка Слашова, было наибольшее число повешенных по приговорам военно-полевых судов и без всяких приговоров. Перед поездом Слашова одинаково висели на столбах по нескольку дней и офицеры, и солдаты, и рабочие, и крестьяне. Незвестная Россия. XX век. М., 1993. Кн. 3. С. 85, 98.

¹²¹ РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 24644, л. 2; оп. 2, д. 1008, л. 1—2. Подробнее см.: Возвращение генерала Слашова. Публ. док. А. А. Зланович. Незвестная Россия. XX век. Кн. 3. С. 107—118. Позже стало известно, что Слашов и вернувшийся с ним в Советскую Россию начальник конвоя М. В. Мезерницкий (1895—1937) стали сотрудничать с ГПУ.

¹²² Слашов Я. Крым в 1920 году. М., 1924; М., 1990. В Николаеве генерал Слашов за раз расстрелял 60 рабочих-коммунистов. Это были последние судороги власти. Устинов С. М. Записки начальника контрразведки (1915—1920 гг.). Берлин, 1923. С. 133.

¹²³ Центр хранения документов новейшей истории республики Крым, ф. 150, оп. 1, д. 49, л. 197—232; д. 53, л. 148. Лазарь Львович Коленберг, 1905 г. рождения, из мешан г. Николаева. В Красной Армии до 1926 г. Убил Слашова выстрелом в упор тремя пулями. Проверка подтвердила факт расстрела его брата по указанию Слашова. Коленберг психиатрической экспертизой был признан психически больным. Дело было прекращено. Дальнейшая судьба Коленберга неизвестна.

¹²⁴ Бунин И. А. Окаянные дни. Лондон, 1984. С. 55.

¹²⁵ ГАРФ, ф. 6389, оп. 1, д. 3, л. 17—19, 45.

¹²⁶ Горн В. Гражданская война в северо-западной России. Юденич под Петроградом. Л., 1927. С. 12, 126, 138. Там же. С. 252. См. также: Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России. 1918—1920 гг. СПб., 1999.

¹²⁷ См.: Пионтковский С. А. Гражданская война в России. Хрестоматия. С. 586—587, 591; Катков Н. Ф. Агитационно-пропагандистская работа большевиков в войсках и тылу белогвардейцев в период 1918—1920 гг. Л., 1977. С. 121; Белый Север. Вып. 2. С. 420—422. Председатель Архангельской губернской земской управы П. П. Скоморохов писал 17 февраля 1920 г. Е. К. Миллеру, что агитация и застенки несовместимы, и признал, что «застеночная агитация» ведет к гибели. Белый Север. Вып. 2. С. 434—435.

¹²⁸ Соколов Б. Ф. Падение Северной области. Белый Север. Вып. 2. С. 356. См. также: Голдин В. И. Испытания жизнью в жизни: судьба генерала Евгения Миллера // Белая армия. Белое дело. 1996. № 1; и др.

¹²⁹ Генерал А. С. Лукомский позже вспоминал в Берлине,

что генералы мало обращали внимания на недовольство населения. «Грабежи и реквизиции, бесчинства возвращающихся старых хозяев, ухудшение условий жизни беднейших слоев, — писал генерал, — подтачивали тыл Деникина». Лукомский А. С. Из воспоминаний. // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 6. С. 109. Подобное было и при иных белых военных режимах. Большевики бывших хозяев не допускали, их богатства предлагали разграбить. П. Кенез полагал, что белые проиграли потому, что генералы оказались плохими политиками. Kenez P. Civil war in south Russia. 1918. Los Angeles, 1971. P. 282.

¹³⁰ Крушанов А. И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке. 1918—1920 гг. Владивосток, 1984. Кн. 2. С. 15. В годы гражданской войны в составе советских вооруженных сил действовали более 250 отрядов «интернационалистов» — примерно 250—300 тысяч иностранных граждан. Осенью 1918 г. они составляли 5—7% численности Красной Армии, в 1920 г. — 0,5%. Копылов В. Р. Зарубежные интернационалисты в Октябрьской революции. М., 1977. С. 192.

¹³¹ Черчилль У. Мировой кризис. М. — Л., 1932. С. 157, 174.

¹³² См.: Антисоветская интервенция и ее крах. 1917—1922. М., 1987; и др. Голдин В. И. Интервенты или союзники? Мурманский «узел» в марте—июне 1918 года. // Отечественная история. 1994. № 1. С. 75—76; Папакин Г. В. Павел Петрович Скоропадский. // Вопросы истории. 1997. № 9. С. 61—81; Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания. // Вопросы истории. 2003. № 1—7. «История «авиловщины», — писали авторы предисловия Г. З. Иоффе и Ю. Г. Фельштинский, — проливает свет на довольно запутанный внешнеполитический аспект гражданской войны в России и раскрывает содержание так называемой реальной политики — «нет ни врагов, ни друзей; есть только интересы». Как Антанта, так и Германия с ее союзниками выстраивали свою позицию, отнюдь не руководствуясь своей приверженностью к белым или красным. Перед ними была страна, ввергнутая в смуту и распад, и их политика преследовала собственные интересы в данный текущий момент, и, может быть, главным их интересом было ослабление России как государства в общеевропейской системе. Красные понимали это лучше белых, ко многим из которых прозрение пришло позднее, уже в эмиграции». // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 11.

¹³³ «Если бы мы обсудили вопрос о союзной интервенции прежде чем вмешаться, я мог бы представить много доводов за то, чтобы нам остаться в стороне». Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири. 1918—1919 гг. М. — Пг., 1923. С. 171. Бывший посол Великобритании в России Д. Бьюкенен признавал, что «всегда защищал политику вооруженной интервенции». Бьюкенен Д. Мемуары дипломата. М., 1927. С. 308. «Если какая-либо часть России откажется признать власть большевистского правительства, — писал американский посол в России Д. Френсис в Вашингтон, — я буду поощрять эту борьбу». Francis D. Russia from the American Embassy. N. Y., 1921. P. 236. «Из-за чехов у нас произошел разрыв с большевиками. Если бы они по вине французов не восстали... Мы были бы... избавлены от безумной авантюры, которая стоила жизни тысячам русских и многим миллионам фунтов Англии». Локкарт Р. Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. Рига, 1933. С. 262. Иностранные государства потеряли в России до 6 млн. долларов. Гарвей Ф. Финансовое положение в Европе и Америке после войны. М., 1926. С. 346. «Мы не собирались свергнуть большевистское правительство в Москве. Но мы стремились не дать ему возможности, пока еще продолжалась война с Германией, сокрушить те антибольшевистские образования и те движения за пределами Москвы, вдохновители которых готовы были бороться заодно с нами против неприятеля». Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. М., 1937. С. 91. Президент Вильсон послал американские войска «для участия в смешанной экспедиции союзников на север России», потому что союзники «убедили» его в этом, а в Сибирь, — чтобы «спасти чехов» и чтобы оказать «сдерживающее влияние на японцев». Kennan G. Soviet foreign policy. 1917—1941. N. Y., 1960. P. 20—21. «После перемирия 1918 г. Америка и ее европейские и азиатские союзники оставили экспедиционные силы в России в надежде вселить в русских желание избавиться мир от большевизма». Goldhurst R. The midnight war. The American intervention in Russia. 1918—1920. N. Y., 1978. P. XIV. Интервенция способствовала «моральной консолидации» советского лагеря, а для белых оказалась более «помехой, чем пользой». Luckett R. The white generals. L., 1971. P. 386.

¹³⁴ Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918—1920. М., 1993. С. 120, 158, 160.

¹³⁵ Потылицын А. И. Белый террор на Севере. 1918—

1920. Архангельск, 1931. С. 49. В 1928 г. в Баку судили бывшего главу закаспийского правительства эсера Ф. А. Фунтикова. Он сказал, что расстреляли 26 бакинских комиссаров эсеровские боевики и английские солдаты, которыми командовал капитан Тиг-Джонс. Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы. 1917—1918. Баку, 1957. С. 634. Тиг-Джонс умер в 1988 году. В опубликованных дневниках он писал: «Захват их (комиссаров. — А. Л.), естественно, произвел большую сенсацию в Красновоодске. Ашхабад немедленно информировали об этом... Красновоодский комитет выразил желание как можно скорее избавиться от заключенных, поскольку местная тюрьма была переполнена и содержание в ней таких видных большевиков, как Петров и Шаумян, несомненно, повлияло бы возбуждающим образом на местные большевистские элементы, которые, вполне возможно, могли организовать восстание и попытаться захватить тюрьму. Ашхабадский комитет вовсе не проявлял желания принять у себя арестованных. За советом они обратились ко мне. Ими была послана телеграмма представителю комитета Мешаде-Дохову с инструкцией убедить генерала Маллесона взять узников себе и депортировать затем в Индию. В своем ответе Маллесон объяснил, что очень трудно найти необходимую охрану на транспортировку их в Индию, и предложил, чтобы закаспийские власти сами бы нашли другой способ избавиться от них». // Известия. 1990. 31 марта.

Обвинение в причастности Тиг-Джонса к расстрелу комиссаров в начале 20-х годов выдвинул эсер Вадим Чайкин, собравший необходимые доказательства и заявивший, что готов представить их лондонскому суду. Но суда не было, Тиг-Джонс исчез, чтобы продолжить свою деятельность под именем Рональда Синклера...

¹³⁶ Грэвс В. Там же. С. 254; Рейхберг Г. Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке. М., 1940. С. 92—93.

¹³⁷ Из истории гражданской войны в СССР. М., 1961. Т. 2. С. 40.

¹³⁸ Антисоветская интервенция и ее крах. 1917—1922. М., 1987. С. 183.

¹³⁹ Там же. С. 20.

Глава 4

Тотальный террор. Распятие символов. Диктаторы ликвидируют оппозицию

Профессор Мичиганского университета (США) У. Розенберг заметил, что многие советские и западные историки сводили концепцию российской государственности XX века к понятию «weighty actor» (солидный деятель), т. е. к конкретным правителям и правящим кругам⁽¹⁾. Розенберг прав: при таком подходе большевистское государство представлялось типом тоталитарного общества, взявшего из прошлого страны как самое радикальное, так и патриархальные «цааристские иллюзии».

Неоднородность менталитетов различных слоев российского общества не препятствует восприятию периодов его истории по именам царей или вождей, в сознании многих — символов определенной эпохи. В ходе гражданской войны быстро распалась старая властная элита, бывшие «революционные пролетарии» стремительно трансформировались в большевистскую административную элиту, а ее лидеры и активно действующие во времена хаоса и смут авантюристы, деятели теневой экономики стали формироваться во властные структуры. Видоизменялись цели индивидуального и массового террора: они приобрели государственный характер. Правительства санкционировали убийства сограждан. В годы гражданской войны в России не было разделения между диктаторским и тотальным террором, так как подавление оппозиции и расстрелы представителей всех слоев населения проводились одновременно. Лозунг «грабь награбленное», предложенный большевиками, касался не только имущих сословий, но скоро обратился и красными и белыми в грабежи самых многочисленных граждан стра-

ны — крестьян. Но более других в памяти остались акты террора по отношению к символам старой и новой элиты, к царской семье и большевистским вождям.

Об убийстве Николая II, его семьи и родственников достаточно полно рассказано в многочисленных книгах и статьях⁽²⁾. Общеизвестна версия о том, что последний российский император Михаил Романов был расстрелян в ночь с 12 на 13 июня 1918 года на окраине Перми. А через месяц — в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в доме Ипатьева в Екатеринбурге были расстреляны Николай II, его семья и несколько приближенных.

По существовавшей в советской историографии долгие годы официальной версии, все Романовы пали жертвой решений местных Советов. Михаил Александрович Романов (1878—1918) был главой российского престола менее суток — с 3 на 4 марта 1917 года. Великого князя и формально последнего российского императора расстреляли председатель Мотовилихинского Совета Г. И. Мясников (1889—1946), рабочие-большевики А. В. Марков (1882—1965), В. А. Иванченко (1874—1938), Н. В. Жужгов (1879—1941) и И. Ф. Колпашиков. Весной 1918 года на Урал были высланы из Петрограда: великий князь Сергей Михайлович, три брата — князья Иоанн, Константин и Игорь Константинович Романовы, и барон Владимир Павлович Палей (сын великого князя Павла Александровича). Они были в Вятке, затем Екатеринбурге и Алапаевске. Об их передвижении и содержании регулярно докладывалось Ленину и Свердлову, Дзержинскому и Урицкому. Донесения подписывал, как правило, председатель Уральского Совета, большевик А. Г. Белобородов (1891—1938). Убийством великих князей в ночь на 18 июля 1918 г. руководил председатель Алапаевского Совета Г. П. Абрамов. Через полгода, 29 января 1919 г., в Петропавловской крепости были расстреляны великие князья Николай Михайлович, Георгий Михайлович и Дмитрий Константинович Романовы. Их расстреляли петроградские чекисты как заложников, «в порядке красного террора» и в ответ на «злодейское убийство в Германии товарищей Розы Люксембург и Карла Либкнехта»⁽³⁾.

В советской мемуаристике и историографии бытовало мнение о том, что решение о расстреле Николая II и его семьи было принято Уральским исполкомом в связи со сложным военным положением — на город наступали белые⁽⁴⁾. Хотя еще Н. А. Соколов (1882—1924), один из первых следователей по делу об убийстве царской семьи, проводивший это расследование по поручению Колчака, писал: «Судьба царской семьи была решена не в Екатеринбургe, а в Москве»⁽⁵⁾.

Опубликованные в разное время документы свидетельствовали о том, что судьба Романовых весьма интересовала большевистское руководство. Видимо, окончательное решение об их искоренении принадлежало Ленину, которого поддерживали его приближенные. Троцкий в дневнике писал, что он предлагал устроить судебный процесс против царя с участием себя в качестве главного обвинителя. Во второй половине июля 1918 г. он узнал от Свердлова о расстреле царской семьи, потому что «нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в нынешних условиях». Троцкий согласился с целесообразностью содеянного. По его мнению, «суровость расправы показывала всем, что мы будем вести борьбу беспощадно, не останавливаясь ни перед чем. Казнь царской семьи нужна была не просто для того, чтобы запугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что отступления нет, что впереди полная победа или полная гибель». Чуть позже Троцкий встретился с Лениным, который разъяснил ему ненужность длительного судебного процесса над царем и высказал главное соображение: «В судебном порядке расправа над семьей была бы, конечно, невозможна. Царская семья была жертвой того принципа, который составляет ось монархии: династической наследственности»⁽⁶⁾.

В борьбе с возможными претендентами на власть Ленин был особенно беспощаден. И, наверное, поощрение безнаказанности, лживости и провокации вкупе с конкретными жестокими действиями стимулировали местные власти. Белобородов признавал, что весьма скептически отнесся к известию о переезде царской семьи из Тобольска в Екатерин-

бург: «...Необходимо остановиться на одном чрезвычайно важном обстоятельстве в линии поведения облсовета. Мы считали, что, пожалуй, нет надобности доставлять Николая в Екатеринбург, что, если представятся благоприятные условия... он должен быть расстрелян...»⁽⁷⁾

Решение о расстреле царской семьи, наверное, было принято в Москве, в начале июля 1918 г., когда Ш. И. Голошекин (партийная кличка Филипп. 1876—1941), военный комиссар Уральского военного округа, один из руководителей екатеринбургских большевиков, был в столице. Конспирация об отношении Ленина к происходящему в Екатеринбурге соблюдалась весьма жестко. И все-таки ряд документов, свидетельствующих о санкциях из Москвы на расстрел Романовых, сохранились. Среди них косвенные: 7 июля 1918 г. в 17. 20 председатель Совнаркома распорядился предоставить Екатеринбургу прямой провод для экстренных переговоров (через Казань); 13 июля зафиксированы переговоры Свердлова с Белобородовым; 16 июля был закан срочный разговор Ленина с Екатеринбургом.

16 июля в ответ на запрос датской газеты в Совнарком по поводу распространившихся слухов о казни бывшего царя Ленин ответил: «Слух неверен, бывший царь невредим, все слухи — только ложь капиталистической прессы». Действительно, в это время царь еще был жив, но слух был не без оснований. Комендант Ипатьевского дома Я. М. Юровский сообщал, что именно 16 июля в 2 часа дня к нему приехал Голошекин и передал постановление исполкома о казни Николая II. Свое решение екатеринбургский исполком согласовал с Кремлем. Через Петроград Зиновьеву, Свердлову и Ленину 16 июля 1918 г. была отправлена телеграмма, в которой Голошекин зашифровано сообщал, что «условленный с Филиппом (т. е. с Голошекиным. — А. Л.) суд по военным обстоятельствам не терпит отлагательства, ждать не можем». Телеграмма была получена в Москве в 21 час 22 минуты, за несколько часов до расстрела царя и его семьи. Ленин и Свердлов ответили согласием. Заметим, что военные обстоятельства были не столь опасны — белые вошли в Екатеринбург через 9 дней — 25 июля 1918 г.

В «Записке» Юровский (1920 г.) писал о том, что телефонограмма из Москвы на условном языке, содержавшая приказ об истреблении Романовых, была получена через Пермь. Все происшедшее Юровский подробно описал в 1922 году: примерно в 1. 30 ночи с 16 на 17 июля он разбудил Романовых и предложил им спуститься в подвал дома. «Я предложил всем встать. Все встали, заняв всю стену и одну из боковых стен. Комната была очень маленькая. Николай стоял спиной ко мне. Я объявил: Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Урала постановил их расстрелять. Николай повернулся и спросил. Я повторил приказ и скомандовал «стрелять». Первый выстрелил я и наповал убил Николая. Пальба длилась очень долго, и, несмотря на мои надежды, что деревянная стенка не даст рикошета, пули от нее отскакивали. Мне долго не удавалось остановить эту стрельбу, принявшую безалаберный характер. Но когда наконец мне удалось остановить, я увидел, что многие еще живы. Например, доктор Боткин лежал, опершись локтем правой руки, как бы в позе отдыхающего, револьверным выстрелом я с ним покончил. Алексей, Татьяна, Анастасия и Ольга тоже были живы. Жива была еще и Демидова. Тов. Ермаков хотел окончить дело штыком. Но, однако, это не удалось. Причина выяснилась только позднее (на дочерях были бриллиантовые панцири вроде лифчиков). Я вынужден был поочередно расстреливать каждого. К величайшему сожалению, принесенные с казненными вещи обратили внимание некоторых присутствовавших красногвардейцев, которые решили их присвоить». Далее Юровский писал, как он потребовал вернуть награбленное, драгоценности. Расстрельная команда состояла из 12 человек, в том числе 7 латышей, двое из которых отказались стрелять в детей. Всего они расстреляли 11 человек. (Кроме семьи царя, погибли доктор Боткин, повар Харитонов, камердинер Групп и горничная Анна Демидова.)⁽⁸⁾

В годы тоталитарного режима в стране, когда убийцы «врагов народа» занимали «особо почетное положение», на роль человека, расстрелявшего царя, претендовали, кроме

Юровского, еще и другие члены расстрельной команды: П. З. Ермаков (1884—1952), Г. П. Никулин (1884—1965) и др.

Исследователи утверждали, что размах дезинформации по делу убийства царской семьи был необычен. Вначале Свердлов сообщал лишь об убийстве царя и о том, что его семья переведена в Алапаевск, хотя в архиве следователя Соколова находилась зашифрованная телеграмма, отправленная в Кремль 17 июля 1918 г.: «Сообщите Свердлову, что всю семью постигла та же участь, что и ее главу. Официально семья погибнет при эвакуации». В результате противоречивых официальных заявлений появились версии о том, что не все члены царской семьи погибли. Французский историк Марк Ферро в книге о Николае II приводит свидетельства о том, что большевики и немцы вели тайные переговоры о судьбе царицы и ее дочерей. Карл Радек, представлявший большевиков в Берлине, — писал Ферро, — предложил обменять императрицу и ее дочерей на арестованных членов организации «Союз Спартака». Но сделка не состоялась⁽⁹⁾.

18 июля 1918 г. Совнарком под председательством Ленина, заслушав внеочередное заявление Свердлова о казни Николая II, постановил: «принять к сведению». Но на этом «дело об убийстве царской семьи» не завершилось. Несмотря на заявление расстрельщиков Юровского, Г. П. Никулина о том, что погибли в ту ночь все претенденты на звание царских детей, Анастасии и Алексеи появлялись в разных городах. В 1920 г. «спасенная» Анастасия Романова появилась в Берлине, позже претендентки на имя дочери царя оказались в Омске, в казанской психбольнице и Тбилиси⁽¹⁰⁾. В 1979 г. было найдено место захоронения расстрелянных в Ипатьевском доме. Криминалисты признали, что это действительно останки царской семьи⁽¹¹⁾.

Исследователям же предстоит по-прежнему ответить на вопрос, который мучает поклонников символов в истории: кто он, последний российский царь, — безгрешный мученик или преступник? Олицетворение империи или просто слабый человек? Как действующий политик Николай II завершил свою карьеру 2 марта 1917 года. Затем началась человеческая трагедия всей династии Романовых. Наверное,

изжившие себя политические системы способны воспроизводить лишь усредненных лидеров, ускоряющих своими действиями падение старых режимов⁽¹²⁾. Но только этим нельзя объяснить появившееся на смену карикатурному образу Николая II его иконографическое изображение в сознании многих людей. Символы означали время, ностальгию о прошлом, они были в центре яростных, кровавых схваток при жизни и стали предметом ожесточенных властных разборок политиков последующих поколений.

Летом 1918 года стреляли и в символы большевизма. Расстрел династии Романовых, убийства большевистских комиссаров и чекистов, покушение на Ленина инициировали обострение гражданской войны в стране, способствовали ожесточению сторон и размежеванию общества⁽¹³⁾. Эти акции были использованы правящими элитами для разжигания противостояния, а не достижения согласия и гражданского мира. Когда не было иных аргументов и способов удержания власти, диктаторы прибегали к эскалации террора. Они использовали карательную политику для достижения своих целей и тогда, когда были иные возможности: страх и террор, убийства организовать проще, эффективнее, быстрее, чем предложить что-либо иное...

Характерно повышение должностной значимости актов террористических акций той поры: в июне 1918 г. убит комиссар по делам печати, пропаганды и агитации Петроградского Совета В. Володарский, в конце августа — председатель Петроградской ЧК М. Урицкий и ранен председатель Совнаркома Ленин. В советской историографии длительные годы бытовало мнение, что все эти акции совершены от имени партии правых эсеров. Трудность установления истины заключалась в том, что ни одного из предполагаемых убийц — Сергеева, Канегиссера и Каплан — не судили. Следственные материалы подверглись в разное время купированию. Потому в 1922 г. устроители судебного процесса над лидерами партии правых эсеров использовали «избранные» цитаты из выступлений В. М. Чернова, А. Р. Гоца для доказательств их антибольшевистских намерений, видя в них «состав преступления»⁽¹⁴⁾.

После разгона большевиками Учредительного собрания правые эсеры призвали к открытой вооруженной борьбе с ними, но не к терактам, официально осуждая последние. Эсеровский ЦК категорически отрекся от участия в убийствах Володарского, Урицкого, покушении на Ленина. В декабре 1920 г. эсеры протестовали против ареста членов партии в качестве заложников на случай возможных покушений на большевиков. Они писали, обращаясь к советскому правительству: «Партия с.-р. в своей борьбе с диктатурой коммунистической партии никогда не прибегала к террору. ЦК партии не раз открыто заявлял об этом в связи с попытками правящей партии и ее органов политической репрессии приписать партии с.-р. участие в террористических актах. Эта позиция партии с.-р. подтверждается всей ее деятельностью на протяжении трех лет большевистской диктатуры». Среди членов ЦК партии эсеров бытовало убеждение, что выстрел в Ленина был «индивидуальным актом озлобленной фанатички», не более того⁽¹⁵⁾.

Процессу над 34 эсерами в Колонном зале Дома союзов (Москва, 8 июня — 7 августа 1922 г. Председатель суда — Г. Л. Пятаков, общественный обвинитель — Н. В. Крыленко) предшествовала мощная пропагандистско-разоблачительная антиэсеровская кампания и следствие, ведомое известным в свое время мастером политического сыска Яковом Аграновым⁽¹⁶⁾. Наиболее разоблачительные материалы о террористической деятельности правых эсеров содержались в брошюре Г. Семенова «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг.», изданной в 1922 г. одновременно в Берлине и в типографии ГПУ на Лубянке, 18 в Москве; а также в письме в ЦК РКП(б) Л. В. Коноплевой. Григорий Иванович Семенов (Васильев) был в 1918 г. руководителем боевой эсеровской группы, а Лидия Васильевна Коноплева — активным ее членом⁽¹⁷⁾.

Голландский историк Марк Янсен, специально исследовавший материалы правоэсеровского процесса 1922 г., полагает, что Семенов и Коноплева писали свои «разоблачения» по поручению его устроителей⁽¹⁸⁾. Действительно, они были арестованы осенью 1918 г., а в начале 1919 г. — осво-

божены, служили в ВЧК, в 1921 г. вступили в РКП(б). Полностью они были амнистированы во время процесса 1922 г. В зарубежной историографии показания-воспоминания Семенова и Коноплевой не пользовались особым доверием, в советской — подтвержденные обвинительным заключением процесса над эсерами 1922 г., — долгое время считались наиболее достоверным описанием террористической деятельности этой партии. Обвинения, выдвинутые Семеновым и Коноплевой, не признали ни эмигрантская группа ЦК партии эсеров, ни судимые члены ЦК А. Гоц, Е. Тимофеев и др. С. Ляндрес пишет о них как о самых отъявленных провокаторах. Следователь Д. Л. Голиков им верил в четырех изданиях своей книги о борьбе с антисоветским подпольем в СССР. Он писал: «Будучи в прошлом непосредственными участниками преступлений, Семенов и Коноплева открыли факты использования эсерами в борьбе с советской властью диверсий, экспроприации и индивидуального террора в отношении виднейших деятелей большевистской партии и Советского государства»⁽¹⁹⁾. В. Войнов в «Комсомольской правде» (29 августа 1990 г.) назвал Семенова «двуликим Янусом эсеровской партии».

Показания Семенова и Коноплевой не были документально аргументированы. Им возражали такие же участники событий. Но организаторы этого первого большого политического процесса в стране имели, видимо, целенаправленные политические, а не правовые установки. Они верили тому, кому хотели верить. Только тщательно проведенный медицинский анализ дела о ранении Ленина позволил академику Б. В. Петровскому разрушить легенду, созданную Семеновым и Коноплевой в 1922 г., об отравленных пулях, которыми стреляли в вождя.

«Пули были отравлены ядом кураре. В каждом револьвере было отравлено по 3 пули. Допрошенный по этому поводу Семенов удостоверяет, что пули он отравил лично на квартире Федорова-Соколова, который при этом присутствовал и это также подтверждает», — говорилось в обвинительном заключении процесса. Коноплева в письме в ЦК РКП(б): «В. И. Ленин приехал в Щипок (гранатный корпус

завода был в 3-м Щипковском переулке. — А. Л.), и Фанни стреляла в него. Все три пули были отравленные (у всех трех исполнителей первые три пули в обоймах были подпилены крестом и отравлены ядом «кураре»...) Семенов и Коноплева претендовали каждый на первенство в этом варварстве!

Академик Петровский: «Не было и отравления, которое якобы несли с собой «отравленные» пули. Хотелось бы, кстати, заметить, что пули в те времена не начинали ядом... ни о каких отравленных пулях речи не могло быть, хотя в то же время ранение было редким и крайне опасным для жизни»⁽²⁰⁾.

Весь смысл показаний Семенова и Коноплевой состоял в утверждении эсеров главными организаторами и исполнителями терактов против партийно-советского руководства. Это с их «легкой руки» и других эсеров, сотрудничавших к тому времени с ВЧК, станут известны «подробности» многих терактов как исходящих от партии эсеров. Ведь процесс над политическими противниками должен был тогда стать «образцовым» для устрашения других.

Володарский был убит 20 июня 1918 г. в Петрограде. Семенов об этом писал так: эсеровские боевики готовили покушение на Зиновьева и Володарского. За ними была установлена слежка. Сергеев — рабочий, маляр, около 30 лет. «Маленький, невзрачный человек с красивой душой, из незаметных героев, способных на великие жертвы. В нем все время горело желание сделать что-нибудь большое для революции. Он был глубоко убежден, что большевиками делается губительное для революции дело». Сергеев был исполнителем. Он спросил Семенова, как ему действовать, если представится случай убить Володарского, и получил указание — стрелять. И вот: «В этот день автомобиль Володарского по неизвестной причине остановился невдалеке от намеченного нами места, в то время, когда там был Сергеев. Шофер начал что-то поправлять. Володарский вышел из автомобиля и пошел навстречу Сергееву. Кругом было пустынно. Вдали — редкие прохожие. Сергеев выстрелил несколько раз на расстоянии двух-трех шагов, убил Володарского, бросился бежать. Сбежавшаяся на выстрел публика

погналась за Сергеевым. Он бросил английскую военного образца бомбу (взвесив, что на таком расстоянии он никого не может убить). От взрыва преследующие растерялись. Сергеев перелез через забор, повернул в переулок, переехал реку и скрылся. Полдня скрывался на квартире Федорова, два дня в квартире Морачевского. Затем я отправил его в Москву». Семенов отмечал, что Сергеев до революции был анархистом, а позже стал эсером, что отказ ЦК партии открыто признать это убийство как свое действие был «для нас большим моральным ударом»⁽²¹⁾.

На процессе эсеров 1922 года Григорий Иванович Семенов давал показания в качестве одного из обвиняемых и дополнил свои же данные, изложенные в брошюре, написанной год назад. Теперь он назвал двух исполнителей: Сергеева и Козлова и то, что на квартире последнего он травил пули ядом кураре, взятым у члена своей боевой группы Л. В. Коноплевой (Козлов тогда же заявил, что он ничего не знал и не помнил о том, что Семенов был у него на квартире). Семенов также сообщил, что так как Зиновьев почти не выезжал из Смольного, а Володарский бывал часто на митингах и так как по техническим соображениям его убить было легче, то решено было убить его первым⁽²²⁾.

Во время следствия выяснилось, что автомобиль остановился из-за нехватки горючего на одной из пустынных улиц, что Володарский вышел из него вместе с сотрудниками Смольного — своей женой Н. А. Богословской и Е. Я. Зориной, что человек, видимо знавший его в лицо (Сергеев), пошел следом и убил его тремя выстрелами в упор. Расследование продолжалось до конца февраля 1919 г., но результатов не дало. В деле много загадочного, главное — автомобиль остановился именно там, где его ждали...

В 1922 году появились две версии. И. Флеровский, автор одной из первых брошюр о Володарском, писал, что его убили первым из-за влияния на рабочих. Он ведь не занимал крупных постов в Петрограде и выступал прежде всего как агитатор. Брошюра Флеровского была написана к политическому процессу над эсерами и ставила задачей не выяснение обстоятельств убийства комиссара, а обличение эсе-

ров, стрелявших в большевиков. В. Чернов в газетной статье «Иудин поцелуй» сетовал на то, что убийство Володарского произошло тогда, когда шли выборы в Петроградский Совет и у эсеров были шансы набрать голоса. «Я пошел к Гоцу и спросил, в чем дело. Он ответил: «Рабочий, эсер по убеждению, имевший одно серьезное партийное поручение, был свидетелем того, как у Володарского испортился автомобиль, и, не стерпев, выстрелил»⁽²³⁾. Развернувшаяся в ходе судебного процесса дискуссия на тему «ЦК партии правых эсеров санкционировал убийство Володарского или нет?» — не дала результатов. Семенов и Коноплева, ставшие к тому времени большевиками, утверждали, что они организовали теракты с разрешения эсеровского ЦК. А. Р. Гоц, отвечавший в ЦК за работу боевой организации, говорил обратное. Он ссылаясь на публикацию письма петроградского бюро партии эсеров 22 июня 1918 г. в «Петроградской правде», в которой говорилось, что «ни одна из организаций партии к убийству комиссара по делам печати Володарского никакого отношения не имеет». На вопрос Гоцу члена суда, почему же Сергеев не был тогда же исключен из партии эсеров, Гоц ответил: «Обнародовав его фамилию, я бы отдал его на растерзание чекистам... Этого как революционер я позволить не мог».

Тогда же возникло сомнение и в истинности фамилии убийцы — Сергеев. Суду было зачитано показание Богословской, видевшей убийцу, по ее словам, шагах в 15 и заявившей, что представленный ей для опознания Петр Юргенс «имеет большое сходство с убийцей». А также заключение следователя Петроградской ЧК Отто, сделанное им в феврале 1919 г. в связи с прекращением расследования: «Злоумышленников, убивших Володарского, обнаружить не удалось, как не удалось установить пособников их, кроме одного Петра Юргенсона (Юргенса), наводившего справки о местопребывании и месте выезда Володарского и подговорившего шофера Гуго Юргенса согласиться на убийство товарища Володарского. Петр Юргенсон по постановлению комиссии расстрелян». Семенов заявил, что человека с такой фамилией он не знал и потому был расстрелян невин-

ный⁽²⁴⁾. Была ли использована фотография П. Юргенса для опознания — неизвестно.

Подобная недоработка следствия проявилась и в последующих расследованиях убийства Урицкого и покушения на Ленина. Отсутствие или незнание достоверных источников, некритическое отношение к брошюре Семенова, показаниям во время суда 1922 г. вызвали появление крайних точек зрения на выстрелы в большевистских лидеров летом 1918 г. Для К. В. Гусева убийство Володарского и Урицкого — дело рук эсеров, для Г. Нилова (А. Кравцова) — выстрелы той поры исходили из ближайшего окружения Ленина, дабы узурпировать власть, объединившись против врага⁽²⁵⁾. Анализ следственных дел о предполагаемых террористах дает основания для новых вопросов и версий.

В деле об убийстве Володарского осталось неясным, кто же в него стрелял: мифический Н. Сергеев, член партии эсеров, или «эсер по убеждению», которого никто, кроме Семенова и Коноплевой, не знал, да и они «вспомнили» о нем к судебному процессу 1922 г., или расстрелянный чекистами Петр Юргенс, подозреваемый в убийстве Володарского? Следственные дела не дают оснований утверждать, что эсерами были Канегиссер и Каплан. Более того, они убеждают, что Каплан не стреляла в Ленина... Осталось неясным, почему ни по одному из терактов не было суда, хотя Канегиссер и Каплан находились под чекистской стражей? Хронологически это выглядело так...

«30 августа 1918 года я ехал с собрания на Васильевском острове, — вспоминал лидер питерских большевиков Г. Е. Зиновьев. — У Дворцового моста смятение и тревога.

— В чем дело?

— Сию минуту был убит Урицкий.

Всего несколько недель назад, едучи с Обуховского завода, я таким же образом поехал к месту убийства Володарского, где застал его бездыханное, но еще теплое тело.

Из Смольного позвонили Владимиру Ильичу. С волнением он выслушал сообщение о гибели Урицкого.

— Я попрошу сегодня же товарища Дзержинского выехать к вам в Петроград.

Через несколько минут Владимир Ильич позвонил сам и настоятельно потребовал, чтобы были приняты особые меры охраны других наиболее заметных питерских работников»⁽²⁶⁾.

По версии Семенова, поведанной в 1922 г., эсеровские боевики, готовя убийство Зиновьева и Володарского, одновременно установили слежку за Урицким, которую осуществляла Коноплева. Но вскоре эта группа переехала в Москву готовить покушение на Ленина и Троцкого, а за Урицким слежку продолжил боевик Зейме. Этот рассказ во время процесса 1922 г. дополнила Коноплева. Она сообщила, что вела работу по подготовке покушения на Урицкого и «для этой цели мною снята комната на 9-й линии Васильевского острова, против дома, где жил Урицкий. Я бывала в его квартире, так как хозяйка ее была зубным врачом». В середине июля Коноплева дала телеграмму Семенову о готовности к операции, но была срочно вызвана в Москву. Урицкий был убит Канегиссером, который никакого отношения к эсеровским боевикам не имел. С последним выводом следствие не согласилось и посчитало Канегиссера эсером, так как он одно время был эсеровским комендантом района в Петрограде, а эсеровский ЦК дал санкцию на убийство⁽²⁷⁾.

Сам акт убийства описывается противоречиво⁽²⁸⁾. Несомненным по всем описаниям вырисовывается одно: Канегиссер застрелил Урицкого в вестибюле здания Комиссариата внутренних дел Петроградской коммуны. Убийца пытался бежать, но был схвачен и доставлен в машину на Гороховую, 2, в Чрезвычайную комиссию. Его допрашивали Ф. Э. Дзержинский и заместитель Урицкого на посту председателя Петроградской ЧК Н. К. Антипов (1894—1941).

На первом допросе выяснилось, что убийца — Канегиссер Леонид Акимович, 22 лет, сын инженера-металлурга, студент Политехнического института, бывший юнкер Михайловского военного училища, поэт. Антипов писал в «Петроградской правде» (4 января 1919 г.) об этом: «При допросе Леонид Канегиссер заявил, что он убил Урицкого не по постановлению партии или какой-либо организации, а по собственному побуждению, желая отомстить за арес-

ты офицеров и за расстрел своего друга Перельцвейга, с которым он был знаком около 10 лет. Из опроса арестованных и свидетелей по этому делу выяснилось, что расстрел Перельцвейга сильно подействовал на Леонида Канегиссера». Узнав о расстреле друга, «он уехал из дому на несколько дней — место его пребывания за эти дни установить не удалось». Антипов признавал, что ЧК не удалось и «точно установить путем прямых доказательств, что убийство тов. Урицкого было организовано контрреволюционной организацией».

Среди советских версий есть и такая: в августе 1918 г. по указанию Урицкого была расстреляна группа военных из Михайловского артиллерийского училища и как бы в ответ на это стрелял Канегиссер. Эсеры видели в убийстве Канегиссером Урицкого «месть истории» человеку, участвовавшему в разгоне Учредительного собрания⁽²⁹⁾.

В одном из наиболее интересных очерков об убийстве Урицкого, написанном писателем-эмигрантом М. А. Алдановым в начале 20-х годов, утверждается, что Канегиссер действовал в одиночку, что это был «исключительно одаренный от природы» человек, что политиком его сделал Брестский мир, а террористом — гибель друга. Урицкий был не самый худший из чекистов⁽³⁰⁾, более того, он знал о готовящемся на него покушении, но ничего не предпринял. Урицкий был избран Канегиссером в качестве жертвы и из желания еврея показать русскому народу, что среди евреев есть не только Урицкие и Зиновьевы⁽³¹⁾.

Урицкий был торжественно похоронен на Марсовом поле 1 сентября 1918 г., Канегиссер был расстрелян несколько месяцев спустя. Могила его неизвестна.

Политическое убийство — мерзость и преступление, признавал Алданов и тут же делал исключение для Канегиссера, восторгаясь его поступком и призывая поставить ему памятник.

В архиве бывшего КГБ СССР хранятся 11 томов дела об убийстве Урицкого. Они позволяют многое уточнить и дополнить. Это относится к биографии Канегиссера, мотивов его поступка и подробностей самого покушения⁽³²⁾. В след-

ственных делах — протоколы допросов Канегиссера. На одном из первых коменданту Петрограда В. Шатову Канегиссер заявил: «Я, бывший юнкер Михайловского артиллерийского училища, студент политехнического института, 4-го курса, принимал участие в революционном движении с 1915 г., примыкая к народным социалистическим группам. Февральская революция застигла меня в Петрограде, где я был студентом... С первых дней революции я поступил в милицию Литейного района, где пробыл одну неделю. В июне 1917 г. я поступил добровольцем в Михайловское артиллерийское училище, где пробыл до его расформирования. В это время я состоял исполняющим обязанности председателя союза юнкеров-социалистов Петроградского военного округа. Я примыкал в это время к партии, но отказываюсь сказать к какой, но активного участия в политической жизни не принимал».

Показания Канегиссера подтверждались и дополнялись документами: удостоверением № 1084 от 24 октября 1917 г. на право входа, как представителю юнкеров-социалистов, на заседания II съезда Советов; приказом Военно-революционного комитета Петрограда от 24 октября 1917 г. за подписью его председателя П. Е. Лазимира передать в распоряжение И. Г. Раскина и Л. А. Канегиссера юнкеров, задержанных по выходе из Зимнего дворца для препровождения в училище.

В следственных делах есть личная переписка Л. Канегиссера, рукописи его неопубликованных стихов⁽³³⁾. В них нет никаких намеков на мотивы убийства Урицкого, нет их и в показаниях многочисленных лиц (в одном томе их 57, в другом — 76), привлеченных следствием. Версии следователей, выдвинутые в самом начале, подтверждения не получили. Одна из них была высказана следователями Отто и Риксом, которые доставили Канегиссера в ЧК, затем произвели обыск на его квартире, устроили там засаду и конфисковали его личную переписку. Их заключение: убийство Урицкого — дело рук сионистов и бундовцев, отомстивших председателю ЧК за его интернационализм и даровитость, — не нашло подтверждения. Более того, Антипов был вынужден

отстранить их от работы в Петроградской ЧК за антисемитские настроения, а арестованную ими большую группу евреев освободить за непричастность к преступлению. Не была доказана принадлежность Канегиссера к эсеровской или какой-либо иной контрреволюционной организации.

Канегиссер говорил Шатову 30 августа 1918 г.: «Мысль об убийстве Урицкого возникла у меня только тогда, когда в печати появились сведения о массовых расстрелах, под которыми имелись подписи Урицкого и Иоселевича. Урицкого я знал в лицо. Узнав из газет о часах приема Урицкого, я решил убить его и выбрал для этого дела день его приема в Комиссариате внутренних дел, пятницу 30 августа. Утром 30 августа в 10 часов утра я отправился на Марсово поле, где взял напрокат велосипед и направился на нем на Дворцовую площадь к помещению Комиссариата внутренних дел. В зале за велосипед я оставил 500 рублей. Деньги эти я достал, продав кой-какие вещи. К Комиссариату внутренних дел я подъехал в 10. 30 утра. Оставив велосипед снаружи, я вошел в подъезд и, присев на стул, стал дожидаться приезда Урицкого. Около 11 часов утра подъехал на автомобиле Урицкий. Пропустив его мимо себя, я поднялся со стула и произвел в него один выстрел, целясь в голову из револьвера системы «кольт». Урицкий упал, а я выскочил на улицу, сел на велосипед и бросился через площадь... на Миллионную улицу, где вбежал во двор дома № 17 и по черному ходу бросился в первую попавшуюся дверь. Ворвавшись в комнату, я схватил с вешалки пальто и, переодевшись в него, выбежал на лестницу и стал отстреливаться от пытавшихся взять меня преследователей. В это время по лифту была подана шинель, которую я взял и, надев шинель поверх пальто, начал спускаться вниз, надеясь в шинели незаметно проскочить на улицу и скрыться. В коридоре у выхода я был схвачен, револьвер у меня отняли, после чего усадили в автомобиль и доставили на Гороховую, 2».

Канегиссер заверил подписью правильность протокольной записи и добавил: «1) Что касается происхождения залога за велосипед, то предлагаю считать мое показание о нем уклончивым; 2) где и каким образом я приобрел револь-

вер, показать отказываюсь; 3) к какой партии я принадлежу, я называть отказываюсь».

Вот эти недоговоренности характерны для всех признаний Канегиссера на допросах. И дальше, в других показаниях одно подтверждалось, другое — оставалось и осталось неизвестным.

Мать Канегиссера, Роза Львовна, на допросе 30 августа заявила, что последние две недели Леонид не ночевал дома, ей казалось, что он занимался какой-то опасной работой, и она хотела отправить его в Киев. Она же сообщила, что Канегиссер до дня покушения был в ЧК, получив от Урицкого пропуск. Он просил председателя ЧК не расстреливать его друга В. Перельцвейга, арестованного в качестве заложника. Отец, Иоаким Самойлович, подтвердил сказанное, подчеркнув, что «Леонида сильнейшим образом потрясло опубликование списка 21 расстрелянного, в числе коих был его близкий приятель Перельцвейг, а также то, что постановление о расстрелах подписано евреями Урицким и Иоселевичем».

В следственных делах сохранилось извинительное письмо Канегиссера князю П. Л. Меликову, в квартиру которого он случайно ворвался и взял с вешалки пальто. Канегиссер просил простить его и понять, что «в эту минуту я действовал под влиянием скверного чувства самосохранения».

В своих извинениях князю Канегиссер был искренен, во время допросов — стремился не отвечать на прямо поставленные вопросы.

31 августа его допрашивал Дзержинский, протокол вел Антипов. Вот ответ Канегиссера: «На вопрос о принадлежности к партии заявляю, что ответить прямо на вопрос из принципиальных соображений отказываюсь. Убийство Урицкого совершил не по постановлению партии, к которой я принадлежу, а по личному побуждению. После Октябрьского переворота я был все время без работы, и средства на существование получал от отца. Дать более точные показания отказываюсь».

Канегиссер готовил побег из здания ЧК, его записка сестре была перехвачена, и он перевезен в Кронштадт. Побег не удался. Его еще долго возили на допросы. Следствие

никак не могло смириться с тем, что человек мог убить другого по личному побуждению, тем более, если этот другой — председатель ЧК. Они были настроены на борьбу с контрреволюционными организациями и готовы были в подобных акциях видеть лишь политические убийства, а не месть по личным мотивам. Потому долго расследовалась связь Канегиссера с его двоюродным братом Максимилианом Филоненко, эсером-боевиком. Выяснилось, что отношения у них были плохими и они не виделись годами. Нашли лишь список петроградских юнкеров-социалистов, где под № 17 значился Канегиссер. Его нежелание назвать партию, в которой он состоял, объясняется боязнью Канегиссера возбуждения репрессий против ее членов, хотя он действовал без всяких разрешений на проведение акции против Урицкого. Но известный историк С. Мельгунов вспоминал, что первый раз был арестован 1 сентября 1918 г. из-за того, что Канегиссер назвал себя народным социалистом, и тут же начались преследования всех, кто так себя называл⁽³⁴⁾.

24 декабря 1918 г. Антипов закрыл дело об убийстве Урицкого. Канегиссера тогда же расстреляли одного⁽³⁵⁾. Установить его принадлежность к какой-либо «контрреволюционной организации» не удалось. Все эти месяцы допросов он говорил о сведении личных счетов, мести за друга, стремлении показать, что евреи бывают разные и т. д. Такое объяснение не могло удовлетворить тогдашних следователей, за исключением Антипова, который решил более к нему не возвращаться, а часть бумаг, связанных с этим делом, — сжечь, как ненужную макулатуру. Следователь Отто, в мае 1919 г. вернувшийся на работу в Петроградскую ЧК, написал жалобу на Антипова по этому поводу и сообщил, что ему удалось сохранить некоторые документы и переправить их ВЧК. В августе 1920 г. в обращении в ВЧК он потребовал возобновить следствие по делу об убийстве Урицкого, поскольку, по его мнению, его нельзя считать законченным. Отто возмущался тем, что даже во время массового террора родственники Канегиссера не пострадали, а его отец работал в Петроградском совнархозе. Продолжения в то время эта жалоба не имела.

Дело об убийстве Урицкого затем возникало не раз, но нового ничего в существо разбирательства не вносило, и сейчас вряд ли возможно ответить на вопросы, на которые отказался что-либо сообщить Канегиссер... Для поэта это было первое и последнее свершенное убийство человека, ставшего для него символом бездушия и несправедливости. Он к нему ходил, просил за невинного друга, взятого в заложники за преступление, которое он не совершал и о котором не имел ни малейшего представления. И все-таки его друг был расстрелян. Что мог этому жестокому акту противопоставить уязвленный и обиженный в своих лучших чувствах поэт и свободный гражданин? Он выбрал не лучший способ протеста. Но, видимо, состояние аффекта не находило иного выхода. Может быть, Канегиссер видел в своем выстреле и протест против жуткой действительности, выражение национальной гордости и желание защитить достоинство своего народа, в котором были не только большевики и чекисты?

Реакция властей на убийство Володарского и Урицкого (его убийство было тесно связано с покушением на Ленина) была различной. В первом случае было письмо Ленина 26 июня Зиновьеву, Лашевичу и другим петроградским работникам, в котором выражалось негодование по поводу того, что в ответ на убийство Володарского рабочие хотели ответить массовым террором, а он не был допущен, прежде всего, благодаря противодействию Урицкого экстремизму⁽³⁶⁾.

Во-втором, стали расстреливаться заложники, «начался страшнейший террор. Всякий, кто был в те страшные дни в Петрограде, — вспоминал очевидец, — знает, какая дикая разнузданность, какое своеволие тогда царили в столице. Никто, за исключением коммунистов и ответственных служащих, не чувствовал себя в безопасности. Вооруженные красноармейцы и матросы врываются в дома и арестовывали лиц по собственному усмотрению. Не было и речи о том, что арестованные имели хотя бы отдаленное отношение к убийству или самому убийце... Арестованных отправляли без всякого предварительного допроса в тюрьму, хотя вся

вина состояла в том, что они были «буржуями» или интеллигентами. Волна красного террора, как известно, раскатилась затем по всей России»⁽³⁷⁾.

Среди арестованных заложников были бывшие полицейские и жандармы, царские чиновники, офицеры. Судя по сохранившимся ходатайствам жен, родственников и сослуживцев, арестованные заложники ко времени их заключения под стражу ни в каких политических организациях не состояли⁽³⁸⁾.

Я. М. Свердлов 2 сентября 1918 г., выступая на заседании ВЦИК, отметил гибель Урицкого как крупную потерю и особо указал на ранение Ленина, которого «заменить мы не можем никем». Еще более образно высказался на этом заседании Л. Д. Троцкий: «Никогда собственная жизнь каждого из нас не казалась нам такой второстепенной и третьестепенной вещью, как в тот момент, когда жизнь самого большого человека нашего времени подвергается смертельной опасности. Каждый дурак может прострелить череп Ленина, но воссоздать этот череп — это трудная задача даже для самой природы»⁽³⁹⁾. Ясно одно — убийство Урицкого и покушение на Ленина стало последней ступенью перехода к практическому воплощению проведения массового красного террора.

Незавершенность следствия, отсутствие открытого слушания дела в суде породили множество версий. В советской историографии долгие годы существовала канонизированная версия — большевистских вождей убивали эсеры. Версия следователя, что, возможно, Володарского убил один из шоферов (незаправленная машина, в которой он ехал, оставалась в нужном месте), осталась недоказанной, подозреваемого быстро расстреляли, не выяснив, стрелял ли он, а если стрелял, то с какой целью? Предложенная другом Канегиссера писателем Алдановым версия о том, что он стрелял в Урицкого из личных побуждений, подтверждается материалами следственного дела. На многие вопросы, поставленные Алдановым: с какой целью Канегиссера принимал Урицкий и разговаривал с ним по телефону, ведь он не всех принимал? почему Урицкий, по утверждению Алданова

знавший, что на него готовится покушение и готовит его Канегиссер, ничего не предпринял для своей защиты, не арестовал поэта? как мог Канегиссер, по мнению его друга Алданова совершенно не умеющий стрелять, с шести-семи шагов попасть в быстро идущего человека? — трудно дать исчерпывающий ответ. И, наконец, появилась версия Г. Нилова о том, что организовать синхронность выстрелов в Урицкого и Ленина 30 августа 1918 г. было под силу лишь ВЧК, выполнявшей указания борющихся между собой за власть большевистских лидеров. Он же отметил возможность того, что Канегиссер, как и Каплан, были подставными лицами, т. е. стреляли не они, а Ленину тогда «было выгодней закрыть глаза на обстоятельства собственного ранения, чем допустить раскрытие всей механики политической преступности». Нилов отмечал, что чистка архивов ВЧК навсегда унесла с собой тайну выстрелов лета 1918 г.⁽⁴⁰⁾

На все эти вопросы можно ответить лишь предположительно, поскольку, действительно, многие документы не найдены, не сохранились, были уничтожены. В следственном деле есть указания Канегиссера о его разговорах с Урицким по поводу освобождения его гимназического друга, ставшего заложником. Урицкий принял Канегиссера, зная его как поэта, а семью и дом — как место, где собиралась культурная элита. Слова Антипова о том, что Урицкий из донесений разведки знал, что Канегиссер готовит на него покушение, следственным делом не подтверждаются. Они вызывают сомнение и более похожи на обычный чекистский блеф: ЧК все знает (даже если не знает), ее предупреждений не послушались, и вот трагический результат. Этот имидж поддерживался ее работниками все годы. Если в следственных делах о выстрелах в Володарского и Ленина присутствуют имена других подозреваемых, нежели хрестоматийные, то в деле об убийстве Урицкого назван лишь один террорист — Леонид Канегиссер⁽⁴¹⁾.

В последние годы сомнению подвергается еще один миф советской истории: под натиском фактов стала разрушаться версия о том, что в Ленина стреляла Фанни (Дора) Каплан⁽⁴²⁾. Хотя намного важнее выяснить не кто стрелял в

вождя, а с какой целью, по чьему поручению? Что это было: действия фанатика или наемного, заказного убийцы?

Первое воззвание ВЦИК в связи с покушением на Ленина было подписано Свердловым и датировано 30 августа 1918 г., т. е. сразу же после выстрелов в вождя. В нем говорилось: «Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на тов. Ленина... По выходе с митинга тов. Ленин был ранен. Задержано несколько человек. Их личности выясняются. Мы не сомневаемся в том, что и здесь будут найдены следы правых эсеров, следы наймитов англичан и французов»⁽⁴³⁾. Так были определены заказчики преступления: англичане и французы, правые эсеры. Для большевиков использовать случившееся в политических целях было необычайно важно. Гнев «народа» следовало направить на врагов, которым было выгодно убрать вождя, остановить «сердце революции».

Руководство ВЧК исходило из современной им политической обстановки. Чекисты полагали, что в связи с «заговором послов» и арестом Р. Локкарта организатором покушения могла выступить британская разведка. С целью выявления знакомства Петерс привел Каплан в камеру на Лубянке к арестованному британскому посланнику. Локкарт позже вспоминал: «В шесть утра в комнату ввели женщину. Она была одета в черное платье. Черные волосы, неподвижно устремленные глаза, обведенные черными кругами. Бесцветное лицо с ярко выраженными еврейскими чертами было непривлекательным. Ей могло быть от 20 до 35 лет. Мы догадались, что это была Каплан. Несомненно, большевики надеялись, что она подаст нам какой-либо знак. Спокойствие ее было неестественно. Она подошла к окну и стала смотреть в него, облокотясь подбородком на руку. И так она оставалась без движения, не говоря ни слова, видимо покоровшись судьбе, пока за ней не пришли часовые и не увели ее. Ее расстреляли прежде, чем она узнала об успехе или неудаче своей попытки изменить ход истории»⁽⁴⁴⁾. Каплан не признала Локкарта своим сообщником. Тогда стала активно разрабатываться версия о том, что покушение организовали правые эсеры.

Политическая конъюнктура в конце лета 1918 г. сложилась так, что левые эсеры к этому времени были разгромлены, их лидеры арестованы. Истеричная и больная Каплан заявляла многим о своем желании убить Ленина и приверженности идее Учредительного собрания. Может быть, поэтому один из арестованных вместе с ней, бывший левый эсер Александр Протопопов был, вероятно, расстрелян сразу же после ареста⁽⁴⁵⁾.

В конце лета 1918 г. наиболее опасным для большевиков был Восточный фронт республики, где военная удача сопутствовала народной армии созданного 8 июня 1918 г. в Самаре Комитета членов Учредительного собрания и поддерживавшему ее чехословацкому корпусу. К началу сентября бои шли в районе Казани, где красными руководил лично наркомвоен Л. Д. Троцкий. Потому во время допроса Петерс упорно пытался выяснить у Каплан, по чьему наущению она выполнила этот акт, кто стоял за ее спиной, кто ее сообщники, с какой парторганизацией она связана и т. д. И он, и другие следователи пытались своими вопросами предопределить ее ответы. Они не хотели верить в то, что Каплан — террористка-одиночка, они искали организацию и сообщников⁽⁴⁶⁾. Сообщения, помещаемые от имени ВЧК в газетах, были больше направлены на разжигание страстей и ненависти к врагам, дабы оправдать готовящееся постановление о красном терроре, чем поиск истины.

1 сентября 1918 г. Петерс от имени ВЧК опубликовал в «Известиях ВЦИК» сообщение: «Из предварительного следствия выяснено, что арестованная, которая стреляла в товарища Ленина, состоит членом партии социалистов-революционеров черновской группы... Она упорно отказывается давать сведения о своих соучастниках и скрывает, откуда получила найденные у нее деньги... Из показаний свидетелей видно, что в покушении участвовала целая группа лиц, так как в момент, когда тов. Ленин подходил к автомобилю, он был задержан под видом разговоров несколькими лицами...» Особо подчеркивалось, что в распоряжении ВЧК имеются данные, указывающие на связь покушавшейся с организацией, подготовившей покушение, и в этом направлении

продолжается энергичное расследование, что «определенно устанавливается связь ее с самарской организацией».

Петерс сразу же попытался придать происшедшему большое политическое звучание, указав на «организацию» и самарский Комуч как главных виновников преступления. Однако от этих выводов пришлось тогда же отступить. «Известия ВЦИК» 3 сентября 1918 г. сообщали: «Каплан проявляет признаки истерии. В своей принадлежности партии эсеров она созналась, но заявляет, что перед покушением будто вышла из состава партии». Но в протоколах допросов Каплан такого признания нет. В них тому же Петерсу она заявила о сочувствии Учредительному собранию, Чернову, но ничего о своем членстве в эсеровской партии. Не удалось тогда ВЧК установить и связь Каплан с какой-либо организацией; расстреляна была она одна, остальных арестованных по этому делу (ее сокаторжанок, женщин, беседовавших с Лениным во время выстрелов, и др.) освободили за отсутствием состава преступления. Неизвестно, на каком основании появилось утверждение Петерса о деньгах, найденных у Каплан. В следственном деле о Каплан нет официально оформленного протокола произведенного у нее обыска. Но в записке З. Легонькой, произведшей личный допрос арестованной и ее вещей, деньги не упоминаются. Вряд ли можно предполагать, что Петерс писал сообщение в газету и не знал о результатах обыска. Тогда остается лишь думать, что жесткий текст газетного извещения нужен был для нагнетания политического психоза против правых эсеров, воевавших тогда во имя Учредительного собрания с большевиками.

Следствие не доказало принадлежность Каплан к эсеровской партии, хотя это чекистское утверждение вошло во многие издания⁽⁴⁷⁾. На допросах Каплан называла себя социалисткой, но к «какой социалистической группе принадлежу, сейчас не считаю нужным сказать» (Скрыпнику); «Я стреляла в Ленина, потому что считаю, что он предатель, и считаю, чем дольше он живет, он удаляет идею социализма на десятки лет. Я совершила покушение лично от себя» (Дьяконову)⁽⁴⁸⁾.

ЦК партии правых эсеров заявил о своей непричастности к покушению, ЦК партии левых эсеров 31 августа 1918 г. призвал в ответ на выстрелы в Ленина перейти к террору против «цитадели отечественного и международного капитала», а лидер левых эсеров, М. Спиридонова, хорошо знавшая Каплан по каторге, в письме, написанном в ЦК партии большевиков, упрекала Ленина за расстрел сокаторжанки⁽⁴⁹⁾.

Версия Петерса об эсеровской принадлежности Каплан, выдвинутая из конъюнктурно-политических соображений в начале сентября 1918 г., получила подтверждение на судебном процессе 1922 г. над лидерами партии правых эсеров. Дело Каплан было в основе обвинений партии правых эсеров в террористической деятельности. На следственном деле № 2162 надпись: «Составлено к процессу над ЦК партии правых эсеров в 1922 году и является приложением к т. 4 этого суда». Действительно, 18 мая 1922 г. заведующая следственным производством по делу правых эсеров Е. Ф. Розмирович, рассмотрев присланное из ГПУ дело по обвинению Каплан, принимая во внимание, что Каплан была правой эсеркой, постановила: «Считать дело Каплан вещественным доказательством при деле правых эсеров».

Однако участники процесса не были столь категоричны, и те правые эсеры, которые к тому времени еще не работали с ВЧК, всячески оспаривали утверждение о членстве Каплан в партии правых эсеров.

Рассмотрим показания на процессе 1922 г. только в той части, где они касаются Каплан и покушения на Ленина 30 августа 1918 г. Заметим лишь, что о возможности покушения на жизнь Ленина и Троцкий говорили не раз⁽⁵⁰⁾. Семенов в брошюре, изданной накануне процесса, рассказал о том, как эсеры в Москве готовили покушение на Ленина и Троцкого. «Особое значение, — писал Семенов, — я придавал в тот момент убийству Троцкого, считая, что это убийство, оставив большевистскую армию без руководителя, значительно подорвет военные силы большевиков... Покушение на Ленина я расценивал как крупный политический акт...» Он указал на свое знакомство в Москве с Каплан, которая после революции вошла в партию эсеров (хотя это в

1918 г. не удалось доказать Петерсу). Каплан произвела на Семенова сильное, яркое впечатление революционерки-террористки. Он даже предложил ей войти в свою группу и получил согласие. И тут же сообщал: «Представление о терроре у них (видимо, у членов группы. — А. Л.) было совершенно дикое. Они примерно считали возможным отравить Ленина и Троцкого, вложив что-нибудь в соответствующее кушанье, или подослать к ним врача, который привьет им опасную болезнь. Предполагалось, что исполнителем будет Фаня»⁽⁵¹⁾. По Семенову, покушение на Ленина готовили эсеры. Каплан встречалась с Д. Д. Донским, членом ЦК эсеровской партии, — следовательно, преступление санкционировалось ЦК (это было важно для судебного процесса 1922 г.). Более того, Д. Д. Донской и Е. М. Тимофеев, тоже члены ЦК партии с.-р., встречались с представителями французской военной миссии на квартире, где жила Каплан, т. е. в покушении были задействованы и интервенты...

Коноплева вспоминала, как она вместе с Каплан готовила покушение на Троцкого и осматривала дорогу, по которой тот ездил на дачу, и что выстрелы Каплан были санкционированы от имени ЦК партии эсеров А. Р. Гоцем и Д. Д. Донским⁽⁵²⁾.

В газетном варианте стенограммы и в сохранившихся многотомных следственных делах процесса Евгения Ратнер и Евгений Тимофеев, хорошо знавшие состав московской правозесеровской организации, категорически отрицали членство Каплан в эсеровской партии и свое знакомство с ней.

Показания подсудимых эсеров противоречивы во всем, что касается Каплан, и к ним нельзя относиться с доверием, трудно предпочесть те или иные характеристики. Член боевой московской организации с.-р. И. С. Дашевский говорил о Каплан: «Она производила впечатление глубокой и чрезвычайно упорной натуры. Переубедить ее в чем-либо, что она для себя решила, было трудно». Д. Д. Донской о ней же: «Довольно привлекательная женщина, но, без сомнения, сумасшедшая и в дополнение к этому с различными недугами: глухота, полуслепота, а в состоянии экзальтации — полный идиотизм»⁽⁵³⁾.

Обвинение лидерам партии правых эсеров в покушении на Ленина суд начал рассматривать 19 июля 1922 г., когда председательствующий Пятаков предоставил слово Семенову для изложения своей опубликованной версии. Многие выступавшие подвергли сомнению его главное утверждение — покушение совершено по указанию и с разрешения ЦК партии правых эсеров. М. Я. Гендельман, депутат Учредительного собрания и член ЦК ПСР, первым выразил сомнение в том, что К. А. Усов, боевик и приятель Семенова, отказался стрелять в Ленина без санкции ПСР и поручил это сделать Каплан. «В моей морали такое не укладывается». Он и Семенов сказали, что о намерении Каплан стрелять в Ленина знали Гоц и Донской. Гоц этого не подтвердил: «Никогда в беседе с Семеновым я не говорил ему о Фани Каплан как об истеричке. Я никогда Фани Каплан не знал, лично с ней не встречался, и поэтому я не мог ее так квалифицировать. Я никак не мог связать ее с именем Семенова, потому что не знал, какие могли существовать отношения и взаимоотношения между ним и Каплан. Поэтому, прочтя эту фамилию, я решил, что дело Фани Каплан — ее индивидуальное дело, которое она замыслила и выполнила». Далее Гоц выразил сомнение в том, стреляла ли в Ленина Каплан. Ведь при встрече с ним Семенов говорил, «что он тут ни при чем, что это дело одного из дружинников, который на свой страх и риск это делал, что Семенов никогда не говорил ему о своем знакомстве с Каплан. Подробности я узнал из брошюры, которую следователь Агранов мне предъявил и на которой есть клеймо — сфабриковано в Германии... Донской и Морозов говорили мне, что Каплан не имела никакого отношения к партии с.-р.», — подчеркивал Гоц. Из его показаний ясно, что Семенов знал, кто на самом деле стрелял в Ленина 30 августа 1918 г., но он в показаниях и брошюре назвал фамилию не «дружинника», а Каплан, тем более что ее не было к тому времени в живых.

Семенов, возражая Гоцу, заявил: «Здесь гражданин Гоц говорил, что мои показания — миф. Я считаю нужным заявить, что все показания гражданина Гоца и иже с ним — сознательная ложь...» И повторил написанное в брошюре

утверждение, что покушение на Володарского было организовано с ведома Гоца. О Каплан и «дружиннике» не сказал ничего.

Донской удостоверял встречу с Каплан и Семеновым между 24—26 августа 1918 г. на одном из московских бульваров, заметив, что это была их единственная встреча. Он подтвердил, что Каплан говорила ему о своих террористических замыслах. Донской ответил: «Подумайте хорошенько». Донской настаивал на том, что поступок Каплан носил индивидуальный характер, что он предупредил ее, что если она займется террором, то будет вне партии. В октябре 1922 г. Донскому устроили очную ставку с Фаней Ставской. Последняя заявила, что знала Каплан по работе в Симферополе, что встречалась с Донским в Москве и тот сообщил ей о готовящемся покушении, которое не было предотвращено. Донской с мрачным юмором заметил, что действительно разговаривал со Ставской и «тогда еще имел основания ей верить как подруге Каплан» и что он в присутствии Семенова пытался отговорить Каплан, но не смог этого сделать.

Донской заметил, что после покушения, о котором он узнал на следующий день из газет, начался разгром в партийной среде на легальных и полуполигальных квартирах, что именно он написал обращение о том, что партия правых эсеров не имела отношения к покушению. После этого Донской сказал, что Каплан стреляла как частное лицо, и сделал выговор Семенову за то, что тот дал ей револьвер⁽⁵⁴⁾.

Эти показания Донского не были приняты во внимание, и в обвинительном заключении утверждалось, что именно он дал Семенову санкцию на производство террористических актов против Ленина, Троцкого, Володарского, Зиновьева и Урицкого⁽⁵⁵⁾.

Обвинение на процессе поверило не Донскому и Гоцу, а Семенову, Коноплеву, Дашевскому и другим, показания которых оправдывали сам судебный процесс. В обвинительном заключении не ставилось под сомнение, что покушение на Ленина произвела Каплан, и более того, «Каплан имела санкцию от имени Бюро ЦК на производство террористических актов против деятелей советской власти»⁽⁵⁶⁾. Тогда, в

1922 г., судебным разбирательством и решением было подтверждено то, что не успели, не смогли или не захотели сделать чекисты в начале сентября 1918 года.

Однако стенограмма правозэсеровского процесса 1922 г. и представленное чекистами следственное дело о покушении на Ленина оставили открытым вопрос о том, была ли Каплан членом партии эсеров, более того, стреляла ли она?

В показаниях главных обвинителей Семенова и Коноплевой, бывших эсеров, с октября 1918 г. сотрудничавших с ВЧК и ставших в 1921 г. большевиками, много лжи и фальши. Это они придумали миф об отравленных пулях, террористической группе под руководством Каплан, это они на правозэсеровском процессе не могли ответить на прямо поставленные вопросы, и не потому, что не знали на них ответа, а потому, что этот ответ не вписывался в заранее подготовленный сценарий. Так, Семенов ничего по существу не мог ответить Гоцу, утверждавшему, что Каплан не причастна к выстрелам в Ленина и напомнившему Семенову его же сообщение о том, что это сделал «дружинник». Кто был этот дружинник? Расстрелянный 30 августа 1918 г. Протопопов или фигурировавший в книге Семенова и на процессе Василий Алексеевич Новиков (1883—1937), который позже станет еще одним автором легенды о встрече с Каплан в 1932 г. в свердловской тюрьме⁽⁵⁷⁾?

Ведь на процессе желание некоторых бывших эсеров все «свалить» на Каплан было столь тенденциозным, что доходило до курьезов. Когда Евгения Ратнер попросила Дашевского, уверявшего о знакомстве с Каплан, описать ее внешность, тот затруднился это сделать, хотя до этого утверждал, что именно он познакомил Семенова с Каплан.

Обвинительное заключение Верховного революционного трибунала ВЦИК РСФСР летом 1922 г. с утверждением о том, что Каплан была членом партии правых эсеров и стреляла в Ленина именно она, было основано на свидетельских показаниях, подтверждавших этот вывод⁽⁵⁸⁾. Вещественных доказательств не было. Свидетельские показания, утверждавшие обратное или выражавшие сомнение, не были приняты во внимание.

В качестве документального доказательства фигурировало следственное дело Каплан. Это дело под № 2162 хранится в архиве бывшего КГБ на Лубянке в Москве. В нем всего 124 листа, фотографии Каплан, здания завода Михельсона, где происходил митинг 30 августа 1918 г., отметка, что автомобиль Ленина находился от здания на расстоянии 9 саженей, мандат А. Я. Беленького, кому было поручено забрать «арестованных, стрелявших в тов. Ленина, из Замоскворецкого комиссариата». В деле — протоколы допросов Каплан, знавших ее людей, свидетельские показания. Вел следствие по поручению Свердлова член ВЦИК В. Э. Кингисепп⁽⁵⁹⁾. Свидетельские показания датированы с 30 августа по 5 сентября, основные свидетели С. К. Гиль, шофер машины Ленина, и С. Н. Батулин, помощник военного комиссара 5-й Московской советской пехотной дивизии, давали показания дважды. Все свидетели утверждали, что стреляла женщина, зная, что Каплан арестована и призналась, но ни один не мог подтвердить, что стреляла именно Каплан⁽⁶⁰⁾.

Среди исследователей явственно выделились те, кто традиционно уверял, что в Ленина стреляла эсерка Каплан, и те, кто полагал, что Каплан не была эсеркой и не стреляла в Ленина. Анализ следственного дела Каплан и стенограммы обсуждения этого вопроса во время судебного процесса над лидерами правых эсеров в 1922 г. позволяют признать близкой к истине вторую версию. Каплан же была «подставлена» организаторами покушения, знавшими ее многие высказывания о готовности убить вождя, предлагавшей себя в качестве исполнителя. Ее знали как больную женщину, истеричку, полуслепую, но верную традициям политкаторжан брать вину на себя. С этой точки зрения ее кандидатура удовлетворяла организаторов покушения: никого не выдаст, тем более никого не знает, но «примет удар на себя». Все знали лишь те, кто все организовывал, кто не дал завершить следствие, а позже из следственного дела выдрал часть страниц (последний раз дело прошнуровывалось в 1963 г.).

Ведь ныне известно, что Ленин и Свердлов в случае с царской семьей сделали все, чтобы не допустить открытого

суда и возможности сохранить жизнь хотя бы детям Романовых. В сообщениях ВЧК той поры говорилось как минимум о шести-семи подозреваемых в покушении на Ленина, но широко известно лишь о расстреле Каплан⁽⁶¹⁾. С. Ляндрес высказал предположение, что Каплан была послана заговорщиками на заводской двор как инвалид и без оружия для прикрытия действительного террориста⁽⁶²⁾.

По существующей официальной версии главными действующими лицами, организаторами покушения на Ленина были руководители правозсеровской боевой группы Семенов, Коноплева и исполнительница Каплан. Эта версия в 1990-е годы подверглась сомнению со стороны историков и публицистов. 19 июня 1992 г. Генеральная прокуратура России, учитывая общественный интерес к делу о покушении на Ленина 30 августа 1918 г., по заявлению ульяновского писателя А. Авдонины начала проверку обоснованности расстрела Каплан. Рассмотрев материалы уголовного дела по обвинению Ф. Е. Каплан, прокуратура установила, что следствие в 1918 г. было проведено поверхностно, и вынесла постановление «возбудить производство по вновь открывшимся обстоятельствам». Новых обстоятельств не было, было недоумение многих, увидевших, сколь бездоказательно была уничтожена бывшая политкаторжанка. Что во время того трехдневного следствия не было проведено никаких экспертиз, в том числе и на предмет психического здоровья Каплан. Следствие ставило задачей установить: стреляла ли Каплан, каковы мотивы и судьба стрелявшей. Повторное следственное дело о вине Каплан в покушении на Ленина, начатое в 1992 г., было завершено спустя четыре года — в 1996 г. Следователь ФСБ РФ В. А. Шкарин, ведший это дело, в интервью корреспонденту «Московского комсомольца» Е. Лебедевой (7 октября 1998 г.) сообщил некоторые подробности. Он подтвердил заключение экспертов о том, что стреляли действительно из подброшенного после покушения «браунинга», что выстрелов было четыре, что обойма «браунинга» состояла из семи патронов, но восьмой патрон был в патроннике, что стрелял один человек. За-

метим лишь, что нет данных о том, что Каплан когда-либо пользовалась оружием, и явно «браунинг» с полной обоймой и патроном в патроннике готовила к бою не она.

Ответ на вопрос, кто стрелял, выйдет в интервью следователя не столь убедительно. Свидетельства очевидцев, на которые он ссылается, мало что дают в этом отношении. Шофер Ленина С. К. Гиль заявил в показании, написанном 30 августа 1918 года, что после первого выстрела заметил женскую руку с браунингом, но была ли это рука Каплан? Батулин, задержавший Каплан, сообщил 5 сентября 1918 г., что «человека, стрелявшего в тов. Ленина, я не видел». Поэтому, когда следователь Шкарин утверждает, что свидетели покушения, видевшие стрелявшую женщину в черной одежде, узнали ее в представленной им на следствии Фани Каплан», он явно лукавит. Ее видели только после задержания, но стрелявшего или стрелявшую не видел никто из тогда давших показания. Столь же неубедительно звучит и его заявление о том, что Ленин, наверное, был единственным человеком, который не мог видеть покушавшегося и поэтому его вопрос об убийце-мужчине был скорее стереотипен. Почему? Ведь Ленин энергично двигался и, по мнению доктора Б. С. Вейсборда поворот головы «спас его от смерти». Следователь заявил, что покушение совершила Каплан, так как «в ходе изучения дела и всех архивных фондов не установлено ни одного человека, на которого могло пасть подозрение». Подобный вывод может лишь удивить, поскольку он ничего не доказывает. Более того, с самого начала подозреваемых было несколько, в том числе и неизвестный «другинник», на которого указывал, но не назвал Г. И. Семенов.

Видимо, корреспондента газеты также не убедили доводы следователя, и она обратилась за разъяснениями к начальнику отдела реабилитации жертв политических репрессий Г. Ф. Весновской, которая сообщила, что в соответствии с российскими законами человек может быть признан виновным только по решению суда. В сентябре 1998 г. редакция «Московского комсомольца» обратилась с заявлением в Генеральную прокуратуру с просьбой дать оценку мате-

риалам уголовного дела в отношении Каплан с учетом закона о реабилитации жертв политических репрессий. Чем завершилась работа по этому заявлению и будет ли суд, — мне неизвестно. Известно другое. Опубликованные газетные материалы о ходе расследования дела Каплан, с моей точки зрения, не дали убедительных доказательств ее вины в покушении на Ленина 30 августа 1918 г. Тогда же «Московский комсомолец» предложил версию захоронения останков Каплан не в Александровском, а в Тайнинском саду.

Среди тех, кто мог, кроме Каплан, стрелять в вождя, ныне называют Л. Коноплеву, З. Легонькую, А. Протопопова, В. Новикова. Согласно брошюре Г. Семенова именно Л. В. Коноплева, член эсеровской боевой группы, предложила в 1918 году «произвести покушение на Ленина» и одно время «мыслила себя» «исполнительницей». Но данных, подтверждающих это, нет. Есть другие — о ее вступлении в РКП(б) в 1921 г., разоблачении своих бывших коллег по партии в 1922 г., работе в 4-м управлении штаба РККА. В 1937 г. ее арестовали и расстреляли, а в 1960 г. реабилитировали. Она признавалась публично в организации покушения на Ленина, но как исполнительница не обвинялась.

З. И. Легонья (1896—?), водитель трамвая, большевичка, участвовала в обыске Каплан, видимо, рассказывала об этом. В сентябре 1919 г. по доносу была арестована как «принимавшая участие в покушении на Ленина». Она быстро представила алиби о том, что в день покушения находилась на занятиях в инструкторской коммунистической школе красных командиров. Узнав о покушении на Ленина, побежала вместе с другими курсантами в военкомат Замоскворецкого района, где Дьяконов предложил ей участвовать в обыске Каплан.

Следы А. Протопопова после 6 июля 1918 г. теряются. Ясно, что в августе 1918 г. он не был «высокопоставленным сотрудником ЧК», а скорее всего был арестован или находился «в бегах». Его имя возникло в связи с тем, что, согласно официальному сообщению, 30 августа 1918 г. было «задержано несколько лиц». Одним из них был Протопопов. В. А. Новиков в брошюре Семенова называется эсером, по-

могавшим Каплан осуществить покушение. Во время пристрастного допроса в НКВД в декабре 1937 г. Новиков признался лишь в одном: он показал Каплан Ленина, а сам во двор завода не заходил и ждал «результатов» на улице.

С. В. Журавлев, автор биографического очерка о Г. И. Семенове, пишет, что 7 октября 1937 г. на закрытом заседании военной коллегии Верховного суда СССР, рассматривавшем дело, Семенов сказал правду, назвав себя организатором покушения на Ленина, «перед смертью» он признался. Поэтому, заключает Журавлев, «можно считать окончательно установленным, что убийство Володарского и покушение на Ленина в 1918 году имели место и были подготовлены именно группой эсеров-боевиков во главе с Семеновым». Думаю, что это не окончательный вывод. Семенов писал об этом в брошюре, говорил публично на процессе 1922 года. Он повторил это и в 1937 году, возможно, рассчитывая на то, что поскольку это признание сохранило ему жизнь в 1922 г., то, наверное, сохранит и сейчас. Ведь признался он в этом до вынесения приговора о расстреле.

Более осторожны в своих заключениях С. А. Красильников и К. Н. Морозов, когда говорят не о боевом отряде эсеров Семенова в 1918 г., а о группе рабочих из петроградских дружин и нескольких революционерах-интеллигентах, которые занимались подготовкой террористических актов и проведением экспроприаций. Они убеждены, что текст брошюры Семенова был инспирирован властями для успешного завершения процесса, и отметили множество фальсифицированных данных. В комментариях составители сборника документов «Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь—август, 1922 год)» попытались ответить на вопросы о том, существовал ли в реальности отряд Семенова, в какой степени руководство партии эсеров несет ответственность за террористические акты членов этого отряда против советского руководства? Действительно ли Каплан стреляла в Ленина, или это был какой-то другой террорист? Была ли Каплан террористом-одиночкой или выполняла поручение? Ответы на эти вопросы неоднозначны. Авторы комментариев правы, утверждая, что в ходе процесса 1922 го-

да ни Семенову, ни Коноплевой, ни обвинению не удалось доказать факт дачи Гоцем и Донским санкции ЦК ПСР на террористический акт против Ленина. Трудно не согласиться с ними и в том, что в дискуссии о том, стреляла ли Каплан, сложилась патовая ситуация. Веских доказательств и свидетельств в пользу того, что стреляла она — нет. Но она принимала участие в этом покушении в каком-то ином качестве. Наверное, во дворе завода находились и другие боевики, кроме Каплан и Новикова. Оценка трагической фигуры Каплан, по мнению составителей названного сборника, со временем подвергнется такому же пересмотру, как «подверглось пересмотру отношение к недавнему кумиру нашего общества, на которого она подняла руку»⁽⁶³⁾.

Итак, можно утверждать, что о покушении на Ленина 30 августа 1918 года нам по-прежнему известно немного. Фактами стали выстрелы в него и ранение, неоспоримыми доказательствами — две пули и «браунинг», из которого стреляли. Вопрос о том, кто стрелял, остался на версионном уровне. На таком вариативном уровне находится и определение возможного заказчика преступления.

В ходе следствия в 1918 и 1922 годах искали организаторов преступления среди правых эсеров и представителей Антанты. Доказать связь Каплан с ними не удалось, согласиться с тем, что покушение совершил террорист-одиночка, — трудно. Поэтому ныне отдельные исследователи в качестве рабочей гипотезы выдвинули другую, противоположную первой, версию: покушение стало возможным вследствие «кремлевского заговора», в котором были замешаны председатель ВЦИК Я. М. Свердлов и в какой-то мере Ф. Э. Дзержинский. Наиболее полно эта версия представлена в работах Ю. Г. Фельштинского⁽⁶⁴⁾.

Россиянам многие годы внушали идею о монолитности большевистского руководства, хотя репрессии против многих его представителей, особенно в 1930—1940-х годах, сильно поколебали эту веру. В 1960—1980-х гг. ряд политиков и историков выступили с разъяснениями о делении советской истории на «хорошую» при Ленине и «плохую» при Сталине и что монолит большевизма был неколебим при первом

вожде. В девяностых годах историки поняли, что поделить историю страны даже оценочно нельзя, она едина. Борьба в стране за власть велась различными группировками всегда: и при большевиках, и сейчас, в постсоветское время.

Политическое основание для кремлевского заговора в конце лета 1918 г. имелось. Положение правящей партии к тому времени становилось критическим: численность РКП(б) уменьшилась до 150 тыс. человек, крестьянские мятежи, рабочие забастовки и военные неудачи свидетельствовали о возможности потери власти. Выборы в местные Советы в июне—августе уменьшили число большевиков в них по сравнению с мартом 1918 г. с 66% до 44,8%⁽⁶⁵⁾. Подобная ситуация вызвала у большевистской элиты стремление любыми способами укрепить свое пошатнувшееся положение. Настроение того времени охарактеризовал Троцкий в разговоре с германским послом В. Мирбахом: «Собственно, мы уже мертвы, но еще нет никого, кто мог бы нас похоронить»⁽⁶⁶⁾.

О кризисе в большевистской властной структуре лета 1918 г. известно намного меньше, чем о таковом во время подписания Брестского мирного договора, но сам факт убийства Урицкого и покушения на Ленина — в известном смысле свидетельство этого.

Во время заключения Брестского мирного договора с Германией (март 1918 г.) все лидеры большевизма, в том числе и Ленин, исповедовали идею мировой революции. Но для Ленина тогда было важнее сохранить власть большевиков в стране, поэтому ради этого он был готов заключить мир — на унижительных условиях, с оставлением больших территорий, выплатой контрибуций и т. д. В данном случае прагматическое решение взяло верх над идеологией. Среди противников подписания Брестского договора были те, кто мыслил категориями мировой революции (Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский и др.), те, кто полагал, что следует затянуть подписание мира, надеясь тем самым на скорые революции в европейских странах, особенно в Германии (Л. Д. Троцкий и др.). Обстановка была настолько серьезной и критической, что в качестве последнего аргумента в случае отказа от подписания мирного договора Ленин при-

грозил собственной отставкой. Справедливости ради отметим, что тогда Ленина поддержал Свердлов, но голосование в ЦК РСДРП(б) он выиграл одним голосом Троцкого.

По наблюдениям Ю. Фельштинского, с конца лета 1918 г. на фоне кризиса советских властных структур и роста недоверия к ним со стороны населения начинает усиливаться влияние Свердлова с одновременным падением авторитета Ленина⁽⁶⁷⁾. Именно в это время большевики начинают ликвидировать оппозицию: в июне — запрет на участие в работе Советов меньшевикам и правым эсерам, в июле — разгром и изгнание с правящих должностей левых эсеров. В стране стала устанавливаться однопартийная система. Тогда же активно стала подвергаться критике позиция Ленина на сохранение перемирия с Германией. Достаточно вспомнить убийство германского посла В. Мирбаха (июль 1918 г.) в Москве и растущие антигерманские настроения. Ранение Ленина на какое-то время отстраняло его от власти и поставило перед ним вопрос о почетном уходе из жизни смертью Марата.

К лету 1918 г. в руках Свердлова была вся партийная и советская власть. Он был председателем ВЦИК и секретарем ЦК РКП(б), именно он рекомендовал и утверждал ведущие партийно-советские кадры и относился, по характеристике Троцкого, к тем властным людям, которые всегда знают, чего хотят, и добиваются реализации своих решений. По словам Троцкого, Свердлов пытался придать президиуму ВЦИК политическое значение, и на этой почве у него возникли трения с Совнаркомом и отчасти с Политбюро. Он же отмечал, что в решении политических вопросов Свердлов предпочитал обращаться за советом к Ленину, в решении практических вопросов — Сталину. Это он открывал Учредительное собрание и руководил его разгоном, предлагал при помощи оружия отбирать хлеб у крестьян (май 1918 г.) и был за резкое усиление красного террора, мало чем в этом отношении отличаясь от Ленина. Он занимался и подбором чекистских кадров. Это по его настоянию 19 мая было заслушано сообщение Держинского «о необходимос-

ти дать в Чрезвычайную комиссию ответственных товарищей, могущих заменить его». И опять-таки Свердлову было поручено поговорить о переходе на работу в ВЧК с Лашинсом, Яковлевой и Стуковым⁽⁶⁸⁾. В августе 1918 г. стал вопрос о возвращении Держинского на пост председателя ВЧК, с которого он ушел после участия чекистов в левозеровском выступлении (начало июля 1918 г.). Держинский был вместе с Бухариным при обсуждении мирного договора с Германией, позже вместе со Сталиным против ленинской позиции о Грузии. Вполне вероятно его объединение со Свердловым в перераспределении власти, наметившемся летом 1918 г. Большевицкая элита вкусила власти за примерно годичное правление и брала пример со своих лидеров, не стеснявших себя никакими ограничениями, дабы ее не потерять.

О признаках кризиса власти в Москве сообщали тогда и германские дипломаты. После убийства левыми эсерами германского посла в Москве графа Мирбаха его сменил Карл Гельферих. В течение недели придя к заключению о том, что положение большевиков безнадежно, он покинул Россию, посоветовав германскому правительству искать других союзников. Тогда вновь в головах германских генералов возникла идея об интервенции и захвате Петрограда. В Москве осталось генеральное консульство, которое занималось эвакуацией немецких подданных и военнопленных. Возглавлявший консульство Герберт Гаушильд (1880—1928) писал 16 сентября 1918 г. германскому канцлеру о разгуле террора в Советской России и о расколе московского правительства. На панические настроения в Москве в начале августа 1918 г. указывал Альфонс Пакет, оставивший записи о своем пятимесячном пребывании в столице.

Винфрид Баумгарт, посвятивший свои работы исследованию немецкой восточной политики в 1918 г. и отдельно миссии графа Мирбаха, на основе документов германского МИДа написал о переводе в августе 1918 г. «значительных денежных средств» из Советской России в швейцарские банки, о том, что многие большевицкие руководители проси-

ли тогда для своих семей дипломатические паспорта (14 августа 1918 г.). По его мнению, в июле—августе 1918 г. «воздух Москвы был пропитан покушением как никогда».

Специалисты по истории эсеровского террора в России полагают, что не только кадровый состав, но и сама технология покушения на Ленина с точки зрения предшествующего опыта боевой эсеровской организации не выдерживают критики. Руководители эсеровских боевых организаций с начала XX в. предпочитали пистолетным выстрелам бомбометание в субъект покушения. Они полагали, что осуществить такое покушение в 1918 г. было неизмеримо проще и легче, чем до революции, так как намного снизилась квалификация сыскных и филерских кадров; охраны у Ленина почти не было (он приехал на завод Михельсона только с шофером Гилем), определить машину Ленина было несложно, как и маршрут передвижения. Если бы ЦК ПСР решил осуществить убийство Ленина, то при помощи двух-трех метальщиков бомб это было бы сделано с первой попытки. Но они понимали, что только удачное покушение посеяло бы панику среди правящей большевистской элиты, а сорвавшаяся попытка или ранение Ленина создали бы для большевиков повод для ужесточения карательной политики и ослабления позиции эсеров, что и произошло на самом деле⁽⁶⁹⁾. Если покушение организовали не эсеры, то кто?

Заметим, что из шести известных протоколов допроса Каплан ею подписано только два. Из протоколов явствует, что покушение осуществила она одна, действуя из идейных побуждений: «Существование» Ленина «подрывало веру в социализм». Множество пробелов в ведении следствия в 1918 г., отсутствие конкретных данных о завершении следствия в 1996 г. оставляют надежду на открытый суд по этому делу, где свои сомнения и версии могли бы высказать юристы и историки и было бы принято взвешенное решение по вопросу, до сих пор волнующему общественное мнение.

Пока же ясно одно: в 1918 году происходило распытие символов власти или тех, кто стал знаком национального позора. Таковым многие тогда считали посла Германии в Москве графа Мирбаха.

УБИЙСТВО МИРБАХА

Германское посольство во главе с графом Вильгельмом фон Мирбахом (1871—1918) прибыло в Москву 23 апреля 1918 г., и сразу же Мирбах стал объектом враждебного отношения к себе со стороны патриотов, не желавших смириться с грабительскими условиями Брестского договора с Германией, изменой союзникам по участию в войне. Он вызвал неприязнь антисоветской и антибольшевистской оппозиции, а также тех представителей правительственных партий (левые эсеры и левые коммунисты), кто активно выступал против заключения сепаратного мира с Германией и был сторонником разжигания всемирной революции пролетариата. Все это вкупе с общей нестабильной обстановкой в России делало продолжительность дипломатической деятельности графа непредсказуемой.

Действительно, Мирбах пробыл в России недолго: 47-летний граф 6 июля 1918 года подвергся вооруженному нападению, был смертельно ранен и скончался в 3 часа 15 минут того же дня. Убийцы стали известны тогда же: Яков Блюмкин и Николай Андреев, сотрудники ВЧК⁽⁷⁰⁾, мотивы террористического акта дискутируются до сих пор. Версий две: Мирбах был убит левыми эсерами с целью спровоцировать войну между Германией и Советской Россией; убийство посла было совершено большевиками с целью разгромить партию левых эсеров и установить однопартийную диктатуру в стране.

Первую версию обосновывала и защищала советская историография. Главными аргументами были ленинские оценки, обвинительное заключение Верховного трибунала при ВЦИК (16 ноября 1918 г.), показания лидеров партии левых эсеров, прежде всего М. А. Спиридоновой, покаяния Блюмкина⁽⁷¹⁾. Вторую версию представляла зарубежная историография, результаты аргументации которой наиболее полно представлены в работах Ю. Г. Фельштинского⁽⁷²⁾.

Аргументация каждой из версий основана на различной трактовке выборочных публикаций документов, собранных в «Красной книге ВЧК» (М., 1920. Кн. 1; М., 1989.

Кн. 1. Изд. 2-е). Официальные советские документы, воспоминания и левоэсеровские публикации были составлены созданной 7 июля 1918 г. Особой следственной комиссией Совнаркома (нарком юстиции П. И. Стучка, следователь Верховного революционного трибунала при ВЦИК В. Э. Кингисепп и председатель Казанского Совета Я. С. Шейнкман). 19 томов материалов этой комиссии озаглавлены «О мятеже левых эсеров в Москве в 1918 г. и об убийстве германского посла Мирбаха»⁽⁷³⁾. Вначале у членов комиссии не было сомнения, что левые эсеры организовали мятеж в Москве и убили германского посла с целью дестабилизации обстановки и захвата власти. Эта следственная комиссия была расформирована 9 сентября 1918 г., так и не завершив своей работы. Оставленные ею материалы не дают оснований для подтверждения той или иной версии, они оставили множество вопросов, на которые и ныне трудно ответить.

Среди этих вопросов множество частных, таких, как выяснение роли в убийстве Мирбаха заместителя Дзержинского по ВЧК с января 1918 г. левого эсера В. А. Александровича. Неясно, почему именно он был столь быстро, в ночь с 7 на 8 июля 1918 г., расстрелян после краткого допроса и беседы с Петерсом? Вместе с ним были расстреляны 12 бойцов из отряда ВЧК, которым командовал Д. И. Попов. Но Александрович был единственным членом ЦК партии эсеров, который был расстрелян и непричастность которого к убийству Мирбаха показывали Дзержинский и Петерс, Спиридонова, Блюмкин и Мстиславский⁽⁷⁴⁾. Остались и многие иные дискуссионные вопросы⁽⁷⁵⁾.

Однако осталось неоспоримым: 6 июля 1918 г. было совершено политическое убийство, причем покушавшиеся были убеждены в своей безнаказанности. Блюмкин писал в показаниях: «Меня не покидала все время незыблемая уверенность в том, что так поступить исторически необходимо, что советское правительство не может меня казнить за убийство германского империалиста»⁽⁷⁶⁾. И его действительно не казнили, а амнистировали, и он вновь сделал блестящую чекистскую карьеру⁽⁷⁷⁾.

Среди объяснений причин убийства посла есть и такое:

Мирбах был убит Блюмкиным, потому что знал о получении Лениным немецких денег⁽⁷⁸⁾. Эта версия не была поддержана исследователями, не было найдено ни одного документа, свидетельствующего о причастности Ленина к теракту. Но то, что лидер большевиков лучше всех других использовал создавшуюся ситуацию в политических целях, — неоспоримо.

Обстановка летом 1918 г. была весьма критической для правящей партии. По оценке советника германской миссии в Москве доктора К. Рицдера, она представлялась к 4 июня 1918 г. так: «За последние две недели положение резко обострилось. На нас надвигается голод, его пытаются задушить террором. Большевицкий кулак громит всех подряд. Людей спокойно расстреливают сотнями... Не может быть никаких сомнений в том, что материальные ресурсы большевиков на исходе. Запасы горючего для машин иссякают, и даже на латышских солдат, сидящих в грузовиках, больше нельзя полагаться, не говоря уже о рабочих и крестьянах. Большевики страшно нервничают, вероятно, чувствуя приближение конца, и поэтому крысы начинают заблаговременно покидать тонущий корабль»⁽⁷⁹⁾.

Убийство Мирбаха произошло в начале работы 5-го Всероссийского съезда Советов. Партийность делегатов съезда — 773 коммуниста и 353 левых эсера — свидетельствовала, по сравнению с предшествовавшими съездами, о падении влияния большевиков. Средневожские губернии, где полыхала гражданская война, были представлены на съезде 27 большевиками и 33 левыми эсерами. Большевицкое руководство понимало, что его спасение — в создании экстремальных условий, в избавлении от всякой оппозиции, в установлении диктатуры как единственной возможности удержания власти. Потому была использована война на Волге с комучевцами и чехословацкими легионерами, потому выстрелы в Мирбаха привели к разгрому партии левых эсеров, единственной тогда легальной организации в политической борьбе за доверие масс⁽⁸⁰⁾.

События, происшедшие в Москве 6 июля 1918 г., представляются ныне хорошо кем-то срежиссированным спек-

таклем. Мирбах был убит не только левым эсером, а советским служащим, занимавшим высокий пост в ВЧК. Однако вскоре второе было забыто, а первое использовалось, и весьма целеустремленно и организованно, для предания одной из правительственных партий остракизму. Вряд ли можно говорить о левоэсеровском мятеже в тот день, скорее это были 24 часа трагического финала партии, решившей бороться за власть с большевиками. Они оборонялись, а не наступали. Они задержали 27 большевиков, в том числе и Дзержинского, и никого не расстреляли. Большевики на следующий же день начали расстрелы. По воспоминаниям Мстиславского, А. И. Рыков, ведший переговоры с фракцией левых эсеров, делегатов 5-го съезда Советов, недвусмысленно их предупредил — все они не народные избранники, а заложники за тех коммунистов, которые арестованы отрядом ВЧК Попова. «И если с ними что-нибудь случится...» Рыков недоговаривал. Но и не надо договаривать: ясно...⁽⁸¹⁾

Тогда же большевики, дабы оправдать свои действия, назовут случившееся антисоветским мятежом, и это определение на долгие годы прочно войдет в советскую историографию, левые эсеры будут все обвинения в свой адрес отвергать⁽⁸²⁾. Они одобряли и признавали свое участие в убийстве Мирбаха, а в антисоветском мятеже — нет. 4 августа 1918 г. в Москве состоялся 1-й Совет партии левых эсеров. Его открытию предшествовало заявление во ВЦИК заключенных на кремлевской гауптвахте левых эсеров Саблина, Измаилович и др.: «Мы, члены партии левых с.-р., арестованные после террористического акта над послом германского империализма, требуем немедленного приведения над нами смертного приговора, который, очевидно, входит в план действий правительственной партии». Арестованные возмущались оскорбительным отношением к ним, находящимся в заключении без предъявления обвинения⁽⁸³⁾. Тогда же они подготовили проекты резолюций Совета партии по различным вопросам, в том числе заявили, что «принципиально приемля террор, Совет полагает, что террор может стать оружием борьбы партии лишь в том случае (и с того

момента), если бы условия политической обстановки пресекали возможность легальной работы в массах», и решительно протестовали против клеветы о том, что будто бы левые эсеры восстали против советской власти и хотели свергнуть большевиков вооруженным путем⁽⁸⁴⁾.

Восторжествовало мнение победителей. Разгром партии левых эсеров, бывших соратников, посмевших стать в оппозицию, был завершен довольно быстро. Вывод о том, что никакого антисоветского восстания левых эсеров тогда не было и не могло быть, а была лишь вооруженная защита отрядом ВЧК членов ЦК партии левых эсеров от возможной расправы за взятие ими на себя ответственности за убийство Мирбаха, только в последнее время стал утверждаться в российской историографии. «Было бы, пожалуй, неверным... обвинять только одну из противоборствующих сторон. И ленинцы, и члены ЦК левых эсеров равным образом оказались не в состоянии разглядеть историческую перспективу, предугадать грядущую за установлением однопартийной системы диктатуру личности, похоронившую и тех, и других», — пишет Я. В. Леонтьев⁽⁸⁵⁾.

И. И. Вацетис, командир латышской дивизии, руководивший военным разгромом отряда ВЧК, т. к. гарнизон Москвы заявил о своем нейтралитете, увидев в происходящем лишь межпартийную склоку, оставил несколько вариантов своих воспоминаний о событиях 6—7 июля 1918 г. в Москве⁽⁸⁶⁾. Им вряд ли можно доверять, они излишне политизированны и неточны. В первых вариантах воспоминаний Вацетис хотел преувеличить силы и возможности «мятежников» и оттенить свои заслуги. Это он назвал число противников в 2000 штыков, 8 орудий, 64 пулемета, 4—6 бронемашин. Но когда следственная комиссия стала составлять список лиц отряда ВЧК, которые в тот момент принимали какое-либо участие в защите левоэсеровского руководства, то их оказалось всего 174 человека⁽⁸⁷⁾.

В воспоминаниях, написанных по предложению Ворошилова в конце 20-х годов, Вацетис обнаружил в Москве 6—7 июля не только левоэсеровское, но и троцкистское восстание⁽⁸⁸⁾, которого, разумеется, не было. Судьба Вацетиса,

как и всех остальных действующих лиц, участников кон-фронтации 6—7 июля 1918 г. в Москве, сложилась трагично. Вацетис за свои действия получил денежное вознаграждение (пакет с деньгами ему вручил Троцкий), стал главкомом фронта, а затем и всеми вооруженными силами республики. Но, наверное, Ленин не мог забыть момент унижения, просьбы помочь ему и по крайней мере дважды в 1918—1919 гг. предлагал Вацетиса расстрелять⁽⁸⁹⁾. Его воспоминания не подтверждают наличия мятежа в Москве 6 июля 1918 г.

ТОТАЛЬНЫЙ ТЕРРОР

Проявления массового террора были в Советской Рос-сии и до июля 1918 г.⁽⁹⁰⁾. Но только после разгрома партии левых эсеров, принятия Конституции РСФСР (10 июля 1918 г.) в стране стала устанавливаться полновластная дик-татура большевиков, быстрыми темпами завершился пере-ход к созданию республики «единого военного лагеря», го-тового к проведению тотального террора. Жертвами послед-него стали, прежде всего, небольшевистские политические партии и организации, все слои населения. С лета 1918 г. из всех властных советских структур была удалена легальная оппозиция, репрессивный беспредел, получив государст-венную поддержку, перестал сдерживаться.

Левые эсеры с декабря 1917 г. сотрудничали с боль-шевиками. До марта 1918 г. их представители были в прави-тельстве наркоматами земледелия (А. Л. Коллегаев), юстиции (И. З. Штейнберг), почт и телеграфов (П. П. Прошьян), го-сударственных имуществ (В. А. Карелин), городского и местного самоуправления (В. Е. Трутовский); без портфеля (В. А. Алгасов). После заключения мира с Германией они в знак протеста ушли из правительства и остались во ВЦИКе и советских учреждениях. Они, вместе с большеви-ками, ответственны за введение внесудебных репрессий, хотя Штейнберг и призывал наказывать только по решению суда. У Дзержинского не было претензий к работе своих за-местителей, левых эсеров Александровича и Г. Д. Зака.

И все-таки это была партия, сотрудничавшая с больше-виками и оппонировавшая их действия. Левые эсеры протес-товали против объявления всей партии кадетов «врагами на-рода» и их ареста (ноябрь 1917 г.). 14 июня 1918 г. левые эсеры голосовали на заседании ВЦИК против предложения об исключении правых эсеров и меньшевиков из Совет-тов⁽⁹¹⁾. Левые эсеры оставались приверженцами индивиду-ального, а не массового террора, в этом было их основное программное отличие от большевистской карательной по-литики.

Руководство левых эсеров понимало, что непопуляр-ность действий большевиков к лету 1918 г. возросла, что возникла возможность стать первой из правящих партий в стране. Решительное сражение должно было состояться в парламентских формах на 5-м Всероссийском съезде Совет-тов, где они резко выступили против создания в деревнях комбедов, реквизиций у крестьян хлеба продотрядами, аграрной и продовольственной политики большевиков⁽⁹²⁾. В их поступки в те дни вмешался случай — убийство Мир-баха, которое они приветствовали, полагая его смерть необ-ходимой жертвой во имя разжигания мировой революции. Это была их вторая, доктринальная причина расхождения с Лениным, отражавшая реальную борьбу мнений в Советах⁽⁹³⁾. ЦК партии левых эсеров хотел сформировать на съезде новый состав Совнаркома. Незадолго до открытия съезда представители левых эсеров вступили в переговоры на эту тему с левыми коммунистами, также противниками брест-ских соглашений. По признанию Бухарина (1923 г.), они предложили делегации левых коммунистов (Бухарин, Дзержинский, Пятаков) создать «Правительство мировой граж-данской войны и международной республики Советов», в котором не было места Ленину и Троцкому. Бухарин отка-зался⁽⁹⁴⁾. Ленин мог узнать от него или Дзержинского о пла-нах левых эсеров и противопоставить ему свой замысел их разгрома. Он был беспощаден ко всем претендентам на его власть, и потому после июля 1918 г. левые эсеры, по сути, были лишены права быть на советской работе⁽⁹⁵⁾.

Ревтрибунал по «делу левых эсеров» начал слушание

27 ноября 1918 г. Из обвиняемых были лишь Спиридонова и Ю. В. Саблин. Они заявили, что недопустимо, когда одна политическая партия судит другую, что это прерогатива Интернационала, и отказались участвовать в процессе. Их приговорили к годичному тюремному заключению и через день амнистировали⁽⁹⁶⁾. Попытки Спиридоновой и ее сподвижников реанимировать жизнь партии успеха не имели⁽⁹⁷⁾.

Троцкий справедливо писал о монопольном положении большевистской партии и в первый год советской власти. Но был не прав, пытаясь обелить запрет оппозиционных партий обстоятельствами гражданской войны или тем, что оппозицию заменили фракции и группировки внутри самой РКП(б)⁽⁹⁸⁾. Преследование небольшевистских партий продолжалось и после окончания гражданской войны, а фракции внутри РКП(б) до их закрытия на X съезде партии (март 1921 г.) спорили лишь о методах строительства государства диктатуры пролетариата и не ставили под сомнение саму возможность его существования.

Ленин не раз называл партию кадетов главной партией российской контрреволюции⁽⁹⁹⁾. Но с особой беспощадностью он, а затем Сталин преследовали социалистические партии меньшевиков и эсеров, видя в них враждебных большевикам конкурентов в борьбе за власть и влияние на население⁽¹⁰⁰⁾. В советской историографии длительное время их именовали соглашателями и противниками «научного социализма». Действительно, они были непоследовательны и нерешительны в июле—октябре 1917 г., когда имели реальную власть, но предпочли большевиков генералу Л. Г. Корнилову, стремящемуся стабилизировать ситуацию в стране. Будучи у власти, они повесили над Зимним красный флаг и широко использовали в пропагандистских целях определение «враг народа» для того, чтобы заклеить буржуазию, различные «контрреволюционные» заговоры. Все это взяли на вооружение большевики, как и эсеровскую аграрную программу, чтобы взять власть. В силу амбициозной нерешительности меньшевики и эсеры не настояли на II Всероссийском съезде Советов на создании многопартийного правительства и не смогли воссоединить разрушенное до того

социалистическое движение в России. Меньшевики и эсеры (за исключением левых) покинули съезд, и разрыв с большевиками вскоре превратился в вооруженную конфронтацию⁽¹⁰¹⁾.

Политика большевистского руководства в годы гражданской войны по отношению к меньшевикам и эсерам после военного разгрома сторонников эсеровских правительств в 1918 г. состояла в разрешении легальной работы тем из них, кто признал законность деятельности Советов. Ленин вуалировал действительность, когда писал, что «по отношению к мелкобуржуазной демократии наш лозунг был соглашение, но нас заставили применить террор»⁽¹⁰²⁾. Тактика террора была для него на первом месте, а соглашение касалось только тех, кто с ним соглашался или занимал нейтральную позицию по отношению к любым действиям большевиков. Одним из первых актов Дзержинского стал подписанный им ордер 18 декабря 1917 г. об аресте лидеров эсеровской и меньшевистской партии В. М. Чернова, Ф. И. Дана, М. И. Скобелева, А. Р. Гоца и других и предании их суду революционного трибунала⁽¹⁰³⁾. Подобные действия большевистских властей проявились повсеместно и особо усилились после решения ВЦИК об изгнании эсеров и меньшевиков из состава Советов (14 июня 1918 г.). Можно утверждать, что с этого времени началась систематическая ликвидация социалистических (небольшевистских) партий в России.

Эсеров арестовывали по подозрению в подготовке мятежей, меньшевиков — за «антисоветскую пропаганду». И тех и других часто заключали в концлагеря только за принадлежность к партии. Характерна в этом отношении судьба правых эсеров, собравшихся 5 декабря 1918 г. в Уфе (В. К. Вольский, Н. В. Святицкий, Н. А. Шмелев и др.). Бывшие активные деятели самарского Комуча заявили о прекращении вооруженной борьбы с большевиками. Деятельность этой группы была легализована, и осенью 1919 г. она превратилась в партию меньшинства эсеров (МПСР) с организациями в 25 губернских и 41 уездном центре страны. Бывший председатель самарского Комуча Вольский, выступая в июне 1919 г. на заседании IX Совета партии правых

эсеров, оправдывал позицию раскола партии тем, что силы демократии «потерпели поражение со стороны двух диктатур. Очевидно, в процессах революции рождаются силы диктатур, но не уравновешенного народовластия»⁽¹⁰⁴⁾. Вольский выступал на VII и VIII съездах Советов и говорил, что его партия, оказавшись меж двух диктатур, избрала большевиков, а не Колчака. Его не спасло от чекистского досъе ни то, что он был депутатом Учредительного собрания, ни то, что он был делегатом всероссийских съездов Советов, ни его публичные заверения в лояльности правящей партии. 6 февраля 1922 г. в агентурном донесении ВЧК «обосновывался его арест тем, что будто бы во время выступления матросов в Кронштадте он их поддержал, а также «сочинил» манифест Антонову, желая дать ему и его движению идейную основу». Доказательства не приводились, но 27 февраля 1922 г. Вольский был арестован, его допрашивала Вера Брауде и решила его этапировать в Уфу и Тамбов. Расследовать там его деятельность, а затем возвратить в ГПУ. Более никакой политической деятельностью Вольский не занимался⁽¹⁰⁵⁾. Участь руководителей партии эсеров и меньшевиков была схожей. Их судили или высылали, физически ликвидировали⁽¹⁰⁶⁾. Дожили до своей естественной смерти только те, кто уехал, оставшиеся почти все погибли⁽¹⁰⁷⁾.

В годы гражданской войны партии эсеров и меньшевиков раскалывались: одни вступали с большевиками в сотрудничество, другие оставались непримиримой оппозицией, третьи — отходили от политической деятельности. Отдельные группы и тех и других действовали легально, были и нелегалы. К концу гражданской войны многие из них вступили в РКП(б)⁽¹⁰⁸⁾.

Большевики и меньшевики называли себя марксистскими партиями. Апология террора сближала большевиков более с эсерами, нежели с меньшевиками. В июне 1919 г. Мартов обнародовал меньшевистскую программу «Что делать?». В ней предполагалось реорганизовать работу революционных трибуналов на основе выборности судей, установить подсудность всех должностных лиц за нарушение законов, отказаться от террора «как системы управления,

отменить смертную казнь, внесудебные расправы, предоставить нациям самоопределение, а казачьим областям самоуправление, дабы прекратить гражданскую войну»⁽¹⁰⁹⁾. Эти призывы меньшевиков большевистским руководством не воспринимались. В конце марта — начале апреля меньшевики Н. Суханов, Н. Череванин и другие обратились в Совнарком и ВЦИК с протестом против их ареста, обысков, перлюстрации писем, закрытия газеты «Всегда вперед». Они ссылались на то, что их партия легализована, что нет фактов их участия в забастовочном движении рабочих. На записке секретаря ЦК РКБ(б) Н. Крестинского Ленин написал: «Меньшевики подличают, и им надо за это сугубо набить морду»⁽¹¹⁰⁾.

Ленин и его соратники в годы гражданской войны пропагандировали «антисоветскую» сущность меньшевиков и правых эсеров. Они могли на время, из тактических соображений, легализовать их деятельность, поддержать отколовшиеся от них группы, но о соблюдении законов и постановлений не могло быть и речи в годы диктаторского правления. Их не могли убедить ни плодотворная работа представителей этих партий в советах и советских учреждениях⁽¹¹¹⁾, ни преследование и расстрелы меньшевиков и эсеров белыми генералами⁽¹¹²⁾.

Учредительное собрание с его эсерово-меньшевистским большинством поддержало декреты советской власти о мире и земле. Документально невозможно доказать их антисоветскую деятельность в последующие годы. Они были против внутренней политики большевистского режима. Отсюда возникновение лозунга «За Советы без коммунистов». Большевики отождествляли свою деятельность с советами и выступления против них квалифицировали антисоветскими, что не соответствовало действительности. Это была фальсификация просоветских резолюций эсеров и меньшевиков, которая использовалась правящей партией для обоснования преследования социалистов⁽¹¹³⁾. Последние протестовали и защищались как могли, особенно эсеры. Они не могли смириться с большевистскими реалиями. Поэтому на конференции (сентябрь 1920 г.) приняли решение о том, что «с

современным режимом партия с.-р. будет бороться как с самой уродливой фальсификацией социализма, как с азиатски-деспотическим, проеденным насквозь бюрократическим и плохо замаскированным демагогией — государственным коммунизмом»⁽¹¹⁴⁾. В 1922 г. у арестованного правого эсера, члена группы «Народ», сотрудничавшей с большевиками, Н. В. Святицкого были изъяты написанные им рукописи по истории этой группы. В них, в частности, говорилось, что эсеры из этой группы помогали Красной Армии в борьбе с Колчаком и Деникиным. Но ВЧК расправилась с группой «Народ». И хотя Каменев и Рыков поддержали легализацию этой группы, фактически репрессии против ее членов не прекращались⁽¹¹⁵⁾.

Тактика большевиков по отношению к анархическим группам мало чем отличалась от осуществляемой к эсерам и меньшевикам. Они использовали их как разрушительную силу в начале переворота и захвата власти, а затем систематически подвергали ликвидации: в апреле 1918 г. в Москве, после взрыва в помещении МК РКП(б) 25 сентября 1919 г. в Леонтьевском переулке. По данным переписи 1922 г., в РКП(б) вступили 633 бывших анархиста⁽¹¹⁶⁾. Для многих из них жизнь закончилась в ГУЛАГе.

С кадетами большевики не заигрывали. Они их физически уничтожали, используя версии о заговорах, их антибольшевистские (антисоветские) признания на допросах. Созданные руководителями партии народной свободы организации «Национальный центр», «Союз возрождения» и другие были признаны в 1919 г. контрреволюционными и разгромлены⁽¹¹⁷⁾. Ныне выяснилось, что члены этих организаций представляли в 1919 г. альтернативную большевикам программу экономического и политического возрождения России. По предложению руководителей «Национального центра» профессора-экономисты Л. Б. Кафенгауз и Я. М. Букшпан разработали программу восстановления в России частнокапиталистических отношений и свободного рынка⁽¹¹⁸⁾. Но альтернативные планы большевикам не были нужны. В них они видели посягательство на их прерогативу

диктовать стране и людям свою линию поведения и будущего устройства России.

Начало 20-х годов и введение нэпа усилило наступление большевиков на социалистические партии. Это было связано с утверждением однопартийной системы в стране, с ликвидацией политических соперников. Избавление от претендентов на власть происходило методом политической дискредитации противника (газетные разоблачения, открытый судебный процесс летом 1922 г. над лидерами партии правых эсеров), увеличением репрессивного подавления. 20 января 1921 г. ВЧК запрашивала московских чекистов: «...срочно сообщите цифрой, какое количество проверенных осведомителей имеете по меньшевикам, правым партиям, духовенству, религиозным сектам и анархистам»⁽¹¹⁹⁾. Проблема информации о внутренней жизни оппозиции особо интересовала чекистов и большевистское руководство. 11 июня 1922 г. Менжинский и Самсонов направили специальную телеграмму во все губЧК, предлагая под расписку о неразглашении ознакомить с ней секретарей губкомов РКП(б). Эта телеграмма настолько характерна для методов работы ВЧК той поры, что заслуживает публикации. В ней говорилось, что губЧК «как орган политической борьбы с буржуазными и социалистическими антисоветскими партиями должны опираться в своей повседневной борьбе на секретное осведомление. Несмотря на это, ряд губЧК занимаются мелочной оперативной работой, случайными мелочными ликвидациями тех или иных контрреволюционеров, оставляя в стороне гущу контрреволюции, т. е. партии и группы. Некоторые губЧК, не понимая основных задач и не имея секретного осведомления, очень часто не видят преступной работы наших врагов эсеров, меньшевиков, анархистов и белогвардейцев, которые у них на глазах подрывают устои советской власти, и совершенно неожиданно для себя такие губЧК вдруг оказываются перед лицом открытых восстаний, бунтов и мятежей. Такие случаи были с Тамбовской, Саратовской, Петроградской, Пензенской и другими губЧК. Все эти неожиданности объясняются единственно неумелой и небрежной постановкой секретно-осве-

домительной работы губЧК. ГубЧК должны помнить и не забывать этого, что основной ее работой является политическая борьба с антисоветскими партиями через секретно-осведомительный аппарат и что, при отсутствии такового, отсутствует и губЧК как политорган данной губернии. В целях пресечения этого основного зла в работе губЧК ВЧК под личную ответственность предгубЧК и завсекретотделами предлагает: 1) В трехдневный срок со дня получения сего выработать конкретный план вербовки и насаждения секретного осведомления в недрах политпартий; 2) Не считаясь ни с какими склоками и условностями, перегруппировать сотрудников губЧК по работе таким образом, чтобы они приносили максимум пользы секретной работе губЧК по политпартиям; 3) Вербовка, насаждение и руководство осведомлением должно производиться под личным руководством предгубЧК, завсекретотделом и уполномоченного по политпартиям; 4) Осведомление по политпартиям должно вербоваться из рядов тех же партий, а не из числа беспартийных и коммунистов, кои могут быть только подсобниками и попутными осведомителями, а не осведомителями основными; 5) никоим образом не стремиться к количеству осведомления, а к его качеству. Достаточно иметь два-три толковых осведомителя по той или иной партии, чтобы контролировать их действия; 6) Ни один осведомитель не может быть принят кем бы то ни было из сотрудников губЧК без санкции председателя ЧК и завсекретотделом; ... 8) Все данные осведомления должны тщательно проверяться и подтверждаться при возможности теми или иными данными о нем немедленно... 9) Более или менее серьезные дела по политпартиям, основанные на данных крепкого осведомления, не могут ликвидироваться без санкции СО ВЧК, за исключением случаев, не требующих отлагательств; 10) Все губЧК в трехмесячный срок по выбранной в трехдневный срок программе должны закончить организацию по обзаведению у себя секретного осведомления по политпартиям согласно настоящему циркуляру; 11) Все предгубЧК и завсекретотделами, не успевшие в трехмесячный срок обзавестись секретным осведомлением, будут считаться бездеятельны-

ми; 12) По истечении шестинедельного срока губЧК должны прислать первый доклад на имя СО ВЧК о проделанной ими работе, второй доклад должен быть представлен не позднее 20 сентября сего года под ответственность предгубЧК»⁽¹²⁰⁾.

Политический сыск в 1921 г. развернулся во всю мощь. ВЧК готовил судебные процессы над социалистическими партиями, требуя от своих сотрудников компромата на эсеров и меньшевиков. Осенью 1921 г. Ленину отправлялись перлюстрации писем Мартова и других лидеров оппозиционных партий. Приказ ВЧК 27 октября 1921 г. (№ 357) предписывал сотрудникам быть в курсе работы всех «противосоветских группировок», знать методы их деятельности, предлагать способы борьбы с ними⁽¹²¹⁾. ЦК партии меньшевиков в открытом письме во ВЦИК (8 декабря 1921 г.) протестовал против «недопустимых и небывалых репрессий», когда без суда и следствия, только за членство в партии люди томятся в казематах и ссылаются с дальнейшим «заключением под стражу». В письме отмечался массовый характер незаконных действий властей⁽¹²²⁾.

В 1922 г. активизировались репрессивные санкции властей против эсеров и меньшевиков. В резолюции Всероссийской конференции РКП(б) 4—7 августа 1922 г. ставился вопрос о репрессиях не только по отношению к членам социалистических партий, но и тех, кто пропагандировал «контрреволюцию в науке». Приказом ГПУ 19 декабря 1922 г. регистрации в его местных учреждениях подлежали члены «антисоветских партий»: эсеры, меньшевики и анархисты⁽¹²³⁾. В периодике шла целенаправленная кампания, направленная на дискредитацию деятельности этих партий, инсинуирующая их связь с любыми антибольшевистскими акциями в России и за ее пределами. Одновременно начали на местах собираться конференции эсеровских и меньшевистских организаций, заявляющих о самороспуске. 18 марта 1923 г. собравшиеся в Москве делегаты-эсеры из 50 городов страны «признали партию с.-р. ликвидированной». Тогда же происходили и самороспуски меньшевистских организаций, изоляция их лидеров⁽¹²⁴⁾.

В борьбе за идеологическую монополию руководство РКП(б) беспощадно расправлялось и с религиозными конфессиями, существовавшими в России, прежде всего с самой мощной из них — православной церковью. Декретом Совнаркома 2 февраля 1918 г. церковь была отделена от государства, лишалась собственности и права ее приобретать. Духовенство протестовало, особенно против атеистических действий властей, террора по отношению к священнослужителям. 26 октября 1918 г. патриарх Тихон обратился с призывом к Совнаркому прекратить гражданскую войну⁽¹²⁵⁾. Воззвание последствий не имело. До 1922 г. в Советской России было закрыто более 600 монастырей. Общее число жертв среди духовенства и мирян, стоявших вне гражданской войны, с октября 1917 по конец 1921 г. превысило 10 тыс. человек. Сюда не входят те священники, которые погибли, находясь в рядах белого движения.

Репрессии против духовенства не ослабли и после того, как Тихон опубликовал 25 сентября 1919 г. послание «О прекращении духовенством борьбы с большевиками». Это было, по существу, одностороннее прекращение гражданской войны. Большевики ее продолжали⁽¹²⁶⁾.

В 1921 г. началась кампания по изъятию церковных ценностей под предлогом помощи голодающим Поволжья. Добровольные пожертвования священнослужителей не устроили тех, кто рассчитывал на все церковные богатства и их бесконтрольное использование. Протесты верующих приводили к кровавым расправам. Так произошло в Новгороде, где «революционная» толпа, науськанная атеистами, просто оторвала епископу голову, ворвавшись в храм во время богослужения; в Шуе, где красноармейцами было убито 4 и ранено 10 верующих. И все это делалось ради того, по словам Ленина, чтобы «взять в свои руки фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей», воспользовавшись голодом⁽¹²⁷⁾.

В 1922—1923 гг. было 1414 столкновений властей с верующими по поводу ограбления религиозных храмов, в результате чего погибли 2691 священник, 1692 монаха и 3447 монахинь. В ряде городов состоялись показательные

судебные процессы над священнослужителями: в Петрограде более 80 обвиняемых — 4 смертных приговора, в том числе митрополиту Вениамину; в Москве — 54 обвиняемых — 11 казнено⁽¹²⁸⁾.

В 1923 г. был арестован патриарх Тихон. Тогда же 6-й секретный отдел ГПУ, возглавляемый Е. Тучковым, провел с так называемыми «обновленцами» (протоиереи А. Введенский, В. Красницкий и др.) раскол церкви, выделив из нее послушных властям служителей. Гонениям подверглось не только православие, но и мусульманство, иудаизм, буддизм и др. В первые же годы советской власти начали подвергаться разгрому мечети, кирхи, синагоги, молельные дома баптистов и др. Трагедия всех религиозных конфессий в России продолжалась и в последующие годы⁽¹²⁹⁾.

Одновременно, с 1918 г., стали преследоваться национальные движения, объявляемые властями сепаратистскими⁽¹³⁰⁾. Политика интернациональной ассимиляции вскоре превратилась правящей элитой в русификацию многонационального населения страны, а правящая партия — в национал-большевистскую⁽¹³¹⁾.

По данным советских историков, с 1913 по 1920 г. численность рабочего класса в стране сократилась более чем вдвое: с 2 млн. 591 тыс. человек до 1 млн. 185 тыс. человек⁽¹³²⁾. Большевицкое руководство представляло себя истинным защитником и выразителем интересов рабочего класса. Оно надеялось на «революционную сознательность» пролетариата, учитывая неприязнь передового класса к «буржуям», антисемитизм и антиинтеллектуализм («спеце-едство»). Советское государство не было рабочим, учитывая незначительный удельный вес пролетариев в органах управления, в Красной Армии: в 1920 г. — 77,4% крестьян, 14,9% рабочих, 7% служащих и учащихся и др.⁽¹³³⁾. Более того, жесткая государственная структура не щадила рабочих, пытавшихся бороться за свои права, как-то ограничить власть режима, выступающего от его имени.

В июне 1918 г. в Москве и Петрограде происходили рабочие митинги, на которых большевицкое руководство обвинялось в ухудшении положения пролетариата. Это вы-

разилось в отказе участвовать в выборах местных Советов или в выдвижении в них меньшевиков и эсеров. Тогда ЧК провела серию арестов рабочих, одновременно ВЦИК принял решение о недопуске социалистов в Советы. Тогда Петроградское бюро совета уполномоченных решило созвать всероссийскую рабочую конференцию. Вскоре Совет уполномоченных был властями распущен. Аресты рабочих и социалистов вылились в призыв 22 июня рабочих Обуховского завода к вооруженному выступлению. К ним согласились присоединиться матросы минной дивизии, расквартированной неподалеку. Однако введение отрядов кронштадтских матросов в район готовящегося выступления предотвратило его⁽¹³⁴⁾.

Провозглашение большевиками классового государства рабочих и крестьян не исключало репрессий против последних, если они в чем-либо посягали на властные функции правящей партии. 6—21 июля 1918 г. советская власть была свергнута в Ярославле. Город оборонялся от многих большевистских отрядов 16 дней: советские историки квалифицировали выступление ярославцев белогвардейским, подчеркивая руководство их действиями «Союзом защиты родины и свободы», организацией Б. В. Савинкова. Они отмечали, что в Ярославле было расстреляно несколько комиссаров и узники, пытавшиеся бежать с «баржи смерти»⁽¹³⁵⁾. Расправа над побежденными в Ярославле была не менее устрашающей. По представлению ЧК было расстреляно 350 человек. По данным лейтенанта Балка, председателя комиссии по делам немецких военнопленных в Ярославской губернии, сразу же были расстреляны 429 человек, а всего с марта по ноябрь 1918 г. им была составлена картотека на 50 247 человек, расстрелянных органами советской власти в этой губернии⁽¹³⁶⁾. Подобное повторилось после прихода красных в Ижевск 11 ноября 1918 г., когда в течение дня было расстреляно около 800 человек, многие из которых были рабочие, чьи родственники ушли с народной армией Комуча к Колчаку⁽¹³⁷⁾.

С. П. Мельгунов назвал цифру в 4 тыс. рабочих, расстрелянных чекистами и красноармейцами в марте 1919 г. при

подавлении забастовки в Астрахани. Он понимал, что возможны преувеличения, когда писал: «Допустим, что легко можно подвергнуть критике сообщение хотя бы с.-р. печати о том, что во время астраханской бойни 1919 года погибло до 4000 рабочих. Кто может дать точную цифру?.. Пусть даже она уменьшится вдвое. Но неужели от этого изменится хоть на йоту самая сущность?»⁽¹³⁸⁾ Сущность была ясна — террор против рабочих, озабоченных своим тяжелым экономическим положением.

10 апреля 1919 г. в письме Ленину из Тулы представители советской власти сообщали о рабочей забастовке, вызванной нехваткой продовольствия, антисанитарными условиями труда, а главное — эсеро-меньшевистской агитацией. Выход из обстановки предлагался простой — усилить репрессии против эсеров и меньшевиков, недовольных рабочих⁽¹³⁹⁾. Антирабочая практика вызвала к концу гражданской войны появление «рабочей оппозиции» в РКП(б)⁽¹⁴⁰⁾. Власти не доверяли никому, полагая, что «присматривать» нужно за всеми. 30 апреля 1921 г. Менжинский и Самсонов телеграфировали во все губЧК о том, что следует «принять меры к насаждению осведомления на фабриках, заводах, центрах губернии, совхозах, кооперативах, лесозаготовительных отрядах, деревне. К работе о постановке осведомления отнестись возможно внимательней, соблюдая все принципы конспирации». Для формирования корпуса осведомителей предполагалось использовать демобилизованных чекистов и красноармейцев, служивших во внутренних войсках⁽¹⁴¹⁾. Так проводился в жизнь тотальный политический сыск, обосновывая нужность тотального террора, невзирая на классовое происхождение...

Абсолютное большинство рабочих не повысило свой социальный статус, хотя большевистские лозунги проповедовали элитность пролетариата. Карательная политика государства диктатуры пролетариата не исключала рабочих из числа подозреваемых и репрессируемых. Рабочие отвечали забастовками или формированием Ижевской дивизии, воевавшей под Красным знаменем на стороне Колчака. Более

мощное сопротивление большевистскому режиму оказало крестьянство.

В экономически многоукладной России различные социальные группы крестьянства неадекватно реагировали на действия и программы белых и красных. Декрет о земле, принятый II съездом Советов, даровал крестьянам право работать на земле, но не распоряжаться ею. Потому линия фронта между губерниями России, вставшими на сторону или красных, или белых, часто совпадала с районами проживания бывших помещичьих крестьян (за красных, не хотели возвращения помещиков) и государственных крестьян (за белых, у них право работать на земле уже было).

Российская Вандея в принципе имела общие корни с французской конца XVIII столетия: крестьяне восставали против революции, которая будто бы и делалась ради них, доведенные ее лидерами до крайнего унижения и обнищания. Крестьяне финансировали гражданскую войну не только непомерными поборами, продовольствием и промышленным сырьем, но и своими сыновьями, составлявшими большинство красных и белых солдат. Выступления часто безоружных крестьян против произвола властей — это проявления народного сопротивления военно-коммунистическому режиму. Они жестоко подавлялись. Так же, как и всякие попытки крестьян распоряжаться результатами своего труда.

Данные о числе крестьянских выступлений в 1918 г. на территории Советской России противоречивы. Многие исходят из данных НКВД о том, что в 1918 г. было 285 крестьянских выступлений, а всего за время гражданской войны — более 400⁽¹⁴²⁾. На самом деле их было значительно больше⁽¹⁴³⁾. Среди основных причин, вызвавших антиправительственные крестьянские выступления, были насильственное ограбление крестьян, жестокие репрессивные меры властей по отношению к ним⁽¹⁴⁴⁾. Значение крестьянских выступлений тогда же определил Ленин: «Кулацкие элементы... составляли из себя главную и самую серьезную опору контрреволюционного движения в России»⁽¹⁴⁵⁾. Квалифи-

пировав их как «контрреволюционные», Ленин дал право их беспощадного подавления силой.

Крестьянская война с большевистским режимом была существенной частью гражданской войны. Жестокость по отношению к крестьянам превращалась в подобную же по отношению к властям и часто превосходила организованный «правительственный» террор. Это был российский бунт, жестокий и беспощадный⁽¹⁴⁶⁾. В подавлении, разгроме сотен тысяч представителей многонационального населения России, не принявших большевистского режима, участвовали части регулярной Красной Армии, особенно ее преторианцы, национальные соединения, лучшие полководцы той поры — М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, В. И. Шорин и другие. Это было движение, по определению Ленина, более опасное для советской власти, чем Деникин, Юденич и Колчак, вместе взятые⁽¹⁴⁷⁾. Крестьянское возмущение было настолько сильным, что отмена продразверстки в ходе нэпа не сняла напряжения. Вплоть до конца 1922 г. 36 губерний страны находились на военном положении, в 1923 г. в некоторых районах выступления крестьян против действий властей продолжались⁽¹⁴⁸⁾.

Количество жертв, погибших и растерзанных в ходе схваток плохо вооруженных крестьян с обученными воинскими частями, неисчислимо. В марте 1919 г. в нескольких смежных уездах Самарской и Симбирской губерний вспыхнула «чапанная» война. Она продолжалась несколько недель. Учитывая ее совпадение с началом наступления армии Колчака, командующий Восточным фронтом М. В. Фрунзе бросил на подавление одетых в чапаны крестьян два полка. По различным донесениям, в «войне» участвовало 100—150 тысяч средневожских крестьян, было убито не менее тысячи крестьян и расстреляно более 600 «главарей»⁽¹⁴⁹⁾.

Множество крестьянских выступлений не учтено в документах, хотя их массовость и есть свидетельство народного сопротивления режиму⁽¹⁵⁰⁾. Наиболее крупные вспыхнули в 1920 году, когда белые армии были разгромлены, угроза возвращения помещиков исчезла, а разорительные повинности, накладываемые на крестьян режимом, увеличились.

В феврале — начале марта 1920 г. в ряде уездов Уфимской, Казанской и Самарской губерний вспыхнуло крестьянское «вилочное» восстание. Общее число восставших доходило до 400 тысяч человек. Против крестьян были брошены воинские части Запасной армии республики⁽¹⁵¹⁾. Восстание было подавлено с присущей в таких случаях жестокостью. Деревни расстреливались артиллерией, в приказах по армии отмечались случаи мародерства и издевательств над «пленными» крестьянами⁽¹⁵²⁾. Крестьяне также не церемонились с попавшими к ним продотрядниками и бойцами-интернационалистами. По официальной справке, составленной командованием Запасной армии, в ходе подавления восстания было взято в плен 3235 «мятежников», из них 1683 — дезертиры. Кроме того, в селах отобрано 209 винтовок, 57 охотничьих ружей, пулемет, шашки, пики. Потери повстанцев — 637 человек, отрядов Запасной армии — 79 бойцов. Цифры погибших явно занижены, особенно жертв мирного деревенского населения⁽¹⁵³⁾.

В 1920 г. крестьянская война охватила практически всю Россию, как свидетельство неприятия военно-коммунистического режима. Ее размах в различных районах страны был неодинаков. Наиболее крупными были выступления крестьян в Западной Сибири и Тамбовской губернии.

Пик выступления западносибирских крестьян пришелся на январь 1921 г. Он захватил Тобольск, Кокчетав, Петропавловск. Численность восставших — несколько сот тысяч человек. Подавление восстания было возложено на полномочную тройку: председателя Сибревкома И. Н. Смирнова, помощника Главкома вооруженных сил республики В. И. Шорина и председателя Сибирской ЧК И. П. Павлуновского. В их распоряжение было передано несколько кадровых красноармейских дивизий. «Усмирение» крестьян продолжалось вплоть до июля 1921 г. Погибло не менее 2 тыс. красноармейцев, 5 тыс. партийно-советских работников⁽¹⁵⁴⁾. Число погибших крестьян исчислялось десятками тысяч. Они требовали отмены продразверстки и установления «истинного народовластия».

С не меньшей жестокостью было подавлено и крестьян-

ское выступление в Тамбовской губернии, начавшееся в августе 1920 г. и продолжавшееся почти год. Организующим ядром этого выступления был «Союз трудового крестьянства» (СТК), представивший программные требования восставших. Среди них — задача «свержения власти коммунистов-большевиков, доведших страну до нищеты, гибели и позора», ликвидация деления властями граждан на классы, немедленное прекращение гражданской войны. К своим политическим противникам СТК был также беспощаден. В сводке губЧК говорилось: «...По отношению же к семьям коммунистов и трудовых артелей... применяются самые репрессивные меры, а также к лицам, заподозренным в хранении оружия. Плеть гуляет вовсю. Избивают до полусмерти»⁽¹⁵⁵⁾.

В восстании участвовали десятки тысяч крестьян. Против них были использованы красноармейские части (в мае 1921 г.: до 38 тыс. штыков, 10 тыс. сабель, 500 пулеметов, 63 орудия, авиация, бронепоезда и броневики). Подавление мятежников осуществлял штаб: командующий — М. Н. Тухачевский, зам. — И. П. Уборевич, начальник штаба — Н. Е. Какурин. Позже Тухачевский поделился опытом такой войны: «В районах прочно вкоренившегося восстания приходится вести не бои и операции, а, пожалуй, целую войну, которая должна закончиться полной оккупацией восставшего района, насадить в нем разрушенные органы советской власти и ликвидировать самую возможность формирования населением бандитских отрядов. Словом, борьбу приходится вести в основном не с бандами, а со всем местным населением»⁽¹⁵⁶⁾. Для Тухачевского это была война с населением собственной страны. А на войне как на войне... 12 июня 1921 г. в подписанном Тухачевским оперативно-секретным приказе говорилось: «Остатки разбитых банд, сбегавшие из деревень, где восстановлена советская власть, собираются в лесах... Для немедленной очистки этих лесов приказываю: леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, чтобы облако распространилось по всему лесу, уничтожая все, что там пряталось...»⁽¹⁵⁷⁾ Опубликованные цифры потерь: погибло более 2 тысяч партийно-советских работни-

ков, 11 тыс. крестьян, — вряд ли могут быть приняты как достаточно полные. Жертв было намного больше.

«Малая» гражданская война, как называли позже историки борьбу властей с крестьянскими восстаниями, не завершилась разгромом «антоновщины» и других масштабных выражений недовольства сельского населения. Продолжающийся, например, в Поволжье «политический бандитизм» (как называли власти проявление крестьянского возмущения) вызывал повышенную активность карательных организаций вплоть до 1924 г. В ходе войны с крестьянами власти поняли значимость таких репрессивных мер, как разорение хозяйства повстанца, арест членов его семьи и т. д. Сводки ВЧК из различных районов страны свидетельствовали о непрекращающемся противостоянии властей и крестьянства по вопросам о владении землей и производимыми продуктами питания. Крестьяне сопротивлялись произволу властей, которые были беспощадны к любой форме сопротивления⁽¹⁵⁸⁾.

В 1920 г. население Советской России составляло 131,5 млн. человек, из них 110,8 млн. проживало в деревне. Потому столь большую тревогу большевистского руководства вызывала крестьянская война⁽¹⁵⁹⁾. Одним из отражений нежелания крестьян служить красным и белым было дезертирство, вызвавшее создание отрядов «зеленых», не хотевших воевать ни за тех, ни за других⁽¹⁶⁰⁾.

Тотальный террор в стране опирался на произвол и беззаконие. Его жертвами были отдельные люди, классы, сословия, народы. Именно тогда появилось слово «расказачивание», связанное с попыткой ликвидировать одно из привилегированных крестьянских сословий России.

Политическое решение о репрессивных мерах по отношению к казачеству приняло Оргбюро ЦК РКП(б) 24 января 1919 г. В результате этого решения в губкомы было направлено циркулярное письмо, в котором обосновывалась необходимость «самой беспощадной борьбы со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления». Предлагалось: «1). Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный

массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с советской властью. К среднему казачеству применить все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против советской власти». Предлагалось также конфисковать у казаков хлеб, уравнивать «иногородних» переселенцев в правах с казаками в земельном и других отношениях, во всех станицах поставить вооруженные отряды⁽¹⁶¹⁾. Это постановление было направлено только против 3,5 млн. донских казаков. Погромы станиц, расстрелы и грабежи вызвали быстрое и мощное восстание на Дону. 16 марта 1919 г. ЦК РКП(б) выполнение своего решения приостановил⁽¹⁶²⁾. Число погибших казаков после двух месяцев красного террора исчислялось тысячами, в памяти поколений осталось нанесенное моральное оскорбление.

Сословием являлась и интеллигенция, чьи отношения с властями тогда складывались весьма своеобразно. Интеллигенция не была однородной группой, потому было различным и восприятие отдельными ее представителями большевистских программ⁽¹⁶³⁾. Многие крупные инженеры были привлечены к работе во властных хозяйственных структурах, но стремление подчинить действия интеллектуалов решению политических задач вызвало сопротивление части из них.

В работах Ленина слово «интеллигенция» упоминается, как правило, в отрицательном контексте. Он противопоставлял «хнычущую интеллигенцию» и всегда правого «твердокаменного пролетария»⁽¹⁶⁴⁾. Ленин и его сторонники создавали тоталитарный режим, где не было места оппозиции властям в лице представителей интеллигенции или кого-либо другого. Они уже в годы гражданской войны стали создавать свою партийную интеллигенцию, организуя для ее подготовки многочисленные партийные школы, коммунистические университеты (1919 г.), институт красной профессуры (1921 г.) и др.

Многие представители интеллигенции выражали тогда свое возмущение отношением режима к людям, к культуре,

стремлением всех уравнивать в бесправии, лишить свободы слова, узаконить произвол⁽¹⁶⁵⁾. Вряд ли можно согласиться с утверждением, что интеллигенции, единственной из «старых» групп сумевшей выжить в годы гражданской войны, удалось и сохранить свои привилегии⁽¹⁶⁶⁾. Ведь ее жизненный уровень понизился, а репрессии коснулись в широких масштабах. Расстреливалась без всякой пощады военная интеллигенция (офицеры), не было снисхождения и ученым, связанным с профессором Н. С. Таганцевым. Своим знакомым Ленин советовал уехать⁽¹⁶⁷⁾, других большевики запутивали, а третьих — расстреливали. 18 сентября 1919 г. на заседании Политбюро рассматривался вопрос о родственнике философа В. В. Розанова. Решили: Розанова не расстреливать. Поручить Бухарину составить от имени ВЧК официальное сообщение о том, что Розанов изобличен в контрреволюционных действиях, за которые полагается по законам революции расстрел. Но так как он действовал не персонально, а как представитель «организации правых меньшевиков», то дело о нем выделено из «дела» остальных арестованных вместе с ним, уже расстрелянных, и направлено к доследованию для привлечения остальных виновных⁽¹⁶⁸⁾. В августе 1921 г. по постановлению Петроградской ЧК был расстрелян поэт Николай Гумилев⁽¹⁶⁹⁾. Не щадили большевики и своих, даже таких, как М. В. Фрунзе⁽¹⁷⁰⁾.

Большевистское руководство России наследовало от самодержавия многие имперские принципы управления, совершенствуя полицейский надзор, аппарат и формы насилия над собственным населением. Тоталитаризм, как и его отличительная черта — антисемитизм, не был навязан России. Тоталитарное мышление веками существовало в российском обществе и исходило из существования единой и неделимой России, где самый многочисленный народ — русский — играл роль старшего брата для всех остальных⁽¹⁷¹⁾. Большевики утвердили новый, советский тип колониализма для мусульманских народов России⁽¹⁷²⁾, они сделали антисемитизм одной из составных частей государственной идеологии⁽¹⁷³⁾.

Еврейские погромы в годы гражданской войны, прово-

димые красными, белыми, «зелеными», всевозможными бандами, были обыденным явлением⁽¹⁷⁴⁾. Тогда происходил опыт массового геноцида народа, при протесте отдельных лиц. Горький негодовал: «Грозный еврейский Бог спасал целый город грешников за то, что среди них оказался один праведник. Люди, верующие в кроткого Христа, полагают, что за грех двух или семерых большевиков должен страдать весь еврейский народ». Тогда вся Симбирская губерния должна отвечать за деяния Ленина⁽¹⁷⁵⁾. Власти произносили речи о равноправии, но виновники геноцида не наказывались. 13 апреля 1921 года еврейская секция при ЦК РКП общала в Политбюро ЦК о том, что еще в декабре 1920 г. секция просила Политбюро опубликовать меры в отношении тех частей конной армии Буденного, которые устраивали погромы на Украине. Резолюция была лаконична: запросить Фрунзе⁽¹⁷⁶⁾. В то же время по предложению большевиков-евреев осуществлялась должностная дискриминация евреев, т. е. их заставляли менять фамилии или просто отказывали в вакансии. 18 апреля 1919 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) выступил Троцкий с заявлением о том, что «огромный процент работников прифронтовых ЧК, прифронтовых и тыловых исполкомов и центральных советских учреждений составляют латыши и евреи, что процент их на самом фронте сравнительно невелик и что по этому поводу среди красноармейцев ведется и находит некоторый отклик шовинистическая агитация». Было предложено перераспределить работников⁽¹⁷⁷⁾. Тогда на заседаниях Полит- и Оргбюро ЦК практиковались предложения типа: «Предложить Цюрупе послать в распоряжение Донисполкома крупного работника, но не еврея»⁽¹⁷⁸⁾. Преследования и геноцид по отношению к евреям, осуществляющиеся властями в годы гражданской войны, вылились в депортации этого народа и создание специфического российского холокоста⁽¹⁷⁹⁾.

Не много делали для пресечения антисемитизма и еврейских погромов руководители белого движения. В. Бурцев писал, что Врангель принимал отдельные меры против антисемитизма, но «систематической борьбы с антисемитизмом как огромной опасностью, угрожавшей всему осво-

бодительному движению, у его правительства, к сожалению, не было, поэтому антисемиты в Крыму от принимавшихся против них мер мало пострадали и продолжали делать свое роковое дело»⁽¹⁸⁰⁾. Антисемитизм был присущ белому движению в целом⁽¹⁸¹⁾. Опыт безнаказанности погромщиков и организаций погромов, геноцид и дискриминацию по отношению к евреям позже Сталин использовал для массовых депортаций и убийств калмыков, крымских татар, многих народов Кавказа.

Большевистские власти жестоко подавляли любые сопротивления режиму, особенно если восставали воинские части. Дисциплина в Красной Армии во многом основывалась на боязни наказания. Главком вооруженных сил республики И. И. Вацетис писал в докладе Ленину (январь 1919 г.): «Дисциплина в Красной Армии основана на жестоких наказаниях, в особенности на расстрелах, но если мы этим, несомненно, и достигли результатов, то только результатов, а не дисциплины разумной, осмысленной, толкающей на инициативу... Беспощадными наказаниями и расстрелами мы навели террор на всех, на красноармейцев, на командиров, на комиссаров. Достигнутое механическое внимание, основанное лишь на страхе перед наказанием, ни в коем случае не может быть названо воинской дисциплиной... наша дисциплина в Красной армии может быть названа, в полном смысле этого слова, кровавой дисциплиной...» Вацетис делал вывод: «Если долго будет продолжаться дисциплина, основанная на смертной казни, то наша армия не даст нам гарантии устойчивости»⁽¹⁸²⁾.

Репрессиям подвергались, прежде всего, бывшие офицеры⁽¹⁸³⁾. Их топил Сталин в Царицыне на барже, несколько тысяч расстреляли по его и Зиновьева приказу в Петрограде (1919 г.). 8 июня 1919 года Ленин телеграфировал Склянскому для передачи Зиновьеву: «Надо усилить взятие заложников буржуазии и семей офицеров ввиду учащения измены». Он считал, что «позором было бы колебаться и не расстреливать за неявку» офицеров по мобилизации. Приказом Троцкого 19 октября 1919 г. семьи служивших в Красной Армии военспецов объявлялись заложниками⁽¹⁸⁴⁾.

Одними из первых крупных военачальников были репрессированы казацкие командиры Красной Армии Б. М. Думенко и Ф. К. Миронов⁽¹⁸⁵⁾. В июле 1920 г. начал восстание против «лжекоммунистов» командир 9-й кавалерийской дивизии А. П. Сапожков. Он объявил о создании в Самарской губернии (там была расквартирована дивизия) «Красной армии правды». В его распоряжении оказались около 3 тысяч бойцов, выступивших за свободную торговлю, против продразверстки и «плохих» коммунистов. В течение месяца восстание было подавлено. Сапожков убит в бою. К суду было привлечено 150 человек, 52 из них расстреляны. К. Данишевский увидел в выступлении Сапожкова критику советской системы с оружием в руках⁽¹⁸⁶⁾.

Крупным антибольшевистским выступлением было восстание матросов в Кронштадте (март 1921 г.). Они требовали «Советов без коммунистов», свободного рынка для крестьян, поддержали бастующих рабочих Петрограда. В Кронштадте было около 27 тысяч матросов и солдат, 140 крепостных орудий, более 100 пулеметов. На них наступала под командованием Тухачевского 7-я армия (45 тыс. бойцов, артиллерия, авиация). Около 8 тыс. матросов бежало в Финляндию, советские войска потеряли убитыми 527 чел., ранеными — 3285 чел.⁽¹⁸⁷⁾. В Кронштадте погибли тысячи людей. Тухачевский вспоминал, что матросы «бились как дикие звери... Каждый дом... приходилось брать штурмом»⁽¹⁸⁸⁾. В кронштадтских событиях ни эсеры, ни меньшевики, ни буржуазия никакого участия не принимали. После его подавления не было открытого судебного процесса. Моряков расстреливали, жителей выселяли из Кронштадта⁽¹⁸⁹⁾. В январе 1994 г. указом Президента России Б. Н. Ельцина все участники Кронштадтского восстания были реабилитированы. В Кронштадте было решено установить памятник жертвам событий весны 1921 г.⁽¹⁹⁰⁾.

Н. И. Махно (1884—1934) и его крестьянская армия — это часть гражданской войны в России и на Украине⁽¹⁹¹⁾. Отряды Махно дважды в 1919—1920 гг. становились регулярными частями Красной Армии. В феврале 1919 г. Махно стал командиром 3-й бригады 1-й Заднепровской дивизии.

Однако когда в начале июня бригаде Махно Троцкий приказал отправиться на оголенный участок фронта против Деникина, тот отказался, сославшись на отсутствие оружия. Тогда Троцкий объявил его вне закона.

Махно во второй половине 1919 года воевал со всеми: добывал у небольших красноармейских гарнизонов оружие, беспощадно расправлялся с теми, кто поддерживал деникинский режим, грабил крестьян.

«Отрицали ли когда-нибудь повстанцы-махновцы то, — писал Махно в эмиграции, — что они на своем пути уничтожали иногда большевистских агентов по продразверстке, а также милиционеров и председателей?.. Я заявляю — нет! Повстанцы-махновцы никогда не отрицали и не намеревались отрицать. Наоборот, они всегда говорили — да, мы агентов по продразверстке убивали, да, мы председателей кое-где на своем пути расстреливали, как расстреливали мы также и только кое-где и милиционеров. Но расстреливали мы их совсем не за то, что они агенты по продразверстке, председатели комнезамощных и милиционеры из рядов бедноты... За выслеживание и указание чекистским отрядам лечивших по деревням раненых и больных махновцев и сочувствовавших махновскому движению тружеников-крестьян мы их уничтожали»⁽¹⁹²⁾.

В начале октября 1920 г. отряды Махно приняли активное участие в разгроме войск Врангеля⁽¹⁹³⁾. Но на Южный Кавказ Махно идти отказался. Тогда по приказу Фрунзе началась ликвидация крестьянского войска Махно. На это было отправлено две трети красноармейцев Южного фронта. Война с Махно продолжалась до августа 1921 г. Она сопровождалась беспощадной расправой над противниками конфронтирующих сторон, каждая из которых славилась своей жестокостью. В этой борьбе с собственным крестьянством РККА потеряла убитыми в 1921 г. — 170 тыс. бойцов, в 1922 г. — 21 тыс.⁽¹⁹⁴⁾.

Крестьянская война шла в 1918—1921 гг. против красных и белых, и те и другие формировали свои армии за счет крестьян. Потому исход гражданской войны в России в конечном счете зависел от того, на чьей стороне выступала ос-

новная масса населения страны. Крестьяне не хотели участвовать в гражданской войне и стремились «откупиться» от красных и белых, уступая мобилизациям в армии, выполнению повинностей. Но когда требования властей становились чрезмерными и посягали на их собственность — начались восстания. Крестьяне потеряли только во время войны с красными и белыми в 1919—1921 гг. более полу-миллиона человек. Жестокость и беспощадность красных, белых, крестьянских повстанцев в то время не отличались друг от друга. В гражданской войне убивали друг друга граждане одной страны, с одним менталитетом. Поэтому карательные экспедиции красных и белых против непокорных деревень были столь же беспощадны и кровавы, сколь и грабежи, убийства сторонников Махно, Антонова, Сапожкова и других лидеров бесчисленных крестьянских выступлений..

Стремление большевистского руководства быстро и эффективно преобразовать общество, искореняя по классовому принципу целые социальные группы общества, разве лишь масштабностью отличались от политики белых избавиться от всякой оппозиции. Шовинизм и антисемитизм был свойствен в той или иной степени всем воюющим сторонам, так как целью было сохранение империи в старом или новом виде.

Результаты гражданской войны были ужасны для населения России. Число погибших до конца не выяснено и поныне. Опубликованные статистические данные называют количество жертв гражданской войны, которые колеблются от 3 до 16 млн. человек⁽¹⁹⁵⁾. Это была трагедия страны и пиррова победа пришедшего к власти «ордена меченосцев» — партии большевиков.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 4

¹ Розенберг У. Формирование новой российской государственности. // Отечественная история. 1994. № 1. С. 3. В настоящее время исследователи сосредоточили внимание на социальных проблемах гражданской войны. Их интересует та часть российского общества, которая не участвовала в «великой

классовой борьбе», ведшейся в то время между «суррогатом» пролетариата (Красная армия и компартия) и «суррогатом» буржуазии (Белая Армия и городская интеллигенция). // Fitzpatrick Sh. *New perspectives on the civil war. — Party, state and society in the Russian civil war.* Indiana University Press, 1989. P. 5—6.

² См.: Убийство царской семьи. Протокол расследования комиссии, учрежденной приказом Верховного правителя адмирала Колчака. Б. м. 1919; Соколов Н. А. Убийство царской семьи. М., 1991; Summers A., Mangold T. *The File of the Tsar.* N.Y. 1976; Иоффе Г. Революция и судьба Романовых. М., 1992; Ферро М. Николай. II М., 1991; Буранов Ю., Хрусталева В. Гибель императорского дома. 1917—1919 гг. М., 1992; и др.

³ Судьба Михаила Романова. // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 149—163; Беленкин Б. Ганька. // Огонек. 1990. № 21. С. 18—19. Ганька — это Гавриил Иванович Мясников, убийца М. Романова, позже один из лидеров «рабочей оппозиции» в РКП(б). Буранов Ю., Хрусталева В. Тайное убийство великих князей. // Совершенно секретно. 1990. № 18; Там же. С. 324. Ю. О. Мартов в 1919 г. протестовал против убийства великих князей. Мартов и его близкие. N. Y., 1959. С. 153—154.

⁴ См.: Быков П. М. Последние дни Романовых. Свердловск, 1926. С. 96; Иоффе Г. З. Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С. 341; и др.

⁵ Соколов Н. А. Там же. С. 305.

⁶ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. Tanaffy, 1986. С. 100—101; он же. Из дневника 1935 года. // Знамя. 1990. № 8. С. 179—180.

⁷ Хрусталева В. Новые документы об убийстве царской семьи. // Известия. 1993. 14 мая. Убийцы великого князя Михаила не понесли никакого наказания. С Мясниковым беседовал Дзержинский. Никакого последствия для убийц это не имело. Об убийстве всех Романовых была распространена дезинформация: в печати сообщалось, что князья то ли бежали, то ли их похитили бандиты...

⁸ ГАРФ, ф. 130, оп. 1, д. 787, л. 11, 13, 14; В. И. Ленин. Незвестные документы. 1891—1922. С. 243; Буранов Ю., Хрусталева В. Указ. соч. С. 258, 261; Радзинский Э. «На бой кровавый...» // Аргументы и факты. 1990. № 46. Современ-

ники пытались обелить Ленина, показать его сочувствие казненным. Ф. Ф. Раскольников писал: «Ленин резко негодовал против ареста и казни великих князей: ученого-историка Николая Михайловича и опального, одно время даже высланного из старорежимной России, безобидного Павла Александровича. Они стояли в оппозиции к Николаю II и не имели никакого влияния при дворе. Приказ Ленина об освобождении великих князей пришел слишком поздно: их уже расстреляли во дворе тюрьмы». Федор Раскольников о времени и о себе. Воспоминания, письма, документы. Л., 1989. С. 516. Ни одного приказа Ленина о помиловании, пришедших «поздно», исследователи пока не обнаружили. Не подтверждаются и антисемитские инсинуации о причинах гибели царской семьи. // Известия. 1993. 2 октября. См. также: «Суд над семьей Романовых организовать не представляется возможным». НКВД СССР и МГБ СССР о судьбе царской семьи. // Источник. 2001. № 6. С. 97—110.

⁹ Буранов Ю., Хрусталева В. Указ. соч. С. 273; Свердлов Я. М. Письма из 1918 г. // Октябрь. 1982. № 11. С. 175; Аргументы и факты. 1990. № 9; Ферро М. Николай II. М., 1991. С. 305; и др. См. также: Richards G. *The Rescue of the Romanovs.* Greenwich. 1975.

¹⁰ Радзинский Э. Расстрел в Екатеринбурге. // Огонек. 1990. № 22. С. 27; Коваленко Ю. Судьба царской семьи: новые версии и старые мифы. // Известия. 1991. 16 сентября; Валитов Р., Светлова Е. Царевна Анастасия. Жизнь и смерть под надзором. // Республика Татарстан. 1994. 12 февраля; и др. За годы после расстрела царской семьи появилось не менее трех десятков «уцелевших» детей российского императора. Одна из последних «Анастасий» была «обнаружена» в Тбилиси в 2002 г., но вскоре выяснилось, что это очередная мистификация. // Комсомольская правда. 2002. 20 июня. Вскрытие захоронения царской семьи в 1991 г. привело к обнаружению 9 трупов, которые затем были перезахоронены в Петропавловском соборе С.-Петербурга. Авдонин А. Тайна Коптяевской дороги. // Источник. 1994. № 5. С. 61—76.

¹¹ См.: Московские новости. 1989. 16 апреля; Известия. 1994. 16 марта, 23 апреля, 20 мая; Источник. 1994. № 5. С. 61—76; и др.

¹² Черкасов П. Последний император. // Новый мир. 1993. № 1. С. 196. Х. Арендт была потрясена чудовишным раз-

рывом между огромностью преступлений гитлеровского сподвижника Эйхмана и незначительностью преступного персонажа. // Свободная мысль. 1992. № 8. С. 75. Стрелявший в царя Я. М. Юровский (1878—1938) также относился к типу людей, которые готовы были скорее убить за идею, нежели умереть за нее. Юровский стал большевиком в 1905 г., был боевиком, оставаясь малограмотным человеком (учился полтора года в начальной школе, окончил школу военных фельдшеров). В начале 1918 г. Юровский — председатель следственной комиссии при Екатеринбургском ревтрибунале, затем ЧК. У него была воля, решимость исполнить свой долг и указания руководства, не задумываясь над преступностью приказа, поскольку и сам был причастен к созданию таковых. Позже он работал в ЧК, Гохране, был директором Политехнического музея в Москве. Умер Юровский 2 августа 1938 г. от язвы желудка. Юровский никогда не сожалел о содеянном, наоборот, гордился тем, что был палачом революции. Резник Я. Чекист. Свердловск, 1968; Кто же он, Яков Юровский? // Уральский рабочий. 1990. 11 ноября.

¹³ М. Горький только после выстрелов в Ленина заявил, что террористические акты против руководителей Советской республики «побудили его окончательно вступить на путь тесного с ними сотрудничества». Федюкин С. А. Художественная интеллигенция в первые годы советской власти. / История СССР. 1969. № 1. С. 13.

¹⁴ В «обвинительном заключении» судебного процесса 1922 г. цитировалось выступление В. М. Чернова на IV съезде партии эсеров (ноябрь 1917 г.): «Партия социалистов-революционеров не скрывала и не скрывает, что все ее силы, физические и революционные, которые будут в ее распоряжении, она противопоставит всякой узурпации, всякому покушению на права народа, как она это делала прежде при предыдущих покушениях на права народа». И письмо А. Р. Гоца на имя этого съезда, в котором «смольные самодержцы» предупреждались, что если они посягнут на завоевания революции, то «партия социалистов-революционеров вспомнит о своей старой испытанной тактике, вдохновляемой лозунгом «по делам вашим воздастся вам». Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров по обвинению их в вооруженной борьбе против советской власти, организации убийств, вооружен-

ных ограблений и в изменнических отношениях с иностранными государствами. М., 1922. С. 80. Это были декларативные заявления о намерениях, не более того. К таковым в меньшей степени следует отнести и обращение ЦК партии правых эсеров с реакцией на заключение Брестского мира (март 1918 г.). В нем заявлялось, что «правительство народных комиссаров предало демократическую Россию, революцию, интернационал и оно должно быть и будет низвергнуто... Партия социалистов-революционеров приложит все усилия к тому, чтобы положить предел властвованию большевиков». РГАСПИ, ф. 274, оп. 1, д. 2, л. 18.

¹⁵ Обвинительное заключение... С. 79—80.

¹⁶ На заседании президиума ВЧК (Уншлихт, Менжинский, Благоднаров) 22 апреля 1922 г. было решено: дело по обвинению правых эсеров в вооруженной борьбе против советской власти, в экспроприациях, террористической, военно-подрывной работе и в сношениях с союзниками, получении от них денежных средства 1918 г., по докладу Агранова, утвержденному Уншлихтом, со всеми обвинениями передать в Верховный трибунал. ЦА ФСБ РФ, ф. 1, оп. 1, д. 4, л. 45.

¹⁷ Семенов-Васильев Г. И. (1891—1937), из семьи акцизного чиновника, уроженец города Юрьева, по образованию — самоучка. Эсер с 1915 г. После Февральской революции — комиссар 3-го конного корпуса, член военной комиссии при ЦК партии с.-р., член петроградского комитета партии эсеров, в конце 1917—1918 гг. —руководитель боевой группы партии эсеров. В ноябре 1918 г. был арестован чекистами. Об этом позже говорил Агранову. «В тюрьме я пробыл 9 месяцев, все это время у меня происходил глубокий внутренний процесс, шла коренная переоценка. В результате мои политические взгляды изменились коренным образом. Я пришел к признанию необходимости диктатуры пролетариата». На поруки его взял Енукидзе. В 1919 г. примкнул к эсеровской группе «Народ», одновременно работал в ВЧК. В январе 1921 г. по рекомендации А. С. Енукидзе, Л. П. Серебрякова и Н. Н. Крестинского вступил в РКП(б). В 1922 г. осужден и амнистирован. Позже работал в разведуправлении РККА. Семенов был арестован 11 февраля 1937 г. НКВД и обвинен в том, что с 1928 г. являлся активным участником нелегальной антисоветской организации правых и был связан с Н. И. Бухариным; что являлся руководителем боевой и террористической организации пра-

вых, по поручению Бухарина создал ряд террористических групп из числа бывших эсеров-боевиков; что силами этих групп подготавливал совершение терактов против руководителей ВКП(б) и советского правительства. 8 октября 1937 г. Военная коллегия Верховного суда приговорила Г. И. Семенова к расстрелу, и в тот же день он был расстрелян. Военная коллегия 22 августа 1961 г. дело Семенова прекратила за недоказательностью предъявленных ему обвинений. В определении Военной коллегии от 22 августа 1961 г. сказано: «Проверкой дела установлено, что Семенов никаких террористических групп после 1918 г. не создавал и с эсерами связан не был. Будучи арестованным 11 февраля 1937 г., Семенов до 15 июня 1937 г. отрицал свою вину и 4 июня 1937 г. на очной ставке с уличающим его арестованным Усовым К. А. (Усов был членом эсеровской группы Семенова в 1918 г. — А. Л.) заявил: «Вы Усова замучили угрозами. Смотрите, на кого он похож? Потому он и дает такие показания». За это заявление Семенов был водворен в карцер, после чего 15 июня 1937 г. написал прошение на имя Н. И. Ежова о том, что вину свою он признает и обещает дать подробные показания. По делу установлено, что бывший сотрудник НКВД М. Л. Гатов, руководивший следствием и допрашивавший Семенова, в 1939 г. был осужден за фальсификацию следственных дел и антисоветскую деятельность в органах НКВД. ЦА ФСБ РФ, следственное дело № 11401. Т. 1. Семенов Г. И.

В. Шкловский писал о встречах с Семеновым: «Это человек небольшого роста, в гимнастерке и шароварах, но как-то в них не вношенный, со лбом довольно покатым, с очками на небольшом носу, и рост небольшой. Говорит дискантом и рассудительно. Верхняя губа коротка. Тупой и пригодный для политики человек. Говорить не умеет». Шкловский В. Сентиментальное путешествие. М., 1990. С. 144. Подробнее о Г. И. Семенове см.: Литвин А. Л. Азэф второй. // Родина. 1999. № 9. С. 80—84; Журавлев С. В. Человек революционной эпохи: судьба эсера-террориста Г. И. Семенова (1891—1937). // Отечественная история. 2000. № 3. С. 87—105.

Коноплева Л. В. (1891—1937), из семьи учителя. Училась в архангельской женской гимназии, участвовала в революционном движении. В партию эсеров вступила в 1917 г. Летом 1917 г. работала секретарем газеты «Земля и воля» в Петрограде, в конце года вошла в военную организацию, в 1918 г. — в

боевую дружину, в начале 1919 г. — в группу «Народ». В том же 1919 г., по ее словам, от работы в партии с.-р. отошла и никакой политической работой не занималась. В 1921 г. по рекомендации членов ЦК Бухарина, Шкирятова и И. Смирнова вступила в РКП(б). На допросе в 1922 г. сказала Агранову: «Начавшаяся у меня после покушения на Ленина... утрата веры в партию, сознание пагубности ее политики заставили меня уйти совсем от партийной работы». С осени 1918 г. Коноплева сотрудничала с ЧК. У нее хранилась часть эсеровского архива и составленная для чекистов инструкция по «подрывной химии». В 1922—1924 гг. работала в 4-м управлении штаба РККА. Позже работала в московском отделе народного образования, в издательствах «Работник просвещения» и «Транспечать». Арестована в Москве 30 апреля 1937 г., обвинена в связях с Бухариным и Семеновым, расстреляна 13 июля 1937 г. 20 августа 1960 г. реабилитирована «за отсутствием состава преступления». // ЦА ФСБ РФ, следственное дело № 11401. Коноплева Л. В.

В. Шкловский: «В Москве видел Лидию Коноплеву, это блондинка с розовыми щеками. Говор — вологодский». Шкловский В. Указ. соч. С. 157.

¹⁸ Jansen M. A Show Trial under Lenin. The trial of the Socialist revolutionaries. Moscow, The Hague. 1982. P. 144—146; он же. Суд над эсерами // Огонек. 1990. № 39. С. 15; он же. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993; Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь—август 1922 г.). Сб. документов. М., 2002.

¹⁹ Slavic Review. 1989. V. 48. № 3. P. 444; Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1986. Кн. 2. С. 207.

²⁰ Обвинительное заключение... С. 95; Коноплева Л. Организация эсеровского покушения на тов. Ленина. Пионтковский С. А. Гражданская война в России. Хрестоматия. М., 1925. С. 176; Петровский Б. В. Ранение и болезнь В. И. Ленина. // Правда. 1990. 25 ноября. О подготовке брошюры Семенова было известно Политбюро ЦК РКП(б), возлагавшему на предстоящий процесс над правыми эсерами надежды покончить с политической оппозицией. На заседании Политбюро 21 января 1922 г. было поручено Уншлихту принять меры, чтобы «известная ему рукопись вышла из печати за границей не позже чем через 2 недели». РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 256, л. 2. Уншлихт, в свою очередь, передал в ЦК письмо Семенова, в

котором объяснялись причины, побудившие его написать эту брошюру. Письмо датировано 5 декабря 1921 г., сохранилась рукопись. Семенов писал, что разочаровался в деятельности правых эсеров и уже в конце 1920 г. пришел к «мысли о необходимости открыть темные страницы прошлого п. с.-р.». Он был за границей и понял, что из всех партий — партия правых эсеров «безусловно единственная реальная сила, могущая сыграть роковую роль при свержении советской власти». Поэтому решил «разоблачить партию с.-р. перед лицом трудящихся, дискредитировать ее... открыв темные страницы ее жизни, неизвестные еще ни РКП, ни большинству членов партии с.-р. ... Это и было основной причиной, побудившей меня написать доклад». РГАСПИ, ф. 87, оп. 84, л. 8—10.

«Цинизм, с которым через 10 дней после опубликования брошюры предателя в Берлине было состряпано «дело» против социал-революционеров в Москве, со всей ясностью поставил перед социалистами и рабочими вопрос о методах расправы большевиков со своими политическими противниками вообще. То, что обычно творилось под спудом, впервые открыто выявилось во всем своем безобразии. Террор на основе гнусного предательства и грязной полицейской провокации — вот против чего поднял свой протестующий голос пролетариат». Социалистический вестник. 1922. 3 апреля. № 7.

²¹ Семенов (Васильев) Г. Там же. С. 27—29.

²² ЦА ФСБ РФ, Н-1789. Стенограмма судебного процесса по делу ЦК партии, правых эсеров. 1922. Т. 10.

²³ Флеровский И. В. Володарский. М., 1922. С. 9, 20—21; Голос России. 1922. 25 февраля. Из допроса шофера машины Г. Юргенса и бывших с Володарским сотрудниц Смольного видно, что террорист стрелял в спину комиссару и что это для них было неожиданно. Володарского застрелили в трех шагах от машины. Стрелявший был «среднего роста, плотный, приземистый, на нем темно-серый поношенный костюм и темная кепка. Лицо его было очень загорелое, скуластое, бритое, ни усов, ни бороды. На вид лет около 30...». // Выстрел в сердце революции. М., 1983. С. 50—52.

²⁴ ЦА ФСБ РФ, Н-1789. Стенограмма судебного процесса по делу ЦК партии правых эсеров. 1922. Т. 10. С. 20, 64, 106, 376—377.

²⁵ Гусев К. В. Рыцари террора. М., 1922. С. 79, 83—84;

Нилов Г. Урицкий и другие. // Горизонт. 1991. № 1. С. 34—35; Он же. Покушение на Ленина. // Грамматика ленинизма; Столица. 1991. № 33, 34.

²⁶ См.: Пионтковский С. А. Гражданская война в России. Хрестоматия. С. 173.

²⁷ Семенов Г. Указ. соч. С. 28, 31; Обвинительное заключение... С. 90—91. Коноплева говорила на суде: «Позже из газет я узнала, что Урицкий был убит Канегиссером. Между прочим, о Канегиссере могу сказать, что он не был членом нашего отряда, не был членом партии... он абсолютно никакого отношения к нашим боевым организациям, к нашим отрядам не имел». // ЦА ФСБ РФ. Стенограмма судебного процесса по делу ЦК партии правых с.-р. С. 388. Утверждения суда о том, что Канегиссер был эсером, звучали неубедительно, потому в одной из первых советских книг об Урицком говорилось, что его убил юнкер Канегиссер. Уралов С. Г. М. Урицкий. Л., 1929. С. 118. На суде возникла полемика между Семеновым, утверждавшим, что убийство Урицкого санкционировало правозэсеровское ЦК, и Гоцем, отрицавшим это.

«Семенов: Если бы я тогда знал, что такое из себя представляет центральный комитет...

Гоц: Конечно, истина познается только на службе ВЧК». Стенограмма... С. 400, 413.

²⁸ См.: Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1986. Кн. 1. С. 185—186; Скрябин М., Гаврилов Л. Светить можно — только сгорая. Повесть о Моисее Урицком. М., 1987. С. 344—346.

²⁹ Волков П., Гаврилов Л. Первый председатель Петроградской ЧК. // Звезда. 1967. № 12. С. 150; Новое казанское слово. 1918. 6 сентября.

³⁰ Урицкий М. С. (1873—1918), из купеческой семьи, окончил юридический факультет Киевского университета, с 1903 г. — меньшевик, был в тюрьмах, ссылках, эмиграции. На VI съезде РСДРП(б) стал большевиком, членом ЦК партии, участвовал в разгоне Учредительного собрания как комендант Таврического дворца. С марта 1918 г. — председатель Петроградской ЧК. Разумеется, Урицкий был чекистом той поры. Но Г. Нилов и Р. Медведев видели в нем человека, который в июне 1918 г. предотвратил в Петрограде развертывание красного террора после убийства Володарского. // Столица. 1991. № 34. С. 36.

Это Урицкий протестовал против садистских методов допроса в ЧК, чем вызвал специальное решение фракции коммунистов конференции ЧК (12 июня 1918 г.), предложившей «ЦК партии отозвать т. Урицкого с его поста в Петроградской чрезвычайной комиссии и заменить его более стойким и решительным товарищем, способным твердо и неуклонно провести тактику беспощадного пресечения и борьбы с враждебными элементами, губящими советскую власть и революцию». // Московские новости. 1991. 10 ноября; Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. Т. 1. С. 30. Бывший премьер-министр царского правительства В. Н. Коковцев писал о том, как Урицкий, допросив его в ЧК, освободил, предложив быть свидетелем в суде над Николаем II. Коковцев В. Н. Из моего прошлого. М., 1992. Кн. 2. С. 383—391. В. П. Зубов, директор Гатчинского музея, с 1922 г. эмигрант, вспоминал: во главе Петроградской ЧК «находился недюжинный человек, товарищ Урицкий. Короткая встреча, которую я тогда имел с ним (он вскоре был убит юным идеалистом Канегиссером) не была слишком понятной, но, оставаясь объективным, я должен сказать, что моим впечатлением было, что предо мной человек глубоко честный, до фанатизма преданный своим идеям и обладавший где-то в глубине души долей доброты. Но фанатизм так выковал его волю, что он умел быть жестоким. Во всяком случае, он был далек от того типа садистов, что управляли чекой после него». Зубов В. П. Страдные годы России. Воспоминания о революции (1917—1925 гг.) Мюнхен, 1968. С. 51.

³¹ Алданов М. Убийство Урицкого. // Наш современник. 1990. № 2. С. 173—186. Этот очерк Алданова был издан несколько раз: в 1928 г. в специальном сборнике, посвященном памяти Канегиссера, — Леонид Канегиссер. Париж, 1928. В нем также статьи Г. Иванова и Г. Адамовича, стихи Канегиссера. Ф. Раскольников предложил политическую подоплеку убийства Урицкого, не имеющую оснований. Вспоминая о допросе в Лондоне в начале 1919 г., он сообщал: «Не было ли убийство товарища Урицкого, совершенное Канегиссером, организовано англичанами за убийство Кроми?» Федор Раскольников о времени и о себе. Л., 1989. С. 397. Этого не могло произойти по многим причинам. Прежде всего по той, что Урицкий был убит 30 августа 1918 г., а британский морской атташе Ф. А. Кроми — 31 августа во время перестрелки с чекистами в здании английского посольства в Петрограде. После убийства

Урицкого Кроми был жив еще более суток. Видимо, Раскольников перепутал хронологию событий, но помнил выступление Урицкого, обвинявшего англичан в убийстве Володарского. Ло к к а р т Р. Мемуары британского агента. М., 1991. С. 269.

³² В 1-м томе следственного дела — материалы об аресте и допросах Л. И. Канегиссера, во 2-м и 3-м — показания лиц, привлекавшихся по делу; в 4-м — следственная переписка, материалы к биографии Канегиссера; в 5-м — личная переписка поэта, изъятая при обыске; в 6-м — материалы, отобранные при обыске у отца поэта; в 7-м — личные документы родителей и родственников Канегиссера; в 8-м — личные документы арестованных по делу; в 9-м — следственные материалы на заложников, арестованных в связи с убийством Урицкого; в 10-м — сведения о родственниках поэта; в 11-м — ходатайства об освобождении заложников. В делах — сведения о семье Канегиссера и самом поэте. О них мало известно, хотя они и важны для полного представления о случившемся. Итак, семья: отец — Иоаким (Аким) Самойлович Канегиссер (1860 г. р.), кандидат математических наук, инженер, служащий Министерства путей сообщения, с 1891 г. — титулярный советник, с 1896 г. — коллежский асессор, с 1899 г. — надворный советник. Мать — Роза Львовна, дочь одесского купца Сакерса, набожная женщина. В семье трое детей: Сергей (1894 г. р.), студент-медик, покончил жизнь самоубийством; Леонид (1896 г. р.) и Елизавета (1893 г. р.). Все иудейского вероисповедания. Леонид Иоакимович Канегиссер родился 15 марта 1896 г. В 1913 г. он — студент экономического отделения Петербургского политехнического института. В делах хранится его лекционная книжка: пометка о последнем сданном экзамене 19 января 1917 г. — по биржевому и банковскому делу — «весьма удовлетворительно».

30 августа 1918 г., после ареста Леонида Канегиссера, были арестованы его родители и сестра, в квартире произведен обыск, в течение дня и ночи выявлены 467 фамилий с адресами родственников и знакомых «террориста».

Иоаким Самойлович (отец) характеризовал сына импульсивным, увлекающимся поэтом, имевшим независимый характер. Он сказал, что Леонид поступил в Михайловское артиллерийское училище после Февральской революции, когда евреям было дано право быть офицером, одновременно он сотрудничал в торгово-промышленных газетах. Роза Львовна (мать) со-

общила, что она была в стороне от политики, сына учила уважать свой народ. Мать, сестра и бабушка подтвердили, что со своим двоюродным братом М. Филоненко Леонид не встречался. По распоряжению Н. К. Антипова все родственники Канегиссера были освобождены. В апреле 1921 г. они были вновь арестованы как заложники в связи с кронштадтским мятежом. После его подавления — освобождены. Затем вновь подверглись репрессиям. Часть из них погибла, а часть — оказалась в эмиграции. Исая Бенедиктович Мандельштам (1885—1954) был переводчиком немецкой и французской литературы, двоюродным братом отца Л. Канегиссера. В ночь на 1 сентября 1918 г. был арестован, затем отпущен за непричастностью к убийству Урицкого. В марте 1935 г. его вновь арестовали за родство с убийцей Урицкого. Был сослан, вернулся. В 1951 г. снова арестован, сослан в Казахстан, где и умер. // *Минувшее*. М., 1992. Т. 11. С. 386, 388. Попытка представить И. Б. Мандельштама отчимом Л. Канегиссера неверна. См.: Мандельштам О. Э. *Собр. соч.* М., 1991. Т. 2. С. 610.

Воспоминания знавших Леонида Канегиссера однозначны: это был настоящий поэт с огромной чувствительностью, красивый, стройный, высокий и черноглазый. Иванов Г. «Я вспоминаю — Россия, свобода, Керенский на белом коне». // *Столица*. 1991. № 10. С. 45, 47. М. Цветаева вспоминала: «Леня для меня слишком хрупок, нежен... цветок. Старинный томик «Медного всадника» держит в руке — как цветок, слегка отставив руку — саму как цветок. Что можно сделать такими руками?» Цветаева М. *Проза*. М., 1989. С. 267. Л. Канегиссера я полюбил за «эту прямую и честную натуру». Нелидов Н. Д. *Заговоры в Петрограде*. — Белое дело. Берлин, 1928. Т. IV. С. 206. Семью Канегиссеров и самого «Леничку» вспоминал не раз добрым словом поэт М. А. Кузмин (1872—1936). Кузмин М. *Дневник 1921 года*. // *Минувшее*. М., 1993. Т. 12. С. 438; и др.

³³ В одном из писем матери 2 апреля 1918 г. Л. Канегиссер писал: «Очень ли ты возмущаешься моим эгоизмом? Зато ты увидишь, мамочка, когда я приеду, как бодр я буду! Работа здесь будет длиться довольно долго, но я вряд ли дослужу до конца, оттого что я все-таки настолько дурно воспитан, что эгоизм меня тяготит... Если увидишь Марка Александровича (Алданова. — А. Л.), скажи, пожалуйста, что я не могу здесь (в Нижнем Новгороде. — А. Л.) найти никого из наших общих

«товарищей». Я был бы очень благодарен, если бы он послал мне сам или через тебя указания, где их разыскать». Стихотворение адресовано Агриппине Ивановне Пивоваровой:

Для вас в последний раз, быть может,
Мое задвигалось перо. —
Меня уж больше не тревожит
Ваш образ нежный, мой Пьеро!
Я вам дарил часы и годы,
Расцвет моих могучих сил,
Но, меланхолик от природы,
На вас тоску лишь наводил.
На образумил в час молитвы
Меня услышавший творец:
Я бросил страсти, кончил битвы
И буду мудрым наконец.

³⁴ Мельгунов С. *Воспоминания и дневники*. Париж, 1964. Вып. 2. Ч. 3. С. 27.

³⁵ Г. Иванов, хорошо знавший Канегиссера, писал, как его возили на допросы в Петербург из Кронштадта по морю, как однажды разыгралась буря и поэт сказал: «Если мы потонем, я один буду смеяться». Один из матросов позже утверждал, что чекисты были принуждены ускорить казнь, так как нравственный облик Канегиссера располагал к себе всех окружающих, большевики боялись, как бы матросы не освободили его. // *Столица*. 1991. № 10. С. 48.

³⁶ Ленин В. И. *ПСС*. Т. 50. С. 106; Рабинович А. *Моисей Урицкий: Робеспьер революционного Петрограда?* // *Отечественная история*. 2003. № 1. С. 12—13.

³⁷ Смильг-Бенарио М. На советской службе. Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 3. С. 149. Число расстрелянных в Петрограде и Кронштадте в ответ на убийство Урицкого исчислялось сотнями заложников. Дом на улице Миллионной в Петрограде, куда убежал Канегиссер, был «взят на подозрение», и его многие жильцы арестованы. Аксакова Т. А. *Дочь генерала*. // *Минувшее*. М., 1991. Т. 4. С. 13. Через несколько дней после убийства Урицкого военный комиссар Петроградского военного округа Б. П. Позерн (1882—1939) выехал в Кронштадт, где ночью матросы ворвались в тюрьму и расстреляли до 500 человек. // *Архив русской революции*. Т. 3. С. 150.

³⁸ В следственном деле об убийстве Урицкого многочисленны жалобы заложников на произвол властей. Вот один из случаев: Иван Гончаров, 30 лет, счетовод магазина, на допросе 10 октября 1918 г. в Петроградской ЧК заявил, что вскоре после убийства Урицкого в магазин пришел комиссар торговли Спасского Совета для ареста директора. На вопрос: «За что его арестовывают?» — ответил, что может всех арестовать. В результате Гончарова объявили заложником, записали бывшим поручиком. «Но я болен, — говорил Гончаров, — я никогда в армии не служил, но со 2 сентября сижу в Дерябинской тюрьме». ЦА ФСБ РФ, д. Н-196. Об убийстве Урицкого. Т. 11. С. 7. Неизвестный петроградский чиновник записал в дневнике 3 сентября 1918 г. о том, что после убийства Урицкого и ранения Ленина начались аресты генералов, расстрелы без суда, а потому надо требовать отмены смертной казни. Русская революция глазами петроградского чиновника. Дневник 1917—1918 гг. Осло, 1986. С. 57.

³⁹ Пятый созыв ВЦИК. Стеногр. отчет. М., 1919. С. 87; Троицкий Л. Д. О Ленине. Материалы для биографа. М., 1925. С. 111.

⁴⁰ Нилов Г. Урицкий, Володарский и другие. // Горизонт. 1991. № 1. С. 30, 31, 35.

⁴¹ Кроме признания самого Л. Канегиссера в убийстве Урицкого, есть многочисленные свидетельские показания. Швейцар П. Г. Григорьев 30 августа 1918 г. открыл лифт Урицкому в 11 часов утра. На полдороге от дверей до лифта, говорил он в тот же день следователю ЧК, грянул выстрел, и Урицкий упал. Стрелял в него человек, сидевший на окне в подлезде с 10 часов утра, в котором он узнал Канегиссера. За ним побежал другой швейцар, Федор Васильев, караульные солдаты. Убийца убегал на велосипеде. ЦА ФСБ РФ, Н-196, т. 1, л. 20. «Мне кажется, — писал очевидец, — что бедный мальчик, стрелявший в Урицкого, открыл дорогу всем ужасам советского террора». Зубов В. П. Страдные годы России. С. 52. Комментаторы изданных документов Ленина безосновательно утверждают, что Урицкий был «убит эсерами». // В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891—1922. С. 648.

⁴² Одним из первых, в научной статье поставившим под сомнение участие Каплан в покушении на Ленина, стал Б. М. Орлов, историк-эмигрант, ныне сотрудник Русского исследова-

тельского центра Тель-Авивского университета. В статье «Миф о Фани Каплан» он назвал Л. В. Коноплеву в качестве возможной убийцы Ленина, но отказался от серьезного источниковедческого анализа. Орлов Б. Миф о Фани Каплан. // Время и мы. Тель-Авив, 1975. № 2—3; он же. То же. // Источник. 1993. № 2. С. 71. Семен Ляндрес, родственник известного советского мастера детектива Юлиана Семенова, ныне проживающий в США, в статье на ту же тему подтвердил гипотезу о том, что стреляла не Каплан, но не назвал фамилии возможной террористки. Lyandres S. The 1918 attempt on the life of Lenin: a new look on the evidence. // Slavic Review, 1989. V. 48. № 3. P. 432—448.

Он основывает свое предположение на двух обстоятельствах: полуслепоте Каплан и на том, что, по свидетельству задержавшего ее Бакулина, она находилась во время выстрела позади него, а он сам в 15—20 шагах от Ленина. Тогда как выстрелы были произведены почти в упор. Оба аргумента не могут быть приняты с достаточным основанием. Несмотря на плохое зрение, Каплан свободно передвигалась по улицам, видела лица и узнавала знакомых. Потому Каплан вполне могла стрелять в упор, и выстрелы с такого близкого расстояния (менее метра) скорее свидетельствовали против нее, чем за то, что стреляла не она. Бакулин оставил разные показания, причем второе перечеркивает первое. Вначале он писал, что задержал Каплан в заводском дворе, затем что на улице. Неизвестно, кто его просил написать повторно о задержании Каплан и почему он изменил свои первоначальные показания, сделав их теперь похожими на все остальные свидетельства очевидцев, утверждавших, что арест Каплан произошел вне заводского двора. Разумеется, всегда хочется верить тому, чему хочется, но вера не есть юридическое доказательство...

29 августа 1990 г. в «Комсомольской правде» была опубликована статья преподавателя Оренбургского пединститута В. Войнова «Отравленные пули», в которой ставилось под сомнение участие Каплан в прямом покушении на Ленина (следить за Лениным могла, стрелять — нет) и в качестве возможного террориста назывался эсер, рабочий В. Новиков. Возразивший ему в этом же номере «Комсомольской правды» научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС С. Кудряшов также пришел к выводу, что причастность Каплан к покушению неоспорима, «в остальном же твердой уверенности быть не может». В 1991—1993 гг. увидели свет несколько ста-

тей юриста Е. Данилова о покушении на вождя. Данилов Е. Тайна «выстрелов» Фани Каплан. // Звезда Востока. Ташкент, 1991. № 1. С. 113—130; он же. Три выстрела в Ленина, или За что казнили Фани Каплан. // Нева. 1992. № 5—6. С. 306—324; он же. Покушение на вождя: сигнал к террору. // Огонек. 1993. № 35—36. С. 10—16. Он убежден, что стреляла не Каплан и что «некто весьма могущественный был заинтересован в сокрытии тайны». // Нева. 1992. № 5—6. С. 310.

Заметим, что сомнения в том, кто стрелял, возникли еще в годы гражданской войны. В следственном деле о покушении на Ленина, хранящемся в архиве бывшего КГБ СССР, находятся следующие документы: 27 сентября 1919 г. чекист Горячев сообщал, что, работая по делу о готовящемся восстании в Москве, слышал, что в покушении на Ленина участвовала Зинаида Легоньякая, «причем эта Легоньякая якобы и произвела выстрелы». Легоньякая была арестована и на допросе сказала, что ей 23 года, она член партии большевиков с 1917 г., рабочая. Выяснилось, что именно З. И. Легоньякая обыскивала Каплан, но в момент покушения находилась на учебе в инструкторской коммунистической школе. Во время перерыва в школу пришел курсант и сказал, что стреляли в Ленина, она побежала в военкомат, где тогда служила. Свидетели подтвердили ее полное алиби. Важно другое: чекисты нашли необходимым арестовать и допросить человека по обвинению в покушении на Ленина спустя год после того, как Каплан была расстреляна по этому же обвинению. Следовательно, полной уверенности, что стреляла в Ленина именно Каплан, не было. Подробнее см.: Литвин А. Л. Кто стрелял в Ленина? Megapolis-Continent. 1991. 30 мая; он же. Дело 2162 и другие дела. // Собеседник. 1991. Октябрь. № 42. Об этом свидетельствует и возвращение к делу о покушении на Ленина во время судебных процессов над лидерами партии правых эсеров (1922 г.) и по делу «антисоветского правотроцкистского блока» (1938 г.). На последнем государственной обвинитель А. Я. Вышинский настойчиво добивался признаний в покушении на Ленина не только правых, но и левых эсеров, Н. И. Бухарина и других. Бухарин согласился со многими оговорами в свой адрес, но участие в покушении на Ленина отрицал решительно. Судебный отчет по делу антисоветского «правотроцкистского блока». М., 1938. С. 185, 227. Позже были найдены и другие документы, дополняющие сведения к биографии Каплан. См.: Литвин А. Л. Фейга Файве-

ловна Каплан. — Дело Фани Каплан, или Кто стрелял в Ленина. М., 2003. С. 9—11.

Биография Каплан малоизвестна. Фейга Файвеловна Каплан родилась в 1887 году в Волынской губернии. Позже, во время допроса, она сообщила заместителю председателя ВЧК Я. Х. Петерсу, что ее отец был еврейский учитель, что родители уехали в США в 1911 году, у нее было четыре брата и три сестры, и все они рабочие, а сама она получила домашнее воспитание. На этом же допросе Каплан сказала, что под этой фамилией она жила с 1906 года. // Пролетарская революция. 1923. № 6—7. С. 284. Ляндрес полагает, что смена фамилии произошла в связи с замужеством и что ее мужем мог быть большевик Макс Каплан, работавший в 1918 г. в крымском подполье. // Slavic Review. 1989. V. 48. № 3. P. 435. См. также: В борьбе за советский Крым. Воспоминания старых большевиков. Симферополь, 1958. С. 10; Баранченко В. Гавен. М., 1967. С. 97, 100. Ныне выяснилось, что паспорт Каплан был фальшивым и был ею одолжен у эсерки Фани Каплан — реальной фигуры, известной минскому жандармскому управлению в 1907 г. // Общая газета. 31 августа — 6 сентября 1995 г. Публикация Я. Леонтьева.

Однако в 1916 г. начальник акатуевской тюрьмы получил письмо от родителей Каплан, которые подписались Файвел и Сима Каплан, т. е., возможно, это была ее настоящая фамилия. Каплан судил военно-полевой суд войск Киевского гарнизона 30 декабря 1906 г. Она была приговорена к бессрочной каторге за «изготовление, хранение, приобретение и ношение взрывчатых веществ с противной государственной безопасности и общественному спокойствию целью».

В 1907 г. Каплан появилась в Мальцевской тюрьме Нерчинской каторги в Восточной Сибири. Эта тюрьма, по воспоминаниям бывших каторжанок Ф. Радзиловской и Л. Орестовой, с февраля 1907 г. и вплоть до весны 1911 г. была средоточием всех женщин, осужденных по политическим статьям к каторжным работам в Сибири. К августу 1907 г. их было 14, в мае 1908 г. — 33, а весной 1911 г. — 62. Большинство каторжанок — это эсерки (М. Спиридонова, А. Биценко, А. Измаилович и др.), были большевички, меньшевички, бундовки, анархистки. Бывшие каторжанки подробно описывали свой тюремный быт и отмечали тяжелые приступы болезни у М. Спиридоновой и слепоту Ф. Каплан. О последней они писали так: «В смысле заболевания был у нас в Мальцевской один, поистине трагичес-

кий случай. Одна из мальцевитянок, Фаня Ройтблат (Каплан. — А. Л.), еще до своего ареста была ранена в голову осколком взорвавшейся бомбы. Так как прошло около 2 лет после взрыва и рана зажила, то никто из нас, да и она сама, никогда не думали о каких-либо осложнениях от ранения. Мы привыкли видеть ее всегда здоровой и жизнерадостной.

Вдруг, однажды вечером, кажется летом 1909 г., в тюрьме поднялась тревога: с Фаней неожиданно случился странный припадок — она перестала видеть. Глядела широко раскрытыми глазами и ничего не видела вокруг себя. Маруся Беневская (отбывавшая с Каплан свой срок на каторге. — А. Л.) пересмотрела все медицинские книги, какие только были в тюрьме, предположила причину слепоты повреждением зрительного нерва при ранении, но непосредственной помощи оказать не могла. Через день или два припадок слепоты кончился, Фаня опять увидела свет, но мы поняли, что дело может принять печальный оборот. И, действительно, через короткое время она совсем потеряла зрение. У нее по-прежнему оставались прекрасные, серые, лучистые глаза, такие ясные и чистые, что по внешнему виду трудно было определить, что она слепая.

В течение долгого периода Фаня надеялась, что слепота пройдет, что все это временно, и ни за что не хотела приспособиться к своему новому положению. Она перестала совсем выходить на прогулку, молча сидела или лежала на кровати в своей одиночке и, уйдя в себя, углубленно думала о том ужасном, что над ней стряслось. Слепота так ее потрясла, что она хотела лишиться себя жизни. Пока особо острый период не миновал, мы ни на минуту не оставляли ее одну.

Когда прошел месяц, другой и ничего не изменилось, она постепенно начала приспосабливаться к своему новому положению. Стала учиться читать по азбуке для слепых без посторонней помощи и приучилась обслуживать себя. Так странно было видеть, как она, выйдя на прогулку, быстро ощупывала лица новеньких, которых она не знала зрячей. Веселье и жизнерадостность к ней не вернулись в прежней мере, она теперь больше ушла в себя.

Неоднократно к ней вызывались тюремные врачи, но их мнение долго сходилось на одном, что она симулирует слепоту. Так она прожила в течение многих лет слепой и только в 1913 г. была переведена в Иркутск для лечения. Оказалось, что ее слепота все-таки поддается лечению. После лечения зрение ее не

стало, конечно, вполне нормальным, но, во всяком случае, это уже не был тот полный мрак, в котором она жила столько лет». Радзиловская Ф., Орестова Л. Мальцевская женская каторга. 1907—1911 гг. Каторга и ссылка. 1929. Кн. 59. С. 122—123. Они же сообщали, что жили тогда коммуной: все полученные деньги, посылки и книги становились общей собственностью и шли в общее пользование. Там же. С. 118.

Эти воспоминания дополнила А. Пирогова, бывшая с Каплан в Нерчинске: «В камере с нами была бессрочница Каплан, временно потерявшая зрение еще в Мальцевской. Врачей-окулистов на каторге не было; вернется ли зрение или нет, никто не знал. Однажды Нерчинскую каторгу объезжал врач областного управления, мы попросили его осмотреть глаза Фани. Он очень обрадовал нас сообщением, что зрачки реагируют на свет, и сказал, чтоб мы просили перевода ее в Читку, где ее можно подвергнуть лечению электричеством. Мы решили, что будь что будет, а надо просить Кияшко (губернатор, приезжал на каторгу с инспекцией. — А. Л.) о переводе Фани в Читинскую тюрьму для лечения. Тронула ли его красивая молодая девушка с незрячими глазами, не знаю, но только мы сразу увидели, что дело нам удастся. Расспросив нашу уполномоченную, он громкогласно дал слово перевести Фани немедленно в Читку на испытание». Пирогова А. Я. На женской каторге. / На женской каторге. М., 1932. С. 195.

Несмотря на небольшие разночтения, бывшие каторжанки утверждали о слепоте Каплан и о том, что зрение полностью к ней не вернулось. Заметим, что воспоминания писались и публиковались в конце 20-х — начале 30-х годов, когда писавшим было известно о трагической судьбе Каплан. Более того, Ф. Н. Радзиловская была вызвана 1 сентября 1918 г. в ВЧК для опознания Каплан, дала ей положительную характеристику. Она сразу же выразила недоумение: «Я познакомилась с Фани Каплан на Нерчинской каторге, где я пробыла с ней три года. Каплан ослепла в августе 1908 года, а может быть, в 1909 году...». И позже, в воспоминаниях, бывшие каторжанки продолжали тепло вспоминать Каплан, хотя официальная пресса была полна проклятий в ее адрес и клеймила ее как эсеровскую убийцу...

В марте 1917 г. из Акатуйской каторги в Читку на тройках отправились 10 каторжанок, освобожденных Февральской революцией: А. Биценко, А. Измаилович, Ф. Каплан, М. Спири-

донова, Н. Терентьева, А. Пирогова, А. Шумилова, П. Шакерман, А. Шенберг, В. Штольтерброт. Перед отъездом они навестили могилу декабриста Лунина, а 8 марта были торжественно встречены в Чите. // Там же. С. 201, 203.

Из Читы Каплан отправилась в Москву и некоторое время там жила у своей знакомой по каторге Анны Пигит по адресу: Б. Саловая, д. 10, кв. 5. А. С. Пигит сообщила на допросе Кингисеппу 31 августа 1918 г.: «Я заявляю, что предъявленная мне содержащаяся под стражей во Всероссийской чрезвычайной комиссии женщина, называющая себя Фанни Каплан, есть действительно Фани Каплан, бывшая каторжанка, вместе со мной бывшая на Нерчинской каторге. Она была приговорена к бессрочной каторге. Я застала ее уже на каторге в 1907 году. Я не помню, по какому именно делу она была осуждена. Она была приговорена по какому-то делу анархистов. По освобождении с каторги между нами, бывшими каторжанками, сохранились старые отношения, и Фани Каплан ко мне неоднократно заходила. Мы партийно разошлись. Я левая эсерка, и мы встречались нечасто. Полагаю, что она последнее время проживала в Москве». Допрошенный тогда же ее брат, Давид Пигит, сказал: «Я лично знаю Фани Каплан. Познакомился с ней в апреле прошлого года, когда она вернулась с каторги вместе с моей сестрой и гостила у нас за неимением пристанища. Вскоре она уехала в Крым для лечения. После этого я с ней больше не встречался. Мне неизвестно, сколько времени она пробыла в Крыму. Я не знаю подробностей того дела, по которому она была осуждена на каторгу. Знаю только, что она ослепла от взрыва бомбы, а потом вновь прозрела». Были допрошены и другие сокаторжники (В. Штольтерброт, В. Тарасова), признавшие в задержанной Фани Каплан. ЦА ФСБ РФ, д. 2162. По обвинению Каплан Ф. Е., л. 44, 45, 51.

В Крыму Каплан лечилась в санатории для политзаключенных в Евпатории. Октябрь 1917 г. застал ее в Харьковской офтальмологической клинике, где она восстанавливала зрение у знаменитого профессора Л. Л. Гиршмана. «Этой революцией я была недовольна, — говорила она на допросе Петерсу, — встретила ее отрицательно. Я стояла за Учредительное собрание и сейчас стою за это. По течению эсерской партии я больше примыкаю к Чернову». // Пролетарская революция. 1923. № 6—7. С. 284.

После Харькова был Симферополь, где Каплан пробыла до

февраля 1918 г., работая заведующей курсами по подготовке работников волостных земств и получая зарплату в 150 рублей в месяц. По воспоминаниям В. Е. Баранченко, он познакомился с Каплан летом 1917 г. в Крыму, в санатории, там же с ней встретился Д. И. Ульянов. Ему понравилась Каплан, по его рекомендации она поехала в Харьков и частично восстановила зрение после операции, стала видеть силуэты. Баранченко позже стал мужем Ф. Ставской, на процессе 1922 г. сообщившей о встрече с Каплан в Крыму. // Р е з н и к С. Тайна покушения Фани Каплан. // Литературные записки. М., 1991. № 1. С. 102—103; ЦА ФСБ РФ, д. 2162, л. 47. В конце февраля или марте 1918 г. Каплан вернулась в Москву, где жила на квартире Пигит и встречалась со своими подругами по каторге. О ее политических взглядах в то время судить трудно. На допросах по этому поводу она высказывалась достаточно противоречиво, путая хронологическую последовательность событий. Каплан говорила Петерсу о том, что в Акатуе она была вместе со Спиридоновой и Биценко и стала из анархистки социал-революционеркой. «В своих взглядах я изменилась потому, что я попала в анархистки очень молодою... Самарское правительство принимаю всецело и стою за союз с союзниками против Германии. Стреляла в Ленина я. Решилась на этот шаг еще в феврале. Эта мысль у меня назрела в Симферополе, и с тех пор я начала подготавливаться к этому шагу». // Пролетарская революция. 1923. № 6—7. С. 284.

Решение Каплан примерно в это время участвовать в покушении на Ленина подтвердил В. Зензинов, член ЦК партии эсеров. В книге о событиях 1918 г. он вспоминал, что Каплан предложила свои услуги в Москве Нилу Фомину, впоследствии расстрелянному колчаковцами. Он предложил Зензинову весной 1918 г. «организовать вместе с Дорой Каплан покушение на Ленина. Партия тогда отказалась воспользоваться этим предложением, и позднее Дора Каплан на свою собственную ответственность стреляла в Ленина и тяжело ранила его». // З е н з и н о в В. Государственный переворот адмирала Колчака в Омске. 18 ноября 1918 г. Сб. документов. Париж, 1919. С. 152. Эти воспоминания невозможно проверить, хотя следует учесть, что возникли они уже после того, как о Каплан писали со ссылками на советские газеты многие. Так утверждалось мнение, что стреляла в Ленина именно она. Ссылались и на ее собственные признания, хотя часть протоколов допросов не подписа-

на. Н. А. Скрыпнику, заведующему отделом ВЧК по борьбе с контрреволюцией, Каплан сказала 31 августа 1918 г., что «стреляла по собственному побуждению». Председателю Московского ревтрибунала А. М. Дьяконову она говорила: «Стреляла в Ленина я потому, что считала его предателем революции и дальнейшее его существование подрывало веру в социализм. ...Я считаю себя социалисткой, сейчас ни к какой партии себя не отношу». И снова Дьяконову: «Меня задержали у входа на митинг, ни к какой партии не принадлежу. Я стреляла в Ленина, потому что считаю, чем дольше он живет, он удаляет идею социализма на десятки лет. Я совершила покушение лично от себя». // Пролетарская революция. 1923. № 6—7. С. 282, 285. Подписать этот протокол допроса Каплан отказалась.

Бывших каторжанок А. Пигит, Ф. Радзиловскую, В. Тарасову по распоряжению Кингисеппа привезли в ВЧК, на квартире Пигит оставили засаду. В нее попадет зашедшая к Пигит ее подруга по каторге Вера Штольтерброт и тоже будет доставлена в ВЧК. Но все они удостоверляли личность Каплан, о себе заявили, что политической работой не занимаются. Потому допрашивавший их Кингисепп постановил всех освободить и засаду в квартире Пигит снять. Ф. Радзиловская сообщила 1 сентября: «В июле я была в отпуске. Приехала 25 июля... видела Каплан 3—4 раза. Она заходила ко мне, раз я ее видела, кажется, на улице. В последний раз она была у меня недели полторы назад. На политические темы мы не говорили. Я ни разу у нее не была. Ее адреса не знаю. Она вернулась из Крыма в конце мая или начале июня. За точность не ручаюсь. Мне кажется, что она одно время искала занятий, но я не знаю, служила ли она где-нибудь. При встречах она производила на меня впечатление вполне уравновешенного человека». Ее показания подтвердил Л. Я. Черномордик, проживающий по адресу: Леонтьевский переулок, д. 12, кв. 9, сказавший, что к квартирантке Фане Радзиловской приблизительно неделю назад (22—23 августа 1918 г.) приходила женщина, имевшая сходство с предьявленной ему фотокарточкой. ЦА ФСБ РФ, д. 2162, л. 31, 32.

Каплан сообщила Петерсу и наркомюсту Курскому, что виделась после приезда из Крыма с А. Биценко, сокаторжанкой, членом ЦК партии левых эсеров, но не спрашивала ее, как попасть к Ленину, что правого эсера Зензинова, равно как и других, не знает, что «не слыхала ничего про организацию террористов, связанную с Савинковым. Эти показания Савинков

позже подтвердил: «В 1918 г. предполагалось покушение на Ленина и Троцкого. Но делалось очень мало... К делу Доры Каплан наш союз не имел никакого отношения». Дело Б. Савинкова. Л., 1924. с. 56.

С А. А. Биценко дело обстояло сложнее, Анастасия Алексеевна Биценко (1875—1938) была вместе с Каплан на каторге, в 1917-м и до июля 1918 г. являлась членом ЦК партии левых эсеров. На допросе следователю НКВД она сообщила 17 февраля 1938 г., что в августе 1918 года ходила в Кремль к арестованной М. А. Спиридоновой и та ей говорила о встрече с Каплан и о решимости последней стрелять в Ленина. В обвинительном заключении Биценко инкриминировалось знание в 1918 г. о готовящемся покушении на Ленина и непредупреждении такового. Биценко была расстреляна 16 июня 1938 г. Во время реабилитации Биценко в 1961 г. выяснилось, что к Спиридоновой она не ходила, что левые эсеры к покушению на Ленина не имели никакого отношения. ЦА ФСБ РФ, д. 17358, А. А. Биценко. С. 17, 25, 76. Петерс спрашивал Каплан на допросе, просила ли она Биценко провести ее к Ленину в Кремль. Каплан на этот вопрос ответила отрицательно.

⁴³ Столица. 1991. № 33. С. 51.

⁴⁴ Локкарт Р. Мемуары британского агента. М., 1991. С. 293—294. Локкарт был арестован в ночь на 1 сентября 1918 г. Никак не аргументированную версию о том, что покушение на Ленина было делом рук английской разведки, поддержал специалист по ее истории Филип Найтли в книге «Ким Филби» — супершпион КГБ». М., 1992. С. 114.

⁴⁵ О Протопопове сведения скудны. Известно, что он из матросов. В марте 1918 г. — начальник контрразведки красного советско-финского отряда, ставшего в апреле 1918 г. отрядом ВЧК. В июне 1918 г. отрядом стал командовать левый эсер Д. И. Попов, Протопопов был назначен его заместителем. Он активно участвовал в действиях отряда во время выступления левых эсеров в начале июля 1918 г. Когда Дзержинский приехал в отряд для ареста Блюмкина, к нему подошел член ЦК партии левых эсеров Ю. В. Саблин и потребовал сдать оружие. Дзержинский отказался. Тогда к нему подошел Протопопов, схватил за руки и обезоружил. ЦА ФСБ РФ, д. Н-8, т. 1, л. 150; т. 11, л. 4, 94.

⁴⁶ На Каплан оказывалось психологическое давление.

31 августа 1918 г. Кингисепп допросил сокаторжанку Каплан В. М. Тарасову-Боброву, которая рассказала многое из биографии Каплан. Ему удалось разговорить Каплан, узнать, что она была анархисткой. Но о своем участии в покушении на Ленина не сказала ничего вразумительного. Зачем оказалась на митинге? Кто ей помогал? Об этом — ни слова.

—Я думаю, у вас есть еще много что сказать...

—Я сказала все.

—Я не ошибусь, — сказал Петерс, — вы утаиваете главное — сообщников и руководителей покушения... ЦА ФСБ РФ, д. 2162, л. 8.

Этот допрос Петерс проводил в 2 часа 25 минут ночи с 30 на 31 августа. Позже он вспоминал: «Я долго ей доказывал, что преступление, которое она совершила перед рабочими, перед трудящимися вообще, перед революцией, чрезвычайно тяжелое, и мы с ней долго спорили по этому вопросу. В конце концов она заплакала, и я до сих пор не могу понять, что означали эти слезы: или она действительно поняла, что она совершила самое тяжелое преступление против революции, какое только можно совершить, или это были просто утомленные нервы. Каплан ничего не сказала о своих соучастниках в преступлении», — сетовал Петерс. Петерс Я. Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции. 1924. № 10. С. 30—31; он же. То же. // Былое. Париж, 1933. Т. 2. С. 121, 122. Сообщение эсеровской газеты «Земля и воля» от 18 сентября 1918 г. о пытках, которым подвергли Каплан в ВЧК, о том, что она оказалась столь ужасной, что ее нельзя было вывести в зал суда, а потому ее просто пристрелили, — не соответствуют действительности.

⁴⁷ Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. // Новый мир. 1989. № 9. С. 85, 102; Гусев К. В. Рыцари террора. М., 1992. С. 84; и др.

⁴⁸ ЦА ФСБ РФ, д. 2162, л. 29, 30.

⁴⁹ Спиридонова писала: «И неужели, неужели Вы, Владимир Ильич, с Вашим огромным умом и личной безэгоистичностью и добротой, не могли догадаться и не убивать Каплан. Как это было бы не только красиво и благородно и не по царскому шаблону, как это было бы нужно нашей революции в это время нашей всеобщей ослеплости, остервенения, когда раздается только шелканье зубами, вой боли, злобы или страха и... ни одного звука, ни одного аккорда любви». // Родина. 1990. № 5. С. 50. О реакции Ленина сообщила А. Балабанова, хоро-

шо знавшая семью вождя и навестившая Ленина в сентябре 1918 г.: «Когда мы говорили о Доре Каплан, молодой женщине, которая стреляла в него и которая была расстреляна, Крупская была очень расстроена. Я могла видеть, что она была глубоко потрясена мыслью о революционерах, осужденных на смерть революционной властью. Позже, когда мы были одни, она горько плакала, когда говорила об этом. Сам Ленин не хотел преувеличивать эпизод. У меня сложилось впечатление, что он был особенно потрясен казнью Доры Каплан, т. к. это имело отношение к нему самому; что решение было бы более легким, если бы жертвой ее пули был один из народных комиссаров. Позднее, когда я выразила свои чувства по поводу казни группы меньшевиков, обвиненных в контрреволюционной пропаганде, Ленин ответил: «Неужели вы не понимаете, что, если бы мы не расстреляли этих нескольких лидеров, мы могли быть поставлены в положение, когда нам придется расстрелять десятки тысяч рабочих?» Его тон не был ни жестоким, ни безразличным, создавалось впечатление трагической необходимости, которая глубоко поразила меня в то время». // Balabanoff A. My life as a Rebel. London, 1973. P. 187—188. Балабанова сочувствовала Ленину, а не Каплан, оправдывала его жестокость, показывала его решимость любыми средствами добиться цели.

Местные эсеровские издания злорадствовали по поводу покушения, но ни одно не писало о том, что его свершила представитель эсеровской партии. «Тяжело ранен Ленин... Политическое убийство грозит оборвать эту роковую для России жизнь», — сообщало «Новое казанское слово» 3 октября 1918 г. В. М. Чернов в Самаре рассказал корреспонденту эсеровской газеты «Народ», что пробирался в город через множество деревень. «В некоторых местах в среду крестьян, — говорил он, — вместе с недовольством большевиками просачивается антисемитская агитация, особенно в связи с нападением большевиков на церкви и монастыри, однако, когда мужики узнали, что убийцами Ленина и Урицкого являются евреи Ройд-Каплан и Канегиссер, они свою ненависть к большевикам уже не стали относить к евреям». По впечатлениям Чернова, «относительно покушения на Ленина крестьяне в массе не выражают ни радости, ни печали, а лишь равнодушное любопытство», и единственным откликом на это событие были вопросы: «Что же, теперь чуточку получше будет или еще кто-нибудь злее найдется?» ЦА РФ, ф. 4370, оп. 1, л. 7—8.

⁵⁰ Троцкий вспомнил о разговоре с Лениным, состоявшемся между ними уже в первые дни после прихода к власти:

— А что, — спросил меня совершенно неожиданно Владимир Ильич... — если нас с вами белогвардейцы убьют, смогут Свердлов с Бухариным справиться?

— Авось не убьют, — ответил я, смеясь.

— А черт их знает, — сказал Ленин и сам рассмеялся.

Троцкий также ссылается на рассказ Семенова, подтвердивший планы эсеров взорвать поезд председателя Реввоенсовета республики. Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930. Т. 2. С. 60, 151.

В начале 1918 г. план пленения или убийства Ленина и Троцкого разработал Ф. М. Оникко, эсеровский депутат от Ставрополя и член военной комиссии Союза за защиты Учредительного собрания. Но когда Оникко обратился за одобрением в ЦК эсеровской партии, члены ЦК пришли в ужас от самой идеи покушения, доказывая, что убийство эсерами Ленина и Троцкого обрушит на партию ярость рабочих. После этого Оникко распустил свою террористическую группу. // Минувшее. М., 1991. Т. 4. С. 110—111. 13 декабря 1918 г. в ВЧК допрашивали летчика-офицера Д. Д. Хризосколес-де-Платан. Выяснилось, что в апреле—июле 1918 г. он был в Казани командиром 6-го авиаполка. Во время наступления чехословацких легионеров на Казань (июль 1918 г.) уговаривал летчиков перелететь к комучевцам и предлагал за это 2 тысячи рублей. Стало известно, что он, вместе с другими офицерами, готовил в 1917—1918 гг. покушение на Ленина и Троцкого. В декабре 1919 г. Хризосколес-де-Платан бежал из Таганской тюрьмы и скрылся. ЦА ФСБ РФ, Обзорная справка о покушении на В. И. Ленина.

⁵¹ Как опытный боевик, Семенов, консультируясь с мастером провокации чекистом Аграновым, нарисовал «достоверную» и логическую схему «охоты на Ленина». «Город разбивался на четыре части, назначаются четыре исполнителя... В часы, когда идут митинги, районный исполнитель дежурил в условленном месте, на каждом крупном митинге обязательно присутствовал кто-нибудь из боевиков. Как только Ленин приезжал на тот или другой митинг, дежурный на митинге боевик общал об этом районному исполнителю и тот немедленно должен был явиться на митинг для выполнения акта. Среди исполнителей Семенов лучшей назвал Каплан, а также сообщил,

что в их числе были Коноплева, Федоров, Усов (последний вскоре был исключен). В тот день к заводу Михельсона, где Ленин должен был выступать на митинге, были посланы Каплан и «хороший боевик, старый с.-р., рабочий Новиков».

А дальше события, по Семенову, развивались так: «Ленин приехал на завод Михельсона. Окончив говорить, Ленин направился к выходу. Каплан и Новиков пошли следом. Каплан вышла вместе с Лениным и несколькими сопровождавшими его рабочими. Новиков нарочно споткнулся и застрял в выходной двери, задерживая несколько выходящую публику. На минуту между выходной дверью и автомобилем, к которому направился Ленин, образовалось пустое пространство. Каплан вынула из сумочки револьвер; выстрелив три раза, тяжело ранила Ленина. Бросилась бежать. Через несколько минут она остановилась и, обернувшись лицом к бегущим за нею, ждала, пока ее арестуют. (Думаю, что Каплан остановилась, вспомнив свое решение не бежать и овладеть собою.) Каплан была арестована. На Новикова никто не обратил внимания». Семенов (Васильев) Г. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг. С. 31—35.

⁵² Там же. С. 34, 36; Пионтковский С. А. Гражданская война в России. Хрестоматия. С. 175—176; Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь—август 1922 г.). М., 2002. С. 148—161, 177, 178.

Донской Д. Д. (1883—1936), военный врач, член ЦК партии эсеров, депутат Учредительного собрания. После января 1918 г. руководил военной комиссией партии эсеров. Неоднократно арестовывался. На процессе 1922 г. приговорен к расстрелу, исполнение которого было приостановлено и поставлено в зависимость от поведения находящихся на свободе членов ПСР. В сентябре 1924 г. выслан в Нарымский край сроком на 3 года, где заведовал больницей в селе Паратель; с 1933 г. — в ссылке в Уральской области. 24 сентября 1936 г. покончил с собой в ожидании ареста. См.: Дмитрий Дмитриевич Донской. Сост. Я. А. Яковлев. Томск, 2000; Бондаренко А., Красильников С. Узник Нарымского края. Жизнь и судьба Дмитрия Донского — эсера и ссыльного. // Родина. 2000. № 8. С. 64—66.

Гоц А. Р. (1882—?), в партии эсеров с 1902 г. Учился в Берлинском университете философии, с 1907 г. — на российской каторге. После февраля 1917 г. — лидер фракции эсеров Петроградского совета, член Президиума 1-го Всероссийского съезда

Советов, осудил захват власти большевиками, председатель Комитета спасения родины и революции, депутат Учредительного собрания. Весной 1918 г. вошел в военный штаб «Союза возрождения» в Петрограде. В 1920 г. арестован, в 1922 г. на суде приговорен к расстрелу, замененному ссылкой в 1925 г. в Ульяновск, в 1931 г. в Семипалатинск, с 1935 г. в концлагере, в 1937 г. доставлен в Алма-Ату для допросов. В мае 1937 г. в Алма-Ате был обвинен в том, что вместе с М. И. Либера-Гольдманом и С. О. Ежовым-Цедербаумом пытался в 1935 г. «создать единую социалистическую антисоветскую партию». По всей вероятности, тогда же, в 1937 г., расстрелян. По другой версии — умер в Красноярском лагере 4 августа 1940 г. // *Минувшее. М., 1992. Т. 7. С. 201—202.*

Тимофеев Е. М. (1885—1941), член ЦК партии эсеров с декабря 1917 г. До этого не раз арестовывался за террористическую деятельность. Весной 1918 г. вместе с И. Дашевским, В. Зензиновым и Б. Моисеенко организовал военную комиссию ЦК в Москве. В 1920 г. арестован. В 1922 г. приговорен на суде к расстрелу, замененному ссылкой. В 1925 г. Тимофеев в Коканде, затем Лубянская тюрьма, ссылка в Уральск, в 1929 г. — в Казань, затем в Самарканд. До ареста в 1936 г. написал более 10 исследований об экономике сельского хозяйства и гидрологии. Расстрелян 11 сентября 1941 г. в Медведевском лесу на окраине Орла вместе с М. Спиридоновой и др. // *Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 128; Красильников С. А. Евгений Тимофеев и Макс Гельц: несостоявшийся обмен политзаключенными в 20-е годы. // Гуманитарные науки в Сибири. Новороссийск, 1994. № 2. С. 59—66.*

⁵³ ЦА ФСБ РФ, Н-1789. Стенограмма судебного процесса по делу ЦК ПСР, т. 10, л. 596. Е. М. Ратнер (1886—1931), член ЦК ПСР, в 1922 г. судом приговорена к расстрелу, замененному ссылкой в Самарканд. В 1931 г. умерла во время операции (рак) в Ленинграде. // *Минувшее. Т. 7. С. 209.*

И. С. Дашевский (1891—1937), член боевой группы партии с.-р., в 1921 г. вышел из партии правых эсеров. Во время суда в 1922 г. был амнистирован. На суде говорил, что он познакомил Каплан с Семеновым. В момент ареста 30 апреля 1937 г. работал замначальника сектора кадров Всесоюзного автогенного треста. Расстрелян 13 июля 1937 г. // *ЦА ФСБ РФ, д. 11401, т. 1, л. 312.*

⁵⁴ ЦА ФСБ РФ, Н-1789. Стенограмма... л. 471, 562, 563, 565,

574, 591—596, 625. А. Р. Гоц рассказывал суду о том, что в середине июля 1918 г. поселился на станции Удельная под Москвой, а 30—31 июля вместе с Б. Рабиновичем поехал в Казань. 2 августа на станции Алатырь был опознан и арестован. Решил, что лучше к Дзержинскому в Москву, чем к Лацису в Казань, где был бы сразу расстрелян. За это время видел Семенова один раз. Семенов приезжал в Удельную, спрашивал об отношении к террору. Гоц сказал, что ЦК ПСР ныне за Волгой, и отправил Семенова к Тимофееву, который ведал военной работой в Москве (л. 550).

М. Я. Гендельман (1881—1938), член ЦК ПСР, на 2-м съезде Советов (25 октября 1917 г.) выступил с предложением от фракции эсеров отказаться от решения споров силой оружия. Арестован в 1921 г., суд приговорил его в 1922 г. к расстрелу, замененному ссылкой, затем тюрьмой. Расстрелян 3 октября 1938 г. *Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993. С. 77—78.*

Ф. Е. Ставская (1890—1937), эсерка, занималась террористической деятельностью, была на каторге, в 1917 г. в Крыму, жена большевика Баранченко. В 1922 г. вступила в РКП(б) по рекомендации Бухарина, Пятакова и Серебрякова. В 1937 г. перед арестом и расстрелом — директор государственной библиотеки при Историческом музее. *ЦА ФСБ РФ, д. 11401, т. 1, л. 228.*

Эсерка Б. А. Бабина (1894—1983) встретила Донского в Бутырской тюрьме в феврале 1922 г. и задала ему вопрос: «Как могло случиться, что эсерка Фани Каплан по заданию ЦК пошла убивать Ленина?» Донской сказал ей, что Каплан не была эсеркой, хотя он с ней и встречался: «Женщина довольно красивая, но несомненно ненормальная, да еще с разными дефектами: глухая, полуслепая, экзальтированная вся какая-то. Слово юродивая! Больше всего мне приходило в голову отнестись к ее словам серьезно. Я ведь, в конце концов, не психиатр, а терапевт. Уверен был — блажь на бабенку напала!.. Помню, похлопал ее по плечу и сказал ей: «Пойди-ка проспись, милая! Он — не Марат, а ты — не Шарлотта Корде. А главное, наш ЦК никогда на это не пойдет. Ты попала не по адресу. Даю добрый совет — выкинь это все из головы и никому больше о том не рассказывай!» Бабина Б. А. Февраль 1922. // *Минувшее. М., 1990. Т. 2. С. 24—25, 376.*

⁵⁵ Обвинительное заключение... С. 110. М. Янсен пишет,

что процесс развивался по сценарию: часть бывших эсеров обвинила своих бывших товарищей по партии. Суд, несмотря на отрицание обвинений, связанных с покушением на Ленина, принял версию Семенова. // Огонек. 1990. № 33. С. 16.

⁵⁶ Обвинительное заключение... С. 97. Обвинение поддержали те правые эсеры, которые перешли к сотрудничеству с большевиками. Они говорили во время процесса 1922 г.:

Григорий Ратнер: До материалов, опубликованных Семеновым и Коноплевой, верил, что выстрелы в Ленина были индивидуальным актом озлобленной фанатички, причем актом, «определенно запрещенным ЦК».

Константин Буревой: По приезде в Москву из Самары в начале февраля 1919 г. слышал от Донского, что Каплан обратилась в ЦК с предложением об убийстве Ленина, причем ЦК отверг это предложение, в связи с чем Каплан вышла из партии и самостоятельно совершила преступление.

Константин Рабинович: Летом 1918 г. (июнь—август) у меня на квартире проживала Фани Каплан. Я не знал о ее причастности к боевой организации партии с.-р.

⁵⁷ В. А. Новиков на допросе 15 декабря 1937 г. заявил, что в июле 1932 г. в пересыльной тюрьме во время прогулки встретил Каплан, которая числилась там под фамилией Ройд Фаня. Проверка, проведенная НКВД, ничего подобного не обнаружила. Запросы в Свердловскую и Новосибирскую тюрьмы установили, что среди заключенных Каплан ни под какими фамилиями не числилась. // Источник. 1993. № 2. С. 86—87.

⁵⁸ В работах Н. Д. Костина «Суд над террором» (М., 1990. С. 4), «Кто стрелял в Ленина» (Родина. 1993. № 10. С. 64). утверждается правильность обвинительного заключения суда 1922 г. Дополнительная аргументация не приводится. Ныне можно утверждать, что многое на процессе было сфальсифицировано. Об этом подробно пишет Марк Янсен, подтверждая мнение писателя В. Шаламова о том, что во время политических процессов только «правые эсеры уходили из зала суда, не вызывая жалости, презрения, ужаса, недоумения...» // Огонек. 1990. № 39. С. 17. Янсен полагает, что процесс провалился. В защиту правых эсеров выступили М. Горький, А. Франс и другие. Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Горький и дело эсеров. // Дружба народов. 1990. № 12. С. 231—239. На процесс приехали представители II Интернационала, но вскоре западные адвокаты стали сомневаться в необходи-

мости своего участия в «странном» суде. Янсен М. Первый показательный. // Независимая газета. 1992. 4 сентября.

4 мая 1922 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) была выделена тройка для «детальной разработки вопроса о защитниках с.-р.». Этот протокол подписан Сталиным. Защитниками на процессе были Бухарин, Томский, М. Н. Покровский и др., которые не столько защищали, сколько обвиняли подсудимых. О ходе процесса Сталину докладывал Бухарин, который участвовал в процессе в качестве представителя ЦК, а не был «защитником Семенова в индивидуальном порядке». Ведь это «защитник» Бухарин тогда организовал слушателей коммунистического университета имени Свердлова для устройства «кошачьего» концерта на вокзале против приезда Вандервельде и др. ЦА ФСБ РФ, д. 17358, л. 33, 34.

⁵⁹ Протоколы допросов Каплан с небольшой литературно-стилистической правкой, без искажения смысла, а также показания некоторых свидетелей были изданы. К истории покушения на Ленина (Неопубликованные материалы). // Пролетарская революция. 1923. № 6—7. С. 275—285; Покушение на Ленина 30 августа 1918 г. М., 1924; 2-е изд. М., 1925; Выстрел в сердце революции. М., 1983; Покушение. // Новое время. 1987. № 33; Источник. 1993. № 2; Фондовое издание каторжного и советского следственных дел см.: Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина? Сб. документов. Казань, 1995; Дело Фани Каплан, или Кто стрелял в Ленина? Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 2003; и др.

В. Э. Кингисепп (1888—1922), большевик с 1906 г. В 1918 г. работал в ревтрибунале и ВЧК. С 1920 г. на подпольной работе в Эстонии. 4 мая 1922 г. расстрелян эстонской охранкой.

А. Я. Беленький (1883—1942), большевик с 1902 г., в 1919—1924 гг. — начальник охраны Ленина, член коллегии ВЧК.

⁶⁰ Гиль. Показания, данные 30 августа А. М. Дьяконову, председателю Московского революционного трибунала: «Я приехал с Лениным около 10 часов вечера на завод Михельсона. Когда Ленин был уже в помещении завода, ко мне подошли три женщины. И одна из них спросила, кто говорит на митинге. Я ответил, что не знаю. Тогда одна из трех сказала, смеясь: «узнаем». По окончании речи Ленина, которая длилась около часа, из помещения, где был митинг, бросилась к автомобилю толпа человек 50 и окружила его. Вслед за толпой в 50 человек вышел Ильич, окруженный женщинами и мужчинами,

и жестикулировал рукой. Среди окружавших его была женщина-блондинка, которая меня спрашивала, кого привез. Эта женщина говорила, что отбирают муку и не дают провозить. Когда Ленин был уже на расстоянии трех шагов от автомобиля, я увидел сбоку, с левой стороны от него, в расстоянии не более 3 шагов, протянувшуюся из-за нескольких человек женскую руку с «браунингом», и были произведены 3 выстрела, после которых я бросился в ту сторону, откуда стреляли, стрелявшая женщина бросила мне под ноги «револьвер» и скрылась в темноте...». Тогда же Гиль поправился: женщина спрашивала, не кто говорит на митинге, а кого привез; женскую руку не с «револьвером», а «браунингом» заметил после первого выстрела. // Пролетарская революция. 1923. № 6—7. С. 277—278. Ленин приехал на завод Михельсона не в 10 ч. вечера, а раньше — в 18 ч. 30 мин. — Выстрел в сердце революции. С. 69. Гиль опровергал показания Семенова, утверждавшего, что Новиков в дверях устроил давку и Ленин вышел в пустой двор. По Гилю, никакого затора в дверях цеха не было.

2 сентября, в более развернутых показаниях, Гиль писал: «Стрелявшую я заметил только после первого выстрела. Она стояла у переднего левого крыла автомобиля. Тов. Ленин стоял между стрелявшей и той в серой кофточке, которая оказалась раненой». В двух показаниях Гиля речь шла только о женской руке, которую он увидел после первого выстрела. Лицо стрелявшей Гиль «вспомнит» много лет спустя, когда напишет воспоминания, где желаемое выдаст за действительное и где многое будет противоречить его прежним показаниям. Нельзя согласиться, например, с таким «воспоминанием» Гиля: «Раздался еще один выстрел. Я мгновенно застопорил мотор, выхватил из-за пояса «наган» и бросился к стрелявшей. Рука ее была вытянута, чтобы произвести и следующий выстрел. Я направил дуло моего «нагана» ей в голову. Она заметила это, ее рука дрогнула...». Гиль С. К. Шесть лет с Лениным. Воспоминания личного шофера Владимира Ильича Ленина. М., 1957. С. 18.

Оставалось недоказанным и то обстоятельство, мог ли Гиль, сидя за рулем машины со включенным мотором в заводском дворе, заполненном людьми (около 8 часов вечера), увидеть руку, которую он определил как женскую, хотя все время путал в показаниях «браунинг» с «револьвером»...

Следственный эксперимент провели 2 сентября сотрудники

ВЧК Я. М. Юровский и В. Э. Кингисепп. На машине Гиля они приехали на завод. Н. Я. Иванов, председатель заводского комитета и председательствующий на митинге, рассказал: «Кингисепп попросил показать, по возможности точнее, где стояла машина, когда товарищ Ленин выходил после митинга... Я показал, а Гиль подтвердил, что машину он поставил именно здесь. Кингисепп сказал Гилю: «Поставьте машину так, как она тогда стояла». Гиль поставил... Тогда Кингисепп спросил меня, видел ли я раненого товарища Ленина. Я видел. Я показал место, где товарищ Ленин упал... Кингисепп велел Гилю сесть за руль, а нам с Сидоровым сказал, чтобы мы встали там так, как в момент выстрела стояли Владимир Ильич и та женщина, которая о муже спрашивала. Это, объяснил Кингисепп, нужно для следствия... Мы встали. Чекист, сопровождавший Кингисеппа, сделал несколько снимков. Снимал он нас в разных положениях...» См. также: Глазунов М. М., Митрофанов Б. А. Следователь по важнейшим делам. // Советское государство и право. 1988. № 8. С. 102. Один из этих снимков сохранился в следственном деле Каплан.

В ходе эксперимента, проведенного с большим запозданием, уточнили, что стрелявшая Каплан находилась у передних крыльев автомобиля со стороны входа в помещение для митингов, что Ленин был ранен в тот момент, когда он был приблизительно на расстоянии одного аршина, т. е. менее метра от автомобиля (а не 3 шагов, как ранее утверждал Гиль), немного вправо от дверцы автомобиля. Экспериментально не проверили, мог ли Гиль вечером, примерно в 20 часов, видеть именно женскую руку. Только 2 сентября был проведен тщательный осмотр места преступления. Все говорили о трех выстрелах, но найдено было четыре стреляных гильзы. «Браунинг», из которого стреляли, был брошен под ноги Гилю, тот ногой отбросил его под машину.

И тут же в следственном деле иное утверждение. «2 сентября, — писал Кингисепп в протоколе, — ко мне явился тов. Александр Владимирович Кузнецов (живет: Москва, Щипок, 22), показал удостоверение фабрично-заводского комитета и членский билет партии коммунистов № 713 и подал письменное заявление о том, что у него находится «револьвер-браунинг», из которого 30 августа стреляла Каплан». Кузнецов передал следователю «браунинг» № 150489 и обойму с четырьмя патронами. Он сказал, что поднял его «тотчас же по выроне-

нию его Каплан». «Браунинг» был приобретен к делу о покушении на Ленина. В заявлении Кузнецов писал о том, что «прорвался сквозь кучу людей», когда «Ленин еще лежал» (т. е. машина стояла на месте), недалеко от него было брошено оружие, из которого было сделано три выстрела. Он указал, что по прочтении 1 сентября в «Известиях ВЦИК» просьбы о возвращении «браунинга» принес его в ВЧК, хотя еще 31 августа заявил товарищам из Замоскворецкого военкомата, что оружие у него. Затем Кузнецов сообщал, что, подняв «браунинг», бросился догонять убийцу и принял участие в задержании женщины. ЦА ФСБ РФ, д. 2162, л. 53—55; Дело Фани Каплан, или Кто стрелял в Ленина? С. 227—230.

Показания Кузнецова вызывают ряд вопросов, из которых по крайней мере два представляются принципиальными: 1) Где лежал «браунинг», под машиной (Гиль) или рядом с упавшим после выстрела Лениным (Кузнецов); 2) Кузнецов принес семизарядный «браунинг» с четырьмя оставшимися в обойме пулями. Три из них поразили Ленина и стоящую рядом женщину. Как объяснить происхождение 4-й гильзы? Если согласиться с утверждением Кузнецова, то показания Гили ставятся под сомнение и наоборот. В семизарядном «браунинге» при оставшихся в обойме 4 пулях не могло быть восемь зарядов. Следовательно, или «браунингов» было два, или стреляли не из представленного Кузнецовым «браунинга». К сожалению, в материалах следствия нет ни этих или похожих вопросов, нет и ответов на них. В следственном деле нет дактилоскопической экспертизы (отпечатки пальцев Каплан не сличались с оставленными на «браунинге»), видимо, ее не проводили вовсе. Позже, когда сравнили пули, извлеченные при операции Ленина в 1922 г. и при баллизирировании тела вождя в 1924 г., выяснилось, что они разные. Следовательно, или стреляли в Ленина двое, или из разных «браунингов». // Московский комсомолец. 1992. 19 сентября. Интервью научного сотрудника Музея Ленина в Москве Д. Малашенко. Позже следствие доказало идентичность пуль. В следственном деле Каплан есть справка санитарного отдела ВЧК на имя Кингисеппа о том, что стоявшая рядом с Лениным М. Попова имела сквозное огнестрельное ранение локтевого сустава левой руки. Но нет сведений ни о том, что у нее была извлечена пуля, ни о ее поисках на месте ранения и идентификации с пулями из обоймы «браунинга».

Гиль сообщил еще о двух заслуживающих внимания фак-

тах. Один из них о том, как он с «револьвером» в руках кинулся к лежащему Ленину. В это время женщина, как оказалось фельдшерица, схватила его за руку, полагая, что он хочет стрелять в раненого человека. Эта фельдшерица и еще двое помогли ему положить Ленина в автомобиль. И еще. «Я опустился перед Владимиром Ильичем на колени, наклонился к нему, — вспоминал Гиль. — Какое счастье: Ленин был жив, он даже не потерял сознания.

—Поймали его или нет? — спросил он тихо, думая, очевидно, что в него стрелял мужчина». В другом варианте воспоминаний Гиль объяснил: «Он, очевидно, думал, что в него стрелял мужчина». Гиль С. К. Шесть лет... С. 19; см. рассказ Гили в кн.: Бонч-Бруевич В. Три покушения на В. И. Ленина. М., 1930. С. 95.

Этот ленинский вопрос даже не рассматривался как следственная версия. А он, наверное, был единственным, кто мог видеть стрелявшего. Ведь первой пулей была ранена стоявшая рядом и разговаривавшая с ним женщина — М. Г. Попова. Ленин обернулся, и это спасло ему жизнь. Лечившие Ленина врачи писали об этом. Б. С. Вейсброд подчеркивал, что «лишь случайный и счастливый поворот головы спас его от смерти»; В. Н. Розанов отвечал: «Уклонись эта пуля на один миллиметр в ту или другую сторону, Владимира Ильича, конечно, уже не было бы в живых». Воспоминания о Ленине. М., 1984. Т. 3. С. 309; Т. 4. С. 184.

Степень опасности ранения была в описаниях врачей преувеличена: Ленин самостоятельно поднялся по крутой лестнице на третий этаж и лег в постель. 1 сентября врачи признают его состояние удовлетворительным. Тополянский В. Кто стрелял в Ленина? Изнанка покушения. // Литературная газета. 1993. 10 ноября.

Показания свидетелей, данные 31 августа, мало что добавили нового по сравнению с рассказом Гили. Все они достаточно противоречивы. Все они давались после признания Каплан и исходили из того, что стреляла женщина, часто путая Каплан с Поповой, разговаривающей с Лениным. Показания свидетелей П. С. Груздева, И. И. Воробьева, М. И. Яцкевича, М. Г. Поповой, А. И. Хворова, И. Александрова, А. А. Сафронова, А. Сухотина, Е. Мамонова, И. А. Богдевича и других опубликованы в сборнике документов «Дело Фани Каплан, или Кто стрелял в Ленина?» (М., 2003).

Следственная версия о том, что Попова имела какое-либо отношение к покушению, быстро отпала. Были допрошены все названные ею лица, ее дочери, подруги и все освобождены, за сада с квартиры быстро снята. В постановлении о ее невиновности Кингисепп и Юровский писали 2 сентября: «М. Г. Попова заурядная мещанка и обывательница. Ни ее личные качества, ни интеллектуальный уровень, ни круг людей, среди которых она вращалась (тщедушный чиновник Семичев, Клавдия Московкина — забитая швейка и т. д.), не указывает на то, что она могла быть рекрутирована в качестве пособницы при выполнении террористического акта». Было указано, что побудительным мотивом ее обращения к Ленину было то, что ее дочери Нина и Ольга поехали за мукой, а она боялась, что ее отберут, в заключении говорилось: «Признать Попову лицом, пострадавшим при покушении, и лечить ее за государственный счет. Предложить СНК РСФСР назначить Поповой единовременное пособие».

Все показания сходились в одном — стреляла женщина, многие утверждали, что участвовали в ее задержании. Все свидетели писали свои показания Дьяконову после признания Каплан (они знали об этом, видели, как ее уводили), часть, видимо, хотела преувеличить свое участие в поимке террористки, другие — передавали слухи, разговоры, которыми делились ошарашенные происшедшим люди, выдавая версии за факты, ведь лица стрелявшей или стрелявшего никто не видел.

Многие заявляли о том, что они помогали задержать Каплан, и только двое показали, что это заслуга каждого из них в отдельности. Хотя показания помощника военного комиссара 5-й Московской советской пехотной дивизии С. Н. Батулина и председателя заводского комитета Н. Я. Иванова достаточно противоречивы.

30 августа, в первом варианте показаний, Батулин заявил, что был в 10—15 шагах от Ленина, когда услышал три выстрела и увидел Ленина, лежащего ничком на земле. И когда до выстрелов люди стали разбегаться, он заметил женщину, которая вела себя очень странно. На его вопрос: зачем она здесь и кто она, Каплан ответила так, как тогда в юности, во время взрыва гранаты в киевской гостинице: «Это сделала не я». Их окружили люди из толпы и стали кричать, что это она стреляла. Каплан согласилась, и, чтобы избежать самосуда, ее окружили во-

оруженные красноармейцы и отвели в Замоскворецкий военкомат.

Можно допустить, что Каплан покинула то место, с которого стреляла, и «призналась», испугавшись самосуда возмущенной толпы. Тем более что во втором варианте показаний, написанных 5 сентября, уже после расстрела Каплан, Батулин признал, что не слышал выстрелов, полагая, что это обычные моторные хлопки, что человека, стрелявшего в Ленина, он не видел. Теперь он писал, что увидел Каплан не на заводском дворе, а на Серпуховке, куда он выбежал в поисках террориста. Добежав до «стрелки», он заметил двух девушек, «которые, по моему глубокому убеждению, бежали по той причине, что позади их бежал я и другие люди». В это время он увидел возле дерева женщину, которая привлекла его внимание «странным видом». Она не бежала, а стояла с портфелем и зонтиком в руках. «Я спросил эту женщину, зачем она сюда попала. На эти слова она ответила: «А зачем вам это нужно?» Тогда я, обыскав ее карманы и взяв ее портфель и зонтик, предложил ей идти за мной. По дороге я ее спросил, чья в ней лицо, покушавшееся на тов. Ленина: «Зачем вы стреляли в тов. Ленина?», на что она ответила: «Зачем вам это нужно знать?», что меня окончательно убедило в покушении этой женщины на тов. Ленина».

Где же была Батулиным задержана Каплан: во дворе завода или на Серпуховке? Почему она сначала заявила, что стреляла не она, а затем «призналась»? Что здесь преобладало: испуг перед самосудом? старое правило каторжанки — тянуть время, брать вину на себя, чтобы дать убежать настоящему преступнику? ее не совсем нормальное, истеричное состояние в экстремальных ситуациях, умноженное на полуслепоту и глухоту? Наверное, ответа на эти вопросы мы не найдем никогда.

Иванов 2 сентября сообщил Кингисеппу, что видел женщину, стрелявшую в Ленина, на заводе, у стола, где продавалась литература, по внешности она напоминала ему партийную работницу. И ничего о задержании. Иванов «вспомнил» о том, как задерживал Каплан, во время процесса над эсерами в 1922 г., когда заявил, что догнал ее на улице, опознал при помощи кричащих детей возле остановки трамвая. Тогда же он рассказал и о своем вопросе в ответе Каплан: «Почему вы стреляли в нашего великого вождя? — Я сделала это как социалист-революционер». См.: У великой могилы. М., 1924. С. 90.

Этот ответ отвечал намерениям суда, и Иванов долгое

время в советской историографии был человеком, задержавшим Каплан, хотя первое показание Батулина намного ближе к истине, а Иванов к задержанию скорее всего не имел отношения.

Каплан привели в Замоскворецкий военкомат, заперли в комнату, стали звонить в ВЧК. Она села на диван, ей показалось, что в ботинке гвоздь колет ногу. Она сняла ботинок, взяла со стола несколько серых конвертов со штампом военкомата, положила в ботинок и снова надела его. Позже будут искать ее сообщника в военкомате, не поверят, что она использовала конверты сама в виде стелек. Потом этот розыск сообщника прекратят. Более того, 1 сентября было вынесено по этому поводу специальное заключение: «1) Признать, что найденные при вторичном обыске арестованной Фани Каплан в ее ботинках служившие стельками два конверта со штампами военного комиссариата Замоскворецкого района взяты ею в этом помещении уже после ареста и обыска ее; 2) Признать посему, что не имеется никаких данных для возбуждения следствия, имеются ли соучастники Ф. Каплан в составе Замоскворецкого военного комиссариата; 3). Красноармейцам, охранявшим Каплан и допустившим, что она взяла для стелек конверты, сделать строгое замечание». На всякий случай были допрошены сотрудники военкомата Немарский, Осовский, Удотова, Легоньякая. (В деле сохранились протоколы допросов и образцы конвертов. ЦА ФСБ РФ, д. 2162, л. 62—63.)

В военкомат приехал Дьяконов с чекистами Беленьким, Захаровым и Степным. Это Дьяконов приказал вторично обыскать Каплан, так как первый обыск носил поверхностный характер. В комнату на третьем этаже, где происходил обыск, вошли три женщины, у дверей поставили трех вооруженных красноармейцев. Одна из них, Зинаида Ивановна Легоньякая, через год вспоминала: «Дьяконов сказал мне: «Вы обязаны исполнить поручение: обыскать женщину, которая покушалась на тов. Ленина...» Вооруженная револьвером, вместе с двумя другими женщинами, я приступила к обыску...» Она сообщала, что в портфеле у Каплан были найдены: «браунинг», записная книжка с вырванными листами, папиросы, билет по ж. д., иголки, булавки, шпильки и т. д., всякая мелочь... а во время того, когда ее совсем раздевали наголо, то не могу вспомнить, нашли чего-нибудь или нет». Заметим, что Легоньякая, год спустя после обыска Каплан вспомнившая о наличии «браунинга» в

ее портфеле, сразу поставила несколько вопросов, на которые трудно ответить. По признаниям Гиля и Кузнецова, стрелявшая (стрелявший) бросила «браунинг», потом Кузнецов сдал его следователям. Если верить отчету Легоньякой, в портфеле Каплан оказался еще один «браунинг». Отсюда вопросы: у нее их было два? Или стреляла и бросила оружие не она? Или Легоньякая его придумала? Во всяком случае, в сохранившемся следственном деле нет данных о проверке этого второго «браунинга», неизвестно, стреляли ли из него и какова его судьба.

Железнодорожный билет был до Томилина, профсоюзный билет на имя Митропольской. Легоньякая обыскивала и Попову.

В протоколе допроса другой женщины, Д. Бем, записано, что именно она обнаружила в ботинках Каплан стельки из конвертов военкомата, брошку, шпильки и булавки. Третья, Зинаида Удотова, свидетельствовала: «Мы раздели Каплан донага и просмотрели все вещи до мельчайших подробностей. Так, рубцы, швы просматривались нами на свет, каждая складка была разглажена. Были тщательно просмотрены ботинки, вынуты оттуда и подкладки, вывернуты. Каждая вещь просматривалась по два и по несколько раз. Волосы были расчесаны и выглажены. Но при всей тщательности обнаружено что-либо не было. Раздевалась она частично сама, частично с нашей помощью». // Источник. 1993. № 2. С. 80—81.

После обыска в комнату вошли Дьяконов, Беленький, сотрудники Замоскворецкой ЧК Захаров и Степной, работник военкомата Осовский. Дьяконов допросил Каплан, сообщившую, что она стреляла в Ленина «по собственному убеждению». Протокол подписать отказалась, тогда, по просьбе Дьяконова, на нем расписались Батулин и рабочий А. Уваров, отметивший: «Показания Фани Каплан сделаны при мне». По указанию Петерса ее отправили на Лубянку в ВЧК. В легковой машине ее охранял чекист Григорий Александров. В карете Красного Креста отправились на Лубянку Попова и Легоньякая. В ВЧК Каплан допрашивали Курский, Петерс и другие. В. Бонч-Бруевич вспоминал, что поздно ночью к нему пришел член коллегии Наркомата юстиции М. Ю. Козловский и сказал, что Каплан произвела на него «крайне серое, ограниченное, нервно-возбужденное, почти истерическое впечатление. Держит себя рассеянно, говорит несвязно и находится в подавленном состоянии». Бонч-Бруевич В. Три покушения на Ленина. С. 89.

Следствие быстро разобралось и с членским билетом № 1387 Всероссийского профсоюза конторских служащих железных дорог на имя сотрудницы отдела статистики М. М. Митропольской. Было установлено, что бланк и печать настоящие, но в списках членов союза Митропольская не значилась. Под номером 1387 был записан И. А. Юрупов. Поэтому было решено билет считать подложным. Правлению союза было указано на плохое хранение бланков. Протокол подписали Д. Курский, В. Аванесов, Я. Петерс и Н. Скрыпник.

Не успев начаться, следствие было свернуто. Оно не было завершено, на ряде показаний дата 5 сентября, к этому дню Каплан уже не было в живых. Более того, в деле сохранились пометки следователей, которым кто-то мешал вести следствие. На повторном показании Батулина от 5 сентября подпись синим карандашом Кингисеппа от 24 сентября: «Документ примечателен по своему 19-дневному странствию»; 18 сентября Н. Скрыпник писал Кингисеппу, что посылает ему два документа по делу о покушении на Ленина, «которые, очевидно, после долгого странствия по комиссии попали вчера ко мне. Если они ничего не дают нового, переправьте их обратно ко мне для приобщения к делу Ройд-Каплан». ЦА ФСБ РФ, д. 2162, л. 4, 10. Содержание документов не сообщалось.

Каплан была расстреляна в 4 часа дня 3 сентября 1918 г., если не раньше. Долгое время была жива легенда, согласно которой «милосердный» вождь сохранил Каплан жизнь. Публикация воспоминаний коменданта Московского Кремля П. Д. Малькова в известной мере рассеяла эту иллюзию. Мальков рассказал, как по указанию секретаря ВЦИК В. А. Аванесова он привез Каплан из ВЧК в Кремль и посадил в полуподвальную комнату под детской половиной Большого дворца. Аванесов же вскоре предъявил ему постановление ВЧК о расстреле Каплан.

—Когда? — коротко спросил я Аванесова.

У Варлама Александровича, всегда такого доброго, отзывчивого, не дрогнул ни один мускул.

—Сегодня. Немедленно.

И, минуту помолчав:

—Где, думаешь, лучше?

Мгновенно поразмыслив, я ответил:

—Пожалуй, во дворе Автобоевого отряда, в тупике.

—Согласен.

После этого возник вопрос, где хоронить. Его разрешил Я. М. Свердлов:

—Хоронить Каплан не будем. Останки уничтожить без следа» (так же поступили с царской семьей в Екатеринбурге. — А. Л.). Мальков велел начальнику Автобоевого отряда выкатить из боксов несколько грузовых автомобилей и запустить моторы, а в тупик загнать легковую машину, повернув ее радиатором к воротам. В воротах гаража он поставил вооруженную охрану — двух вооруженных лагатышей. Сам привел Каплан, подал ей команду: «К машине!» и выстрелил. Присутствовал при этом и Демьян Бедный. Это он будет пособлять Малькову осуществлять кремацию Каплан: налить бензин в железную бочку, засунуть туда труп Каплан (без всякого медицинского освидетельствования) и поджечь бензин... А затем, почувствовав запах горелой человечины, Д. Бедный упадет в обморок. // Мальков в П. Д. Записки коменданта Московского Кремля. М., 1959. С. 159—160; Огонек. 1989. № 30. С. 27.

4 сентября 1918 г. «Известия ВЦИК» сообщали: «Вчера по постановлению ВЧК расстреляна стрелявшая в тов. Ленина правая эсерка Фани Ройд (она же Каплан)». Спешили. Зачем? Кто был в этом заинтересован?

Каплан была расстреляна по постановлению ВЧК, об этом сказано в газете, подтверждено в «Еженедельнике чрезвычайных комиссий» (27 октября 1918 г., № 6. С. 27). В последнем издании опубликован список расстрелянных, в нем Каплан значится под № 33; в том же списке в числе казненных протоиерей Восторгов, бывший министр юстиции И. Г. Щегловитов, министр внутренних дел А. Н. Хвостов, директор департамента полиции С. П. Белецкий и другие. Рядом с фамилией Каплан пометка: за покушение на тов. Ленина. Сведения о смерти Каплан есть и в алфавитном списке лиц, расстрелянных ВЧК в 1918—1919 гг., который вел чекист Г. Бельский. (В нем лишь фамилии более или менее известных лиц. Список хранится в архиве бывшего КГБ СССР.)

Но в протоколах заседаний Президиума ВЧК никаких сведений (постановлений) о расстреле Каплан не имеется. Мальков свидетельствовал, что непосредственный приказ о расстреле Каплан он получил от Свердлова и Аванесова — руководства ВЦИК, т. е. они были прежде всего заинтересованы в казни Каплан еще до завершения следствия, без суда и прочих правовых норм. В чем была эта заинтересованность — можно дога-

дываться и предполагать, что здесь были политические мотивы, а возможно, и личные. Ведь говорил Свердлов горделиво Бонч-Бруевичу: «Вот, Владимир Дмитриевич, и без Владимира Ильича все-таки справляемся». Бонч-Бруевич В. Три покушения... С. 102.

По мнению Ю. Фельштинского, к покушению на Ленина был причастен Свердлов. Фельштинский Ю. Вожди в законе. Ленин и Свердлов. — День и ночь. // Литературный журнал. Красноярск, 1997. С. 121—142.

О. Васильев полагает, что покушение было инсценировкой, нечто вроде «поджога рейхстага», о чем было сговорено между Лениным и Свердловым. Его поразило, что организаторы покушения, Семенов и Коноплева, сами сознавшие в этом, практически не были наказаны и попали не под «красный», а лишь под большой террор. Он обращал внимание на то, что «следы пули на пиджаке не совпадали с ранениями на теле» Ленина. На это обратил внимание и Е. Данилов. Он пишет: «Со стороны спины на пальто (Ленина) — четыре отметины крестиками: две красные — обозначают попадание пуль, причинивших ранение, две белые — попадание, не задевшие тело (а всюду отмечают три выстрела. Откуда взялись отверстия от четвертого «выстрела»?...)... «Посадить пули из пистолета (или револьвера) с такой кучностью боя может только твердая натренированная рука профессионального стрелка». Васильев указал на излишнюю драматизацию опасности ранения Ленина, который уже 3 сентября встал с постели, и на то, что пули, находившиеся на поверхности тела, извлекли не сразу. Васильев О. Покушение на Ленина было инсценировкой. // Независимая газета. 1992. 29 августа; Данилов Е. Тайна «выстрелов» Фани Каплан. // Звезда Востока. Ташкент, 1991. № 1. С. 122—123.

⁶¹ Б. Савинков во время суда над ним акцентировал: «Не мы, русские, подняли руку на Ленина, а еврейка Каплан. Не мы, русские, убили Урицкого, а еврей Канегиссер. Не следует забывать об этом». Не удержался и провозгласил: «Вечная слава им». Б. Савинков перед Военной коллегией Верховного суда СССР. Полный отчет по стенограмме суда. М., 1924. С. 54.

⁶² Slavic Review. 1989. V. 48. № 3. P. 447.

⁶³ Труд. 1992. 3 ноября; Родина. 1993. № 10. С. 77; Известия. 1994. 4 марта; Отечественная история. 2000. № 3. С. 103; Журавлев В. С. Человек революционной эпохи. Судьба эсера-террориста. // Независимая газета. Приложение. 2000. 31 марта;

Судебный процесс над социалистами-революционерами. Сб. документов. С. 21, 23, 620, 629, 640—642.

⁶⁴ Фельштинский Ю. Вожди в законе. Ленин и Свердлов. // День и ночь. Красноярск. 1997. № 4. С. 121—142; он же. Выстрел в вождя. Участвовал ли Свердлов в организации покушения на Ленина. // Труд. 1998. 6 февраля. Выстрелы в Ленина сначала вызвали панику: Бонч-Бруевич, опасаясь нападения на Кремль, привел в боевую готовность его гарнизон, усилил караулы. Бонч-Бруевич В. Три покушения... С. 79—80. Тогда же на волне массовых протестов и призывов к отпущению было принято 5 сентября 1918 г. Постановление СНК РСФСР «О красном терроре», начались аресты и расстрелы. Н. Берберова как общеизвестные цифры назвала 31 489 арестованных ВЧК в августе—сентябре 1918 г. Из них было расстреляно 6185, посажено в тюрьмы — 14 829, сослано в лагеря — 6407, взято заложниками — 4068. Это был ответ ВЧК на выстрелы Каплан, заключала она. Берберова Н. Железная женщина. М., 1991. С. 93.

Брач Р. Донской вспоминал, как он зашел через несколько дней после покушения на Ленина в Лефортовский военный госпиталь и там во дворе анатомического театра увидел разостланный огромный брезент, на котором лежали 24 трупа с раздробленными от выстрелов в упор черепами. Вскоре привезли еще 40. «Это было самое начало террора в ответ на покушение на Ленина», — пишет он. Донской Р. От Москвы до Берлина в 1920 г. // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 1. С. 195—196. Подобных описаний довольно много.

⁶⁵ Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. 1917—1920 гг. М., 1968. С. 29, 174.

⁶⁶ Цит. по: Алданов М. А. Собр. соч. в 6-ти томах. М., 1991. Т. 6. С. 517.

⁶⁷ Фельштинский Ю. Брестский мир. М., 1992. С. 375—376; Чубарьян А. О. К истории Брестского мира 1918 г. Этот противоречивый XX век. М., 2001. С. 133, 137. После смерти Свердлова в марте 1919 г. его личный несгораемый шкаф не вскрывали 16 лет. Вскрыл его в июле 1935 г. нарком внутренних дел СССР и родственник Свердлова Г. Ягода. 27 июля 1935 г. он писал Сталину, что обнаружил в шкафу золотых монет царской чеканки на 108 525 руб., 705 золотых изделий, многие из которых с драгоценными камнями, чистые бланки паспортов

царского образца, семь заполненных паспортов, в том числе на имя Я. М. Свердлова. Кроме того, царских денег в сумме 750 тыс. рублей. // Источник. 1994. № 1. С. 4. Это лишь подтверждает факт готовности одного из вождей к обеспечению будущего в случае неудач своих планов в России.

⁶⁸ Троцкий Л. Политические силуэты. М., 1990. С. 218; он же. Портреты революционеров. Venson, 1988. С. 50, 240; Деятельность ЦК партии в документах. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 146. Яковлева В. Н. (1884—1941), член коллегии НКВД с марта 1918 г., «левый коммунист». Стуков И. Н. (1887—1937), в 1918 г. «левый коммунист», член Московского обкома РКП(б).

⁶⁹ Paquet A. In *Kommunistischen Russland Briefe aus Moskau*. Jena, 1919. S. 54; Baumgart W. *Deutsche ostpolitik*. 1918. Wien und Munchen, 1966. S. 238; Ватлин А. Паника. Советская Россия осени 1918 года глазами немца. // Родина. 2002. № 9. С. 78, 81; Судебный процесс над социалистами-революционерами. Сб. документов. С. 629, 630. Бухарин протестовал 20 февраля 1937 г. в письме на имя Пленума ЦК ВКП(б) против обвинения в участии в какой-либо террористической деятельности. В доказательство таковой, среди прочих, ему предъявили выбитые у Семенова в начале февраля 1937 г. показания, где тот «признавался» в сотрудничестве с Бухариным на террористической ниве. «Нельзя пройти мимо чудовищного обвинения меня в том, что я якобы давал Семенову террористические директивы... Здесь умолчано о том, что Семенов был коммунистом, членом партии... Семенова я защищал по постановлению ЦК партии. Партия наша считала, что Семенов оказал ей большие услуги, приняла его в число своих членов». И подчеркивал: «Семенов фактически выдал советской власти и партии боевые эсеровские группы. У всех эсеров, оставшихся эсерами, он считался «большевистским провокатором». Роль разоблачителя он играл и на суде против эсеров. Его эсеры ненавидели и сторонились его как чумы». Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1992. № 2—3. С. 27—28.

⁷⁰ В очерке Л. Овруцкого и Л. Разгона «Яков Блюмкин. Из жизни террориста» // Горизонт. М., 1991. № 11. С. 49—64; № 12. С. 52—64) биография Блюмкина дана фрагментарно, во многом со ссылками на опубликованные данные. В архиве бывшего КГБ СССР хранится написанная Блюмкиным авто-

биография, уточняющая многие даты и факты его жизни. Блюмкин писал в 1929 г.: «Родился в 1900 г. в марте месяце, в бедной еврейской семье. Отец мой, бывший ранее рабочим лесных фирм в Полесье, ко времени моего рождения стал мелким коммерческим служащим. Вскоре после моего рождения, в 1906 г., отец мой умер, и большая семья из 6-ти человек впала в нищету. В условиях еврейской провинциальной нищеты, стиснутый между национальным угнетением и социальной обездоленностью, я вырос, предоставленный своей собственной детской судьбе. В 1908 г., восьми лет, я был отдан в бесплатное еврейское духовное начальное училище (1-ю Одесскую талмудтору). Училище я окончил в 1913 г. С 1908 по 1913 г., все пять лет моей школьной жизни, в период летних каникул, я служил мальчиком на посылках в конторах и магазинах, за оклад от 3 до 7 рублей в месяц (контора Шифреса, магазин Перемена и т. д.). Вскоре, по окончании училища, 13 лет я был отдан в учение в электротехническую мастерскую, сначала К. Франка, затем инженера Ингера, с платой сначала 20 к., позднее 30 к. за день. Подлинно каторжные, горькие условия жизни ремесленного ученика у мелкого предпринимателя в ту эпоху настолько общеизвестны, что на них не стоит останавливаться. В связи с ними скажу лишь то, что именно к этому периоду моей жизни относится появление во мне полулюбошеского классового чувства, впоследствии облекшегося в революционное мировоззрение.

За период своего учения я работал, главным образом, на частных монтажах по проводке электроосвещения, специализируясь на так называемой бергменовской проводке (трубы цинкованные, латунные). Подучившись, я работал по ремонту освещения трамвайных вагонов на ночной смене в Ришельевском трамвайном парке бельгийского анонимного общества, затем помощником театрального электротехника в русском театре. Ввиду низкой оплаты труда я во время войны, к концу ее, перешел на консервную фабрику бр. Авич и Израильсон, где работал в томатном отделении (1 р. 20 к. в день). Одновременно подготовился и выдержал экзамен в техническое училище инженера Линденера, но за отсутствием средств на учение с горечью это намерение оставил. В тот период я и связался с эсеровскими гимназистами и студенческими кружками (кружок Вишневого и Лернера). Чувствуя в себе также и, как принято выражаться, «литературное призвание», я пописывал в журнале

«Колосья», в детской газете «Гудок» и т. д. Разумеется, все эти годы я занимался запойным чтением, саморазвитием, посещал лекции и т. д.

Февральская революция застала меня в Одессе, когда мне было 17 лет. Я принял в ней участие как агитатор первого Совета рабочих депутатов, выступая на различных предприятиях с агитацией за присоединение к революции и посылку депутатов в Совет. В этот момент в Соснице Черниговской губернии умер мой дед, оставивший мне, как самому младшему внуку, наследство в триста рублей. Я поехал в Сосницу, получил деловое наследство и с ним поехал в Харьков, где поступил на службу в качестве конторского мальчика в торговый дом Гольдмана и Чапко. В Харькове, к концу своего пребывания там (июль—август 17-го г.), я работал как эсер левого крыла. Затем перебрался на Волгу, сначала в Симбирск, потом в Алатырь. Был членом Симбирского Совета крестьянских депутатов, Алатырского Совета крестьянских депутатов.

Октябрьский переворот застал меня в Самаре. Вскоре я уехал в Одессу, тянуло к родным. В Одессе в самом начале 18-го я вступил добровольно в «железный отряд» при штабе 3-й армии, сначала Румфронта, затем Украинского фронта. Вскоре был избран, тогда еще на юге существовало выборное начало, на командира этого отряда. Вместе с ним, в составе 3-й армии, под командованием П. Лазарева, оставил Одессу 12 марта и отступил в Феодосию. В Феодосии я был назначен комиссаром военного Совета 3-й армии, затем помначштаба и и. о. начштаба 3-й армии. С этой армией я проделал поход Феодосия—Лозовая—Барвенково—Славянск.

В мае 18-го года, после отступления с Украины, я попал в Москву, где поступил в распоряжение ЦК партии левых эсеров. Последний направил меня на работу в ВЧК, где я организовал и возглавлял первый отдел по борьбе с международным шпионажем до 6 июля 1918 г., когда по поручению ЦК партии левых эсеров организовал и совершил убийство германского посла гр. Мирбаха.

С июля 18-го г. по апрель 19-го г., т. е. меньше года, я скрывался, сначала на Волге, затем в Петрограде. В ноябре 1918 г. я был направлен на Украину, как член центральной боевой организации и правобережной областной боевой организации партии левых эсеров для организации убийства гетмана Скоропадского. Ноябрь, декабрь и т. д. до апреля 1919 г. я про-

вел на Украине, принимая участие в работе нелегального киевского Совета, организуя повстанческое движение в Винницком районе, побеги коммунистам, работая в феврале—марте в качестве секретаря киевского городского комитета партии левых эсеров и т. д. В марте, по дороге в Елисаветград, я попал в районе Кременчуга в плен к петлюровцам, подвергшим меня жесточайшим пыткам. У меня вырвали все передние зубы, полузадушили и выбросили как мертвого голым на полотно железной дороги. Я очнулся, добежал до железнодорожной будки, откуда на следующий день, 13 марта, на дрезине был доставлен в Кременчуг, в богоугодное заведение. Выздоровев, я вернулся в Киев и 14 апреля 1919 г. добровольно явился в Киевскую губЧК к т. Лацису и Сорину.

Моя явка явилась результатом моего аналитического, под углом интересов социалистической революции, наблюдения событий на Украине и на Западе, интенсивно ведшегося мной со времени июльской драмы 1918 г., равно как и моего интенсивного теоретико-политического самообразования. Как видно, понадобилось лишь 9 месяцев, чтобы я понял историческую правоту большевистской линии в социалистической революции. Я был доставлен в Москву к т. Дзержинскому и 16 мая, через месяц после моей явки, амнистирован.

Левые эсеры (ЦК партии левых эсеров был в стороне от этого, затем прислал ко мне Ирину Каховскую с заявлением о полной непричастности к этому) — за мой отход организовали на меня три покушения, когда в июле месяце 1919 г. я приехал в Киев организовывать из своих друзей боевую организацию для выполнения одного боевого предприятия в тылу колчаковского фронта по предписанию ЦК РКП в лице т. Серебрякова и Аванесова. Я был полусмертельно ранен в голову. Об этих покушениях было официальное сообщение в «Известиях ВЦИК» за июль или август 1919 г. Вслед за этим я пошел работать в ПУР, был председателем комиссии по обследованию политической работы Ярославского и Московского военных округов, ездил на Восточный фронт к т. Смилге, вернувшись оттуда, пошел добровольно на Южный фронт в 13-ю армию, имея задачей организацию боевой работы в тылу Деникина. Это было в 19—20-м гг. В 1920 г. я, после десанта в Энзели, был командирован в Персию для связи с революционным правительством Кучухана. Там я принимал деятельное участие в партийной и военной работе в качестве военкома штаба Красной Армии, был

председателем комиссии по организации персидского представительства на съезде народов Востока в Баку, захватывал власть 21 июля 1920 г. для более левой группы персидского национально-революционного движения для группы Эсанулы, больной тифом, руководил обороной Энзели. Вернувшись осенью 1920 г., я поступил в военную академию РККА, в течение обучения в ней неоднократно самообмобилизуясь на внутренние фронты, на разные командные должности.

С 1920 по 1923 г. я состоял для особо важных поручений при тогдашнем наркомвоене. В тот же период сотрудничал в «Правде» в качестве политического фельетониста. В апреле 1923 г. по инициативе т. Зиновьева, Дзержинского я был привлечен к выполнению одного высокоответственного боевого предприятия. Тогда же я перешел на работу в Коминтерн, затем ИНО ОГПУ. С 1923 по 1929 г. с перерывом на 1 год (25—26) я работал в ОГПУ, в ИНО — за границей в качестве резидента, затем в Тифлисе в качестве помощника постоянного представителя ОГПУ в Закавказье, члена коллегии Зак. ЧК, зампреда советско-персидской смешанной погранкомиссии и члена советско-турецкой смешанной погранкомиссии, главного инструктора ГВО и представителя ОГПУ в Монголии и т. д. Год (1925—1926) я работал в Наркомторге (начальник отдела организации торговли, пом. нач. ЗКУ, председатель ряда комиссий, консультант при наркоме и т. д. — одновременно).

О том, что мной было сделано по линии чекистской работы за это время, я упоминал в своем заявлении т. Агранову. Но лучше всего об этом могут сказать т. Менжинский и Трилиссер. Они знают, сколько раз я рисковал жизнью за интересы нашего дела, являющегося и моим делом. За время моего пребывания в партии я в никаких оппозициях до 1927 г. не состоял. В троцкистской же оппозиции я никакой активной фракционной работы не вел. Единственное поручение Троцкого мной выполнено не было. Мои колебания всегда шли справа налево, всегда в пределах советского максимализма. Они никогда не шли направо. На фоне всей моей жизни это показательно.

Имею 4 огнестрельных и 2 холодных ранения. Имею три боевые награды. Состою почетным курсантом тифлисской окружной пограничной школы ОГПУ и почетным красноармейцем 8-го полка войск ОГПУ (в Тифлисе). Членом партии являюсь с 1919 г., принят оргбюро ЦК». // ЦА ФСБ РФ, Н-5101. С. 174—178. В этом же деле ордер на арест Блюмкина 31 октяб-

ря 1929 г., донесение сожительницы Блюмкина Елизаветы Горской Агранову. Горская сообщала о том, что Блюмкин, будучи в Константинополе, встречался с Троцким и что об этом известно Радеку и Смильге. При обыске у Блюмкина обнаружили его письмо к начальнику иностранного отдела ОГПУ М. А. Трилиссеру, в котором Блюмкин писал, что в Константинополе случайно встретил сына Троцкого Льва Седова, а затем, 16 апреля 1929 г., имел продолжительное свидание с Троцким. «Его личное обаяние, — сообщал Блюмкин, — драматическая обстановка его жизни в Константинополе, информация, которую он дал мне при беседе, — все это подавило во мне дисциплинарные соображения, и я предоставил себя в его распоряжение. Практически же, как Вы понимаете, я ничего не мог ему сделать полезного». Блюмкин отмечал, что во время работы в секретариате Троцкого он написал историю его поезда и статью о Ефиме Дрейцере, с которым служил вместе в 79-й бригаде 27-й Омской дивизии Южного фронта. Блюмкин был начальником штаба. Блюмкин взял у Троцкого два письма. Передал их Радеку, интересовался отношением к высылке Троцкого и И. Н. Смирнова.

Допрашивал Блюмкина Агранов. Тогда же, по предложению Агранова, он написал вышеприведенную автобиографию. Кроме того, сообщил, что женат, имеет сына 4 лет и на иждивении сестру, Розалию Григорьевну, с 2 детьми. Следствие продолжалось несколько дней — с 29 октября по 2 ноября 1929 г. 3 ноября 1929 г. судебная коллегия ОГПУ постановила: «За повторную измену делу пролетарской революции и советской власти и за измену революционной чекистской армии Блюмкина Якова Григорьевича расстрелять. Дело сдать в архив». Вечером 3 ноября приговор был приведен в исполнение. ЦА ФСБ РФ, Н-5101. С. 1, 18, 23—27, 158. Елизавета Горская (Зарубина) (1900—1987) позже стала признанным советским разведчиком. Звезда нелегальной разведки (Е. Ю. Зарубина). — Бережков В. И., Пехтерева С. В. Женщины-чекистки. СПб., 2003. С. 186—220.

Биография Н. А. Андреева мало известна. Вероятно, это была его не настоящая фамилия. Он был евреем и мог носить русскую фамилию лишь как псевдоним. В следственном деле «О мятеже партии левых эсеров в Москве в 1918 г. и об убийстве германского посла Мирбаха», составленном тогда же, сведений об Андрееве, человеке, смертельно ранившем Мирбаха,

очень немного. На фотографии изображен человек в военной гимнастерке и с солдатским Георгиевским крестом. Блюмкин называл его своим товарищем по революции. Сохранилось его и Блюмкина внешнее описание. 6 июля 1918 г. во все милицеские участки Москвы была направлена телеграмма: «Задержать и препроводить в уголовную милицию Якова Блюмкина. Приметы: высокого роста, голова бритая, обросший черной бородой, хромой, ввиду вывихнутой ноги. Одет в зеленый френч, может быть и синий костюм. У Блюмкина могут быть бланки Чрезвычайной комиссии». И дополнение к телеграмме: «Роста Блюмкин выше среднего, черные волосы, лоб высокий, лицо бледно-желтоватое, густая круглая борода, у губ редкая. Тип еврейский. Одет в черную шляпу и синий костюм. Надлежит задержать еще Николая Андреева. Приметы: небольшого роста, рыжеватый, нос горбатый, лицо тонкое, длинное, худощавый, глаза косят. Тип еврейский». ЦА ФСБ РФ, Н-8, т. 1, л. 100. О судьбе Андреева исследователи сообщили скупое: в июле 1918 г. бежал из Москвы на Украину, где и умер от сыпного тифа. Спирин Л. М. Крах одной авантюры. М., 1971. С. 86; Велидов А. С. Предисловие к «Красной книге ВЧК». М., 1989. Т. 1. С. 28; он же. Яков Блюмкин и Лев Троцкий. // Отечественная история. 1992. № 4. С. 207—214.

⁷¹ См.: В. И. Ленин и ВЧК. Сб. док. М., 1975. С. 86, 91; Заключение обвинительной коллегии Верховного трибунала при ВЦИК по делу о контрреволюционном заговоре ЦК партии левых эсеров и других лиц той же партии против советской власти и революции. Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 275—295; Спирин Л. М. Крах одной авантюры. С. 20; Гусев К. В. Рыцари террора. М., 1992. С. 74—75.

⁷² Фельштинский Ю. Г. Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917 — июль 1918. На пути к однопартийной диктатуре. Париж, 1985; он же. Брестский мир. М., 1992.

⁷³ ЦА ФСБ РФ, д. Н-8, в 19 томах. Комиссия вначале своей задачей поставила сбор материалов, допрос участников событий, аресты членов ЦК партии левых эсеров, т. е. исходила сразу же из признания виновными в случившемся только левых эсеров.

В первом томе находится (в копии) постановление ЦК партии левых эсеров от 24 июня 1918 г., ставшее исходным для иллюстрации террористических намерений левых эсеров. В нем указывалось на решимость ЦК партии левых эсеров организо-

вать террористические акты в «отношении виднейших представителей германского империализма... Осуществление террора должно произойти по сигналу из Москвы, хотя это может быть заменено другой формой. Для учета и распределения всех партийных сил при проведении этого плана в жизнь партия организует бюро из трех лиц — Спиридоновой, Голубовского, Майорова». Там же, т. 1, л. 5. Публикация протокола в «Красной книге ВЧК» (М., 1989. С. 185) дана в отредактированном виде и с небольшими купюрами. Со слов адъютанта военного атташе германского посольства в Москве лейтенанта Леонгарта Мюллера, инспектор милиции Ксаверьев записал об акте покушения на жизнь посла следующее: «...Вчерашнего числа, около 3 часов пополудни, меня пригласил первый советник посольства д-р Ришлер присутствовать в приемной, при приеме двух членов из ЧК. При этом у доктора Ришлера имелась в руках бумага от председателя этой комиссии Дзержинского, которой двое лиц уполномочивались для переговоров по личному делу с графом Мирбахом. Выйдя в вестибюль с доктором, я увидел двух лиц, которых доктор Ришлер пригласил в одну из приемных (малинового цвета) на правую сторону особняка. Один из них смуглый брюнет с бородой и усами, большой шевелюрой, одет был в черный пиджачный костюм. С виду лет 30—35, с бледным отпечатком на лице, тип анархиста. Он отрекомендовался Блюмкиным. Другой — рыжеватый, без бороды, с маленькими усами, маленький, худощавый, с горбинкой на носу. С виду также лет на 30. Одет был в коричневый костюм и, кажется, в косоворотку цветную. Назвался Андреевым, по словам Блюмкина, является председателем революционного трибунала». Далее в записи о том, как Блюмкин требовал личной встречи с Мирбахом, как состоялась встреча, во время которой посланец сказал, что не имеет ничего общего со своим однофамильцем, арестованным ВЧК. Тогда Андреев обратился к Блюмкину с замечанием: «...По-видимому, послу угодно знать меры, которые могут быть приняты против него». По-видимому, эти слова являлись условным знаком, так как брюнет, повторив слова рыжеватого мужчины, вскочил со стула, выхватил из портфеля револьвер и произвел по нескольку выстрелов в нас троих, начиная с графа Мирбаха, но промахнулся. Граф выбежал в соседний зал и в этот момент получил выстрел на пролете пули в затылок. Тут же он упал. Брюнет продолжал стрелять в меня и д-ра Ришлера. Я инстинктивно опустил на пол, и когда при-

поднялся, то тут же раздался оглушительный взрыв от брошенной бомбы. Посыпались осколки бомбы, куски штукатурки. Я вновь бросился на пол и, приподнявшись, увидел стоявшего доктора, с которым кинулись в зал и увидели лежавшего на полу в луже крови без движения графа. Тут же, вблизи на полу, лежала вторая, неразорвавшаяся бомба. И в расстоянии примерно 2—3 шагов в полу — большое отверстие — следы взорвавшейся бомбы. Оба преступника успели скрыться через окно и уехать на поджидавшем их автомобиле». Там же, т. 1, л. 109—111; Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 201—202.

В томе — опубликованные протоколы допросов сотрудников германского посольства, свидетелей покушения на посла, составленных инспектором московской уголовной милиции Ксаверьевым; описание содержимого портфеля, который Блюмкин забыл в гостиной: бумаги по делу графа Мирбаха, портсигар с несколькими папиросами, револьвер. Упомянуты и брошенные впопыхах сотрудниками ВЧК шляпы.

Дзержинский в показаниях комиссии заявил, что в середине июня получил от Карахана известие о готовившемся покушении на Мирбаха, но посчитал их шантажом. Спиридонова на допросе Шейнкману 10 июля 1918 г., еще не зная о том, что 7 июля были расстреляны 13 левых эсеров, в том числе заместитель Дзержинского левый эсер В. А. Александрович, всю вину за содеянное пытался взять на себя. «Я организовал дело убийства Мирбаха с начала до конца... Блюмкин действовал по поручению моему». Там же, т. 1, л. 157; Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 268—269.

⁷⁴ Протокол допроса В. А. Александровича 7 июля 1918 г. опубликован — Левые эсеры и ВЧК. Сб. документов. Казань, 1996. С. 100. В удостоверении на имя Журавлева, которое Александрович, видимо, сделал для себя, говорится, что он сотрудник ВЧК и имеет право на жительство в Москве и окрестностях. Тут же паспорт на имя Журавлева, потомственного дворянина. 13 июля 1918 г. комиссар ВЧК Л. Заковский, будущий ежовский палач, по поручению Петерса повторно обыскал комнату теперь уже покойного Александровича и составил акт: «Номер открыт в присутствии тов. Соколовой и швейцара. Вещи, принадлежащие Александровичу, взяты Соколовой, как книги, ткани, обувь и мелочи. Для доставления в комиссию взяты 3 паспортные книжки, несколько записок и кое-какие мелочи». 17 июля Петерс препроводил Стучке акт о вскрытии

номера, в котором жил Александрович, о том, что паспорта и записки для следствия интереса не представляют, а блокнот содержит пометки о сотрудниках отряда Попова. И здесь же заключение следователя ВЧК Волкова: «Действия В. А. Александровича, которому как товарищу председателя Комиссии было оказано чрезвычайное доверие, можно назвать предательскими и провокационными, а потому полагаю по отношению к нему применить высшую меру наказания». Одновременно этим же следователем были приговорены к расстрелу бойцы отряда ВЧК С. Кулаков, А. Лопухин, В. Немцев, С. Пинегин, посланные Поповым в разведку и арестованные с оружием в руках. Их действия, как состоящих на советской службе, были сочтены предательством. ЦА ФСБ РФ. Д. Н-8. Т. 9, л. 1, 14—15, 27, 39—40. Ордер 7 июля 1918 г. на первый обыск в комнате Александровича был подписан Петерсом и Ксенофонтовым. Произвел его сотрудник ВЧК Зосин. Там же, т. 7, л. 1; Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 299. В следственном деле сохранилась записка Дзержинского: «Это ордер Александровича на машину для Блюмкина — для убийства Мирбаха. Ордер этот присоединить к делу. 12 июля 1918 г.». Там же, Т. 15, л. 28.

Странный случай «вспомнил» во время допросов с пристрастием арестованный в ноябре 1937 г. бывший командир латышской дивизии, громившей левых эсеров в Москве, И. И. Вацетис. В тюремной камере он писал очередной вариант воспоминаний о «Московском восстании 6—7 июля 1918 г.», в котором отметил: «Во время пребывания в Военной Академии Блюмкин сделал доклад о событиях 6 июля. По его словам, в принципе московское восстание планировалось весной 1918 г. На 6 июля вышли случайно, причем Блюмкин предлагал убить Мирбаха в кабинете Александровича. Блюмкин не знал, что в кабинете Александровича за ширмой спал Дзержинский, который мог слышать предложение Блюмкина. Вскоре Дзержинский встал и вышел из комнаты, ничего не сказав. Блюмкин и Александрович думали, что их арестуют, но этого не произошло». ЦА ФСБ РФ, следственное дело И. И. Вацетиса, т. 1, л. 338.

О незначительной роли Александровича в организации убийства Мирбаха писал в своем покаянии Блюмкин в апреле 1919 г., когда это ничем не угрожало уже расстрелянному его коллеге по ВЧК: «Когда пришел, ничего не зная, товарищ председателя ВЧК Вячеслав Александрович, я попросил его по-

ставить на мандате печать комиссии. Кроме того, я взял у него записку в гараж на получение автомобиля. После этого я заявил ему о том, что по постановлению ЦК сегодня убью графа Мирбаха». Спиридонова также оправдывала Александровича: «Мы от него скрывали весь мирбаховский акт, а другого ведь ничего и не готовилось. Он выполнял некоторые наши поручения, как партийный солдат, не зная их конспиративной сущности». См.: Открытое письмо М. Спиридоновой ЦК партии большевиков. // Родина. 1990. № 5. С. 38; Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 299. Петерс вспоминал о допросе Александровича: «Он плакал, долго плакал, и мне стало тяжело, быть может потому, что он из всех левых эсеров оставил наилучшее впечатление». // Пролетарская революция. 1924. № 10. С. 109. «Александровичу я доверял вполне, — указывал Дзержинский, — почти всегда он соглашался со мною». Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 260.

С. Д. Мстиславский, член ЦК партии левых эсеров, вспоминал: «На вокзале опознан был и арестован Александрович. Его, вместе с 12 первыми, еще с оружием в руках арестованными половцами, расстреляли в ту же ночь. Расстрел случайный, сгоряча, ибо все 12 отрядников только смертью своей приобщились к делу левых с.-р.: при жизни мы их имена не знали и не слышали. Что же касается Александровича, то смерть его является подлинно трагической, он расплатился полностью за чужие дела... в рядах партии он был, несомненно, одним из наиболее близких, искренно близких большевикам людей. Он был расстрелян — не за себя». Мстиславский С. Д. Убийство Мирбаха и левоэсеровский мятеж в Москве. Июль 1918 г. Машинопись. РГАСПИ, ф. 5, оп. 3, д. 12, л. 19.

Воспоминания Блюмкина, записи Вацетиса нуждаются в проверке, хотя их направленность не вызывает сомнения. Блюмкин в 1919 г. был амнистирован и мечтал о новой чекистской карьере, которая ему удалась, хотя и за более мелкие проступки чекисты изгонялись без права далее служить в органах. Вацетис по настоянию следователя «вспоминал» все, что тому было угодно, перемешивая реальные фамилии и мифические факты. Свои мотивы оправдать Александровича были и у других мемуаристов. Возможно, Александрович был расстрелян столь быстро и беспощадно, как опасный свидетель. Чего? Видимо, это и хотели замолчать конфронтанты.

Н. В. Святицкий вспоминал об Александровиче (наст. фамилия — Дмитриевский В. А.): «Крепко сложенная фигура, не-

большого роста. Продолговатая сплошь лысая голова с торчащей шишкой. Жесткие черные усики, недобрые глаза... Александрович был прямолинеен и довольно невежествен. Это был человек среднего калибра и недалекого ума. Но он был фанатически предан делу социалистической революции, шел до конца в принятых на себя обязательствах. Кроме того, он, несомненно обладал практицизмом и подпольным опытом». Святицкий Н. Война и предфевралье. / Каторга и ссылка. 1931. Кн. 2. С. 40—41.

⁷⁵ Неясными остаются вопросы, связанные с указанием лица, давшего поручение Блюмкину организовать убийство посла, а также с подлинностью удостоверений, предъявленных от имени ВЧК сотрудникам германского посольства. Фельштинский полагает, что задание убить Мирбаха Блюмкин получил от члена ЦК партии левых эсеров П. Прошьяна, т. е. террористический акт был совершен не по указанию ЦК, а лишь одного из его членов. Наверное, не весь ЦК знал об этом решении, но Спиридоновой, скорее всего, оно было известно, так же, как, по свидетельству С. Д. Мстиславского, об этом знал и член ЦК В. А. Карелин. Фельштинский Ю. Г. Большевики и левые эсеры. С. 174. Мстиславский вспоминал о том, как на улице, накануне теракта, его обогнал Карелин с двумя неизвестными ему людьми, возбужденно разговаривающими. «Вероятно, — писал он, — я стал невольным свидетелем... решающего разговора ЦК с Блюмкиным и его товарищем». Мстиславский С. Д. Там же, л. 6.

Вопрос о том, кто послал Блюмкина, связан со служебным положением последнего и его личными качествами, позволившими выполнить поручение. В материалах Комиссии несколько документов: удостоверение Блюмкина от 1 июня 1918 г. на право ношения оружия—кольт № 77093; его же удостоверение № 227 на бланке ВЧК от 3 июня — Блюмкин Я. состоит сотрудником ВЧК и работает в отделе по борьбе с контрреволюцией, исполняет обязанности заведующего секретным отделом. Удостоверение подписано тов. (заместителем) председателя ВЧК Г. Д. Заксом. Удостоверение Николая Андреева от 10 июня 1918 г., который был делегирован ЦК партии левых эсеров для работы в секретном отделе ВЧК. Записка Блюмкина Заксу от 13 июня 1918 г.: «интересах широкой и активной организации при отделе по борьбе с контрреволюцией секретного отделения прошу все попадающие к вам факты, сообщающие что-либо о

немецком и союзническом шпионаже, спешно направлять в секретное отделение, комнату № 16». И подпись: зав. секретным отделением Я. Блюмкина. Выписка из протокола заседания коллегии ВЧК от 1 июля 1918 г. Слушали о подотделе Блюмкина. Постановили: «Отдел упразднить. Блюмкину дать другую работу. Личный состав подотдела оставить при контрреволюционном отделе, а если нет в этом надобности, то передать контрразведке». Подпись Ксенофонтова. ЦА ФСБ РФ, д. Н-8, т. 18, л. 173—195.

Итак, должность Блюмкина, его личная характеристика, опыт участия в боях, авантюризм и молодость соответствовали выполнению задания. Блюмкин работал в ВЧК под руководством Дзержинского и Лациса — начальника отдела по борьбе с контрреволюцией. Его отдел был расформирован 1 июля, непонятно, каким образом Лацис 6 июля выдал ему дело Мирбаха, с которым он и явился в посольство. Ведь Дзержинский в показаниях Комиссии дал Блюмкину отрицательную характеристику и сообщил, что по его настоянию тот был оставлен без должности. Лацис указал, что Блюмкин заведовал «немецким шпионажем», т. е. отделением по наблюдению за охраной посольства и «за возможного преступною деятельностью посольства». Он заявил, что «Блюмкина недолюбливал», что он у него не числился, и тут же признал, что выдал дело Мирбаха Блюмкину в 11 часов утра 6 июля. Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 256, 261, 264. Почему это сделал крайне подозрительный Лацис? Почему обыск в квартире Блюмкина был произведен только 8 июля, хотя двумя днями раньше было известно, что именно он организовал покушение на Мирбаха и мог прятаться дома? А тут только записка, что изъяты 4 чемодана, корзина с книгами, коробка и узел с одеждой и грязным бельем. А также расписка в том, что Комиссия приняла от субинспектора В. В. Михайловского из уголовного розыска вещественные документы по делу об убийстве Мирбаха: две шляпы (забытые Блюмкиным и Андреевым в посольстве), «браунинг» за № 24300, пустая обойма, бомба разряженная, пять расстрелянных гильз, капсули, одна пулька, портсигар кожаный, красный. ЦА ФСБ РФ, д. Н-8, т. 19, л. 6.

Надобность в установлении подделки подписей Дзержинского и Ксенофонтова на удостоверении Блюмкина и Андреева возникла к середине августа 1918 г., когда Комиссия уже работала не в полном составе (Шейнкман был расстрелян в Казани

8 августа 1918 г., когда в город вошли народоармейцы самарского Комуча). Было это связано, по-видимому, с активизацией попыток реабилитировать ВЧК и возвращением Дзержинского на должность председателя этого учреждения (Дзержинский с 7 июля по 22 августа 1918 г. формально не занимал должности чекистского руководителя).

Удостоверение за подписями Дзержинского и Ксенофонтова от 6 июля 1918 г. гласило: «Всероссийская Чрезвычайная комиссия уполномочивает его члена Якова Блюмкина и представителя Революционного трибунала Николая Андреева войти в переговоры с господином германским послом в Российской республике по поводу дела, имеющего непосредственное отношение к господину послу».

31 июля 1918 г. Ксенофонтов писал, что Кингисепп предъявил ему это удостоверение, и он заявляет: «Подпись секретаря на сем документе подложна. Я такого удостоверения не подписывал». 26 августа Стучка просил Дзержинского «изобразить несколько раз свою подпись и возвратить настоящее отношение в Комиссию с подателем сего». Тогда же Дзержинский расписался на обороте этого предписания 7 раз.

Экспертизу почерков провел Семен Иванов, мобилизованный отделом народного просвещения Московского Совета от 2-го реального училища и получивший за свою работу 100 рублей. В выводах он писал: «Сопоставляя подпись Дзержинского на указанном документе с несомненно оригинальными его подписями, я прихожу к следующим выводам: при некотором внешне общем сходстве присущая Дзержинскому плавность стиля в удостоверении не наблюдается. Переходя к деталям — обращаю внимание на букву Ф. Здесь на оригинале — незаметно точки, которой оканчивается правый овал. Буква Д также не выявляет большого тождества, но в особенности различия буква Ж и росчерк подписи — всегда один и тот же (лишь с небольшими отклонениями) в оригинале Ъ. Принимая во внимание сказанное, я полагаю бы, что подпись на удостоверении от 6 июля 1918 г. за № 1428 сделана не Дзержинским.

Сопоставляя далее подпись Ксенофонтова на том же удостоверении с рядом несомненно оригинальных его подписей, я наблюдаю следующее. Общий стиль как бы похож — плавный, уверенный. Но первая буква К на всех оригинальных подписях имеет особенность, которая в удостоверении отсутствует: опущенная круто книзу правая черта. И далее — тенденция под-

черкнуть букву Т на всех подписях — здесь почему-то зачеркнута лишь в одном экземпляре (и чертой снизу). Такие типические черты редко пропускаются авторами. В результате я не мог бы в данном случае с безусловной уверенностью утверждать подлинность указанной подписи Ксенофонтова». Написано 27 августа 1918 г. ЦА ФСБ РФ, д. Н-8, т. 18, л. 201—204. Блюмкин признавал, что подпись Ксенофонтова подделал он, а Дзержинского — один из членов ЦК. Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 299. И все-таки, учитывая тенденциозность задания, которое получил учитель правописания, а не профессионал-криминалист, а также «отработку» Блюмкиным своим признанием амнистии по отношению к нему, следует провести новую профессиональную независимую экспертизу, дабы покончить с сомнениями на эту тему. А. Я. Яковлев выдвинул версию о том, что одной из причин убийства Мирбаха чекистами было стремление скрыть следы получения денег большевиками от германского правительства. Яковлев А. Н. Сумерки. М., 2003. С. 115.

⁷⁶ Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 301. Германский дипломат Г. Хильдер писал, что Мирбах не знал России и русского языка. «Его имя едва ли было бы сегодня известно, не принеси его судьба в жертву внутренней борьбе, которая тогда разгорелась в России между только что пришедшими к власти большевиками и левыми эсерами». *Wir und der Kreml. Deutsch-Sowjetisch Beziehungen. 1918—1941. Erihnerungen eines deutschen diplomaten von Gustav Hilger.* Berlin, 1955. S. 12.

⁷⁷ 31 июля 1918 г. в Киеве эсером (левым) Борисом Донским был убит германский генерал-фельдмаршал фон Эйхгорн. Немцы казнили Донского 10 августа 1918 г. Каховская И. К. Дело Эйхгорна и Деникина (Из воспоминаний). Пути революции. Берлин, 1923. С. 193, 212. Большевицские власти и ВЧК оказались более милосердны к Блюмкину, нежели германское командование к Донскому. Подробнее о Блюмкине см.: Велидов А. С. Похождения террориста: Одиссея Якова Блюмкина. М., 1998; Савченко В. А. Авантюристы гражданской войны: историческое расследование. М., 2000. С. 305—336.

⁷⁸ Katkov G. The assassination of count Mirbach // *Soviet affairs.* 1962. № 3. P. 77. Советская историография долгие годы отрицала факт использования Лениным немецких денег. См.: Согокин А. М. Миф о «немецких миллионах». // Вопросы

истории КПСС. 1991. № 4. С. 70—79; и др. Западные историки были убеждены в обратном. См.: Германская попытка распоряжаться Россией. Владивосток, 1918; Zeman Z. (ed.) *Germany and the revolution in Russia. 1915—1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry.* London, 1958; Pearson M. *The sealed train.* N. Y., 1975; Авторханов А. All rights reserved. Франкфурт-на-Майне, 1976. Ныне этот факт признается и рядом российских историков. Кувшинов В., Григорович В. Возвращение В. И. Ленина из эмиграции в 1917 году. // *Преподавание истории в школе.* 1991. № 2. С. 25. Октябрьский переворот 1917 г. стоил кайзеровскому правительству около миллиарда марок. // *Аргументы и факты.* 1992. Август. № 29—30.

⁷⁹ Zeman Z. *Op. cit.* P. 130—131. В. И. Старцев признавал: «В случае свободных выборов весной 1918 г. большевики провалились бы полностью... Только постоянный приток валюты (германской) давал возможность центральной власти в Москве удерживаться независимо от коллапса всей старой России». // *Нева.* 1991. № 3. С. 158.

⁸⁰ «Чехословацкое восстание... — писал Троцкий, — выбило партию из угнетенного состояния, в котором она находилась несомненно со времени Брест-Литовского мира». Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Политические силуэты. М. 1991. С. 97. Фельштинский, Катков и другие исследователи широко используют для доказательства того, что Ленин разгромил партию левых эсеров, воспользовавшись убийством Мирбаха, воспоминания бывшего сотрудника советского полпредства в Берлине Г. А. Соломона и жены коминтерновца Отто Куусинена Айно Куусинен. Соломон со ссылкой на слова Л. Б. Красина писал, что Ленин использовал Блюмкина и Спиридонову для «организации политической смерти» партии левых эсеров. Айно Куусинен вспоминала: «Многие эсеры были расстреляны после того, как Ленин заявил, что убийство посла явилось прелюдией к восстанию против большевицкого режима. Однако вскоре я узнала, что на самом деле эсеры не были виновны. Когда я однажды вернулась домой, Отто (Куусинен) был в своем кабинете с высоким бородатым молодым человеком, который был представлен мне как товарищ Сафир. После того как он ушел, Отто сообщил мне, что я только что видела убийцу графа Мирбаха, что его настоящее имя было Блюмкин. Он был сотрудником ЧК и вот-вот собирался уехать

за границу с важным поручением от Коминтерна. Когда я заметила, что Мирбах был убит социалистами-революционерами, Отто разразился громким смехом. Несомненно, убийство было только лишь поводом, чтобы убрать эсеров с пути, поскольку они были самыми серьезными оппонентами Ленина». Цит. по: Фельштинский Ю. Г. Большевики и левые эсеры. С. 190—191; Katkov G. Op. cit. P. 93.

⁸¹ Мстиславский С. Д. Арест фракции левых эсеров 5 съезда Советов в Большом театре 6 июля 1918 г. РГАСПИ, ф. 5, оп. 3, д. 15, л. 20. По свидетельству Ж. Садуля, 4 июля 1918 г. Троцкий и Зиновьев состязались с Камковым и Спиридоновой на съезде в грубости. «И те и другие пустились в словесный садизм, который, похоже, исключил всякую возможность сближения». Садуль Ж. Записи о большевистской революции (октябрь 1917 — январь 1919). М., 1990. С. 315. Н. И. Бухарин 11 июля 1918 г. статьей в «Правде» произнес панихидную речь о партии левых эсеров: «Для того чтобы руководить политической партией, нужно нечто большее, чем сердце и слезы на мокром месте. Нужна еще голова на плечах. Этого-то, к сожалению, и не было у покойной партии».

⁸² В. И. Ленин назвал события 6 июля авантюрой левых эсеров, восстанием. Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 527; Т. 37. С. 385. Первое заседание ВЦИК 5-го созыва квалифицировало события как «убийство Мирбаха и восстание против советской власти». Пятый созыв ВЦИК. 15 июля 1918 г. Стенографический отчет. М., 1919 г. С. 7. С резкой критикой в адрес левых эсеров выступил Я. С. Шейнкман. См. также: Зиновьев Г., Троцкий Л. О мятеже левых с.-р. Пг., 1918; Бонч-Бруевич В. Д. Убийство Мирбаха и восстание левых эсеров. М., 1927; и др.

И. А. Майоров, выступая 1 августа 1918 г. на заседании крестьянского съезда в Казани, говорил о вынужденности левоэсеровского протеста, т. к. «новые тираны, пришедшие из Германии на смену Романовых, несмотря на заключенный в Бресте мир, самыми зверскими приемами борются с социалистическими устремлениями масс». Текст выступления Майорова был отобран у него при аресте казанскими чекистами в ноябре 1918 г. Управление ФСБ по РТ, д. 2 —6076, л. 9. В 1922 г. были опубликованы письма из кремлевской тюрьмы, где Спиридонова и Измаилович сидели в июле—августе 1918 г. Спиридонова писала 17 июля 1918 г.: «Газеты читаем с отвращением. Се-

годня меня взял безумный хохот. Я представила себе — как это они ловко устроили. Сами изобрели «заговор». Сами ведут следствие и допрос. Сами свидетели и сами назначают главных деятелей — и их расстреливают. Ведь хоть бы одного «заговорщика» убили, а то ведь невинных, невинных... Как их убедить, что заговора не было, свержения не было... Я начинаю думать, они убедили сами себя, и, если раньше знали, что раздувают и муссируют (слухи), теперь они верят сами, что «заговор» (был). Они ведь маньяки. У них ведь правозэсеровские заговоры пеклись как блины». Кремль за решеткой (подпольная Россия). Берлин, 1922. С. 12—13. Ей вторил бывший левый эсер и нарком юстиции в коалиционном советском правительстве И. З. Штейнберг, когда писал: «...Объективное описание июльских событий необходимо начать с важного заявления. Несмотря на утверждение большевистской историографии, эти события не были мятежом, ни «восстанием» против Советов; их целью не был ни захват правительственной власти левыми эсерами, ни «объявление войны Германии». Настоящий смысл этих событий лежит в драматической попытке заставить большевистское правительство изменить его внешнюю и внутреннюю политику во имя и в интересах дальнейшего непрерывного развития революции». Штейнберг И. З. События июля 1918 г. — Из коллекции Hoover Institution Archives. USA. Арестованные в ночь с 6 на 7 июля левые эсеры утверждали, что они против Ленина и Троцкого, но за Советы. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2568, л. 2.

⁸³ Левые эсеры и ВЧК. Сб. документов. С. 129. Комендант Московского Кремля П. Д. Мальков сообщал в следственную комиссию 12 августа 1918 г., что он отказался удовлетворить просьбу Саблина и Спиридоновой о совместных прогулках, так как не намерен потакать их капризам. На листке Малькова надпись Кингисеппа: «Сообщить т. Малькову, что это было постановление комиссии, а не каприз арестованных». Там же. С. 130. 13 августа Стучка отклонил ходатайство Бищенко, Измаилович, Колегаева о замене арестованной Спиридоновой содержания в тюрьме домашним арестом под предлогом того, что ей предъявлено обвинение и дело передается в Революционный трибунал. ЦА ФСБ РФ, д. Н-8, т. 3, л. 99.

⁸⁴ Там же, л. 71—73. С 8 июля 1918 г. на кремлевской гауптвахте содержались 13 арестованных левых эсеров: Мстиславский, С. Ф. Рыбин, В. И. Хоскин, Д. Д. Шляпников, Спиридо-

нова, Измаилович, В. И. Егосин, Н. Б. Гаврилов, П. П. Петров, И. Г. Петров, Я. С. Базарный, М. Г. Булочников, И. Н. Николаев. К 12 июля — осталось 6: Гнутиков, Жеблюнок, Измаилович, Мстиславский, Спиридонова, Саблин. К 11 июля было арестовано 260 человек, из них 108 — в Бутырской тюрьме, 4 — в Таганской, 66 освобождены. Там же, л. 81, 84, 131.

⁸⁵ Рыбаков А. М. Проблемы насилия и террора в Октябрьской революции и гражданской войне: левоэсеровская альтернатива. М., 1993. Автореф. канд. диссерт. С. 21. Попытка Рыбакова представить А. Биценко тем членом ЦК партии левых эсеров, которая дала указание Блюмкину убить Мирбаха, недостаточно аргументирована. Дзержинский, приехав в отряд Попова, объявил главными заложниками по этому теракту Прошьяна и Карелина. Именно Прошьяна назвал «главным вдохновителем и организатором убийства Мирбаха» его первый биограф. Буковский - Жук И. Первое дело Проша Прошьяна. // Каторга и ссылка. 1928. № 6. С. 171; Леонтьев В. Предисловие к кн.: Партия левых социалистов-революционеров. Док. и материалы. М., 2000. Т. 1. С. 29.

⁸⁶ Вацетис И. Выступление левых эсеров в Москве (воспоминания). // Война и революция. 1927. № 10—11; он же. Гражданская война. 1918 г. Память. Исторический сборник. М., 1977; Париж, 1979. Вып. 2; он же. Мятеж левых эсеров в июле 1918 г. Латышские стрелки в борьбе за советскую власть в 1917—1920 гг. Восп. и док. Рига, 1962. Последний вариант воспоминаний Вацетис писал в тюрьме в декабре 1937 г. — январе 1938 г.

⁸⁷ См.: Латышские стрелки... С. 19; Спирин Л. М. Указ. соч. С. 61; ЦА ФСБ РФ, д. Н-8, т. 15, л. 246.

⁸⁸ Память. С. 15, 16. В тюремных воспоминаниях Вацетис писал по настоянию следователя, стремящегося обвинить его в немецком шпионаже, что 7 июля 1918 г. он написал статью в «Известия Наркомвоена», в которой призывал сохранять спокойствие и не поддаваться агитации поджигателей войны против Германии. Эта статья понравилась германскому посольству, которое боялось погромов. Он же, по указанию Свердлова, послал роту латышских стрелков для охраны посольства. Через день он встретился с сотрудником германского посольства Шубертом, который говорил ему о роли Германии в восстановлении России, о том, что Германия готова помочь Троц-

кому победить. В августе 1918 г., когда Вацетис прибыл в Москву из взятой нарооармейцами Казани, он снова встретился с Шубертом. Тот был озабочен падением авторитета немцев в России и предлагал сделать так, чтобы белые взяли Москву, а немцы бы помогли красным ее освободить. Вацетис отверг эту авантюру. В октябре 1918 г. состоялся еще один разговор Вацетиса с Шубертом о возможности захвата власти в Москве Троцким и т. д. Вацетис приходил к выводу, что Троцкий — германский шпион (?!). Фраза Вацетиса о восстании левых эсеров в тюремных воспоминаниях звучала так: «Известное в истории гражданской войны московское восстание, происшедшее 6—7 июля 1918 г., было организовано троцкистами в союзе с левыми эсерами и левыми коммунистами». Вацетис был расстрелян 28 июля 1938 г. ЦА ФСБ РФ, д. Р-23497, л. 11, 19, 23, 319. Если последние воспоминания были им фальсифицированы по указанию следователя, то и первые испытали на себе политическую конъюнктуру.

⁸⁹ 30 августа 1918 г. Троцкий получил телеграмму Ленина в Свияжск, в которой ему предлагалось принять «особые меры против высшего командного состава». Ленин предлагал объявить Вацетису (главком Восточного фронта республики) и другим, что они будут отданы под суд и расстреляны в случае затягивания и неуспеха военных действий под Казанью. К счастью для них, Казань красные взяли 10 сентября 1918 г. и репрессий не последовало. The Trotsky papers. London-Paris, 1964. Т. 1. С. 116. В начале июля 1919 г. Вацетис был арестован по подозрению в том, что вместе со своими адъютантами, бывшими офицерами, готовил заговор. Вацетис был до этого главным командующим всеми вооруженными силами республики. Следствие вел начальник Особого отдела ВЧК И. П. Павлуновский. Вскоре он сообщил, что «следствию не удалось установить формальной связи бывшего главкома Вацетиса с белогвардейской организацией Полевого штаба». 7 октября 1919 г. Президиум ВЦИК дело Вацетиса прекратил, но «предложил ВЧК установить за Вацетисом тщательный надзор». Надзор ВЧК установлен был и за его бывшими адъютантами. РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 36, л. 5. С ноября 1919 г. Вацетис стал преподавать в Военной академии и от практической военной работы отошел. Его полная реабилитация состоялась лишь 5 апреля 1957 г. ЦА ФСБ РФ, д. Р-23497, л. 492—507; В. И. Ленин и ВЧК. С. 226. О военной деятельности Вацетиса см.: Голубев А. В. Первый советский

главком И. И. Вацетис. // Военно-исторический журнал 1972. № 2. С. 73—83.

⁹⁰ На заседании ЦК РКП(б) 19 мая 1918 г. И. Т. Смилга говорил о массовых расстрелах финских красногвардейцев, жестокостях, сообщил, что следует в ответ расстрелять арестованных в Питере белых. Решили в связи с нецелесообразностью момента от массовых расстрелов воздержаться, но нескольких человек расстрелять. Официально сообщить, что «на расстрелы наших будем отвечать репрессиями против белогвардейцев». // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 147.

⁹¹ Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 260; Разгон А. И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М., 1977. С. 274—275; Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва. Стенограф, отчет., М., 1920. С. 439—441.

⁹² Б. Д. Камков, член ЦК партии левых эсеров, говорил на V съезде Советов: «Тов. Ленин из всех книжек, которые он давно прочитал и которые заставили его предлагать отрезки крестьянам, вспомнил, что есть беднейшие и трудовые крестьяне, что с беднейшими надо быть в полном контакте, а с трудовыми — в дипломатических отношениях, в каких вы находитесь с Мирбахом. И наша партия, которая знает трудовое крестьянство, утверждает, что это деление есть искусственное деление. Мы вам открыто заявляем, что не только ваши отряды, но и ваши комитеты бедноты мы выбросим вон за шиворот». // Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. Стенографич. отчет. М., 1918. С. 74.

⁹³ В объяснении командира отряда ВЧК левого эсера Д. И. Попова это звучало так: «Мы не против советской власти, но такой, как теперь, не хотим. Теперешняя власть — соглашательская шайка во главе с Троцким и Лениным, которые довели народ до гибели и почти ежедневно производят аресты и расстрелы рабочих. Если теперешняя власть не способна, то мы сделаем, что можно будет выступить против германца». Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 237. ЦК партии правых эсеров отреагировал на события 6 июля 1918 г. в Москве заявлением: «Не признавая в лице советской власти законной государственной власти России, партия социалистов-революционеров никогда не признавала и Брестского мира, заключенного с Германией советской властью от имени страны». Правые эсеры были про-

тив убийства посла и считали, что выступление левых эсеров внесло раскол в «единые до сих пор советские ряды», превратив съезд Советов в съезд правительственной партии. // Отечественная история. 1993. № 1. С. 168—169.

⁹⁴ См.: Попов Н. Н. Очерки истории ВКП(б). М. —Л., 1929. С. 254, 261.

⁹⁵ Представительство левых эсеров на VI—VIII Всероссийских съездах Советов было символическим. На VIII съезде (декабрь 1920 г.) было 2284 коммуниста и 2 левых эсера с совещательным голосом. Восьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Стенографич. отчет. М., 1921. С. 293. Возникновение в июле—августе 1918 г. из бывших левых эсеров партии народников-коммунистов (Г. Д. Закс) и революционных коммунистов (А. Л. Колегаев, А. М. Устинов) не играли особой оппозиционной роли, и в 1918—1920 гг. большинство из них вступило в РКП(б), их партии перестали существовать.

⁹⁶ Обвинитель на суде Н. В. Крыленко говорил в отсутствие обвиняемых. По его мнению, партия левых эсеров умерла, судят лишь вредных отдельных лиц. // Известия ВЦИК. 1918. 28 ноября.

⁹⁷ Судьбу партии левых эсеров можно сравнить лишь с судьбой многих представителей «ленинской гвардии», которые расстреливали сначала своих сподвижников по революции, а затем сами с оставшимися в живых погибли в годы большого террора. Следственные дела бывших лидеров партии левых эсеров — свидетельства человеческой трагедии.

Спиридонова была вновь арестована чекистами 18 февраля 1919 г. Ее поместили снова в здании кремлевской гауптвахты, остальных, более 50 арестованных вместе с нею эсеров, отправили в Бутырскую тюрьму. В письмах из заключения Спиридонова называла Бухарина «доносчиком». ЦК партии левых эсеров протестовал против арестов Спиридоновой и Штейнберга, чьи выступления пользовались «огромным успехом на рабочих митингах Москвы». Спиридонова заболела, была переведена в больницу, а 3 апреля 1919 г. стало известно о ее побеге с помощью чекиста Н. С. Малахова, 22-летнего крестьянина из Рязанской губернии. Около года Спиридонова жила в Москве под фамилией Ануфриева. В октябре 1920 г. Спиридонова опять арестована. К этому времени среди левых эсеров произошел

раскол. Группа во главе со Штейнбергом заявила о своей легализации и прекращении борьбы с большевиками. Спиридонова была непримирима. Она долго в тюремной больнице болела тифом. Затем чувствовала себя плохо. 19 апреля 1921 г. Дзержинский предложил ее охранникам связаться с врачебным руководством (Семашко, Обух) для помещения Спиридоновой в психиатрический санаторий, «но с тем условием, чтобы оттуда ее не украли или не сбежала. Охрану и наблюдение надобно бы организовать достаточную, но в замаскированном виде... Когда найдете таковую и наметите конкретный план, доложите мне». Ее выпустили 16 сентября 1921 г. по решению Политбюро ЦК за подписью В. М. Молотова и Президиума ВЧК под поручительство Штейнберга и И. Д. Баккала, левых эсеров, заявивших о своей лояльности к большевикам. Сохранилась их рукописная расписка от 16 сентября 1921 г.: «Мы, нижеподписавшиеся, даем настоящую подписку секретному отделу ВЧК о том, что мы берем на свои поруки Марию Александровну Спиридонову, ручаясь за то, что она за время своего лечения никуда от ВЧК не скроется и за это же время никакой политической деятельностью заниматься не будет. О всяком новом местонахождении больной Спиридоновой мы обязуемся предварительно ставить в известность СО ВЧК».

Штейнберг увез Спиридонову, Майорова и Измаилович на малаховскую дачу, но вскоре сам уехал за границу. Его попытка вывезти Спиридонову не увенчалась успехом. Спиридонову арестовали, отправили в ссылку в Самарканд, где она жила до 1928 г. Затем она жила в Москве и Ялте, лечилась от туберкулеза. В 1931 г. ссылка в Уфу, работа экономистом в кредитно-плановом отделе Башкирской конторы Госбанка. В Уфе ее арестовали 22 февраля 1937 г. как «активного руководителя контрреволюционной эсеровской организации». На первом допросе она сообщила, что у нее с Майоровым есть сын Лева, живущие в Тамбове три сестры, что в Уфе с нею вместе жили А. А. Измаилович и И. К. Каховская, что никакой контрреволюционной работы она не вела. Когда же от нее потребовали признания о существовании всесоюзной эсеровской организации, она объявила голодовку.

2 мая 1937 г. следователь Башкирского НКВД лейтенант Михайлов рапортовал наркому внутренних дел Башкирии майору Баку: «Доношу, что во время допроса обвиняемой Спиридоновой М. А. последняя отказалась отвечать на прямые во-

просы по существу дела, наносила оскорбления по адресу следствия, называя меня балаганщиком и палачом. На категорическое мое предложение Спиридоновой прекратить безобразие и отвечать на вопросы следствия — она встала со стула и демонстративно вышла из кабинета. Будучи возвращена в кабинет, Спиридонова бросила в меня прессом и, повернувшись ко мне задом, прекратила отвечать на вопросы. На неоднократные предложения Спиридоновой вернуться ко мне лицом и сесть для продолжения допроса она стала кричать «сажайте сами» с явной тенденцией к провокации следствия. Учитывая упорство Спиридоновой и ее нежелание подчиниться следствию, мною был вызван дежурный надзиратель Гувовский, коему я предложил посадить Спиридонову на стул, причем это, как исключительная мера, было проделано совершенно корректно. При нажиме на Спиридонову она почти каждый раз бросает по моему адресу следующие эпитеты: «хорек, фашист, контрразведчик, сволочь» — о чем и ставлю вас в известность». Спиридонова была этапирована в Москву, приговорена к 25 годам заключения и была расстреляна 11 сентября 1941 г. в Орле. ЦА ФСБ РФ, д. Н-685, т. 2, л. 68, 119; д. Н-13266, т. 1, л. 1, 5, 11; Кремль за решеткой. С. 26; Steinberg U. Spiridonova — revolutionary terrorist. L., 1935; Гусев К. В. Эсеровская богородица. М., 1992.; Лавров В. М. Мария Спиридонова: террористка и жертва террора. М., 1996.

Ю. В. Саблин (1897—1937), после амнистии 29 ноября 1918 г. руководил на Украине повстанческими отрядами против Петлюры, в ноябре 1919 г. стал членом РКП(б). В РККА командовал бригадой и дивизией, был награжден двумя орденами Красного Знамени, четыре раза ранен. По службе характеризовался как человек «сильной воли». Был арестован 25 сентября 1936 г. как член «троцкистской организации». Был расстрелян 20 июня 1937 г., реабилитирован 12 декабря 1956 г. ЦА ФСБ РФ, д. 5802.

А. Л. Колегаев (1887—1937), в ноябре 1918 г. вступил в РКП(б), в 1934—1936 гг. — управляющий треста «Уралцветмет». Арестован в Свердловске 22 декабря 1936 г. Расстрелян 22 марта 1937 г. Реабилитирован 3 октября 1957 г. ЦА ФСБ РФ, д. 23596.

В. А. Карелин (1891—1938), после 6 июля бежал на Украину и там готовил отряды для борьбы против немцев и Петлюры. В феврале 1919 г. арестован в Харькове чекистами, отправлен в Москву. На допросе 5 апреля 1919 г. заявил, что «после июль-

ских событий в Москве перешел на нелегальное положение и на суд не явился, считая, что постановка всего дела об убийстве Мирбаха делала для меня явку необязательной. На нелегальном положении оставался все время до отъезда на Украину». В октябре 1919 г. был освобожден Лацисом. Вновь арестован в апреле 1921 г. ЦА ФСБ РФ, д. Р-28445. Затем в ссылке. Арестован 26 сентября 1937 г., расстрелян 22 сентября 1938 г. Реабилитирован 3 июля 1993 г. ЦА ФСБ РФ, д. 35853.

И. А. Майоров (1891—1941), после 6 июля вернулся в Казань, был арестован, в начале ноября 1918 г. этапирован в Москву. Амнистирован. В октябре 1919 г. вновь арестован в Москве на улице. Заявил, что является членом ЦК левых эсеров. От всех других показаний отказался. Среди отобранных у Майорова рукописей — текст «Основных положений по организации партии» с подписью «Непримиримый». В них говорилось, что левые эсеры пережили три периода в своем развитии: до октября 1917 г. — группы, не спаянные между собой, период создания партии государственного типа и, наконец, нелегальное существование. В июне 1922 г. Майоров находился в Таганской тюрьме, затем его перевели в Лефортовскую и выпустили. Он писал: «Числа 15 августа я был выпущен начальником московской Лефортовской тюрьмы на волю, как отбывший срок (трехгодичный) наказания по приговору революционного трибунала РСФСР. А через 8—9 дней меня вновь арестовали на улице города Москвы, несмотря на то что я предъявил свой документ (даденный мне начальником Лефортовской тюрьмы). Всю эту неделю я жил на воле легально, никакой политической работой не занимался, был болен и собирался ехать на родину. Полагаю, что причиной моего ареста было мое освобождение, и только я думаю, что меня будут теперь держать без всякого следствия. Или сошлют. Но я ничего против этого не возражаю, а лишь протестую против тех условий, в каких меня держат сейчас, после 3 лет заключения. С пороком сердца, измученный, больной, сижу в полуподвальном этаже, в камере без окон. 3 шага в длину и два поперек, на заперти, голодный (я вегетарианец и тюремного не ем), без белья, без полотенца, без мыла, без книг и т. д. Один, без товарищей... в самых гнусных условиях. Жить здесь нельзя. Поэтому я очень вас прошу перевести меня или в Бутырки, или в Лефортово на общесоциалистический режим. Я вас прошу, не требую и не объявляю голодовку. Если вы не удовлетворите моей просьбы, я должен буду

покончить с собой». Это заявление в ГПУ от 30 августа 1922 г. привело к тому, что Майоров был 7 сентября освобожден под подписку о невыезде. Затем были ссылки, женитьба на Спиридоновой, арест вместе с ней в 1937 г. и расстрел 11 сентября 1941 г. ЦА ФСБ, д. Р-28543. Реабилитирован 29 марта 1990 г. ЦА ФСБ РФ, д. Р-39280.

Б. Д. Камков (Кац, 1885—1938), доктор права, окончил Гейдельбергский университет, член ЦК партии левых эсеров в 1918—1920 гг. С 1925 г. называл себя беспартийным, был членом ВЦИК в 1917—1918 гг. В 1920—1937 гг. сидел в Челябинском и Ярославском изоляторах, был в ссылке в Челябинске, Твери, Воронеже и Архангельске. В Архангельске находился с 1932 г., работал экономистом-статистиком в «Союзмехторге». Там же был арестован 5 февраля 1937 г. На допросах заявил, что до 1922 г. партия левых эсеров боролась за власть, имела нелегальную типографию, паспортное бюро, позже связь с массами потерялась и партия оказалась банкротом. Переписывался со Спиридоновой, но это были личные письма. В 1926 г. пришел к выводу, что «партия л. с.-р. в силу целого ряда причин прекратила свое существование как социальное-политическое образование и что оставшиеся, разбросанные отдельные лица, бывшие членами этой партии, больше партии не составляют». Судили Камкова в Москве 29 августа 1938 г. Камков заявил о своей невиновности. 29 августа 1938 г. его расстреляли. Реабилитирован 27 апреля 1992 г. В следственном деле показания сокамерника Камкова по Бутырской тюрьме Брюханова, который позже сообщал, что Камков все полит. процессы, начиная с шахтинского, называл инсценировками. Камков обвинял Ленина в уничтожении демократии в стране и называл случившееся в России «камышским социализмом». О Конституции 1936 г. он говорил, что ее введение означало «начало страшного разбоя внутри страны, ибо конституция невозможна при сохранении диктатуры и террора». На допросе по делу Бухарина Камков не подтвердил ложных показаний Карелина. ЦА ФСБ РФ, д. Р-42103.

В. Е. Трутовский (1889—1937), член ЦК партии левых эсеров. После 6 июля 1918 г. на нелегальном положении. Жил в Москве под фамилией Акин Владимир Иванович, поступил в Петровскую (Тимирязевскую) академию учиться. Одновременно писал книгу «Социализм и крестьянство». Закончил ее в тюрьме, обсуждал в камере в 1922 г. с Майоровым. Затем были

ссылки. Арестован 6 февраля 1937 г. в Алма-Ате, где работал бухгалтером в типографии. В камере написал краткую историю партии левых эсеров. О событиях 6 июля 1918 г. в Москве рассказал следующее: после выхода из СНК «наши отношения с коммунистами заметно охладели, причем создание комбедов и реквизиции хлеба вызывали все большее давление на ЦК со стороны низовых организаций, в сторону разрыва с коммунистами». Левые эсеры стали готовить «взрыв» Брестского мира. В прифронтовой полосе стали создаваться партизанские отряды. В Москве был организован штаб под руководством матроса Балтфлота Шишко. Как только началось наступление немцев на Украину, секретное заседание ЦК (Натансон, Спиридонова, Прошьян, Трутовский, Фишман, Колегаев, Измаилович) решило приступить к подготовке терактов против Вильгельма II и Гинденбурга, установить связь со спартаковцами. Деньги собирались из взносов от продажи литературы и государственных субсидий. В 1918 г. часть средств была переправлена за границу, в Швейцарию. Ими мог распорядиться Натансон, а после его смерти — Штейнберг.

Решили убить Мирбаха и развить партизанское движение против немцев. Блюмкин был избран как исполнитель, потому что вел дело племянника Мирбаха по обвинению в шпионаже и ему было легче проникнуть в германское посольство. Отряды в Москве и Питере пополнялись боевиками с мест и финнами, бежавшими от Маннергейма. Анархисты левых эсеров не поддерживали, т. к. помнили, как те их разоружали. Июльское выступление было неожиданным и на местах не поддержано. В штабе, когда стало ясно о провале, каждому дали по 500 р. и предложили уехать на юг. Сначала ушли боевики, затем вывели раненого Блюмкина, последним ушел Прошьян.

Судили Трутовского в Алма-Ате 4 октября 1937 г. и в тот же день расстреляли. Реабилитирован 13 августа 1990 г. ЦА ФСБ РФ, д. 9195, т. 1.

⁹⁸ Тр о ц к и й Л. Д. Что такое СССР и куда он идет? Париж, б. г., С. 218, 229.

⁹⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 135, 138; подробнее см.: Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982.

¹⁰⁰ См.: Шапиро Л. КПСС. London, 1975. С. 298. Со- л ж е н и ц ы н А. Архипелаг ГУЛАГ. // Новый мир. 1989. № 9. С. 160. Большинство советских историков в гибели партий об-

виняют самих меньшевиков и эсеров: не надо было бороться с большевиками, надо было их поддерживать. Большевики правы в своих расправах с политическими противниками. Эта идея в разных вариантах является главной для этих исследований. См.: Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975; Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма. М., 1974; Подболотов П. А., Спири н Л. М. Крах меньшевизма в Советской России. Л., 1988; и др. Лишь в последнее время стало высказываться сожаление о физической расправе над отдельными лидерами социалистических партий. См.: Гусев К. В. Эсеровская богородица. М., 1992; и др.

¹⁰¹ Захват большевиками власти 25 октября 1917 г. меньшевики и эсеры (правые и центра) не признали правомерным. Ю. О. Мартов отмечал: «В качестве марксистской рабочей партии РСДРП отнеслась отрицательно к перевороту 25 октября». Мартов Л. Линия социал-демократии. / Вопросы социал-демократической политики. М. — Пг., 1920. Вып. 1. С. 3. Он уже в конце декабря 1917 г. увидел, что большевики строят «окопноказарменный» квазисоциализм, основанный на всестороннем «опрошении» всей жизни, на культуре даже не «мозолистого кулака», а просто кулака, что чувствуешь себя как будто бы виноватым перед всяким культурным буржуа... Мы идем — через анархию — несомненно к какому-нибудь цезаризму, основанному на потере всем народом веры в способность самоуправляться». Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959. С. 48—49. Мартов видел в большевизме «склонность к решению всех вопросов политической борьбы, борьбы за власть, методами непосредственного применения вооруженной силы». Мартов Ю. О. Мировой большевизм. Берлин, 1923. С. 13. Он считал, что «путь большевизма для пролетариата гибелен». Мартов и его близкие. С. 82. Ф. И. Дан как председатель ВЦИК, открывший II съезд Советов 25 октября 1917 г. и передавший руководство съездом большевику Л. Б. Каменеву, в своей книге «Происхождение большевизма. К истории демократических и социалистических идей в России после освобождения крестьян» (Нью-Йорк, 1946) отмечал, что советская власть, ведомая большевиками, быстро превратилась в диктаторскую и террористическую. По мнению В. М. Чернова, большевики устроили «контрреволюционный переворот». Они, полагал он,

болели «гипнозом власти» и установили «отвратительную полицию».

¹⁰² Ленин В. И. ПСС. Т. 37. С. 222.

¹⁰³ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2565, л. 1. Идею ареста Чернова и др. поддержали тогда же нарком юстиции и госимущества эсеры И. Штейнберг и В. Карелин. Там же, л. 2.

¹⁰⁴ Исторический архив. 1993. № 3. С. 146. Петров М. Н. Советская историография возникновения и краха меньшинства партии эсеров. // Великий Октябрь и непролетарские партии. М., 1982. С. 49—57.

¹⁰⁵ VII Всероссийский съезд Советов... С. 68—71; VIII Всероссийский съезд Советов... С. 45—51; ЦА ФСБ РФ, ф. 1, оп. 1, д. 5, л. 52; РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2565, л. 23.

¹⁰⁶ Ф. И. Дан был выслан за границу в 1922 г.; Ю. О. Мартов уехал за границу в 1920 г.; тогда же покинул пределы России и В. М. Чернов. Подробнее об этом см.: Павлов Д. Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917—середина 1950-х годов. М., 1999; и др.

¹⁰⁷ Из бывших меньшевиков только А. Я. Вышинский и И. М. Майский сумели занять видные посты в советское время. Первый стал генеральным прокурором СССР, второй — послом в Англии.

¹⁰⁸ И. М. Майский (1884—1975), вступивший в 1921 г. в РКП(б), писал Луначарскому 20 февраля 1920 г. о том, что в 1918 г. считал большевиков «безумными мечтателями», а «советскую диктатуру — насилем». Потому Майский-меньшевик стал министром труда самарского Комуча. Приход к власти Колчака означал для него, что «реакция съела демократию». Он убедился в правильности основной политики большевиков и потому хотел работать на советскую власть. РГАСПИ, ф. 2, д. 12945, л. 1—3.

¹⁰⁹ РГАСПИ, ф. 2, д. 10728, л. 6; Меньшевики в советской России. Сб. документов. Казань, 1998. С. 51—55; Меньшевики в 1919—1920 гг. М., 2000. С. 230—237.

¹¹⁰ РГАСПИ, ф. 2, д. 9102, л. 1, 4—5; д. 10382, л. 2. Н. Суханов телеграфировал 22 мая 1920 г. Ленину, Троцкому и Дзержинскому о том, что в Екатеринбурге арестованы все меньшевики, кроме него. Потому он слагает с себя обязанности члена Совета трудовой армии и просит дать ему направление на не-

правительственную работу. РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, л. 45, л. 27. Когда Ленин узнал, что среди избранных депутатов Моссовета (февраль 1920 г.) 40 меньшевиков, в том числе Дан и Мартов, он сообщил председателю совета Л. Б. Каменеву: «По-моему, вы должны «загонять» их практическими поручениями». Дан — санучастки, Мартов — контроль за столовыми. // РГАСПИ, ф. 2, д. 15680, л. 1; Ленин В. И. ПСС. Т. 51. С. 150.

¹¹¹ М. Л. Коган-Бернштейн, один из лидеров партии правых эсеров, сторонник поисков сотрудничества с большевиками, был расстрелян в сентябре 1918 г. красноармейцами. Коган-Бернштейн М. Л. М., 1922. С. 61, 100. В конце января 1919 г. Ленину телеграфировали из Самары о явке с повинной бывшего городского головы, правого эсера А. М. Смирнова, который заявил о своем намерении служить советской власти. Его арестовали и приговорили к расстрелу. Ленин потребовал проверки причин приговора. РГАСПИ, ф. 2, д. 8446, л. 1, 2. Н. Мещеряков, выступая в «Правде» (12 февраля 1919 г.), резко осудил правых эсеров за попытку найти «третий путь» в революции. По его мнению, во время революции верно положение: «Горе сердцам страшливым и рукам слабым, горе грешнику, ходящему по две стези».

¹¹² В журнале «Народ» (органе Центрального организационного бюро меньшинства партии социалистов-революционеров, 6 декабря 1919 г., № 1) сообщалось о том, что в Уфе, после захвата города колчаковцами, к квартирмейстеру Уфы генералу Нарышкину обратился кооператор с предложением выпустить газету. Генерал заявил: «У вас в кооперативах — гнезда социалистов, говорить с вами я буду мало: чуть что — к стенке. Пока я не убрал двух прохвостов — Фомина и Маевского, мне не было житья в Сибири, а теперь там все спокойно». Правые эсеры Фомин и Маевский были расстреляны колчаковцами. Вместе с ними на льду Иртыша были расстреляны, по свидетельству члена ЦК партии правых эсеров Д. Ф. Ракова, не меньше 1500 человек. Гражданская война в Сибири и Северной области. М.—Л., 1927. С. 41. О расстрелах офицерами армии Колчака эсеров Сибири писал и В. И. Игнатъев Н. В. Чайковскому (9 февраля 1922 г.), называя пофамильно жертвы террора. Белый Север. Вып. 2. С. 448.

¹¹³ А. И. Деникин писал: «...по отношению к социалистической демократии в 1918 г. советское правительство, по выражению Ленина, проявило «много терпения»... Правда, терпе-

ние это было относительным: периодически, особенно же в день разгона Учредительного собрания, потом в ленинские дни, большевистские тюрьмы наполнялись социалистами. Хотя положение их было привилегированным, но тюремный режим большевиков стал несравненно тяжелее, чем «царский». Деникин А. И. Очерки русской смуты. Берлин, 1924. Т. 3. С. 14. Деникин был не прав. Тюремных привилегий у социалистов не было. По постановлению коллегии ВЧК 17 августа 1919 г. для арестованных эсеров и меньшевиков устанавливались отдельные от других заключенных дни свиданий, дабы наблюдать за ними. ЦА ФСБ РФ, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 91. Арестованные левые эсеры протестовали против расправы с ними большевиков (1920), которые в «ревнивой партийной злобе бросили (их) в грязные, заразные тюрьмы, откуда выносят людей в больницу на смерть или на кладбище». РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2572, л. 16.

¹¹⁴ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2572, л. 38; Партия социалистов-революционеров. Док. и материалы. М., 2000. Т. 3. Ч. 2. С. 652.

¹¹⁵ Там же, л. 26.

¹¹⁶ Канев С. Н. Анархизм и его крах в России. Исторические записки, 1979. Т. 103. С. 188; Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 1. С. 311—400.

¹¹⁷ Красная книга ВЧК. Т. 2. Среди 54 человек, расстрелянных ВЧК по первому списку кадетов, обвиненных в антисоветской деятельности, были профессора Н. Н. Шепкин, А. А. Волков, А. И. Астров, генералы С. А. Кузнецов, М. М. Махов, Н. И. Алексеев, А. А. Дмитриев, офицеры, юнкера, кадет 6-го класса, учителя, юристы, студенты; В. Д. Дембовецкая, как жена шпиона Юденича; К. Н. Дорошевская, дочь генерала, убитого во время Ледового похода Добровольческой армии; и др. ЦА ФСБ РФ, ф. 1, оп. 3, д. 531, л. 1—5. С. П. Мельгунов (1879—1956) в эмиграции написал воспоминания, в которых сообщил, что как член «Союза возрождения» в 1918—1922 гг. он полтора года провел в тюрьме и 23 раза его обыскивали чекисты. Освобождали его под поручительство Х. Раковского, а позже — Академии наук и П. Кропоткина. Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Париж, 1964. Вып. 2. Ч. 3. С. 3, 27, 85. См. также: Протоколы Всероссийского национального центра. // Отечественная история. 1997. № 5. С. 151—164; Всероссийский национальный центр. М., 2001; и др.

¹¹⁸ Букшпан Я. М., Кафенгауз Л. Б. Программа экономического возрождения страны, составленная «Национальным центром» в 1919 г. Неизвестная Россия. М., 1992. Вып. 1. С. 154—181. Князь С. Е. Трубецкой, член «Национального центра», в воспоминаниях писал о том, что его представители поддерживали связь с противобольшевистскими силами. Он был арестован в январе 1920 г. и оставил описание внутренней тюрьмы ВЧК, камеры в Бутырках. Трубецкой был выслан за границу. Трубецкой С. Е. Минувшее. М., 1991. С. 190, 212. Первый председатель ЦК партии кадетов князь П. Д. Долгоруков ареста в 1919 г. избежал. Он был в Добровольческой армии и писал о нравах той поры: «Были ли вообще суд? Если вешались по суду, то почему трупы висели по всему городу?.. Творились ли зверства в Добр. армии? Конечно, да. Трудно, почти невозможно облагородить и регулярную войну, и так называемые правила войны редко соблюдаются. Тем труднее облагородить гражданско-партизанскую, худшую из войн». Был за границей. В 1926 г. вернулся, был арестован. В 1927 г. Б. Каверда убил советского посла в Польше П. Л. Войкова. Тогда же в разных городах СССР расстреляли 26 человек как заложников. Среди них и П. Д. Долгорукова. // Неделя. 1990. № 34. 20—26 августа. Генеральный прокурор Н. В. Крыленко утверждал: «В 1926 г. мы расстреляли 26 белогвардейцев во главе с бывшим князем Павлом Долгоруковым». В 1930 г. расстреляли 48 вредителей-«снабженцев» и этим показали, что «мы не собираемся складывать оружие террора, мы не отказываемся от него». Крыленко Н. Выводы и уроки из процесса «Промпартии». М.—Л., 1931. С. 42.

¹¹⁹ ЦА ФСБ РФ, д. Н-685, т. 2, л. 47. Референт ВЧК И. Вардин (Мгеладзе) 11 апреля 1921 г. сообщал в ЦК РКП(б), что партии меньшевиков и эсеров находится на нелегальном положении. РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 269, л. 1. 1 марта 1921 г. большевики Дона и Кавказа на совещании приняли решение о борьбе на местах с меньшевиками и эсерами. Причем «борьба должна вестись не только в направлении разоблачения деятельности и политики этих партий, но и в направлении ликвидации их организаций (арест, высылки и т. д.)». РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 71, л. 27. В феврале—марте 1921 г. начальник секретного отдела ВЧК Т. П. Самсонов предлагал чекистам Владимира и Петрограда прислать списки меньшевиков «по форме посланной вам анкеты», а саратовским коллегам советовал «осве-

домителей набирать на месте». Он требовал в Курске ареста всех правых эсеров (24 марта 1921 г.), повсюду «парализовать рост меньшевистской популярности путем изоляции в первую очередь активного руководящего элемента». Менжинский и Самсонов телеграммой во все губЧК 30 апреля 1921 г. требовали принять меры по осведомлению о деятельности политических партий. ЦА ФСБ РФ, ф. 1, оп. 5, д. 651, л. 33, 53, 508, 1402. Подобные телеграммы-требования рассылались в разное время.

¹²⁰ ЦА ФСБ РФ, ф. 1, оп. 5, д. 654, л. 74—74а. 22 июня 1921 г. эта инструктивная телеграмма была дополнена указанием расширить осведомительную сеть только в политпартиях. Самсонов отмечал, что нужны осведомители и «в среде меньшинства партий с.-р.». Им «вменить в обязанность принимать участие во всех конференциях и движениях партии с.-р., стремясь к проникновению в центральные организации». Самсонов требовал установить факты «взаимных услуг между правыми эсерами и меньшевиками», которые используют явки друг друга. ЦА ФСБ РФ, ф. 1, оп. 5, д. 654, л. 80, 322, 468.

¹²¹ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2576, л. 16, 24, 35. Сборник важнейших приказов и распоряжений ВЧК. М., 1921. Т. 8. С. 108. Политбюро ЦК РКП(б) 2 февраля 1922 г. поручило ГПУ «держаться в заключении меньшевиков, эсеров и анархистов», находящихся в их распоряжении. РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 259, л. 9.

¹²² РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2576, л. 28; Меньшевики в 1921—1922 гг. М., 2002. С. 387.

¹²³ Материалы Всероссийской партийной конференции 4—7 августа 1922 г. Тула, 1922. С. 98. Сборник важнейших указов и распоряжений ВЧК—ГПУ. Т. 14. С. 142.

¹²⁴ Павлуновский И. Сибирский крестьянский союз. // Сибирские огни. 1922. № 2. С. 125; Платонов А. Страничка из истории эсеровской контрреволюции (Военная работа эсеров за границей в 1920—1921 гг.). М., 1923. См. также: Мухачев Ю. В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982; ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 1, д. 283, л. 6. 25 декабря 1923 г. в Казани собралась всетатарская конференция бывших рядовых членов партии эсеров, заявившая о самороспуске организации. К 1937 г. в Татарии проживали 90 бывших эсеров. // Там же, л. 6; д. 289, л. 1—2. 22 ноября 1921 г. Уншлихт сообщил Ленину об изоляции Дана и

высылке в Туркестан 200 меньшевиков, о том, что высылаемые меньшевики получают пособие в 650 тыс. советских рублей, за границу — 13 долларов. РГАСПИ, ф. 2, оп. 2, д. 1023, л. 1; д. 1145, л. 1. В 1923 г. объявили о самороспуске саратовские меньшевики и эсеры. ЦГА Саратовской области, ф. 151, оп. 1, д. 20, л. 6, 16—18. По спискам, составленным в 1923—1924 гг., происходила физическая ликвидация бывших меньшевиков и эсеров в годы большого террора. В 1932—1935 гг. в казанской ссылке находились брат Мартова — С. О. Цедербаум-Ежов, его жена К. И. Цедербаум-Захарова, М. И. Либер-Гольдман и др. В 1935 г. они и группа бывших меньшевиков, проживавших в Поволжье, были арестованы по обвинению в создании «всесоюзного организационного политического меньшевистского центра». ЦА Управления ФСБ по РТ, д. 1534; Мартов и его близкие. С. 69. Меньшевики и эсеры изолировали после фальсифицированных процессов в начале 30-х гг. над «Союзным бюро РСДРП» и крестьянской партией, а затем после предписаний «железного» наркома Ежова «Об оперативной работе по социалистам-революционерам» и др.

¹²⁵ Патриарх Тихон писал: «Никто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертью, часто без всякого следствия и суда». // Наш современник. 1990. № 4. С. 161.

¹²⁶ Васильева О. Ю. Русская православная церковь и советская власть в 1917—1927 годах. // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 43. В 1918—1938 гг. было репрессировано около 250 митрополитов, архиепископов и епископов русской православной церкви. // Аргументы и факты. 1989. № 10. Заведующий секретным отделом ВЧК Т. П. Самсонов писал Дзержинскому 4 декабря 1920 г. о том, что «религию разрушить не сможет никакой другой аппарат, кроме аппарата ВЧК». // Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. Т. 1. С. 34.

¹²⁷ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 191—193.

¹²⁸ Вопросы истории. 1993. № 8. С. 44, 45; «Дело» митрополита Вениамина. М., 1991. См. также: 199 Покровский Н. Н. Политбюро и церковь. 1922—1923. // Новый мир. 1994. № 8. С. 186—213.

¹²⁹ Разрушение храмов, снятие позолоты с куполов активно происходили в 30-е годы, когда под руководством ОГПУ еже-

месячно добывалось до 30 кг золота. Неизвестная Россия. М., 1992. Т. 2. С. 339. В 1930 г. ОГПУ в Татарии ликвидировало «церковно-монархическую организацию, руководимую бывшими профессорами духовной академии В. И. Несмеловым, Н. В. Петровым, бывшим казанским викарным епископом Иоасафом Удаловым и священником Н. М. Троицким, представляющую собою филиал всесоюзного центра церковно-монархической организации «Истинно православная церковь». К суду были привлечены 33 человека. Их судили как сторонников умершего в 1925 г. патриарха Тихона. В качестве обвиняемых были приведены выдержки из дневника профессора Я. Я. Галахова, в том числе запись: «Христианство и социализм столь непримиримы, что о мирных отношениях церкви христовой и коммунистического государства нельзя даже мечтать». Обвиняемые были отправлены в концлагеря и ссылки. ЦА Управления ФСБ по РТ, д. 119660; 18199. Сталин проводил антирелигиозные пятилетки, Хрущев продолжал закрытие храмов, до конца 80-х гг. в СССР были запрещены Библия и Ветхий завет. Наказ Ленина о расстрелах возможно большего числа священнослужителей, дабы другим неповадно было, выполняли неуклонно все его последователи. // Известия. 1994. 4 июня.

¹³⁰ В 1919 г. было запрещено сионистское движение в России. // Марголин Ю. Как было ликвидировано сионистское движение в Советской России. Иерусалим, 1968. В 1919—1920 гг. в Казани находилось около трех тысяч евреев, бежавших от погромов с западных территорий страны. Среди них были 17 членов сионистского движения, предлагавших евреям уехать в Палестину, организаторы вооруженных молодежных отрядов «Кадим», создаваемых для защиты от погромов. Письма на еврейском языке (иврите) казанская цензура не пропустила, сионисты были объявлены вне закона, место их сбора (ул. Рыбноорядская, д. 52, кв. 26) разгромлено чекистами. ЦА Управления ФСБ по РТ, д. 1536, л. 15, 48. Тогда же была запрещена деятельность евангелистов, а сектантство объявлено «белогвардейской организацией». ЦГА ИПД РТ, ф. 868, д. 125, л. 12. В Казани и других городах Поволжья и Приуралья были тогда же разгромлены национальные мусульманские организации.

¹³¹ Агурский М. Идеология национал-большевизма. Женева, 1980. По его мнению, лозунг о возможности построения социализма в одной стране был провозглашен большевиками в угоду русскому национализму (с. 202).

¹³² Великий Октябрь и социальная структура советского общества: рабочий класс. Минск, 1987. С. 21.

¹³³ Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. С. 346.

¹³⁴ Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. М.—Л., 1932. С. 120—129; Пайпс Р. Создание однопартийного государства в Советской России (1917—1918). // Минувшее. М., 1991. Т. 4. С. 135—139; Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917—1929. Сб. документов. СПб., 2000.

¹³⁵ Балашов Р. Пламя над Волгой. Ликвидация белогвардейского мятежа в Ярославле летом 1918 г. Ярославль, 1984; Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1986. Т. 1. С. 178.

¹³⁶ Войсками по подавлению «ярославского мятежа» командовал А. И. Геккер (1888—1938), кадровый офицер, большевик с 1917 г. Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 170. В Ярославле висели объявления: «ЧК привлекла по делу о контрреволюции 40 человек, из них 18 уже никогда не будут мешать советской власти...» Рачков В. П. В борьбе с контрреволюцией. Ярославские чекисты в годы гражданской войны. Ярославль, 1968. С. 17; Бунич И. Л. Золото партии. СПб., 1992. С. 22.

¹³⁷ Гутман-Ган А. Два восстания. // Белое дело. Берлин, 1927. Т. 3. С. 158.

¹³⁸ Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918—1923. С. 50—51. Р. Гуль отмечал, что расстрелом астраханских рабочих руководили член РВС фронта К. А. Мехоношин и чекист Чугунов. Гуль Р. Дзержинский (начало террора). Нью-Йорк, 1974. С. 103. См. также: Чека. Материалы о деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин, 1922. С. 251.

¹³⁹ РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 24095, л. 1—2.

¹⁴⁰ В начале 1923 г. Г. Мясников написал «Манифест Рабочей группы РКП(б)», в котором говорилось, что коммунисты от имени рабочих «заправляют страной и хозяйством», что власть — это «зарвавшаяся кучка интеллигентов», что партия «обратила добытую в октябре власть против рабочих». «Рабочая группа» объединила недовольных и была удобна для чекистского наблюдения и быстрого разгрома, потому — наблюдение: если бы «Рабочую группу» не придумал Мясников, то ее придумал бы кто-нибудь другой.

мало бы ОГПУ для ликвидации оппозиции. Члены «Рабочей группы», более 20 человек, вскоре были арестованы. // Огонек. 1990. № 21. С. 19.

¹⁴¹ ЦА ФСБ РФ, ф. 1, оп. 5, д. 651, л. 388, 1402. ВЧК—ОГПУ представляли в ЦК РКП(б) информационные сводки о забастовочном движении рабочих. 15 мая 1920 г. Ленину была направлена сводка о том, что на Казанском пороховом заводе замечено недовольство рабочих введением 12-часового рабочего дня. Активные агитаторы изолированы. РГАСПИ, ф. 2, оп. 2, д. 303, л. 2. Или: в июле 1923 г. в Москве бастовало 1844 рабочих, в сентябре — 7808, в октябре — 3586. Основная причина — задержка с выдачей зарплаты. РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 468, л. 6.

¹⁴² Буйский А. Красная Армия на внутреннем фронте. Борьба с белогвардейскими и кулацкими восстаниями. М., 1931. С. 7, 15.

¹⁴³ Сводки НКВД свидетельствовали, что в августе 1918 г. в 21 губернии было 47 крестьянских восстаний; в сентябре — в 17 губерниях — 35; в октябре — в 7 губерниях — 7; в ноябре — в 16 губерниях — 54; в декабре — в 15 губерниях — 21. ГАРФ, ф. 393, оп. 4, д. 51, л. 20, 31, 36, 46, 48, 55. Данные избирательны и общая цифра — 164 крестьянских выступлений — неполна. Сотрудник НКВД С. Духовский тогда же писал, что в августе 1918 г. было 47 крестьянских восстаний и 82 столкновения. Но разницу между ними не указал. Он же опубликовал сведения о том, что по 22 губерниям в июле 1918 г. были расстреляны контрреволюционерами 4141 советский работник, в августе — 339, в сентябре — 6016 // Правда. 1918. 13 ноября; Власть Советов, орган НКВД. М., 1918. № 25. 7 ноября. С. 8. По уточненным данным (и они считаются не окончательными), за первую половину 1918 г. было более 120 крестьянских выступлений, и только в июле не менее 200. Осипова Т. В. Развитие социалистической революции в деревне в первый год диктатуры пролетариата. Октябрь и советское крестьянство. М., 1977. С. 58, 62.

В докладе НКВД (ноябрь 1918 г.) главными причинами крестьянских выступлений назывались: недовольство мобилизацией в Красную Армию; хлебная монополия, реквизиция скота; проведение декрета об отделении церкви от государства; взимание с крестьян чрезвычайного налога; белогвардейская агитация; антисемитская пропаганда. ГАРФ, ф. 393, оп. 4, д. 51, л. 46. По мнению чекиста Я. Х. Петерса, причинами крестьянских выступлений стали «влияние кулака на бедноту», реквизи-

ция у крестьян хлеба, невежество деревни, агитация эсеров и меньшевиков. // Известия ВЦИК. 1918. 27 сентября.

¹⁴⁴ Из Симбирской губернии наркому внутренних дел Г. И. Петровскому сообщали в декабре 1918 г. о восстании крестьян в ряде уездов из-за «нетактичного отношения к ним представителей местной власти». Госархив Ульяновской обл. (далее ГАУО), ф. 386, оп. 1, д. 6, л. 40. Инспектор Тюриков докладывал председателю Казанского Совета Д. П. Малютину, что крестьяне Арского уезда восстали, не выдержав неправильного обложения чрезвычайным налогом, конфискацию имущества и скота у неплательщиков и избияния (порку) при этом. ЦГА ИПД РТ, ф. 868, оп. 1, д. 34, л. 5—6.

¹⁴⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 37. С. 11. Н. И. Подвойский в мае 1918 г. писал Ленину, что красноармейцы часто защищают только Советы, не связанные с массами. А нужно «переломить настроение крестьян в нашу пользу». ГАРФ, ф. 1235, оп. 79, д. 7, л. 29.

Под давлением военных поражений летом 1918 г. Ленин был вынужден менять тактику ускоренной «социалистической революции» в деревне. Так были упразднены комбеды, провозглашен курс на сотрудничество не только с беднотой, но и со средним крестьянством. В. П. Антонов-Саратовский вспоминал о разговоре с Лениным в конце 1918 г., когда на его замечание о безобразиях, творимых комбедами, Ленин ему сказал: «Надо уничтожить комбед... Нам нужен середняк. Чтобы помириться с ним, надо перешагнуть через намозоливший комбед». Антонов-Саратовский В. П. Отблески бесед с Ильичем. // Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 187. Восстание крестьян в Камышинском уезде Саратовской губернии из-за реквизиции лошадей (10—21 августа 1918 г.) было жестоко подавлено латышским полком. Соколов В. Обзор кулацких восстаний в Саратовской губернии. / Головщина социальной революции в Саратове. Саратов, 1918. С. 59.

¹⁴⁶ М. Горький изумлялся коллективным забавам муками человека. Он писал, как в Сибири крестьяне, выкопав ямы, опускали туда — вниз головой — пленных красноармейцев, оставляя ноги их — до колен на поверхности земли; потом они постепенно засыпали яму землей, следя по судорогам ног, кто из мучимых окажется выносливее, живучее, кто задохнется позднее других. Горький М. О русском крестьянстве. // Огонек. 1991. № 49. С. 10.

¹⁴⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 43. С. 24.

¹⁴⁸ Фрунзе М. В. Соч. М., 1929. Т. 1. С. 375.

¹⁴⁹ Литвин А. Л. Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны. Казань, 1972. С. 195—208. Поводом для выступления крестьян явилось прибытие в село Новодевичье Сенгилеевского уезда продотряда для реквизиции скота и кур. Крестьяне не дали. Появился еще один продотряд в 50 человек, но его бойцы, «очевидно, видя правоту крестьян, сдали им оружие без всякого сопротивления». Вскоре к крестьянам этого села присоединились окрестные с призывом против «грабителей-коммунистов». В течение недели восстание распространилось на многие уезды. Большинство были крестьяне-средняки. Они были вооружены топорами, вилами, винтовок было мало. ГАРФ, ф. 393, оп. 13, д. 428, л. 238. С. И. Гусев, член РВС фронта, сообщал Ленину о том, что это восстание было вызвано «безобразной деятельностью местных организаций, как советских, так и партийных... При взимании чрезвычайного налога применялись пытки вроде обливания людей водой и замораживания... При реквизиции скота отнимали последних кур... Представитель уездного комитета партии участвовал, будучи членом ЧК, в десятках избиений арестованных, в дележе конфискованных вещей и прочее. Партийная организация была теплой компанией грабителей... // Московские новости. 1991. 10 ноября. Троцкий, выступая 6 апреля 1919 г. в Самаре, высказался по поводу «чапанной» войны однозначно: «Я бы расстрелял подлеиших агентов Колчака, которые подбивали крестьян и разрушали железные дороги, и тех советских прохвостов, которые, пользуясь именем советской власти, угнетали крестьян, одним взводом красноармейцев». Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция. М., 1924. Т. 2. Кн. 1. С. 325. Дзержинский был сторонником решительных мер. 14 марта 1919 г. на заседании ЦК РКП(б) он предложил местности, охваченные крестьянскими выступлениями, объявить на военном положении, дать ВЧК чрезвычайные полномочия, потребовать от губкомов вернуть в ЧК отозванных коммунистов, запретить военкоматам отзываться без ведома ВЧК чекистские отряды, усилить в печати разоблачения эсеров. РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 2, л. 21.

¹⁵⁰ См.: Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России. 1918—1921 гг. Иерусалим, 1987; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. «Антоновщина».

Тамбов, 1994; Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ. 1918—1922. Док. и материалы. М., 1998; Сибирская Вандея. 1919—1920. М., 2000. Т. 1; Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922. Док. и материалы. М., 2002; Сафонов Д. А. Великая крестьянская война 1919—1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1999; Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001; Телицын В. Л. Крестьянский бунт. 1917—1921 гг. М., 2001; и др.

¹⁵¹ Поводом к восстанию стали действия продотряда (35 чел.), явившегося 4 февраля 1920 г. в деревню Новая Елань Троицкой волости Мензелинского уезда. Крестьяне отказались отдать весь хлеб, тогда в холодный амбар продотрядники посадили стариков и женщин. Крестьяне в ответ перебили продотрядников ночью, когда последние пьянствовали. К ним присоединились вскоре жители соседних деревень и уездов, которых грабили столь же жестоко и беспощадно. Дзержинский 2 марта 1920 г. в телеграмме в Уфимский губисполком потребовал принять самые решительные меры для ликвидации восстания. Он предлагал помощь ВЧК. Центральный архив республики Башкортостан (ЦА РБ), ф. 1, оп. 3, д. 83, л. 22. Член Бирского ревкома — Журавлев в докладе о причинах мятежа отмечал: «Терроризированное, запуганное всевозможными слухами население зачастую помимо своего желания становилось в ряды «черной армии»... Отдельные советские работники вместо того, чтобы принять срочные меры для успокоения населения, спешили эвакуироваться; население, оставаясь без всякой власти, делало выводы, что советская власть бессильна бороться с восстанием...» Там же, ф. 396, оп. 1, д. 273, л. 14. Основным лозунгом восставших был: «Долой большевиков-угнетателей, долой коммунистов, да здравствует вера в Бога и свободная торговля». Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 212, оп. 1, д. 32, л. 75. Только в Белебеевском уезде восставшими было убито до 200 коммунистов.

¹⁵² В ликвидации «вилочного» восстания участвовало от Западной армии: штыков — 4872, сабель — 696, пулеметов — 59, бомбометов — 2, орудий — 2; от армии Туркестанского фронта: штыков — 1500, сабель — 120, пулеметов — 20, орудий — 4. Основное оружие крестьян: вилы, топоры, дробовики. РГВА, ф. 212, оп. 3, д. 467, л. 19; д. 68, л. 3. Троцкий телеграфировал Крестинскому 2 марта 1920 г.: «За ходом восстания слежу. Военного значения оно не имеет. Скандалы вроде сдачи Беле-

бея объясняются непригодностью ВОХРа. Башкиры в восстании не участвуют. Башкирские части держат себя хорошо... Валидова вчера по прямому проводу предупредил относительно башкирских частей, которых может увлечь мусульманское восстание. Валидов ответил длинным объяснением, где клялся, что ни один башкир не выступит против советской власти, предлагал башчасти для усмирения». The Trotsky papers. 1920—1922. Hague-Paris, 1971. Т. II. Р. 92.

¹⁵³ Литвин А. Л. Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны. С. 209—222. В письме из Уфы очевидец писал родственнику 29 апреля 1920 г.: «Настроение у крестьян самое подавленное, за большое в марте месяце восстание они сильно поплатились, многих из них расстреляли, других выпороли, а часть посадили в дома принудительных работ... Население стало запуганное, боится больше всего солдат». ЦА РБ, ф. Р-107, оп. 3, д. 53, л. 33.

¹⁵⁴ Богданов М. А. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961. С. 7.

¹⁵⁵ Есиков С. А., Канищев В. В. «Антоновский НЭП». // Отечественная история. 1993. № 4. С. 63, 70.

¹⁵⁶ Тухачевский М. Борьба с контрреволюционными восстаниями. // Война и революция. 1926. № 7. С. 7. В то же время попытка сравнения крестьянских восстаний в тылу у красных и белых в 1918—1920 гг. была официально осуждена Ворошиловым как нецелесообразная. Котов Н. Тактика крестьянских восстаний. Гражданская война. 1918—1921. М., 1928. Т. 2. С. 283; РГВА, ф. 24696, оп. 4, д. 20, л. 15, 16.

¹⁵⁷ Аргументы и факты. 1993. № 1. Среди репрессивных мер стороны практиковали взятие заложников, расстрелы. Полномочная комиссия ВЦИК 11 июня 1921 г. приказом распорядилась: «1) Граждан, отказывающихся назвать свое имя, расстреливать на месте без суда; 2) Селениям, в которых скрывается оружие... объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия; 3) В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда; 4) Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и выселению из губернии и имущество конфисковывается. Старший работник в этой семье расстреливается на месте без суда; 5) Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитские и старшего работника этой

семьи расстреливать на месте без суда; 6) В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать». // Родина. 1989. № 10. С. 57. О применении химического оружия против тамбовских крестьян см.: Родина. 1994. № 5. С. 56—57.

¹⁵⁸ Реввоенсовет Приволжского военного округа 21 апреля 1924 г. отметил, что «бандитизма (политического), так и антисоветских выступлений» в округе не имеется. ЦГА РТ, ф. 373, оп. 4, д. 67, л. 36; Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Т. 1.

¹⁵⁹ Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. С. 55. Н. Подвойский, М. Кедров и К. Мехоношин писали в ЦК РКП(б) 13 февраля 1921 г. о том, что «нынешние крестьянские восстания отличаются от прежних тем, что они имеют программу, организованность и план», а потому особо опасны. Они предлагали прекратить демобилизацию из армии коммунистов и политработников. РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 265, л. 1—3.

¹⁶⁰ См.: Оликов С. Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. Л., 1926; Войцекян А. В зеленом кольце. М.—Л., 1928. С 16 по 31 декабря 1919 г. было задержано 75 352 дезертира Красной армии, с 1 по 20 января 1920 г. — 79 799; 16—31 марта 1920 г. — 89 557; 16—30 апреля — 73 684; 1—15 мая — 85 984. РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 124, л. 2, 7, 13, 20, 22, 38. Деникин писал о повальном дезертирстве кубанцев в конце 1919 г. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Берлин, 1926. Т. 5. С. 197.

¹⁶¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 4, д. 7, л. 1. Под циркулярным письмом стоит подпись ЦК РКП(б). Попытки возложить вину за рассказывание только на Свердлова (Кожин В. // Литературная газета. 1989. 29 марта; Назаров Г. Дальше... дальше... дальше... к правде. // Москва. 1989. № 12. С. 174) носят антисемитский характер и архивными данными не подтверждаются. Свердлов повинен, как и все другие члены ЦК РКП(б) той поры.

¹⁶² Выполнение постановления было приостановлено после доклада Г. И. Сокольников, заявившего о его невыполнимости, а также расслоении среди казаков, проживающих на севере и юге Донской области. РГАСПИ, ф. 17, оп. 4, д. 11, л. 1. По-

пытки «радикально» решить казачий вопрос предпринимались и до января 1919 г. Председатель Оренбургского ревкома С. М. Цвиллинг предложил ликвидировать казачье сословие в конце марта 1918 г., чем дал повод для восстания и укрепления сил атамана Дутова. Неповинующиеся станицы были предупреждены, что они будут «без всякого разбора виновных и невиновных сметаться с лица земли силой оружия революционных войск». В течение мая—июня 1918 г. карательные походы красноармейцев уничтожили шесть казачьих станиц в Оренбургской области. Чирухин Н. А. Дутовщина. Антибольшевистское движение на Южном Урале. 1917—1918 гг. М., 1992. Автореф. канд. дисс. С. 11—12.

¹⁶³ По мнению академика Д. С. Лихачева, интеллигент — это человек, связанный с умственным трудом и обладающий умственной порядочностью. К интеллигенции принадлежат люди, свободные в своих убеждениях, не подчиняющиеся идеологическим обстоятельствам. Он полагал, что профессиональные революционеры и те, кто считал возможным терроризм, были глубоко антиинтеллигентными личностями. Лихачев Д. С. О русской интеллигенции. // Новый мир. 1993. № 2. С. 3, 7. По переписи 1897 г. число российской интеллигенции составляло 778 426 человек. Ушаков А. В. Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895—1904. М., 1976. С. 9. В 1914 г. в России было 42 700 врачей, 6400 преподавателей высшей школы, 11 800 адвокатов, около 300 000 учителей. Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 гг. М., 1981. С. 50, 78, 97. Основная масса квалифицированной интеллигенции проживала в губернских центрах и Москве: 81,8% всех инженеров и архитекторов, 90% ученых, 83,2% литераторов и 70% всех врачей. Пинегина Л. А. Некоторые данные о численности и составе интеллигенции к началу восстановительного периода (по материалам переписей 1922 и 1923 гг.). // Вестник МГУ. 1979. № 3. С. 17.

Поэт А. Блок воспринял октябрьский переворот не как политический акт, а просто впечатляющее дело и видел в разрушении позитивный элемент. Историк С. Ф. Платонов в «покаянной» записке в ОГПУ, написанной между 17 сентября и 5 октября 1930 г., писал: «Должен сознаться, что октябрьский переворот показался мне чрезвычайно кровавым и жестоким и вызвал во мне недоумение и внутренний протест». // ЦА ФСБ

РФ, д. П-65245, т. II, л. 296. П. Сорокин писал, что «самыми ужасными» для профессуры были 1918—1920 гг.: «Получая ничтожное вознаграждение, и то с опозданием в три-четыре месяца, не имея никакого пайка, профессура буквально вымирала от голода и холода. Смертность ее повысилась в 6 раз по сравнению с довоенным временем». Сорокин П. Современное состояние России. // Новый мир. 1992. № 5. С. 176. Схематическое деление интеллигенции на группы нейтралов, противников и защитников советской власти (Соскин В. Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1965. С. 214—219) весьма условно.

¹⁶⁴ Ленин писал Горькому 15 сентября 1919 г. о том, что нельзя смешивать «интеллектуальные силы» народа с «силами» буржуазных интеллигентов. Он цинично замечал, что аресты «кадетской и околкадетской интеллигенции» необходимы, так как это превентивная мера для предотвращения возможных заговоров. И высказывался о Короленко, который, по его мнению, не образец интеллигентности, а «жалкий мешанин, плененный буржуазными предрассудками... мнящий себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно». Ленин В. И. ПСС. Т. 51. С. 47.

¹⁶⁵ Горький М. Несвоевременные мысли. Пг., 1918. С. 36, 54; В. Г. Короленко в годы революции и гражданской войны. Benson, 1985. С. 141; Изгоев А. С. Социализм, культура и большевизм. / Из глубины. Пг., 1918. С. 183; Лункевич В. В. Большевизм и интеллигенция. / Большевики у власти. Пг. — М., 1918. С. 149.

¹⁶⁶ Fitzpatrick Sn. New perspectives on the civil war. Party, state and society in the Russian civil war. Indiana University Press, 1989. P. 7. Д. Мережковский писал, что для «романовского самодержавия русская интеллигенция есть русская революция, для самодержавия ленинского — «контрреволюция». // Огонек. 1991. № 45. С. 3.

¹⁶⁷ В 1919 г. в Ростове-на-Дону вышла брошюра Е. Н. Чирикова «Народ и революция». Ленин вместе с Чириковым учился в Казанском университете, знал его. Поэтому Чирикову тогда и была передана записка Ленина: «Евгений Николаевич, уезжайте. Уважаю Ваш талант, но Вы мне мешааете. Я вынужден Вас арестовать, если Вы не уедете». В ноябре 1920 г. Чириков с семьей эмигрировал. Чириков Е. Н. На путях жизни и твор-

чества. М. — СПб., 1993. С. 288—289. О «деле» профессоров Н. С. Таганцева см.: Черняев В. Ю. Ученый, власть и революция: парабола судьбы Н. С. Таганцева. / Интеллигенция и российское общество в начале XX века. СПб., 1996. С. 161—183; он же. Финляндский след в «деле Таганцева». / Россия и Финляндия в XX веке. СПб., 1997. С. 180—200; и др.

¹⁶⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 27, л. 2.

¹⁶⁹ Фельдман Д. Дело Гумилева. // Новый мир. 1989. № 4. С. 265—269; Ставицкий В. Тайна жизни и смерти Николая Гумилева. / Спецслужбы и человеческие судьбы. М., 2000. С. 47—64.

¹⁷⁰ Тополянский В. Д. Гибель Фрунзе. // Вопросы истории. 1993. № 6.

¹⁷¹ М. Агурский отмечал, что едва ли не центральную роль в становлении национал-большевизма играли русифицированные евреи. Развитие русского национализма поощряли еврей Троцкий и грузин Сталин. Агурский М. Идеология национал-большевизма. Женева, 1980. С. 114, 156, 194. Это не помешало И. Шафаревичу призвать «бояться «малого народа», большинство которого составляют евреи, т. к. они готовы «разрушить религиозную и национальную жизнь русских». Шафаревич И. Русофобия. // Наш современник. 1989. № 6. С. 190.

¹⁷² Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990.

¹⁷³ В годы гражданской войны были разогнаны многие национальные организации, выступавшие оппонентами большевиков в разрешении национальных проблем. Карательные меры применялись по отношению ко всем народам. 18 марта 1920 г. Г. Пятаков, один из руководителей трудовых армий республики, запрашивал ЦК РКП(б) о согласии на репрессивные меры в отношении башкирских кантонов, не выполнивших продразверстку. РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 63, л. 14. См. также: Верещагин А. С. Некоторые новые тенденции в изучении башкирского национального движения в годы гражданской войны. // Отечественная история. 2002. № 4. С. 116—123; Гиззатуллин И. Г. Мусульманские военные организации (1917—1921 гг.). Казань, 2002; Дмитриев П. Н. Удмуртское национальное движение в 1918 г.: организация, идеология, отношение к партиям и власти. // Вестник Удмуртского университета. 2002. № 4. С. 43—58; и др.

Антисемитизм как идеологическая доктрина оформился в России в начале 60-х гг. XIX в. и проявился в ограничительных цензах, погромах и пропаганде. Эльяшевич Д. А. Идеология антисемитизма в России в конце XIX— начале XX вв. Обзор. / Национальная правая прежде и теперь. СПб., 1992. С. 47—72. Антисемитизм был государственной политикой и советских правительств. / Антисемитизм в Советском Союзе. Его корни и последствия. Иерусалим, 1979; Levin N. The Jews in the Soviet Union since 1917, N. Y. — London, 1988. Т. 1, 2.

¹⁷⁴ Гусев-Оренбургский С. И. «Багровая книга». Погромы 1919—1920 гг. на Украине. Харбин, 1922; Еврейские погромы 1918—1921. М., 1926; Шехтман И. Б. Погромы Добровольческой армии на Украине (к истории антисемитизма на Украине в 1919—1920 гг.). Берлин, 1932; и др.

¹⁷⁵ Горький М. Несвоевременные мысли. С. 110; он же. Русская жестокость. // Новая Россия. 1922. № 2. С. 143.

¹⁷⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 165, л. 1; 6 июля 1921 г. Ленин ознакомился с запиской секретаря Центрального бюро еврейских коммунистических секций при ЦК РКП(б) А. И. Чермеринского о бандитских погромах еврейского населения в Гомельской и Минской губерниях и о том, что представители советских учреждений ничего не делают для его защиты. В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891—1922. С. 457. Подробнее о еврейских погромах, которые устраивали бойцы 1-й Конной армии С. М. Буденного в 1920 г., см.: Поликарпов В. Д. Другая сторона буденновской легенды. Гражданская война в России. События, мнения, оценки. М., 2002. С. 618, 622.

¹⁷⁷ РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 404, л. 82.

¹⁷⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 27, л. 1.

¹⁷⁹ Бугай Н. Ф. 20—50-е годы: переселения и депортации еврейского населения в СССР. // Отечественная история. 1933. № 4. С. 175—185; Боршаговский А. Обвиняется кровь. М., 1994; Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001; и др.

¹⁸⁰ Бурцев В. «Протоколы сионских мудрецов» — доказанный подлог. М., 1991. С. 277.

¹⁸¹ См.: Ганелин Р. Ш. Белое движение и «Протоколы

сионских мудрецов». / Национальная правая прежде и теперь. С. 124—130.

¹⁸² Вацетис И. И. Гражданская война. 1918 год. // Память. М., 1977. Вып. 2. С. 72, 74.

¹⁸³ Из 250-тысячного офицерского корпуса российской армии (октябрь 1917 г.) в Красной Армии служило 30%, в Белой — 40%, остальные эмигрировали или отказались от службы. Кавторадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917—1920 гг. М., 1988. С. 28, 170. Есть и иное мнение: общее число кадровых офицеров, служивших в 1918—1920 гг. в Красной Армии, более чем в 2 раза превышало их количество у белых. Л и в ш и ц И. И. О роли кадровых офицеров в гражданской войне. // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 189.

¹⁸⁴ РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 404, л. 214; д. 435, л. 1. Репрессии порождали страх даже у их устроителей. Однажды Троцкий сказал Дзержинскому: «Вся моя работа на фронте пропадает оттого, что некоторым Калигулам нужна моя голова». Председатель ВЧК парировал: «Всероссийской комиссии по борьбе с контрреволюцией пока не нужна голова товарища Троцкого». Ветлугин А. Авантюристы гражданской войны. Париж, 1921. С. 124—125.

¹⁸⁵ Командиру сводного конного корпуса Б. М. Думенко было инкриминировано обвинение в убийстве комиссара. Он был расстрелян в 1920 г., реабилитирован в 1964-м. Н а й - д а С. Ф. О командире сводного конного корпуса Б. М. Думенко. // Военно-исторический журнал. 1965. № 9. С. 113—120. Ф. К. Миронов — командир Донского казачьего кавалерийского корпуса 24 августа 1919 г., вопреки запрету Реввоенсовета, выступил с корпусом из Саранска на фронт. Был обвинен в попытке мятежа, арестован, приговорен к расстрелу, но амнистирован ВЦИК. В 1920 г. командовал 2-й конной армией. Был награжден орденом боевого Красного Знамени № 3. Был арестован 13 февраля 1921 г. будто бы за подготовку антисоветского мятежа на Дону. Расстрелян в Бутырской тюрьме в апреле 1921 г. Реабилитирован в 1960 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 175—176. Об обстоятельствах гибели Думенко и Миронова см.: Поликарпов В. Д. Другая сторона буденновской легенды. Гражданская война в России. События, мнения, оценки. С. 597—626.

¹⁸⁶ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографич. отчет. М., 1963. С. 285; Литвин А. Л. Крестьянство Среднего Поволжья в гражданской войне. С. 222—230.

¹⁸⁷ Семанов С. Н. Ликвидация антисоветского кронштадтского мятежа. М., 1973. С. 182. См.: Кронштадтская трагедия 1921 г. // Вопросы истории. 1994. № 4, 5, 6; и др. К лету 1921 г. по приговорам Петроградской ЧК, особого отдела и трибунала военного округа были приговорены к расстрелу 2103 человека и осуждены на длительные сроки заключения 6459 человек. Около 3000 менее заметных участников выступления подлежали высылке в административном порядке. Петров М. Н. Формирование и деятельность органов ВЧК—ОГПУ. 1917— середина 1920-х гг. (на материалах Северо-Запада России). Автореф. дисс. докт. ист. наук. СПб., 1995. С. 26. Таковы карательные итоги кронштадтских событий 1921 г.

¹⁸⁸ См.: Гуль Р. Тухачевский. Красный маршал. Берлин, 1932. С. 173—174.

¹⁸⁹ Дзержинский писал Манцеву 16 марта 1921 г., что эшелоны матросов, высланные из Петрограда на юг, по пути «творят бесчинства» и ведут контрреволюционную агитацию. Поэтому следует «хулиганствующих, агитирующих, вывешивающих плакаты и других активных контрреволюционеров немедленно арестовывать и беспощадно расстреливать». ЦА ФСБ РФ, ф. 1, оп. 5, д. 651, л. 365. Дзержинскому было поручено на заседании Политбюро 27 апреля 1921 г. создать в Ухте концлагерь для высланных кронштадтских матросов. // РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 155, л. 3.

¹⁹⁰ Известия. 1994. 11 января. См. также: Getzler I. Kronstadt 1917—1921. The fate of Soviet Democracy. Cambridge University Press, 2002.

¹⁹¹ В 20-е годы «махновщину» квалифицировали «кулацкой диктатурой». Кубанин М. К истории кулацкой контрреволюции (махновщина). // На аграрном фронте. 1925. № 9. С. 96. Или «кулацким повстанческим движением на Украине». Руднев В. В. Махновщина. Харьков, 1928. С. 97. Так же называли и движение крестьян под руководством Н. А. Григорьева (1878—1919) на юге Украины. Раковский М. Е. Крах григорьевщины. // История СССР. 1966. № 5. С. 41. В начале 80-х махновщина рассматривалась как «антисоветское анархо-кулацко-крестьянское движение... одна из разновидностей мел-

кобуржуазной контрреволюции». Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 343. Одновременно формировалось и иное мнение: махновщина — выразитель интересов «сравнительно широких слоев крестьянства». Семанов С. Н. Махновщина и ее крах. // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 37. Махновщина — это крестьянская война против советской власти на юге Украины; Волк С. С. Нестор Махно в дни войны и мира. Махно Н. Воспоминания. М., 1992. С. 7. «Махно был одним из первых в нашей стране борцов с тоталитаризмом», — утверждает А. В. Шубин. Шубин А. В. Махно и махновское движение. М., 1998. С. 3.

¹⁹² Комин В. В. Нестор Махно. Мифы и реальность. М., 1990. С. 34—40. В гражданской войне не было законов. К чему бы ни призывали руководители, реалии были иными. Махновцы грабили и расстреливали. Воспоминания Н. В. Герасименко — свидетельство тому. Он познакомился с махновцами, когда они грабили поезд и артистическая группа, в которой был Герасименко, была арестована. Наблюдая поведение Махно во время казни стражников, Герасименко сообщал: «Все человеческие чувства давно заглохли в Махно. Его не тронут ни слезы женщин, — а к ним он падок, — ни плач детей, ни клятвы мужчин... Никто не смеет, не может быть грознее, — что значит и жесточе, чем он, — батько Махно». Герасименко Н. В. Батько Махно. Мемуары белогвардейца. М. —Л., 1928. С. 33—34. О расстрелах плененных красноармейцев см.: Опсков В. Лев Задов: смерть от бескорыстия (повесть о махновце-чекисте). Петрозаводск, 1994. С. 184—185.

¹⁹³ Французский историк А. Скирда полагал, что 10—12 тысяч войск Махно сыграли решающую роль в разгроме армии Врангеля. // Skirda A. Les cosaques de la liberte: Nestor Makhno. Le cosaque de l'anarchie et la querre civil russe. 1917—1921. Paris, 1985. P. 259.

¹⁹⁴ Трифонов И. Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа. Л., 1964. Автореф. докт. дис. С. 4. Судьба Махно и его сторонников сложилась по-разному. Махно умер в Париже, его семья побывала в нацистских концлагерях. Начальник контрразведки армии Махно Л. Н. Задов позже работал в ВЧК—ОГПУ и был репрессирован в 1938 г. // Комсомольская правда. 1990. 4 февраля.

¹⁹⁵ А. И. Деникин 4 апреля 1919 г. подписал положение о

создании Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при главнокомандующем вооруженными силами Юга России. По подсчетам этой комиссии, в 1918—1919 гг. жертвами красного террора стали 1 млн. 700 тыс. человек. Мельгунов С. П. Красный террор в России. Берлин, 1924. С. 138. Красный террор в годы гражданской войны (по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков). London, 1992. По данным Д. Леггета, по меньшей мере 140 тыс. крестьян были убиты красными при подавлении восстаний. Legget G. The CheKa: Lenin's political police. Oxford, 1981. P. 360. И. А. Курганов полагал, что в 1918—1921 гг. в России погибло 3 млн. человек. Российский ежегодник. М., 1990. Вып. 2. С. 288. А. Антонов-Овсеенко писал, что гражданская война и голод 1921 г. унесли 16 миллионов жизней. Антонов-Овсеенко А. Портрет тирана. Нью-Йорк, 1980. С. 262. М. Геллер и А. Некрич утверждали, что потери страны в гражданской войне составили 10 млн. 180 тыс. человек. Голод 1921 г. унес 5 млн. 53 тыс. чел. Отсюда и число потерь в 1918—1921 гг. примерно 16 млн. человек. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. // Даугава, 1990. № 12. С. 76. В. П. Данилов обратил внимание на то, что в 1918—1920 гг. армейские потери составляли 800 тыс. чел., еврейских погромов — 300 тыс. чел., жертв террора, бандитизма, подавления крестьянских выступлений — 1,3 млн. чел., тифа, оспы и дизентерии — 5,1 млн. Данилов В. П. За что погибли шестнадцать миллионов россиян? // Юность. 1990. №10. С. 19.

Впервые террор приобрел массовое распространение в России после 1905 г. Гейфман А. «Убий». // Родина. 1994. № 1. С. 26. Масштабность массового террора резко выросла в годы гражданской войны и достигла своего апогея в 30-е годы.

Эволюция охранительных институтов диктатуры пролетариата в начале 20-х годов

Советские историки и юристы долгие годы пропагандировали мнение о том, что после окончания гражданской войны Дзержинский не раз предлагал ограничить полномочия ЧК. Но этому помешали «кронштадтский мятеж, волна кулацких восстаний, усиление подрывной деятельности эсеров»⁽¹⁾. Некорректность этой формулировки очевидна: если бы люди согласились быть рабами и не возмущались своим бесправным положением, их бы не расстреливали. Эта оправдывающая любые государственные действия точка зрения была неверна и потому, что предложения о малейшей либерализации карательной политики на поверку оказывались обычным демагогическим блефом большевистских бонз, а доказательства ее невозможности — расхожим штампом, далеким от действительности.

Строительство тоталитарного государства в России происходило своеобразно, с небольшими отступлениями в области экономики, но с постоянным ужесточением всего, касающегося властных структур. Фанатики отходили на время перед решением прагматических задач — отсюда введение новой экономической политики. Крестьянские выступления, рабочие забастовки, кронштадтское вооруженное восстание против власти вызвали страх возникшей Системы перед народом. Ленин признался в ошибке проведения чрезвычайщины. «Мы рассчитывали, — отмечал он, — или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями проле-

тарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку»⁽²⁾. Ленин оценил тогдашнее антибольшевистское движение как куда более опасное, «чем Деникин, Юденич и Колчак, сложенные вместе». На X съезде РКП(б) в марте 1921 г. Ленин предложил сочетание драконовских мер против повстанцев с уступками крестьянству (замену продразверстки продналогом и др.). Он неожиданно для многих заявил, что пролетариат далее не может считаться опорной базой диктатуры партии. Из его доклада выходило, что «диктатура пролетариата» — слишком серьезная вещь, чтобы ее можно было доверить самому пролетариату, ее может осуществить только единая, монолитная партия. В результате в партии была запрещена всякая оппозиция, она превращалась в дисциплинированную исполнительницу воли своего ареопага. Троцкий в 1919 г. видел в комиссарах самураев, Сталин в 1921 г. назвал партию «орденом меченосцев»⁽³⁾.

Суть происходящего тогда прекрасно поняли современники, увидевшие в диктатуре большевистской партии переход к тирании, а в нэпе — лишь замену «коммунизма военного» на «коммунизм в перчатках»⁽⁴⁾.

Карательная политика и карательные органы в 1921 году не претерпели существенных изменений: они были по-прежнему нацелены на устранение даже потенциального инакомыслия. Продолжала свирепствовать практика беззакония и расправ, вытекающая из примата классовости революционного правосознания. «Значит ли, что изданием писанных законов революционное правосознание как база решений приговоров сдается в архив? Отнюдь нет, — утверждали советские юристы. — Революцию в архив еще никто не сдал, и революционное правосознание должно проходить красной нитью в каждом приговоре или решении: оно лишь ограничено писаными нормами, но оно не упразднено». И тогда же Ленин предлагал за отступление от «наших законов» «качать не позорно глупым «коммунисти-

чески тупоумным» штрафом в 100—200 миллионов, а расстрелом»⁽⁵⁾.

В правовой неразберихе, как и положено, торжествовал произвол. Именно тогда были даны, как следствие диктата партии в политической системе страны, привилегии коммунистам. По решению секретариата ЦК 3 мая 1921 года коммунисты могли быть преданы суду только с санкции местных партийных комитетов, Наркомюст это решение опротестовал. Было установлено, что судить коммунистов будут на общих основаниях, но «следственные учреждения обязаны изменить меру пресечения в отношении членов РКП и освобождать от арестов с заменой его поручительством в случае представления поручительства не менее трех членов РКП». Секретарей губкомов и обкомов можно было привлечь к судебной ответственности только с согласия ЦК⁽⁶⁾.

Для не членов партии, даже ученых с мировым именем, известных поэтов, исключения не делались. В. И. Вернадский писал 10 сентября 1921 г. из Петрограда в Киев: «Настроение мое и всех здесь очень тяжелое — вследствие преступных и тяжких проявлений террора здешней ЧК. Эти убийства не вызывают сейчас страха, но негодование. Повидимому, здесь перемешаны совершенно невинные люди с людьми, боровшимися с большевиками. Среди невинных такие, как Н. И. Лазаревский, М. М. Тихвинский. Смерть последнего мне лично очень тяжела — это был близкий мне человек, который собирался работать со мной (с живым веществом и гелием), организовывал мои лекции по геохимии. В полном расцвете сил, лучший русский специалист по химии нефти, стоял во главе особой лабораторией, бывший главный химик Нобеля. Еще до моего отъезда на Мурман он был у меня и разговаривал о новых — очень крупных достижениях по химии красок. И все это сразу уничтожено. Ни в одной стране это немыслимо. Мне сейчас все это кажется мифом о Полифеме, в пещере которого находятся русские ученые. А смерть Гумилева!..»⁽⁷⁾

В 1921 г. председателем ВЧК по-прежнему оставался Дзержинский, но практическое руководство чекистами осуществлял его заместитель И. С. Уншлихт⁽⁸⁾. 16 апреля 1921 г.

Дзержинский предписал всем начальникам управлений и отделов ВЧК по всем вопросам обращаться к Уншлихту, т. к. он назначен наркомом путей сообщения по совместительству с работой в ВЧК. Через несколько дней политбюро ЦК утвердило решение Дзержинского, и именно Уншлихту и Менжинскому было предложено создать на севере, в районе Ухты, концлагерь для размещения 10—20 тыс. мятежных кронштадтских матросов. Чуть позже политбюро ЦК поручило Уншлихту применять административные ссылки и раз в два месяца представлять секретные письменные отчеты для знакомства членов ЦК. 4 июня 1921 г. по поручению Ленина Уншлихт представил план работы ЧК на вторую половину 1921 г. и начало 1922 г. Этот «совершенно секретный» план предлагал «массовые операции» по разрушению партий эсеров и меньшевиков, высылку последних в «глухие места из промышленных центров», «изъятие группы» Вольского, Штейнберга, эсеров-максималистов; разрушение крестьянского населения, регистрацию бывших помещиков, полицейских и офицеров; размещение в уездных городах курсов красных командиров; запрет губкомам партии увольнять или назначать сотрудников ЧК без согласования с ВЧК. На плане пометка Ленина: «В архив. Секретно»⁽⁹⁾.

Крестьянские восстания, выступление матросов Кронштадта, рабочие забастовки и голод 1921 года во многих районах страны вынудили ВЧК организационно перестроиться и по-иному избрать приоритетные направления своей деятельности. В январе 1921 года создается секретно-оперативное управление ВЧК с отделами, проводящими контрразведывательную работу в армии, борющимися с небольшевистскими партиями, духовенством, ведающими сексотами и информацией. У ВЧК появились следственная часть, контроль над шифровальным делом в стране, широкая осведомительная сеть с институтом резидентов, а в начале 1922 г. и право осуществления контроля за почтово-телеграфной корреспонденцией. Руководство ВЧК в то время сообщало, что «работа ЧК отныне рассматривается как выполне-

ние боевых задач в военной обстановке на внутреннем фронте»⁽¹⁰⁾.

Приказы по ВЧК в 1921 году противоречивы. Одни направлены на либерализацию карательной политики, но с классовых позиций. Так, 8 января 1921 г. Дзержинский и управляющий делами ВЧК Г. Ягода предлагали «разгрузить» тюрьмы, в которых «сидят главным образом рабочие и крестьяне, а не буржуи». Поэтому они провозглашали: «Тюрьма для буржуазии, товарищеское воздействие для рабочих и крестьян» и обосновывали необходимость создания для буржуазии особых концлагерей. В приказах — данные о том, что войска ВЧК в разные месяцы 1921 г. насчитывали от 75 тыс. до 200 тыс. человек и перед ними стояли задачи: «обслуживать» особые отделы полевых армий, органы ВЧК, охранять границы. В них — о награждении сотрудников ВЧК, об увольнениях из органов тех, кто не умеет хранить «тайны», о том, что все демобилизованные чекисты, включая войска ВЧК, обязаны явиться в распоряжение комитетов РКП(б) по месту жительства и «зачислиться в отряды особого назначения». Те, кто этого не сделал, объявлялись дезертирами и предавались суду ревтрибуналов.

20 сентября 1921 г. чекистам было приказано всех бывших белых офицеров и чиновников поставить на учет, при их переездах карточки на них пересылать, даже если они снимаются с учета — карточки на них хранить. 17 октября 1921 г. в приказе перечислялись сведения, составляющие государственную тайну: все, относящееся к армии, состоянию дорог, производству оружия, а также — о волнениях в воинских частях, дезертирах, крушении судов, эпидемиях, золотом запасе, «ропуске кулацких и буржуазных Советов и репрессиях, применяемых по отношению к их членам», бандитизме, «размере уголовного элемента», столкновениях с крестьянами при сборе продналога, волнениях в концлагерях и тюрьмах. Вслед за этими приказами следовали разъяснения: бывшие белые офицеры, не бывшие командирами крупных соединений, подлежали освобождению, но оставались на учете. Те, кто служил в корниловских, дроздовских, каппелевских частях, перебежчики из Красной Армии —

подлежали заключению на два года; те, кто служил в карательных частях и контрразведке, — более суровому наказанию⁽¹¹⁾.

В отчете о деятельности ВЧК Лацис писал о том, что «в Чрезвычайной комиссии могут работать только люди правящих партий и неколеблущиеся». Но в 1921 г. появилось несколько приказов ВЧК о проведении аттестации и увольнении «корыстных элементов и неспособных». Это было связано, вероятно, и с тем, что в декабре 1920 г. в станице Усть-Медведицкой на Дону восстал караульный батальон при участии местных коммунистов и чекистов под лозунгами: «Долой продразверстку, да здравствует свободная торговля и долой диктатуру компартии». А в Сибири в 1921 г. особо проявился «красный бандитизм», в котором участвовали чекисты и милиционеры. Их действия были вызваны неприятием относительной либерализации экономических отношений. Они продолжали проводить реквизиции у крестьян, расстреливали тех, кто казался им «контрреволюционером». И. П. Павлуновский, возглавлявший тогда работу сибирских чекистов, писал об этом Уншлихту, докладывал Ленину. В 1921—1922 гг. в Сибири состоялось несколько судебных процессов над «красными бандитами» с их ностальгией по беспределу времен гражданской войны⁽¹²⁾.

«Очищая свои ряды от колеблущихся», ВЧК вырабатывала карательную политику в условиях нэпа. Дзержинский в письме Ленину 13 января 1921 г. предлагал ограничить расстрелы за политические преступления и увеличить их число за «должностные преступления на хозяйственном фронте». Но тысячи арестованных по политическим мотивам кронштадтских матросов, сибирских и тамбовских крестьян сделали предложение Дзержинского благим пожеланием. Это признал и сам председатель ВЧК. В марте 1921 года он писал в заключении на проект положения о комиссии по борьбе с преступностью в пролетарской и крестьянской среде: «Мыслимое отделение политической борьбы от борьбы с должностными и хозяйственными преступлениями несвоевременно»⁽¹³⁾.

10 февраля 1921 г. ВЦИК учредил межведомственную

комиссию по проведению амнистии арестованным иностранцам. Она касалась прибалтов, поляков и финнов. В ноябре 1921 г. правительство Советской России объявило амнистию рядовым из белых армий, ушедшим за рубеж, участникам кронштадтского мятежа, «вовлеченным в движение по малосознательности». Тогда же ВЧК стала высылать иностранцев, чей образ жизни и поведение были «несовместимы с принципами и укладом» советских властей. Одновременно лишались гражданства невозвращенцы и была узаконена насильственная высылка. Разрешение в 1921 г. деятельности частных издательств вызвало ужесточение цензуры, а в июле 1922 г. создание Главлита — главного органа по охране тайн. В ноябре 1921 разрешалась продажа в Советской России книг Р. Гуля, Устрялова и других, всего 15 наименований⁽¹⁴⁾.

В ленинских характеристиках нэпа много противоречивого: в одном случае для него введение новой экономической политики «всерьез и надолго», а в другом — это «взвезданный капитализм», который в любой момент можно «прихлопнуть». Но методы физического, духовного и экономического террора, необходимые вождю для управления страной, менялись только внешне. Когда появились сообщения, что нэпманы наживаются, Ленин тут же отреагировал: «Нужен ряд образцовых процессов с применением жесточайших кар. Н. Кюст, кажись, не понимает, что новая экономическая политика требует новых способов, новой жестокости кар»⁽¹⁵⁾.

Даже небольшая смена экономических приоритетов в 1921 году потребовала правовых гарантий частной торговле и капиталу. Теперь ВЧК не могла бороться со спекуляцией и преступлениями по должности, руководствуясь революционным правосознанием времени военного коммунизма. В ЦК и Совнарком РСФСР посыпались жалобы на некомпетентность чекистов, их самоволие и произвол. В марте 1921 г. совнархоз Татарии протестовал против ареста директора и инженера одной из фабрик. Были и курьезные случаи: руководители ВСНХ (Высшего совета народного хозяйства РСФСР) 29 июня 1921 г. просили ЧК арестовать ма-

шинистку О. Валяеву за неисполнение служебных обязанностей⁽¹⁶⁾.

Вопрос о сужении полномочий ВЧК, лишений ее сотрудников внесудебных прав на расстрел граждан, подчинение Наркомату юстиции обсуждался весь год. В марте 1921 г. Дзержинский возмущался: «Отдача ВЧК под надзор Н. Кюста роняет наш престиж, умаляет наш авторитет в борьбе с преступлениями, подтверждает все белогвардейские рассказы о наших «беззакониях», по существу не достигая никаких результатов надзором одного лица столь большого аппарата. Это акт не надзора, а акт дискредитирования ВЧК и ее органов... Н. Кюст имеет общие права и обязанности следить за законностью во всей стране и во всех ведомствах, обществах и в общественной и частной жизни. И не только в органах ВЧК. Почему же только мы должны быть под надзором? Принципиально такая постановка контроля для нас как партийных работников, а не специалистов по арестам и расстрелам, — внутренне неприемлема»⁽¹⁷⁾.

И аресты и расстрелы продолжались. На 1 января 1921 г. в следственных изоляторах ВЧК в Москве находилось 1367 человек. В таблице о движении арестованных только центральной ВЧК отмечалось, что за год было расстреляно 229 человек, заключено в концлагерь 1182, выслано из пределов России — 161. К концу года число подследственных ВЧК составило 873 человека. Эти цифры трудно проверить. На заседании судебной тройки ВЧК (Уншлихт, Мессинг, Ягода) 6 августа 1921 г. было рассмотрено 43 дела, из них — 8 расстрельных; 20 августа 45 дел — 17 к расстрелу; 3 сентября 32 дела — 26 к расстрелу⁽¹⁸⁾. Были приговорены к смерти бывшие офицеры, те, кто агитировал против большевиков, а также крестьяне — участники восстания в Тамбовской губернии. Только три заседания судебной тройки ВЧК приговорили к расстрелу 51 человека по политическим мотивам. Судебные тройки и в 1921 году заседали регулярно два раза в месяц. Потому цифра в 229 человек расстрелянных кажется очень заниженной, не отражавшей реалий. Протоколы заседаний Казанской губЧК за 1921 год отмечают, что в феврале

был расстрелян 1, в марте — 7 человек. В другие месяцы расстрельных приговоров не было. Количество рассмотренных за год более двух тысяч дел свидетельствовало лишь об уменьшении расстрельной практики, а не о снижении активной работы чекистов⁽¹⁹⁾.

Поэтому можно говорить о том, что в 1921 г. происходила организационная перестройка ВЧК, носившая скорее косметический характер или определявшаяся приоритетными направлениями деятельности. Не было и сокращения численности чекистов: уволенные со службы оставались в резерве навечно и зачислялись в ЧОНЫ и другие связанные с ВЧК учреждения и военизированные отряды. Одним из главных направлений деятельности ВЧК по-прежнему оставался политический сыск. Он обрушился на остатки небольшевистских партий и организаций, непокорных крестьян, даже тех, кто пытался смягчить ужасы голода: сотрудников АРА и Всероссийского комитета помощи голодающим. О последнем Уншлихт 22 ноября 1921 г. сообщал Ленину, что работники этого комитета Н. М. Кишкин, Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович высланы в Вологду; М. И. Осоргин, Д. С. Коробов, И. А. Черкасов — в Краснококшайск. Однако такое явление, как антисемитизм, не вызвало интереса и опасений у чекистов. Так, 6 июля 1921 г. центральное бюро еврейской секции при ЦК РКП(б) срочно телеграфировало Ленину и Политбюро, что посылает материалы о погромах в Гомельской и Минской губерниях, в результате которых 10 июня в Копаткевичах было убито 175 евреев, 16 июня — в Козловичах — 46, Любани — 84 и т. д. По мнению членов бюро, местные власти, в том числе особые отделы, попустительствовали бандитам. Советы отказались защищать евреев, отряды на помощь шли медленно и погромов не остановили, бандиты остались ненаказанными. Одна из пострадавших утверждала, «что за час до погрома она видела председателя сельсовета шушукующимся с людьми, которые потом произвели погром»⁽²⁰⁾. ВЧК была военизированной организацией, подчиненной руководству партии большевиков, и выполняла только те приказы, которые

получала. Защита мирного еврейского населения к ним не относилась...

Причины реорганизации ВЧК в конце 1921 — начале 1922 г. советская историография объясняла новой обстановкой в стране в результате окончания гражданской войны и введения нэпа, интересами РКП(б) в отходе от чрезвычайщины и укреплении революционной законности, строительством «гражданского мира». В доказательство приводятся цитаты из выступления Ленина на IX Всероссийском съезде Советов (23 декабря 1921 г.) и письма к наркомосту Д. И. Курскому (20 февраля 1922 г.). В первом Ленин говорил о необходимости ограничить ВЧК «сферой чисто политической»; в письме подчеркивалась важность создания «нового гражданского законодательства» в стране: «Прежде боевыми органами соввласти были главным образом наркомвоен и ВЧК. Теперь особенно боевая роль выпадает на долю Н. Кюста». В этом законодательстве главное — борьба против преступлений, усиленных нэпом, — взятки, коррупции, экономического саботажа⁽²¹⁾.

Но были и другие мотивы реорганизации ВЧК, не вошедшие в официозные разъяснения. Среди них — понимание того, что ВЧК оказалась не в состоянии, даже при проведении тотального террора и слежки, предотвратить Кронштадт и массовые крестьянские выступления против режима, не в силах охранить систему власти, доведшую население страны до всеобщего недовольства, а экономику — до катастрофического состояния. Нэп выявил неприятие многими чекистами новой политики. Их нужно было отправить в резерв, как и тех, кто особо запятнал себя палаческою деятельностью. Необходимостью стала и замена названия ВЧК на ГПУ, слишком первая аббревиатура была связана в сознании населения с ужасами чрезвычайки. В результате все обошлось косметическим преобразованием: переменой названия, демобилизацией ряда сотрудников с правом при необходимости призвать их на свои места⁽²²⁾, регламентированием появившихся приоритетных функций.

К ноябрю 1921 г. относятся документы Политбюро ЦК РКП(б) и Совнаркома, связанные с созданием комиссии

(Дзержинский, Каменев и Курский) по реорганизации ВЧК. Перед комиссией 1 декабря были поставлены задачи: сузить компетенцию ВЧК, право ареста, суды усилить, обсудить вопрос об изменении названия. Каменев предлагал сохрानить за ВЧК только вопросы борьбы с политическими преступлениями, саботажем, бандитизмом, охрану железных дорог и ценных складов. Он считал необходимым лишить ВЧК права внесудебных расправ, разрешить ведение следствия только ревтрибуналам. Курский высказался за установление надзора Наркомюста за действиями ВЧК. Дзержинский возражал: за ВЧК должны остаться все прежние функции, в том числе и внесудебные. Последние следует лишь максимально ограничить. Наркомюст может осуществлять надзор лишь над следственными делами, передаваемыми в ревтрибуналы. Ленин поддержал позицию Каменева⁽²³⁾. Это и решило спор. Вскоре нарком финансов Г. Я. Сокольников, до этого взволнованный количеством ложных доносов, говорил Дзержинскому, что урезал финансирование ВЧК: «Спрос рождает предложение, чем больше средств получают ваши работники, тем больше будет дутых дел. Такова специфика вашего весьма важного и опасного учреждения»⁽²⁴⁾.

IX Всероссийский съезд Советов (28 декабря 1921 г.) постановил пересмотреть положение о ВЧК, сужении компетенции комиссии и ее реорганизации. Учитывая несговорчивость Дзержинского, его отправили уполномоченным ВЦИК в Сибирь, а в комиссию по реорганизации ВЧК ввели И. С. Уншлихта. Окончательный вариант проекта было поручено разработать коллегии ВЧК.

18 января 1922 г. Уншлихт послал Ленину проект коллегии ВЧК: оставить старое название, ограничить функции борьбой с контрреволюцией, оставить все карательные функции, по-прежнему ВЧК подчинить Совнаркому. Чекисты защищались и реорганизовываться не собирались. Уншлихт защищал эти идеи еще в двух письмах Ленину. Тогда Ленин предложил проект ЦК и компромисс с чекистами. На заседании Политбюро ЦК РКП(б) 28 января 1922 г. ВЧК предлагалось упразднить. Все дела о преступлениях, направленных против советского строя, предлагалось

передавать в ревтрибуналы и суды; в составе НКВД создавались государственное политическое управление (ГПУ) с задачами: борьба со шпионажем и бандитизмом, охрана железнодорожных и водных путей, охрана границ. ГПУ предоставлялось право обысков и арестов, получения тайной информации, сохранения кадров, право иметь свои войска. Ленин успокаивал Уншлихта и других чекистов: «Гласность ревтрибуналов — не всегда; состав их усилить «вашими» людьми, усилить их связь (всяческую) с ВЧК; усилить быстроту и силу репрессий... Малейшее усиление бандитизма и т. п. должно влечь военное положение и расстрелы на месте»⁽²⁵⁾. 6 февраля 1922 г. ВЦИК принял решение ЦК, вместо ВЧК появилось ГПУ.

На первый взгляд функции ГПУ по сравнению с ВЧК были ограничены разведывательными и контрразведывательными задачами. Это был камуфляж. Было объявлено об упразднении ВЧК, но в ГПУ продолжали работать те же чекисты, требовавшие возвращения прежних прав и полномочий. 1 марта 1922 г. Петерс в письме Ленину писал о несвоевременности ликвидации ВЧК в связи со взяточничеством и отсутствием порядка на железных дорогах. Ленин соглашался, что и теперь ГПУ «может и должно бороться и карать расстрелами по суду»⁽²⁶⁾. Опубликованные и неопубликованные письма и указания Ленина за 1922 год особенно разнятся друг с другом. Как это было присуще большевистской правящей элите: наряду с принятием закона, известного всем, принимать подзаконные акты. Выполнялись на самом деле последние, а законы оставались ширмой... Иллюстраций подобному сколько угодно.

На протяжении советской истории было много переименований чекистского учреждения. Первое было в 1922 году. Согласно приобретенному опыту объявлялось об упразднениях и реорганизациях слишком недобрую память оставляла эта организация в жизни населения страны. Как правило, все заканчивалось косметической перестройкой. Весь 1922 год происходило расширение, а не сужение компетенции ГПУ. 6 февраля декретом ВЦИК на ГПУ возлагалась «политическая охрана границ РСФСР», в октябре—ноябре

1922 г. был создан отдельный пограничный корпус войск ГПУ, все пограничные войска и охрана границ передавались в ведение ГПУ.

Приказы ГПУ за 1922 год чекистов успокаивали: 9 февраля 1922 г., сообщая о переименовании ВЧК в ГПУ, руководство «нового» учреждения (Дзержинский, Уншлихт, Менжинский, Петерс, Бокий, Манцев, Мессинг и др.) сообщало свой «старый» адрес: Б. Лубянка, 2. Приказ № 1 (2 марта 1922 г.) заботился об истории учреждения: предлагалось создавать музеи «по борьбе с бандитизмом». При определении ценности письменных и вещественных материалов следовало исходить из «особо удачных операций ГПУ». 8 марта при отделе военной цензуры ГПУ учреждалось отделение цензуры зрелищ, «ведающее цензурой театральных, концертных, цирковых и кинематографических постановок и художественных, фотографических и иных выставок, как государственного, так и частного характера». Через несколько месяцев права этого отдела были расширены. Приказом № 217 (14 сентября 1922 г.) военно-политическая цензура преобразовывалась в отделы политического контроля секретно-оперативного управления ГПУ. Теперь чекисты цензурировали все произведения печати: книги, периодику, афиши, карты и музыкальные ноты. Без их визы в типографиях не издавалось ничего. Этим же приказом они получили право контролировать всю почтовую, телеграфную и радиокорреспонденцию, как внутреннюю, так и международную (за исключением официальной и дипломатической), вести перлюстрацию писем, особенно красноармейских.

10 марта 1922 г. руководство ГПУ обязывало приказом местные чекистские аппараты усилить оперативную работу на важных объектах народного хозяйства «по выявлению и парализации подрывной деятельности проникших туда эсеров, кадетов и монархистов». Приказ ГПУ 22 марта предлагал усилить осведомительную работу в гарнизонах, штабах и полевых частях РККА. По прилагаемой инструкции осведомители делились на коммунистов, беспартийных и особо квалифицированных. Уншлихт и Ягода, подписавшие этот приказ, отмечали: «Нам важно сделать всех коммунистов

армии в большей или меньшей мере нашими сотрудниками, заинтересованными в нашей работе... Самым ценным является осведомление беспартийного осведомителя, который живет среди красноармейцев, и последние меньше всего могут остерегаться разговоров и беседы с ним».

В течение 1922 года возобновился процесс наделения ГПУ внесудебными полномочиями. 10 августа 1922 г. ВЦИК предоставил НКВД право административной ссылки. При наркомате была создана комиссия, рассматривающая по представлению чекистов дела о высылке лиц в отдаленные районы страны и из России. 16 октября 1922 г. ВЦИК распространил право комиссии НКВД на бывших членов антисоветских партий и рецидивистов. Приказ ГПУ 17 октября 1922 г. указывал, что административной высылке подвергаются лица, «пребывание коих в данной местности (и в пределах РСФСР) представляется по их деятельности, прошлому... с точки зрения охраны революционного порядка опасным». В приказе говорилось о трех видах ссылок: из данной местности; в определенный район России; за границу. Представление о высылке делает ГПУ⁽²⁷⁾.

Анализ приказов ГПУ за 1922 год показывает, что чекисты стремились по-прежнему доказывать свою нужность режиму, играя роль исполнителя воли правящей партийной элиты. Главные репрессивные направления состояли у них в преследовании членов меньшевистских партий, после Кронштадта — особом надзоре за личным составом армии и флота, высылке и арестах интеллигенции. Ю. Голанд объяснял принятие резолюции XII Всероссийской большевистской конференции (4—7 августа 1922 г.) «об антисоветских партиях и течениях» болезнью Ленина и смыканием интересов ГПУ, стремящегося обосновать свою необходимость, и партийных чиновников, боявшихся конкуренции с беспартийными специалистами⁽²⁸⁾. Продолжение изучения проблемы внесло свои коррективы в этот вывод. Выяснилось, что инициатором высылки за границу большой группы российской интеллигенции был не только Троцкий, что идея изгнания ученых зрела исподволь и в этом случае законодательное оформление шло вслед за практическим исполне-

нием, что болезнь Ленина в данном случае не была помехой его волеизъявлению.

Декрет ВЦИК «Об административной высылке» был принят 10 августа 1922 года. Но еще за несколько месяцев до этого началась подготовка к подобным акциям. 24 мая 1922 г. в России был принят первый советский уголовный кодекс. Его проект Ленин изучал внимательно. 15 мая он писал наркому юстиции Курскому: «По-моему, надо расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу)». 17 мая Ленин предлагал Курскому дополнительный параграф к кодексу, исходя из того, что «суд должен не устранить террор: обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и прикрас». По ленинской формулировке, к высшей мере наказания с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу присуждались те, кто занимался пропагандой или агитацией или участвовал (содействовал) в организациях, которые не признавали коммунистической системы собственности и стремились к насильственному ее свержению⁽²⁹⁾. Это была статья по жестокому наказанию политических противников не за действия, а возможные проступки. Эта статья, по сути, запрещала всякую оппозицию режиму и явилась стражем тоталитарного государства, позже трансформировавшись в статью 58 УК РСФСР, по которой были осуждены и расстреляны миллионы россиян.

19 мая 1922 г. Ленин предлагал Дзержинскому тщательно подготовить вопрос о высылке за границу писателей и профессоров: обязать членов Политбюро просмотреть книги и дать письменные отзывы, собрать о высылаемых все сведения, поручить это сделать «толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ». С 23 мая Ленин — в Горках, где 25—26-го числа его потрясает первый приступ болезни, приведший к расстройству речи и ослаблению правой стороны тела. В Москву он вернулся 2 октября 1922 г. Но и больной, нетерпимый, из Горок продолжал следить и влиять на судьбы людей.

Дзержинский указания Ленина выполнил: «толковому»

человеку из ГПУ Якову Агранову, готовившему судебный процесс над правыми эсерами, поручил высылку интеллигенции. 1 июня Агранов писал в записке Дзержинскому, что действительно «антисоветская интеллигенция» открывает новые издательства, а вузовская профессура бастует. Агранов делал вывод о том, что «мощь антисоветской интеллигенции и ее сплоченных группировок усиливается еще и тем обстоятельством, что в широких кругах компартии в связи с ликвидацией фронтов и нэпом установилось определенное «мирное» ликвидаторское настроение». 8 июня Политбюро ЦК (Каменев, Сталин, Троцкий, Рыков и Зиновьев) заслушало доклад Уншлихта об антисоветских группировках интеллигенции. Комиссии (Уншлихт, В. Н. Яковлева) было поручено будущее интеллигенции: «строгое ограничение приема студентов непролетарского происхождения», установление «свидетельств политической благонадежности для студентов». Отныне проведение любого совещания или съезда могло быть только с санкции ГПУ, решать вопрос о высылке поручалось Уншлихту, Курскому и Каменеву. В скобках заметим, что начатое преследование интеллигенции продолжалось и в последующие годы. Весной 1924 года более чем вдвое сократился прием в вузы, в технические высшие учебные заведения могли поступать только выпускники рабфаков, т. е. дети рабочих и крестьян. При поступлении на рабфак требовалось лишь «твердое знание 4-х арифметических действий над целыми числами»⁽³⁰⁾.

Работа комиссии по высылке вызвала неудовольствие больного Ленина. 17 июля 1922 г. он писал Дзержинскому о решительном «искоренении» всех энесов — Пешехонова, Мяготина, Горнфельда, Петрищева и других. «По-моему, всех выслать, — утверждал вождь. — Вреднее всякого эсера, ибо ловчее. То же А. Н. Потресов, Изгоев и все сотрудники «Экономиста». Он предлагал изгнать Розанова — «враг хитрый», Вигдорчика, Н. А. Рожкова — «надо выслать, не исправим», С. Л. Франка (автора методологии). Комиссия под надзором Манцева, Мессинга и др. должна представить списки и «надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго... Насчет

Лежнева (бывший «День») очень подумать — не выслать ли? Всегда будет коварнейшим, насколько я могу судить по прочитанным его статьям. Озеров, как и все соотрудники «Экономиста», — враги самые беспощадные. Всех их вон из России. Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовать несколько сот — и выезжайте, господа. Всех авторов «Дома литераторов», питерской «Мысли». Харьков обшарить, мы его не знаем... Чистить надо быстро, не позже конца процесса эсеров»⁽³¹⁾.

Ленин знал, что было решение Политбюро процесс над эсерами завершить к 1 августа 1922 г., и предлагал инструкцию по «обшариванию» и изучению с указанием конкретных лиц, зная Потресова, Рожкова и других много лет лично.

Письмо Ленина было воспринято в Политбюро как директива. 20 июля 1922 г. работа комиссии (Уншлихт, Курский, Каменев) была признана неудовлетворительной «как в смысле недостаточной величины списка, так и в смысле недостаточного его обоснования» и даны указания разработать меры «индивидуализированного характера». Весь август утрясался список выслаемых. Уншлихт писал в Политбюро ЦК 18 августа 1922 г. о том, что списки выслаемых «по Москве, Питеру и Украине» подготовлены, идут аресты и обыски. В Москве были арестованы 67 человек, на Украине — 77. Протоколы заседаний судебной коллегии ГПУ, подписанные Уншлихтом и секретарем коллегии Езерской, содержат следующие данные. По докладу следователя ГПУ Бахвалова Н. А. Бердяев был арестован 17 августа 1922 г., содержался во внутренней тюрьме ГПУ. Затем был освобожден с обязательством явки в ГПУ каждые 7 дней вплоть до отъезда. Судебная коллегия ГПУ постановила 21 августа выслать за границу В. В. Стратонова, Ю. С. Айхенвальда, И. А. Артоболевского; 23 августа — Н. Д. Кондратьева, В. А. Кильчевского, Д. В. Кузьмина-Караваева, А. В. Пешехонова, С. Н. Цветкова и др.; 25 августа — С. Л. Франка, А. Ф. Изюмова, А. А. Кизеветтера, В. В. Абрикосова; 26 сентября — П. А. Сорокина и др. В протоколах указывалось, что выслаемым предлагали выбор: ссылка в Архангельскую область на три года или за граница с подписанием до-

кумента, согласно которому они подлежали расстрелу в случае возвращения в РСФСР. Ленин внимательно следил за процессом составления списков выслаемых. В ответ на его запрос Ягода 18 сентября 1922 г. послал ему список первой партии выслаемых: 69 человек из Москвы и 51 человек из Питера. Все они (В. Стратонов, С. Франк, Н. Бердяев, М. Осоргин, А. Изгоев, С. Булгаков и др.) разделены по спискам: профессура, литераторы, инженеры, врачи, агрономы и кооператоры. У фамилии Н. Д. Кондратьева — примечание: «Возбуждено дело по обвинению в содействии эсерам, высылка временно приостановлена, содержится под стражей»⁽³²⁾.

Высылка не была единовременной акцией. Она была частью проводившейся тогда политики по запугиванию инакомыслия и установлению партийного идеологического диктата. Дзержинский в начале сентября 1922 г. предлагал Уншлихту создать целую систему наблюдений за интеллигенцией, сформулировав концепцию: «На каждого интеллигента должно быть дело»⁽³³⁾.

В 1922 г. ГПУ провело две наиболее крупномасштабные акции по выполнению указаний партийных лидеров: судебный процесс над руководством партии правых эсеров и депортацию интеллигенции. Потому расширение прав ГПУ осенью 1922 г. было добыто преданной службой властям, которые весной резко сократили финансирование этому учреждению, были сокращены штаты. В 1921 г. по разным причинам из ВЧК выбыло 19 289 человек, на работу в органы было принято 28 994 человека. К началу 1922 г. в чекистском аппарате работало около 85% сотрудников, ставших чекистами в 1920—1921 годах. От тех, кто стал чекистом в период разгула красного террора осенью 1918 г., осталось около 4% в 1922 году. Чекисты были элитной организацией, потому так болезненно они восприняли ухудшение питания, уменьшение зарплаты, нарушение сроков выдачи нового обмундирования. 28 апреля 1922 г. Дзержинский докладывал в ЦК партии: «Состояние органов ГПУ внушает опасение. Нет наплыва свежих ответственных товарищей, старые болеют, другие бегут...» 5 мая за ГПУ вступился Ста-

лин, предложивший Цюрупе выслушать жалобу Уншлихта на Наркомфин, нарушавший постановление ЦК о снабжении сотрудников ГПУ. Донесения руководителей ГПУ на местах сильно драматизировали обстановку, описывая тяжелое материальное положение чекистов⁽³⁴⁾. 4 июля 1922 г. Дзержинский обратился в ЦК с просьбой обеспечить финансовое и продовольственное снабжение работников ГПУ в полной мере. Он знал, что эта просьба будет удовлетворена. Чекисты вновь к этому времени доказали свою нужность режиму: они подготовили суд над правыми эсерами, им предстояло проводить массовые чистки учреждений от бывших социалистов, высылать, арестовывать, убивать.

Несмотря на кажущееся для чекистов тяжелое положение (оно было хуже прежнего всевластия), в апреле 1922 г. в стране функционировало 99 управлений ГПУ. Согласно штатному расписанию они подразделялись на разряды: особый (Московское, Петроградское, Украинское и Госполитуправление); 1-й категории — 20 (Крымское, Всетатарское, Иркутское и др.); 2-й категории — 36 (Брянское, Воронежское и др.); 3-й категории — 39 (Владимирское, Марийское, Чувашское и др.). Соответствовали категориям штаты и оклады. Численность ГПУ 1-й категории устанавливалась в 236 сотрудника (в том числе 21 в секретном отделении, 35 агентов); 2-й категории — 136 (7, 10); 3-й категории — 87 (5, 2). Оклады в ГПУ составляли от 3731 р. до 18657 р. В школах ГПУ тогда обучались ведению внутреннего и наружного наблюдения, вербовке, связи, составлению протоколов, допросам, обыскам и т. д. В мае предписывалось местным ГПУ отправить с «большой скоростью» и надежной охраной архивы в Москву. 2 июня в составе секретно-оперативного управления ГПУ был создан во главе с Петерсом восточный отдел с задачей собирать информацию и пресекать деятельность националистических организаций и панисламистского движения.

Чекисты доказывали свое право на элитарное функционирование в рабоче-крестьянском государстве расширением прав на вмешательство в самые различные стороны его жизнедеятельности. Еще в феврале 1922 г. Уншлихт передал

Ленину проект положения об экономической части ГПУ и пояснительную записку к нему. Он пытался доказать, что только ГПУ может справиться и с экономическими преступлениями. Ленин согласился. В составе ГПУ была создана экономическая часть с задачей предупреждать преступления против экономики государства путем ведения борьбы «с вредительством» антибольшевистских партий и шпионов (диверсантов). В сентябре 1922 г. экономическое управление ГПУ было привлечено к пресечению взяточничества, через год — к борьбе с фальшивомонетчиками.

В октябре 1922 г. Уншлихт ушел в отпуск, приказы «за председателя ГПУ» стал подписывать Ягода. По его представлению 16 октября Президиум ВЦИК предоставил ГПУ право ведения следствия и вынесения коллегией ГПУ внесудебных приговоров по всем должностным преступлениям своих сотрудников⁽³⁵⁾. Таким образом, органы безопасности вновь становились государством в государстве, декрет ВЦИК от 6 февраля 1922 г., по которому ГПУ не предоставлялось никаких внесудебных решений, начал отменяться. Незадолго до этого решения, 30 сентября 1922 г., в «Правде» выступил бывший чекист, сторонник наиболее радикальных действий Лацис, ставший к этому времени руководителем соляного синдиката. Он с негодованием писал о том, что бывшие собственники проникают в правления трестов, и объяснил это попустительством желанием государственных органов «строить перед Европой из себя страну «законных норм». Пора этому положить конец. Довольно из себя строить благородных рыцарей, пора показать зубы. Иначе — съедят». Заметим, что этот призыв совпал с возвращением в начале октября Ленина из Горок в Москву.

24 мая 1922 г. в РСФСР был принят первый Уголовный кодекс. В нем допускалось применение судами репрессии не за конкретное совершенное деяние, а на основании признания лица социально опасным. Так появилась законодательная предпосылка будущего произвола, предававшего людей казням без «вещественных доказательств». В ноябре 1922 г. была проведена судебная реформа, предусматривающая функционирование судов и военных трибуналов, были

упразднены территориальные ревтрибуналы, введен прокурорский надзор⁽³⁶⁾. Но, несмотря на судебную реформу, в стране продолжалась практика внесудебных репрессий, которая не прекращалась в начале 20-х годов, а, напротив, набирала темп.

Аппарат ГПУ, как и ВЧК, в 1922 году обладал массовой осведомительной сетью, секретной агентурой и штатными агентами. Осведомители формировались из патриотов по месту их работы — сексоты из членов антибольшевистских партий, бывших офицеров, специалистов — и использовались при разработке лиц, групп, организаций, подозреваемых в «антисоветской» деятельности; штатная агентура выполняла функции филеров. С 1921 г. в ВЧК—ГПУ появился институт резидентов (коммунистов), руководящих на местах осведомителями. Проведенная в 1922 г. аттестация осведомителей показала низкое, неграмотное качество их донесений, особенно тех, кто информировал о настроениях в армии и на флоте. Потому осенью 1922 г. была проведена реорганизация осведомительной сети: установлены две категории внештатных секретных сотрудников: информаторы и осведомители. Информаторы набирались из патриотов, осведомители — из социально чуждой чекистам среды. Ответственность за их подготовку возлагалась на уполномоченных ГПУ и особых отделов. По-прежнему методами работы ГПУ оставались: наружное наблюдение, перлюстрация корреспонденции, радиоперехваты, оперативный учет подозреваемых лиц. Реорганизация ВЧК в ГПУ означала дальнейшее совершенствование средств оперативной деятельности чекистов. Основными направлениями оперативной работы ГПУ оставались контрразведывательная работа, ликвидация бандитизма и экономической «контрреволюции».

Приоритетной называлась для ГПУ и борьба с эсерами, сионистами и анархистами. Учитывая ее сложность, ЦК РКП(б) 22 мая 1922 г. предложил губкомам и обкомам партии создать в вузах, кооперативах и на предприятиях Бюро содействия ГПУ из трех коммунистов, которое устанавливало наличие бывших специалистов в учреждениях и давало о них в ГПУ нужную информацию. При помощи этих бюро

происходили аресты эсеров, меньшевиков, анархистов и сионистов⁽³⁷⁾.

В обзорах о политэкономическом состоянии республики, составленных для ЦК РКП(б), Уншлихт сообщал в марте 1922 г. о том, что среди учителей средних и высших учебных заведений Москвы и в республике зреет недовольство, выливающееся в забастовки. «ГПУ обращает внимание ЦК на создавшееся положение, которое угрожает в случае непринятия срочных мер вылиться в серьезные волнения»; в сентябре 1922 г. — о том, что все центральные округа республики «очищены от всякого рода контрреволюционного элемента», что «хуже» на Кавказе и в Закавказье, что продолжается восстание в Якутии, были рабочие волнения в Сибири и Туркестане, Тверской губернии. Из-за невыдачи зарплат волнения прошли в Москве и Питере⁽³⁸⁾.

Протоколы заседания судебной коллегии (президиума) ВЧК—ГПУ в 1922 г. свидетельствуют о продолжении карательной политики этим учреждением. В январе 1922 г. ВЧК арестовала 358 человек, в феврале — 240. Кроме того, чекисты содержали в изоляторах Москвы в январе 832 арестованных, в феврале — 767. 3 января 1922 г. судебная тройка ВЧК (Уншлихт, Менжинский, Благодрагов, секретарь Езерская) рассмотрела 18 дел, из них 6 арестованных («бывшие белогвардейцы») были приговорены к расстрелу; 10 января (в тройке вместо Благодрагова — Фельдман) — 25 дел — 13 к расстрелу; 24 января — 26 дел — 7 к расстрелу; 31 января (вместо Фельдмана — Медведь) — 31 дело — 16 к расстрелу. Всего за январь рассмотрено 100 дел (часть из них — на утверждение от местных ЧК) — к расстрелу приговорено 42. 6 февраля (в день издания декрета ВЦИК об упразднении ВЧК) тройка (вместо Медведя — Холщевников) — 28 дел — к расстрелу 18. Только одному — А. П. Перхурову — «руководителю Ярославского восстания, служившему у Колчака», расстрел был отсрочен «впредь до особого распоряжения». 14 февраля слушали дело о 16 лицах, добровольно вернувшихся из Константинополя. Им разрешили вернуться по домам, но местные ЧК уведомили... Обсуждали и такие дела: А. Я. Мищенко за «зверское обращение с арестован-

ными в бытность его начальником тюрьмы» лишить права работать в органах ВЧК и передать в московский ревтрибунал (6 января); Т. М. Козлова, сотрудника ГПУ, обвиненного во взяточничестве, «навсегда лишить права работы в органах ГПУ и других карательных органах РСФСР». Стреляли в ГПУ в 1922 г. в основном за бандитизм и преступления по должности⁽³⁹⁾.

1922 г. вошел в историю ВЧК как время, когда на несколько месяцев права чекистов были ограничены, но уже с осени стали восстанавливаться в полной мере. В отличие от ВЧК, которая рассматривалась как комиссия, созданная в чрезвычайное время для защиты революции, ГПУ, преобразованное в ноябре 1923 г. в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР, заняло одно из центральных мест в охране тоталитарного государства. Это право ОГПУ утверждало своей борьбой за подчинение только лидеру государства, запрет вмешательства в свои дела Наркомату юстиции и другим органам, обязанным наблюдать за исполнением принятых законов. ОГПУ доказывало это свое право постепенным расширением полномочий. Это касалось, прежде всего, прав на внесудебные репрессии. В мае 1923 г. ЦИК наделил ГПУ правом непосредственного наказания должностных преступлений сотрудников Разведуправления РККА. В ноябре 1923 г. коллегия ОГПУ получила право внесудебного наказания в отношении осведомителей и информаторов. 1 апреля 1924 г. ОГПУ было предоставлено право внесудебной расправы над фальшивомонетчиками, в августе 1925 г. — за шпионаж. Расширение прав ОГПУ происходило и во 2-й половине 20-х годов⁽⁴⁰⁾.

Одновременно росло влияние ОГПУ в жизни страны. Пользуясь закрытостью предоставляемых сведений, секретностью информации, сотрудники этого учреждения представляли себя знатоками истины, особенно когда это касалось персоналий или определения вины.

Нэп означал важность прихода в руководство предприятиями специалистов, а не выдвинутцев правящей партии. Весной 1923 г. комиссия, обследовавшая работу многих

трестов, пришла к заключению, что «значительная доля вины за тяжелое и бесхозяйственное состояние ряда трестов лежит на неумелом, бессистемном, неосторожном подборе состава правлений трестов». И тут же эта комиссия, возглавляемая В. В. Куйбышевым, предлагала увеличить долю коммунистов-руководителей. Этот вывод, не соответствующий реальным причинам плохой работы трестов, поддержало ГПУ. На совещании руководителей экономических наркоматов 4 апреля 1923 г. Уншлихт утверждал, что существует экономическая контрреволюция, что причиной нерентабельной работы трестов является «вредительство спецов», а не отсутствие компетентных работников. Присутствовавший на совещании Л. Б. Красин, услышав такое, улыбнулся. Уншлихт отреагировал: «Вопрос об экономической контрреволюции вызывает насмешки товарища Красина. Он сомневается, существует ли такая контрреволюция. Я не говорю, что во всех мелких повседневных случаях она наблюдается, но что такое стремление имеется налицо, что имеется определенная крупная организация за границей, которая себе эту цель ставит, что она связывается со спецами — это несомненно. Работа по выяснению этого настолько трудна, что в настоящее время еще невозможно точно доказать существование такой организации»⁽⁴¹⁾.

Казалось бы, если «невозможно доказать», то не следует об этом и говорить. Для Уншлихта оказалось нужным насаждение огульной подозрительности и тем самым необходимость аппарата, который бы с «этими возможными организациями» боролся. И как-то забывается при этом, что «организации» были мнимые, а ведомство — реальное.

ОГПУ предлагало быстрое силовое, радикальное решение сложных проблем. 22 октября 1923 г. Дзержинский в записке Сталину предлагал расширить права комиссии по высылкам, принимать решения по докладом председателя ОГПУ, и тогда в месячный срок Москва будет очищена от «злостных элементов»⁽⁴²⁾. В тоталитарном государстве различные ведомства стремились доказать вождю свою нужность способностью решить быстро встававшие вопросы. Они конкурировали в стремлении приобрести больше влас-

ти для себя и тем влиять на вождя. В середине 20-х среди большевистского руководства продолжали превалировать идеи «военного коммунизма», радикализм и силовые решения⁽⁴³⁾.

Н. В. Крыленко (1885—1940), возглавлявший во время гражданской войны Верховный революционный трибунал при ВЦИК, в 1921 г. — начальник Экономического управления ВЧК, а в конце 20-х — прокурор республики, попытался в мае 1925 г. как-то ограничить функции ОГПУ. Скорее всего, в глазах вождя он хотел поднять роль прокуратуры и в целом Наркомата юстиции, т. к. против методов работы ОГПУ Крыленко не возражал. В записке, направленной в Политбюро ЦК, Крыленко сообщал, что ОГПУ вынесло практику рассмотрения дел во внесудебном порядке за рамки нормативных актов. «Судебная тройка» ОГПУ выносила смертный приговор не только шпионам, бандитам и фальшивомонетчикам, но в порядке исключения и по иным делам. Прокурор писал, что «исключения превратились в правило... нет буквально ни одной статьи Уголовного кодекса, по которой бы ГПУ не считало бы себя вправе принять к своему производству дело». На заседании в феврале 1925 г. «судебная тройка» рассмотрела 308 дел, 3 апреля — 319. Приговоры были суровы, хотя при таком «конвейерном» суде ни о каком внимательном рассмотрении дел не могло быть и речи. По данным Крыленко, в 1924 г. «судебные тройки» ОГПУ приговорили к расстрелу 650 человек (6,9% общего числа осужденных), в то же время все суды РСФСР приговорили к расстрелу 615 человек (0,9% общего числа осужденных). Крыленко писал, что высланные «судебной тройкой» в северные районы Сибири старики-священники и «социально вредные» старухи бросаются на произвол судьбы. Потому подобная практика «превратила административную высылку в тюремное заключение, которое ничем не отличается от содержания в любой тюрьме по суду».

Крыленко заключал: «Получилось положение, при котором всякое более или менее значительное дело из проходящих через ГПУ, как правило, заканчивается внесудебным

приговором и не доходит до суда», и предлагал усилить прокурорский надзор за деятельностью ОГПУ.

Ко времени написания этой записки ЦИК своим решением 28 марта 1924 г. создал при ОГПУ Особое совещание, которое занималось высылкой или заключением в концлагерь, расстрелом шпионов, контрабандистов, валютчиков, а чуть позже и фальшивомонетчиков. В 1925 г. в советских тюрьмах отбывали срок 144 тысячи, в 1926-м — 149 тыс., в 1927-м — 185 тыс. человек. Для сравнения заметим, что в 1912 г. в царских тюрьмах было 183 864 заключенных, а в 1916-м их число сократилось до 142 399 человек.

Все замечания и предложения Крыленко ОГПУ отвергло. Прокурор был обвинен в том, что не понимает «политической обстановки», значения «борьбы с контрреволюцией и предупреждения роста политических партий, террористических групп и т. п.». Руководство ОГПУ полагало, что передача дел в суд вызовет негативные последствия, так как последние «потеряли до некоторой степени чекистскую упругость и немного ослабли для ударной работы». В судах дела подолгу лежат и слушаются, когда политическая конъюнктура уже изменилась. Это, считало ОГПУ, грозило самому существованию СССР. Этот отзыв свидетельствовал о готовности руководства ОГПУ действовать преимущественно теми же методами, опыт которых был ими приобретен в годы гражданской войны. Они победили и считали, что действовали тогда правильно. Дзержинский был убежден в том, что чекистам нужно дать больше прав, а их действия может контролировать только он сам и никто другой. 4 февраля 1926 года он писал Менжинскому: «Практика и теория Наркомюста ничего общего с диктатурой пролетариата не имеет, а составляет либеральную жвачку буржуазного лицемерия... Пока Наркомюст будет тем, чем он есть, наше государство не сможет быть в безопасности без прав ОГПУ»⁽⁴⁴⁾.

Записки Дзержинского, написанные в марте 1926 г., направлены на выселение из Москвы и других городов семей нэпманов, конфискацию их имущества. «Я думаю, — писал он на бланке председателя ВСНХ, — надо пару тысяч спекулянтов отправить в Туруханск и Соловки». Сталину предло-

жение Дзержинского понравилось, и 1 апреля по его предложению была создана комиссия (Дзержинский, Ворошилов, Ягода, Угланов) для «принятия всех необходимых мер». Начальник экономического управления ОГПУ А. Прокофьев в рапорте Ягоде докладывал, что руководства московских большевиков и Моссовета согласились не пускать в Москву «нетрудовых спекулятивных элементов», ликвидировать низовую кооперацию, «занимающуюся спекуляцией совместно с частниками». В результате с 1 июля 1926 г. в Москву запрещался въезд на постоянное жительство «всем нетрудовым элементам»; все приезжавшие облагались налогом, срок пребывания в столице для них ограничивался одним месяцем; за непрописку брали штраф; частные торговцы облагались большим налогом⁽⁴⁵⁾.

Свертывание нэпа (в этом активную роль играли репрессивные органы) и переход к большому скачку (индустриализация, коллективизация) вызвали недовольство населения ухудшением условий жизни. Психологически партийное руководство было готово пойти на жесткие репрессивные меры, защитить доносительство и «пролетарское революционное чутье». Орудие для проведения усиления карательной политики было готово: ОГПУ. Были и отвлекающие приемы: пропаганда строительства социализма в одной отдельно взятой стране, безопасность Родины и... антисемитизм. Документы Информационного отдела ОГПУ свидетельствуют о нарастании антисемитизма (во всех бедах людей виновны евреи) именно с 1926 года⁽⁴⁶⁾.

В 1926 г. распоряжением ЦК РКП(б) руководящие работники ОГПУ переходили в партийную номенклатуру. Их назначение и перевод на другую работу теперь могли производиться только с санкции ЦК. В то время из 9 членов коллегии ОГПУ 8 имели дореволюционный партийный стаж, в ОГПУ тогда было 128 таких большевиков, 121 из них занимались оперативной работой. Тогда началось увеличение чекистских кадров: были зачислены в штат 2516 ранее демобилизованных, аппарат ОГПУ в 1926—1929 гг. вырос с 17 466 человек до 18 808. Хуже обстояло дело с образованностью чекистов: в российских управлениях к 1929 г. —

3925 сотрудников с высшим и средним образованием, в среднеазиатских — немного меньше (16—19%). Зато численность коммунистов возросла до 66%. Среди служащих тогда в ОГПУ русские составляли 64,8%, украинцы — 8,2%, белорусы — 4,9%, латыши — 3,4%, поляки — 1,8%, армяне — 1,7%, грузины — 1,3%. На представителей всех других народов приходилось не более 13% служащих ОГПУ.

В то же время расширялись полномочия ОГПУ: 25 февраля 1927 г. ЦИК СССР принял постановление «О преступлениях государственных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления»; 4 апреля судебная коллегия ОГПУ получила право рассматривать дела, совершенные «как со злым умыслом, так и без оно», и выносить приговоры вплоть до расстрела. В 1928 году чекисты стали организаторами крупного сфальсифицированного политического судебного процесса против группы инженеров — «Шахтинского процесса». Исполнителем провокации стал уполномоченный ОГПУ на Кавказе Е. Г. Евдокимов, придумал «Промпартию» в 1930 г. Г. Г. Ягода⁽⁴⁷⁾. За ними последовали многочисленные процессы над невинными людьми, охватившие на фоне всенародного бедствия, голода 1932—1933 гг., все слои населения⁽⁴⁸⁾.

В 1929 году ОГПУ решало вопросы административного, общеоперативного и судебно-карательного характера⁽⁴⁹⁾. Чекисты имели большое финансирование и миллионный штат агентов. За год до «великого перелома» Бухарин, выступая с речью на траурном заседании памяти Ленина (21 января 1928 г.), предупреждал: «...Мы создаем, и мы создадим такую цивилизацию, перед которой капиталистическая цивилизация будет выглядеть так же, как выглядит «собачий вальс» перед героическими симфониями Бетховена»⁽⁵⁰⁾. Эта «новая цивилизация» будет связана в России с Лениным, Сталиным, их сподвижниками-большевиками; в Германии — с Гитлером и нацистами; в Италии — с Муссолини и чернорубашечниками. Сталин со второй половины 20-х годов взял курс на создание в стране ситуации, близкой к той, которая существовала в годы гражданской войны и военного коммунизма и характеризовалась господством революцион-

ного правопорядка и чрезвычайных мер. По Сталину, властвовать должны не те, кто выбирает и голосует, а те, кто правит. Террор ОГПУ и армия были его основными средствами осуществления тоталитарного господства.

11 июля 1929 г. решением Совнаркома ОГПУ получило в свое ведение исправительно-трудовые лагеря. Перед чекистами поставили задачу использовать труд заключенных для развития богатых, но малозаселенных северных и иных окраин страны. Вскоре ОГПУ было поручено обеспечить общественный порядок, в его ведение были переданы милиция и уголовный розыск. 3 февраля 1930 г. ОГПУ постановлением Президиума ЦИК СССР получило право передоверять полномочия по внесудебному рассмотрению дел своим полномочным представителям на местах, которые могли рассматривать дело с участием представителей краевых и областных исполкомов и прокуратуры. С этого времени в состав троек стали включаться представители обкомов и крайкомов ВКП(б). В 1931 г. приказом ОГПУ была объявлена новая Инструкция по учету и агентурной разработке «антисоветских и контрреволюционных элементов». Согласно этой инструкции все подлежащие учету и агентурной разработке разделялись на две группы. На оперативный учет по литере «А» (основной учет) брались лица, которые занимались «активной антисоветской деятельностью». (К ним относились все члены ЦК меньшевистских партий и др.) На учете по литере «Б» (предварительно-вспомогательный учет) состояли те, о ком сведения поступали впервые. Рабочие, бедняки и колхозники, при неподтверждении в течение года полученных на них компрометирующих материалов, с оперативного учета снимались. Представители интеллигенции оставались. По литере «А» с учета снимались те, кто соглашался сотрудничать с ОГПУ, умирал или становился инвалидом.

В своей карательной деятельности ОГПУ опиралось на жестокие законы той поры. В их серии — постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной социалистической собственности» (7 августа 1932 г.). Особенностью

этого закона было применение расстрела или срока заключения 10 лет с конфискацией всего имущества. Вскоре этот закон был распространен на спекуляцию, саботаж сельскохозяйственных работ, кражу семян и т. д. В конце 1932 г. в стране была проведена паспортизация. Колхозники паспортов не получили и оказались прикрепленными к месту жительства. 8 июня 1934 г. ЦИК СССР принял постановление, по которому «измена Родине» каралась смертной казнью. Этот закон вводил ответственность семьи, родственников «изменника». Они подлежали тюремному заключению или ссылке на 5 лет. 10 июля 1934 г. ЦИК СССР на базе ОГПУ создал в НКВД Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). При нем создавалось Особое совещание, заменившее судебную коллегия ОГПУ. В его состав входили два члена коллегии НКВД и прокурор СССР. Особое совещание имело право применять во внесудебном порядке заключение в исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет, а также ссылку или высылку из страны. 1 декабря 1934 г., в день убийства С. М. Кирова, ЦИК и Совнарком СССР приняли постановление «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов». Оно обязывало НКВД проводить следствие по этой категории дел в десятидневный срок. Обвинительное заключение подсудственным должно было предъявляться за сутки до рассмотрения дела в суде. Не допускалось участие в судебном процессе обвинения и защиты. Не разрешалось кассационное обжалование приговора и ходатайство осужденных о помиловании. Приговор должен был приводиться в исполнение сразу после его оглашения⁽⁵¹⁾. Переименование ОГПУ в НКВД вначале пробудило надежды на какую-то либерализацию карательной политики, но эти надежды, как и в 1922 г., во время упразднения ВЧК, не сбылись. 8 апреля 1935 г. был принят «закон о детях», по которому начиная с 12-летнего возраста на них распространялись все статьи Уголовного кодекса, в том числе и расстрел. Родственники обязывались доносить друг на друга.

14 сентября 1937 г. Президиум Верховного Совета СССР распространил исключительный порядок расследова-

ния террористических преступлений, введенный 1 декабря 1934 г., на дела о вредителях и диверсиях. Особые совещания получили неограниченные полномочия. Наряду с ними действовали «тройки» и «двойки». По предложению А. Я. Вышинского был отменен прокурорский надзор за законностью в органах НКВД по делам о государственных преступлениях. Тогда же были узаконены все время применявшиеся пытки. Когда число осужденных к расстрелу в Москве стало переваливать за 300 в день, начальник административно-хозяйственного отдела УНКВД Московской области И. Д. Берг предложил для умерщвления людей использовать душегубки. (В машины сажались люди, приговоренные к расстрелу, по пути к месту казни они отравлялись выхлопным газом...)

Убийство Кирова знаменовало начало большого террора в стране, когда его объектом стало все общество. Историки приводят разноречивые цифры расстрелянных, погибших в концлагерях заключенных. По одним данным, в 1930—1953 гг. было арестовано 3 778 234 человека, из них 786 098 — расстреляно. Называются и другие цифры: за четверть века при Сталине репрессировано 21,5 млн. соотечественников, в ГУЛАГе постоянно находилось не менее 4 млн. заключенных; в 1927—1938 гг. умерло от голода и погибло в местах заключения 7,9 млн. человек. Кроме того, 2 млн. человек покинули пределы страны. В 1937 г. у подследственных и арестованных было изъято денег и ценностей на сумму 26,4 млн. руб., а на содержание заключенных и ссыльных в том же году НКВД получило 27,2 млн. руб. Арестованные, по существу, содержались на изъятые у них же ценности и деньги. Смертность заключенных составляла не менее 25% их состава. В 1939 г. через лагеря прошли 2103 тыс. человек, из них погибло не менее 525 тыс. человек. На 1 мая 1930 г. в ведении НКВД РСФСР было 279 концлагерей (ИТЛ), в которых находился 171 251 заключенный, в лагерях ОГПУ — около 100 тыс. В 1930 г. было создано Управление лагерями ОГПУ, с 1931 г. ставшее главным (ГУЛАГ). Удельный вес осужденных за «контрреволюционные преступления» в 1939—1941 гг. колебался в лагерях от 12,6% (в 1936 г.) до

34,5% (в 1939 г.); в колониях в 1936—1941 гг. в среднем насчитывалось 10,1% осужденных по политическим мотивам. На 1 марта 1940 г. ГУЛАГ состоял из 53 лагерей, 425 исправительно-трудовых колоний, 50 колоний несовершеннолетних; всего в них содержалось 1 668 200 заключенных. Активного сопротивления репрессиям в обществе не наблюдалось, хотя только в 1937—1938 гг. жертвами репрессий стали 3,5—4 млн. человек, из них были расстреляны 600—650 тыс. человек⁽⁵²⁾. Безропотно погибли 55% командного и политического состава армии и флота, 20 тысяч чекистов, 500 писателей, тысячи партийно-советских и комсомольских работников, сотни тысяч рабочих, крестьян, интеллигентов — представлявших все народы страны. Они позволяли себя убивать по многим причинам, среди них и та, что многие из тех, кто погиб, до этого сам убивал пулей и словом, «раскулачивал», преследовал инакомыслящих. Аресты таковых воспринимались как справедливость. Причем население было безразлично, что менявшиеся руководители НКВД (Ягода, Ежов, Берия) уничтожали друг друга сами⁽⁵³⁾.

Знакомство со следственными делами, заведенными на бывших чекистов, или «верных, преданных» сторонников Ленина—Сталина, показало, что в них сотрудники НКВД 30-х годов старались не касаться прошлой службы арестованных в этом учреждении. М. И. Лациса, Я. Х. Петерса, К. Х. Данишевского, В. Г. Кнорина, Я. Берзина арестовали в июне—ноябре 1937 г. Расстреляли Данишевского 8 января, Лациса — 20 марта, Петерса — 25 апреля, Берзина — 29 июля, Кнорина — 29 августа 1938 г. Всем им было предъявлено обвинение в том, что они являлись членами придуманного чекистами «центра латышской контрреволюционной шпионско-диверсионной националистической организации». Яростный большевистский обличитель меньшевиков и эсеров в 1918—1920 гг. Л. С. Сосновский, журналист, начиная с 1928 г. не раз арестовывался как «троцкист». Его расстреляли 3 июля 1937 г. Незадолго до этого, измученный пытками, он «разоблачал» Бухарина в письме Ежову: «Я готов нести свою долю ответственности за тяжчайшие

преступления, но и с Бухариным, как с источником зла в стране, будет покончено»⁽⁵⁴⁾.

Сохранившиеся протоколы заседаний судебной «тройки» ОГПУ Татарии показывают темпы и направленность массовых репрессий. С ноября 1929 г. в эту «тройку» входили начальник Татарского ОГПУ Кандыбин, помощник начальника Особого отдела Степанов, заместитель прокурора Лесовой. Позже фамилии менялись, с января 1930 г. в состав «тройки» входил председатель ОК ВКП(б). В течение ноября «тройка» рассмотрела 265 дел, из них расстреляли — 13 «кулаков»; в декабре — 682 дела, расстреляли 27 «кулаков» за неспад хлеба. Формулировки типовые: «к Цветкову Ивану Васильевичу, 65 лет, Чистопольского района, беспартийному, грамотному применить высшую меру социальной защиты — расстрел. Произвести конфискацию имущества, оставив на семью установленные трудовой нормой». В 1930 г. увеличивается число арестованных и расстрелов. В январе 20 дел — 13 расстрелянных («кулаки», священники, муллы); в феврале — 510 дел — 130 расстрелянных («кулаки», за антисоветскую агитацию, неспад хлеба); в апреле — 920 дел — 60 расстрелянных (все деревенские «кулаки»); в мае — 1121 дело — 21 расстрелянный (крестьяне); в июне — 176 дел — 3 расстрелянных (крестьяне. «К Мишкину Ивану Григорьевичу, 1891 года рождения, Бугульминского кантона, служил в РККА, комроты, имеет зажиточное хозяйство, применить высшую меру социальной защиты — расстрел»); в июле — 163 дела — 10 расстреляно (крестьяне); в августе — 75 дел, расстрелы заменены на 10 лет концлагерей; в сентябре — 101 дело — расстреляно 5; в октябре 46 дел — 2 расстреляно («кулак» и священник); в ноябре — 147 дел — 8 расстрелянных («кулаки», мулла); в декабре — 359 дел — 40 расстреляно (крестьяне). Всего за 1930 г. судебная «тройка» в Татарии рассмотрела во внесудебном порядке 4320 дел, расстреляла 317 крестьян, торговцев и священнослужителей.

В январе 1931 г. судебная «тройка» ОГПУ Татарии рассмотрела 139 дел — 23 расстрелянных; в феврале — 134 дела — 16 расстрелянных; в марте — 35 дел — 5 расстрелянных;

за апрель — протоколы не сохранились; в мае — 139 дел — 31 к расстрелу; июне — 498 дел — 121 к расстрелу; июле — 987 дел — 36 к расстрелу; августе — 1354 — 7 к расстрелу; сентябре — 950 дел — 2 к расстрелу; октябре — 298 дел — многим расстрелы заменены 10 годами заключения в ИТЛ; ноябре — 40 дел — расстрелы заменены заключением; декабре — 187 дел — 10 к расстрелу. Всего в 1931 г. были расстреляны 251 «кулак», торговец, священнослужитель. Типичная формулировка: «Габдрахманов Исхак, 58 лет, татарин, беспартийный, грамотный, из дер. Салуш, кулак, торговал бакалеей, арендовал землю — применить высшую меру социальной защиты — расстрелять. Семью выслать в северный край, имущество конфисковать».

В январе—сентябре 1932 г. во внесудебном порядке были рассмотрены 1376 дел и никто не был приговорен к расстрелу. За «антиколхозную агитацию» «кулаки», владельцы мельниц, торговцы, монахи и сектанты осуждались к заключению в ИТЛ или высылались в северные районы страны. В октябре—ноябре 1932 г. (за декабрь протоколы не сохранились) было рассмотрено 372 дела — 16 к расстрелу. В 1933 г. было рассмотрено 1729 дел, к расстрелу же были приговорены 29 «кулаков». В мае—июле, сентябре—октябре и декабре расстрелов не было. В течение 1934 года было рассмотрено 887 дел, к расстрелу не был приговорен никто. Среди осужденных — «кулаки» и их дети, торговцы, лица «без определенных занятий», те, кто без билета проехал в товарном поезде, бывшие хуторяне («стольпинцы»). Срок заключения всем устанавливался от 3 до 8 лет ИТЛ. Среди приговоренных 23 мая 1934 года были плотники строительства авиационного завода в Казани Н. И. и А. И. Ельцины, отец и дядя Б. Н. Ельцина — первого президента России. Они были осуждены на 3 года ИТЛ как дети «раскулаченного», ведущие «антисоветскую пропаганду».

В 1935 году судебная «тройка» в Татарии зафиксировала 996 дел и ни одного расстрела. Среди осужденных «кулаки» и «деклассированные элементы» (жулики, аферисты, спекулянты, нищие), те, кто использовал в прошлом наемный

труд. Протоколы «троек» за 1936 г. и первые семь месяцев 1937 года не обнаружены⁽⁵⁵⁾.

С августа 1937 г. началась кровавая вакханалия. С 23—31 августа судебная «тройка» рассмотрела 79 дел — 79 расстреляно; в сентябре — 429 дел — к расстрелу 425 (четверо присуждены к 10 годам ИТЛ); в октябре — 670 дел, к расстрелу 546; в ноябре — 1236 дел, к расстрелу — 431 человек; в декабре — 2336 дел, к расстрелу — 1038 человек. Рассмотрено 4750 дел, из них расстреляны 2519 человек. В 1938 году массовый террор продолжался: было расстреляно примерно 627 человек (не все протоколы сохранились).

Сводная таблица числа расстрелов, совершенных по решению судебной «тройки» ОГПУ—НКВД Татарии, выглядит так:

ноябрь—декабрь 1929 г.	— 40 расстрелянных
1930 г.	— 317
1931 г.	— 251
1932 г.	— 16
1933 г.	— 29
1934 г.	— 0
1935 г.	— 0
23 августа—31 декабря	
1938 г.	— 627
1937 г.	— 2519
<hr/>	
Итого	— 3799

За 1929—1938 гг. во внесудебном порядке «тройка» рассмотрела более 20 тысяч дел и приговорила к расстрелу примерно каждого пятого, причем пик смертных приговоров пришелся на вторую половину 1937 г. Из числа осужденных «тройкой» около трети — уголовники, остальным вменялись политические обвинения. Основной состав обвиняемых — крестьяне. Судили и приговаривали сельских жителей за разговоры, а не действия. Протоколы тройки полны высказываний типа: «Советская власть грабит крестьян, отбирая последний хлеб, оставляя их голодными» (Алеев Р. из Дрож-

жановского района, 1937 г.); «Чистосердечно признаюсь, что смириться с таким положением, в которое меня поставила советская власть, не могу» (Бочкарев Т. из Кузнечинского района, 1937 г.); «Расстреливают хороших, заслуженных людей, которые шли за крестьян. Не их бы надо расстреливать, а надо убивать коммунистов, которые нам вредны»; «Советская власть преследует религиозников, отбирает церкви»; «Пишут — колхозы стали зажиточными, а на самом деле колхозники голые, оборванные и голодные, работают как крепостные, вот до чего довела советская власть»; «Вы, дураки, хотите быть стахановцами, вам, голодным, работать нечего, бросайте работу, колхоз все равно вам ничего не даст»; «Когда мы взяли власть, нам говорили, что будет облегчение, оказывается, нас обманули, и напрасно мы тогда не повернули штыки против этой власти»; «У нас, в СССР, рабочий класс живет хуже, чем при царском строе. Рабочие голодные, нет порядочных людей, которые могли бы руководить страной»; «Колхозы — кабала для крестьян»; «Колхозный строй — это каторга... давно бы следовало повесить Сталина и разгромить Политбюро»; «Кирова убили, самого ближайшего друга Сталина. Я с радости выпил четверть литра. Кто убил, тому спасибо, надо бы убить самого Сталина, тогда бы лучше было»; «Законы пишут только на бумаге, а на деле коммунисты нами распоряжаются как им захочется»; «Вся сталинская диктатура зиждется на обмане»; «Всех кандидатов, выставленных советской властью, нужно вычеркнуть, эти люди пользы крестьянам и рабочим не приносят»; «НКВД хуже царской охранки»; «Коммунисты к работе не способны, они болтуны»; «Методы репрессий фашистской Германии родственны с репрессиями в СССР»; «Пока существует советская власть и партия большевиков, свободы никакой не будет»; «У власти сидят мошенники, и от избранных людей нечего ожидать хорошего»; «В СССР свободы нет, сажают пачками невинных людей» и т. д.

В 1937 г. приговаривали к расстрелу за высказанное сочувствие Троцкому, Тухачевскому и Султан-Галиеву, тех, кто имел царские награды, ранее состоял в партиях меньшевиков и эсеров, бывших сексотов НКВД «за двурушничест-

во», бывших дворян и офицеров, за искажение фамилии Сталина, за высказанное сомнение в «вечности советской власти». В Казани тогда были расстреляны епископ Иосиф (И. И. Удалов), поручик Г. А. Остенсакен, владелец аптеки А. И. Бреннинг, немец В. Лебер за переписку с германскими родственниками, торговцы, писатели, люди разных национальностей⁽⁵⁶⁾.

В 1938 г. состав обвинений изменился: невинных людей стали расстреливать по подозрению в шпионаже. Разумеется, наряду с этим расстреливали за «антиколхозную и антисоветскую агитацию», сочувствие Франко, за слова: «перебить надо коммунистов, чтобы не морили крестьян»; «ввиду репрессий советской власти против моей семьи я ее ненавижу». «Шпионов» обнаруживали по национальности, месту рождения и по разрядке начальства. Поляки, немцы, финны, латыши и другие арестовывались «за шпионаж» в пользу своей страны. Русские, евреи, татары обвинялись «в шпионаже» в пользу Румынии, Польши и т. д., поскольку или сами, или их родители приехали в Татарию из этих стран. Расстрельные списки «за шпионаж» утверждались Ежовым и Вышинским. По разрядке, как «японский шпион», 14 ноября 1938 г. был расстрелян известный татарский писатель Карим Тинчурин. Вместе с ним еще восемь татар: учителей, бухгалтеров, пенсионеров, ничего общего ни с каким шпионажем не имевших⁽⁵⁷⁾.

Осенью 1918 г. большевики мечтали сделать красный террор выражением народного гнева. Но добились они «единогласного» одобрения большого террора в середине 30-х годов, когда собрания и пресса единодушно требовали смертной казни тем, кому еще недавно рукоплескали⁽⁵⁸⁾. Сталинисты считали политику массовых чисток правильной, ибо накануне войны страна избавилась от «пятой колонны». Антисталинисты виновником большого террора полагают безымянную Систему, для которой «избыточный» террор закономерен. Есть и иная точка зрения, корректирующая последнее утверждение. Из нее следует, что сталинский террор заходил так далеко, что не столько усиливал, сколько ослаблял деспотическую власть, потому существо-

вали различные, в том числе менее террористические варианты карательной политики, так называемый «мягкий сталинизм», сторонником которого был, например, Г. К. Орджоникидзе. В доказательство возможности такого развития указывается на то обстоятельство, что последователи Сталина после его смерти, не покушаясь на основы системы, отказались от крайностей государственного терроризма⁽⁵⁹⁾.

Все эти точки зрения некорректны, в том числе и последняя, т. к. и она в какой-то степени оправдывает тоталитарную систему с ее преступной (мягкой или жесткой) карательной политикой. Думаю, что нельзя полагать борьбу с диссидентами при помощи «психушек», ссылок, лагерей более либеральной мерой по сравнению с расстрелами. Это тоже террор, и слова «лучше», «хуже» для определения преступности режима употреблять вряд ли имеет смысл. Любой террор преступен.

Большой террор был естествен для карательной политики тоталитарного государства. Его главное отличие от красного террора состояло в том, что в 1918 г. шла гражданская война и у населения было оружие, чтобы как-то противостоять репрессивному произволу красных или белых властей. В 30-е годы государственный террор со страшной силой обрушился на совершенно беззащитное, обуянное страхом население. Гитлер в те же годы уничтожал ненацистов и «расово неполноценных». Для Сталина никаких ограничений не было — массовый террор не обошел ни один слой населения, ни правящую партию, ни самих карателей⁽⁶⁰⁾.

Время большого террора со всей очевидностью показало демагогичность и пагубность утверждений, которые любил повторять Троцкий и другие функционеры: «партия всегда права», «народ всегда прав». Отрицание большевиками общечеловеческой морали привело их к поддержке сталинских преступлений и собственного убиения. Борьба за выживание сделала людей агрессивными, нетерпимыми, завистливыми и жестокими в одобрении массовых убийств. Народ повинен в том, что не защитил себя, что позволил вовлечь себя в преступные деяния режима, одобрил их, стал жертвой и социальной базой левого экстремизма.

К. Маркс писал, что существует лишь одно средство сократить «кровавые муки родов нового общества, только одно средство — революционный терроризм». Ленин предложил метод его проведения, объявив обманом всякую нравственность, «взятую из внеклассового, внечеловеческого понятия», подчеркнув, что нравственно все, что полезно революции. Сталин уточнял, не очень следуя логике, что в стране должны властвовать не те, «кто выбирает и голосует, а те, кто правит», — люди, «которые овладели на деле исполнительными аппаратами государства, которые руководят этими аппаратами». И тут же подчеркивал: «Нам, представителям рабочих, нужно, чтобы народ был не только голосующим, но и правящим»⁽⁶¹⁾. Большевикам удалось эффективно замаскировать сущность тоталитаризма. Миллионы людей оказались втянутыми в уничтожение имущих и «врагов народа». Те, кто был ничем, получив обещание «стать всем», возвели в абсолют силовые методы «убеждения» и подчинения. Победоносный для большевиков исход гражданской войны в России привел их к большому террору 30-х, к убежденности в правоте произвола, безнаказанности за уничтожение своих беззащитных сограждан.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 5

¹ Велидов А. С. Ленинская концепция советских органов государственной безопасности. // Проблемы и суждения. М., 1990. № 2. С. 22.

² Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 151.

³ Троцкий Л. Д. Соч. Т. 17. Кн. 2. С. 325; Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 71.

⁴ Ю. О. Мартов в 1922 г. писал: «Самую вредную роль сыграла бы диктатура (большевистской партии. — А. Л.), если бы ей удалось внушить темным слоям пролетариата и крестьянства веру в то, что их интересы могут быть защищены от посягательства имущих классов методом полицейской опеки «сильной власти». Мы имели бы в стране с вековыми традициями рабочей веры в благодетельную государственную власть возрожденные легенды о «мужицком царе». Но использовали бы эту ле-

генду, в конечном счете, антипролетарские элементы. На почве развивающегося капиталистического производства военная и гражданская бюрократия, а не коммунистическая партия явится той организованной силой, которая использует неорганизованность граждан для своего собственного возвышения во имя сильной надклассовой власти, мирно улаживающей все классовые противоречия. Нация, «переросшая буржуазную демократию», получила в награду диктатуру комячеек. Но нации, «не доросшей» до «буржуазной демократии», суждено будет преклониться перед бонапартистским тираном». Мартов Ю. Диалектика диктатуры. // Социалистический вестник. 1922. № 3. С. 7. «Нэп, — писал в 1927 г. Н. В. Устрялов, — был в известном смысле «фальсификацией термидора». Изменение хозяйственной политики без видоизменения политического режима было лишь политическим ходом, и все основные уступки нэпа взяты постепенно назад. На смену «коммунизму военному» явился «коммунизм в перчатках», который был продолжением властвования той же Коммунистической партии, преследовавшей те же свои цели, но изменившей, по соображениям целесообразности, методы их достижения». // Отечественная история. 1993. № 4. С. 5.

⁵ Ежегодник советской юстиции. 1922. № 1. С. 7; Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 400.

⁶ См.: Отечественная история. 1993. № 2. С. 31.

⁷ См.: Известия. 1993. 12 марта. М. М. Тихвинский (1868—1921), профессор-химик, управляющий лабораторным отделом главного нефтяного комитета ВСНХ. Арестован в июле 1921 г., тогда же расстрелян. На запрос русского физико-химического общества и ходатайства об освобождении Тихвинского Ленин ответил: «Тихвинский не «случайно» арестован: химия и контрреволюция не исключают друг друга». Ленин В. И. ПСС. Т. 53. С. 169. В настоящее время установлена полная невиновность Тихвинского, так же как и расстрелянного тогда же поэта Николая Гумилева.

⁸ И. С. Уншлихт (1879—1938) вспоминал, что в 1921—1922 годах Дзержинский был так загружен работой на железной дороге и ВСНХ, что в ВЧК «руководство всей практической, оперативной работой целиком лежало на мне». Уншлихт И. С. Воспоминания о Владимире Ильиче. // Вопросы истории КПСС. 1965. № 4. С. 96.

⁹ РГАСПИ, ф. 76, оп. 3, д. 197, л. 1; ф. 17, оп. 3, д. 153, л. 1; д. 215, л. 5; ф. 2, оп. 2, д. 641, л. 1—6.

¹⁰ Обзор деятельности ВЧК за 4 года. С. 208.

¹¹ Приказы ВЧК за 1921 г. Т. 7. С. 2, 9, 18, 49, 52; Т. 8. С. 10, 63—70; Т. 9, С. 45; Т. 10. С. 101, 107.

¹² Обзор деятельности ВЧК за 4 года. С. 261; Приказы ВЧК за 1921 г. Т. 9. С. 4. РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 71; ф. 5, оп. 1, д. 2560, л. 92; Куче м к о Н. М. Укрепление социалистической законности в Сибири в первые годы нэпа (1921—1923). Новосибирск, 1981. С. 91—98.

¹³ В. И. Ленин и ВЧК. С. 425; Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. Т. 1. С. 41.

¹⁴ СУР РСФСР. 1921. Ст. 614; Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости М., 1991. С. 23, 117; Приказы ВЧК за 1921 г. Т. 8. С. 136.

¹⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 43. С. 329, 340, 409; Известия. 1992. 22 апреля. А. Ф. Керенский был убежден, что реакция, маскирующаяся под «революцию» и возглавляемая такими демагогами, как Ленин, Муссолини и Гитлер, которые опираются в своей борьбе за власть на самые низшие слои общества, могут создать самые тоталитарные террористические диктатуры, разрушающие все моральные барьеры. // Вопросы истории. 1991. № 7—8. С. 141.

¹⁶ Знамя. 1990. № 3. С. 125.

¹⁷ Неизвестная Россия. XX век. Т. 1. С. 41—42.

¹⁸ ЦА ФСБ РФ, ф. 1, оп. 5, д. 36, л. 70; оп. 1, д. 3, л. 140, 145, 149.

¹⁹ В 1921 г. в Татарии было раскрыто 11 контрреволюционных организаций и 66 бандитских штак. НА РТ, ф. 3997, оп. 1, д. 71, л. 77. Казанская губЧК рассматривала дела бывших офицеров, служивших в армии Колчака, участников крестьянских выступлений. В апреле 1921 года в Казани был арестован Н. В. Некрасов, бывший министр путей сообщения и финансов Временного правительства, генерал-губернатор Финляндии. В начале 1918 г. он, сменив фамилию на В. А. Голгофский, отправился в Уфу, стал кооператором, переехал в Казань. Здесь грамотный, энергичный кооператор быстро обратил на себя внимание и был избран в правление Татсоюза. Его опознал приехавший с проверкой из Москвы в Казань кооператор, ко-

торый сообщил о своем «открытии» в ЧК. На основании телеграммы Дзержинского Некрасов был препровожден в ВЧК. Среди формулировок чекистов выделим типичные: «Кругликовского за взяточничество и дискредитирование звания чекиста приговорить к одному году заключения в концентрационный лагерь с принудительными работами и лишить его права работы в органах ВЧК навсегда»; «Шувалова, как вредного элемента для Советской республики, заключить в концлагерь с принудительными работами сроком на 2 года». ЦА Управления ФСБ по РТ. Протоколы заседаний губЧК за 1921 г. Т. 9. С. 96, 108. О встрече Некрасова с Лениным после ареста в Казани см.: Днепровский С. П. Кооператоры. М., 1968. С. 343—344.

²⁰ РГАСПИ, ф. 2, оп. 2, д. 1023, л. 1; д. 717, л. 1—3. О цинизме ВЧК ходили в то время самые невероятные слухи. Так, будто бы Дзержинский говорил: «Эти люди в Кремле не хотят понять, что пролетариат изжил буржуазную потребность в тюрьмах; ему больше не нужны четыре стены, он сможет управиться и при помощи одной». Ветлугин А. Авантюристы гражданской войны. Париж, 1921. С. 123.

²¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 328, 296—297; История советских органов государственной безопасности. М., 1977. С. 124—125; Сироткин В. От гражданской войны к гражданскому миру. Иного не дано. М., 1988. С. 375.

²² В 1926 году Дзержинский издал приказ о призыве на службу демобилизованных чекистов. Время нэпа прошло, нужны были вновь кадры эпохи военного коммунизма. // Родина. 1991. № 11—12. С. 68.

²³ В. И. Ленин и ВЧК. С. 536, 539.

²⁴ Цит. по: Родионов П. А. Как начинался застой? // Знамя. 1989. № 8. С. 207.

²⁵ В. И. Ленин и ВЧК. С. 549—551; Уншлихт И. С. О Владимире Ильиче. Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1984. Т. 4. С. 75—77.

²⁶ В. И. Ленин и ВЧК. С. 557.

²⁷ В. И. Ленин и ВЧК. С. 552; Пограничные войска СССР. 1918—1928. Сб. док. и материалов. М., 1973. С. 200, 203; Приказы ВЧК—ГПУ за 1922 г. Т. 11. С. 109; Т. 14; СУР РСФСР. 1922. № 51, 65.

²⁸ Голанд Ю. Политика и экономика (очерки общественной борьбы 20-х годов). // Знамя. 1990. № 3. С. 131. В резолюции XII партконференции говорилось: «Нельзя отказаться и от применения репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимобеспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции, которая в своих контрреволюционных целях злоупотребляет коренными интересами целых корпораций и для которой подлинные интересы науки, техники, педагогики, кооперации и т. д. являются только пустым словом, политическим прикрытием». // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1987. Т. 2. С. 593.

²⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 189, 190—191.

³⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 54. С. 265—266; Красовицкая Т. Что имеем, то храним... // Московские новости. 1990. 20 мая; Костиков В. Не будем проклинать изгнание... М., 1990. С. 72—77.

³¹ РГАСПИ, ф. 2, оп. 2, д. 1338, л. 33—35. Документ частично опубликован. // Известия. 1993. 29 мая. Троцкий в интервью иностранным корреспондентам, опубликованном 30 августа 1922 г. в «Известиях», признал, что высылаемые не представляли политической опасности в данный момент, но могут стать опасными в будущем. Потому высылка — «предусмотрительная гуманность», т. к. в случае военных осложнений эти лица могли быть расстрелянными. В «Правде» и «Известиях» всячески преуменьшали научное значение работ высылаемых, характеризуя их как «политиканствующих профессоров», а не крупных ученых, полагая, что последними могут быть только марксисты... // Знамя. 1990. № 3. С. 132.

³² РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2603, л. 1, 14, 15; ф. 2, оп. 2, д. 1245, л. 2. На запрос Ленина Уншлихт 22 ноября 1922 г. сообщал, что Потресов по решению комиссии Политбюро не был включен в список высылаемых за границу. Там же, л. 18; ЦА ФСБ РФ, ф. 1, оп. 1, д. 5 (1922 г.), л. 84, 89, 90, 96, 156. Не все из названных в списках были депортированы из страны. Среди высланных были ученые и специалисты из разных городов страны. Из Казанского университета были высланы трое ученых: А. А. Овчинников — ректор университета; Г. Я. Трошин — декан медицинского факультета, психиатр; И. А. Стратонов — профессор русской истории. Им было предъявлено

трафаретное обвинение в антисоветской пропаганде. Стратонов погиб в 1942 г. в Париже, казненный гестаповцами за антифашистскую деятельность. // Советский патриот. Париж, 1947. № 97. Петроградский Совет 29 августа 1922 г. заслушал информацию председателя петроградского отдела ГПУ об аресте 34 профессоров, журналистов и врачей. Совет одобрил решение о высылке арестованных за границу. Культурная жизнь в СССР. 1917—1927. Хроника. М., 1975. С. 365 См. также: Султанбеков Б. Ф., Малышева С. Ю. Трагические судьбы. Казань, 1996; и др.

³³ Знамя. 1990. № 3. С. 133. Ленин до конца 1922 г. продолжал интересоваться высылками. 13 декабря 1922 г. он предлагал Сталину обсудить на пленуме ЦК вопрос о высылке историка Н. Рожкова. «Рожков — человек твердых и прямых убеждений, но уступает нам в торге с Мессингом и дает какие угодно заявления против меньшевиков исключительно по тем же мотивам, по которым мы в свое время подписывали клятвенные обещания верности царю при вступлении в Государственную думу». Предлагал выслать Рожкова за границу. Или отправить в Псков, обеспечив материально и работой. «Но держать его надо под строгим надзором, ибо этот человек есть и будет, вероятно, нашим врагом до конца». РГАСПИ, ф. 2, оп. 2, д. 1344, л. 12. Документ опубликован // Родина. 1992. № 3. С. 49. Подробнее о высылке за границу см.: Глазцкий М. Е. «Философский пароход»: год 1922-й. Екатеринбург, 2002.

³⁴ История советских органов государственной безопасности. М., 1977. С. 136—138; РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 394, л. 15. 20 июля 1922 г. председатель ГПУ Украины Манцев писал Дзержинскому: «Сотрудник, особенно семейный, может существовать, только продавая на рынке все, что имеет. А имеет он очень мало. И потому он находится в состоянии перманентного голодания... Зарегистрирован ряд случаев самоубийств на почве голода и крайнего истощения. Я лично получаю письма от сотрудниц, в которых они пишут, что принуждены заниматься проституцией, чтобы не умереть с голода. Арестованы и расстреляны за насилия и грабежи десятки, если не сотни сотрудников, и во всех случаях установлено, что идут на разбой из-за систематической голодовки. Бегство из Чека повальное». Манцев информировал Дзержинского, что совместная комиссия ГПУ Украины и Южбюро ВЦСПС пришла к заключению: «Государство не может содержать аппараты Чека в полной мере, а

поэтому необходимо уменьшить штаты до предела и сократить соответственно функции Чека». Он сообщал, что штаты ГПУ на Украине уменьшены на 75%, дальнейшее сокращение невозможно и государственная власть должна полностью обеспечить потребности оставшихся работников. Письмо заканчивалось обращением к Дзержинскому: «Я Вас очень прошу поставить этот вопрос, ибо опасность окончательного развала Чека очень близка. Ну а если Чека не нужна, то об этом нужно сказать прямо и твердо». // Знамя. 1990. № 3. С. 130—131.

³⁵ Приказы ГПУ за 1922 г. Т. 14. 5 апреля, № 40; 30 декабря, № 350; 3 апреля, № 37; 19 мая, № 84; 23 октября, № 267. Приказом по ГПУ 23 ноября 1922 г. (№ 307) М. И. Зайцев, бывший секретарь ОГПУ, служивший в ВЧК с 1919 г., за использование служебного положения в целях получения двух миллиардов взятки за прекращение порученной ему разработки по делу о шпионаже; П. Ф. Иванов, секретный сотрудник Татарского отдела ГПУ, виновный в шантаже, вымогательстве и ложном доносе; всего по приказу 20 сотрудников ГПУ были расстреляны во внесудебном порядке.

³⁶ В 1923 г. 70% из назначенных на территории РСФСР губернских прокуроров не имели специального образования. На 768 должностей помощников прокуроров удалось назначить только 423, но половина из них имела низшее образование. Портнов В. П., Славин М. М. Становление правосудия Советской России (1917—1922 г.). М., 1990. С. 160—161.

³⁷ Приказы ГПУ за 1922 г. Т. 14. 14 ноября, № 291; История советских органов государственной безопасности. М., 1977. С. 149—150, 169—171. Троцкий, оценивая деятельность ГПУ той поры, писал: «Даже деятельность ГПУ, преемницы ВЧК, на которую в борьбе с контрреволюцией выпала одна из решающих задач и которая эту задачу блестяще выполнила, теперь, в обстановке общей бюрократизации, также все больше сбивается с пути обороны пролетарской революции. Вместо борьбы против политической и экономической контрреволюции ее деятельность все более начала направляться на борьбу с законным недовольством рабочих, вызываемым бюрократическими и мелкобуржуазными извращениями и даже внутрипартийной оппозицией». Троцкий Л. Д. Коммунистическая оппозиция в СССР. Бенсон, 1988. Т. 3. С. 172.

³⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 394, л. 11, 76.

³⁹ ЦА ФСБ РФ. ф. 1, оп. 6, д. 27, л. 8, 9, 13; ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 9—74, 91, 116; д. 4, л. 26. Татарский ОК РКП(б) 4 марта 1922 г., заслушав сообщение о реорганизации ЧК, предложил провести кампанию по популяризации деятельности чекистов, обсудив вопрос на закрытых собраниях рабочих с целью «расширения кругов информаторов из рабочих». ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 485, л. 41. Основное внимание чекисты Татарии в 1922 г. обратили на аресты правых эсеров, меньшевиков, бывших колчаковцев, наблюдение за сотрудниками АРА (американскими и россиянами). ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 485, л. 44—45. В течение 1922 года в Татарии было ликвидировано 10 контрреволюционных организаций и 42 банды; арестовано 63 контрреволюционера и 470 бандитов, изъято 378 винтовок, 280 револьверов и пулемет. НА РТ, ф. 3997, оп. 1, д. 138, л. 38.

⁴⁰ Председателем ОГПУ до конца своей жизни (20 июля 1926 г.) оставался Дзержинский, которого сменил В. Р. Менжинский, возглавлявший ОГПУ до 1934 г. Троцкий оставил о них следующие характеристики: «Дзержинский был человеком великой взрывчатой страсти... Дзержинский влюблялся нерассуждающей любовью во всякое дело, которое выполнял, ограждая своих сотрудников от вмешательства и критики со страстью, с непримиримостью, с фанатизмом... Самостоятельной мысли у Дзержинского не было. Он сам не считал себя политиком... Политически Дзержинский всегда нуждался в чьем-нибудь непосредственном руководстве». «...Сталин поддержал Менжинского. Сталин вообще поддерживал людей, которые способны политически существовать только милостью аппарата. И Менжинский стал верной тенью Сталина в ГПУ. После смерти Дзержинского Менжинский оказался не только начальником ГПУ, но и членом ЦК. Так на бюрократическом экране тень несостоявшегося человека может сойти за человека». Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930. Ч. 2. С. 182, 225—226.

⁴¹ Знамя. 1990. № 3. С. 135—136.

⁴² РГАСПИ, ф. 76, оп. 3, д. 231, л. 2.

⁴³ В 1925 г. на совещании в Москве о судьбах интеллигенции выступил Н. И. Бухарин, предложивший быстрое и циничное решение проблем ее места в пролетарском государстве и дальнейшего формирования кадров интеллектуалов. «Любимец партии» отметил, что партия пришла к власти, «шагая через

трупы, для этого надо было иметь не только закаленные нервы, но основанное на марксистском анализе знание путей, которые нам отвела история». И далее продолжил: «Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер. Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике». Бухарин предложил интеллигенции «идти под знаменем рабочей диктатуры и марксистской идеологии». Судьбы современной интеллигенции. М., 1925. С. 25, 27, 30. Бухарин был теоретиком сталинской культурной революции «сверху». // Отечественная история. 1994. № 2. С. 102.

⁴⁴ Знамя. 1990. № 3. С. 145—147; Итоги десятилетия советской власти в цифрах. М., 1927. С. 116; Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1962. Т. 4. С. 23; РГАСПИ, ф. 76, оп. 4, д. 103, л. 12. В 1922 г. из черноморских портов вывезли контрабанды на 400 тыс. руб. золотом, задержали на 250 тыс. руб. золотом. Колдаев В. М. Из истории организации борьбы с контрабандой в СССР (1917—1930) // Правоведение. 1970. № 6. С. 102.

⁴⁵ РГАСПИ, ф. 76, оп. 3, д. 231, л. 3—9.

⁴⁶ Сводки ОГПУ за 1926 г. свидетельствовали о развитии антисемитизма среди рабочих, безработных, крестьян, советских служащих, интеллигенции, коммунистов, духовенства. Сводки отмечали факты избиения евреев за то, что они евреи, погромную агитацию, требования переселить евреев в Палестину. Неизвестная Россия. М., 1993. Вып. 3. С. 324—358.

⁴⁷ История советских органов государственной безопасности. М., 1977. С. 197—200; Конквест Р. Большой террор. London, 1974. С. 989; Федоров Л. Как придумали партию. // Родина. 1990. № 5. С. 58—62; Современники отмечали: «Широкая волна арестов, ссылок, репрессий прокатилась по всей России начиная с осени 1928 г. Это — ответ правительства на все растущие экономические затруднения... Вспомните времена 1919—1920 годов, и тогда вы поймете ту атмосферу, в которой живем мы сейчас. Это так и в экономическом, и в политическом отношении». // Родина. 1992. № 11—12. С. 61.

⁴⁸ Первые массовые аресты, начавшиеся в конце 1929 г., проводились войсками ОГПУ. Они были заняты выселением «кулаков», расстрелами тех, кто, по их мнению, в годы гражданской войны служил или сочувствовал белым. В 1929—1931 гг.

было выселено из мест постоянного проживания 381 026 семей (1 830 392 чел.). Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД—МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3. В результате раскулачивания и голода в 1930—1933 гг. погибло 14,5 миллиона граждан СССР. Конквест Р. Жатва скорби // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 85.

⁴⁹ ВЧК—ГПУ. Сб. док. / Составитель Ю. Фельштинский. Vermont, 1989. С. 147.

⁵⁰ Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. С. 390.

⁵¹ История советских органов государственной безопасности. С. 240—241, 279. Сборник законов СССР. 1932. № 62; 1934. № 33, 36, 74.

⁵² Известия. 1990. 14 февраля; Цаплин В. В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы. // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 181; он же. Архивные материалы о числе заключенных в конце 30-х годов. // Вопросы истории. 1991. № 4—5. С. 158, 161; Горин М. М. Советская страна в конце 20-х — начале 30-х годов. // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 39; Хлевнюк О. 1937 год: противодействие репрессиям. // Коммунист. 1989. № 18. С. 98—109; Сувениров О. Ф. Трагедия РККА. 1937—1938. М., 1998; и др. Число лагерей в отчетах НКВД указано неточно: Сиблаг включал в себя 16 лагпунктов. Подсчеты смертей также нуждаются в корректировке в сторону увеличения. Подробнее о ИТЛ см.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923—1960. Справочник. М., 1998.

⁵³ Панчинский А. А. Продолжая разговор, начатый А. Г. Авторхановым. // Вопросы истории. 1992. № 2—3. С. 188—189; Гумшис М. А. Еще раз о кадрах чекистов 30-х годов. // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 190—191; он же. Кадровый состав органов ОГПУ начала 30-х годов (по материалам Средне-Волжского края). // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С. 333—341. А. Х. Артузов, чекист и заместитель начальника военной разведки страны, только после того, как был арестован и подвергнут пыткам, написал кровью на стене камеры: «Всякий честный человек должен убить Сталина!» Один из старых большевиков попытался объяснить, почему Сталин проводил внутрипартийный террор. «Выросшие в условиях революционной борьбы против старого режима, мы все воспитали в себе психологию оппозиционеров,

непримиримых протестантов... мы все — не строители, а критики, разрушители». // Социалистический вестник. 1937. № 1—2. 17 января. По состоянию на 1 января 1939 г. среди 1 317 195 лагерных заключенных был 830 491 русский, 181 905 украинцев, 44 785 белорусов, 24 894 татарина, 24 499 узбеков, 19 758 евреев, 18 572 немца, 17 123 казаха, 16 860 поляков, 11 723 грузина, 11 064 армянина, 9352 туркмена, 4874 башкира, 4347 таджиков, остальные 96 948 человек принадлежали к более чем 100 другим национальностям. Возрастной состав заключенных ГУЛАГа (1 марта 1940 г.): моложе 18 лет — 1,2%; от 18 до 21 года — 9,3%; от 22 до 40 лет — 63,6%; от 41 до 50 лет — 16,2%; старше 50 лет — 9,7%. К началу Великой Отечественной войны мужчины составляли 93% заключенных ГУЛАГа, женщины — 7%, в июле 1944 г. — соответственно 74% и 26% // Аргументы и факты. 1990. 1—7 сентября. № 35.

⁵⁴ ЦА ФСБ РФ, д. 739540. Т. 1. М. И. Лацис; Горчаков О. Ян Берзин: судьба командарма невидимого фронта. // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 155; № 3. С. 133; Штейнберг В. Екаб Петерс. М., 1989; Съянова Е. Яков Петерс, которого мы не знаем. // Известия. 2003. 15 октября; Шошкочков Е. Звезда и смерть Глеба Бокия. Человека, чекиста и парохода. // Родина. 2000. № 7. С. 68—71; ЦА ФСБ РФ, д. Р-8208. Л. С. Сосновский. С. 163. Пролеткультовец Л. Л. Авербах в 1927 г. провозглашал: «Некоторые интеллигентские писатели приходят к нам с пропагандой гуманизма, как будто есть на свете что-либо более истинно человеческое, чем классовая ненависть пролетариата». После ареста писал о помиловании, напоминая, что его мать — сестра Я. М. Свердлова, а сам он женат на дочери В. Д. Бонч-Бруевича Елене, что его родная сестра была женой Ягоды. ЦА ФСБ РФ, д. 612334. Л. Л. Авербах.

⁵⁵ ЦА Управления ФСБ по РТ, протоколы судебной «тройки» ГПУ Тат. АССР. Т. 18—45. В июне 1931 г. в состав судебной «тройки» ОГПУ в ТАССР входили сотрудники ОГПУ Кандыбин, Музафаров, Якунин, Станкевич, от обкома ВКП(б) Абдраязков или Мукминев, от прокуратуры — Кузнецов. В 1933 г. судебная «тройка» состояла из сотрудников ОГПУ В. Гарина, Кушева, Мироманова, Станкевича, от прокуратуры — Кузнецов, от обкома ВКП(б) — Вашкевич. О Н. И. и А. И. Ельциных подробнее см.: Литвин А. Л. Казанская тайна семьи президента. // Вечерняя Казань. 1993. 24 сентября; Известия. 1993. 28 сентября.

⁵⁶ ЦА Управления ФСБ по РТ, протоколы заседаний судебной «тройки» НКВД ТАССР, т. 108—125. В состав «тройки» НКВД в 1937 г. входили нарком внутренних дел ТАССР Алемасов (с конца сентября Михайлов), замнаркома Ельшин, секретарь Соловьев; от обкома ВКП(б) — секретарь Мухаметзянов (с 22 сентября — председатель ЦИК ТАССР Динмухаметов), часто в составе — секретарь ОКВКП(б) Алемасов (до этого нарком внутренних дел ТАССР).

А. Г. Маленков, сын секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова, в книге об отце, желая как-то реабилитировать одного из руководителей репрессий 30-х гг., писал: «Принято думать, что в 1937 году вакханалия террора достигла апогея. Так ли это? Еще раньше репрессиям подверглись политические противники большевиков (меньшевики, эсеры и др.), священнослужители, сторонники оппозиций внутри партии, интеллигенция, крестьяне, не горевшие желанием идти в колхозы, рабочие... С приходом Ежова в НКВД карательная машина начинает перемалывать правящую элиту и саму себя. Думаю, именно потому, что в 37-м репрессии кровавой волной прошли и по правящей элите, этот год стал в устах современного правящего слоя... символом репрессий вообще, хотя известно, что их размах и гибельный для судьбы страны голод в 1929—1933 гг. были намного больше». Маленков А. Г. О моем отце Георгии Маленкове. М., 1992. С. 32.

Разумеется, «раскулачивание» и голод начала 30-х привели к миллионным жертвам. Но социальный состав жертв большого террора, во всяком случае в Татарии, не подтверждает вывода А. Г. Маленкова. И в 1937 г. большинство расстрелянных по приговорам «тройки» — крестьяне.

⁵⁷ ЦА Управления ФСБ по РТ, протоколы заседаний особой «тройки» НКВД по Татарской АССР, т. 69—77.

⁵⁸ 26 января 1937 г. «Литературная газета» вышла под общим заголовком «Смести с лица земли троцкистских предателей и убийц». С проклятиями в адрес безвинно убиенных выступили А. Толстой, К. Федин, Н. Тихонов, Ю. Олеша, И. Бабель, Л. Леонов, М. Шагинян, В. Шкловский, Джамбул и др. Разумеется, были и те, кто критически относился к сталинскому террору и стал его жертвой. Открыто со стихами против действий Сталина выступил О. Мандельштам. О его судьбе см.: Огонек. 1991. № 1; Известия. 1993. 18 сентября; и др. Менее известны стихи Павла Васильева:

«— О муза, сегодня воспой Джугашвили, сукина сына. — Упорство осла и хитрость лисы совместил он умело. — Нарезавши тысячи тысяч петель, насильем к власти пробрался». — П. Н. Васильев был реабилитирован лишь в марте 1989 г. ЦА ФСБ РФ, д. 35052, л. 103, 243.

⁵⁹ Хлевнюк О. В. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы М., 1993. С. 140.

⁶⁰ Число жертв «ежовщины» (январь 1937— декабрь 1938 г.) ужасает. По мнению Р. Конквеста, за это время было расстреляно около миллиона, умерло в заключении около 2 миллионов человек. Конквест Р. Там же. С. 962. И. А. Курганов конкретизировал: в 1937—1938 гг. погибло 635 тысяч крестьян, рабочих, интеллигентов, 340 тыс. коммунистов, 30 тыс. военных. // Российский ежегодник. М., 1990. Вып. 2. С. 288. В 1956 г. на секретный запрос Политбюро КГБ сообщил: в период с 1935 по 1940 год было арестовано примерно 16 миллионов человек, из которых по крайней мере семь миллионов были расстреляны или умерли в ГУЛАГе. Эндрю К., Гордиевский О. Там же. С. 158. По данным В. Земскова, в конце 1937 г. в ГУЛАГе находилось 996 367 заключенных, в конце 1938 г. — 1 317 195. Удельный вес осужденных за «контрреволюционные» преступления в составе лагерных заключенных составлял: в 1937 г. — 12,8%; 1938 г. — 18,6%; в 1939 г. — 34,5%. // Аргументы и факты. 1989. 11—17 января. В 1937—1938 гг. было расстреляно 110 из 139 членов ЦК, избранных на XVII съезде ВКП(б) в 1934 г.; 75 из 80 членов Реввоенсовета РККА, более половины командиров. Дважды подвергался чистке НКВД. При Ежове все 18 комиссаров государственной безопасности первого и второго рангов, служившие при Ягоде, были физически ликвидированы. Из 122 высших офицеров, служивших в 1937—1938 гг., только 21 офицеру удалось сохранить свою должность после того, как Ежова сменил Берия в 1939 г. Эндрю К., Гордиевский О. Там же. С. 158. В документе, составленном прокуратурой страны в 1954 г. для Хрущева, говорилось, что, по данным МВД СССР, с 1921 г. до начала 1954 г. за политические, «контрреволюционные» преступления было осуждено коллегией ОГПУ, «тройками» НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией, судами и военными трибуналами 3 777 380 чел., в том числе приговорены к расстрелу — 642 980, к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже — 2 369 220, в ссылку и высылку — 765 180 человек. Указывалось, что из об-

щего числа арестованных за «контрреволюционные» преступления около 2,9 млн. человек были осуждены во внесудебном порядке и 877 тыс. судами и военными трибуналами. В начале 1954 г. в лагерях и тюрьмах находилось 467 946 политических заключенных, в ссылках — 62 462 человека. // Аргументы и факты. 1990. № 5. По данным А. Н. Яковлева, чекисты всего за несколько месяцев после декрета о красном терроре в сентябре 1918 г. казнили более 50 тысяч человек. А с 1921 по 1953 год было арестовано 5 951 364 человека, а всего число убитых по политическим мотивам, умерших в тюрьмах и лагерях за годы советской власти в целом по СССР достигает 20—25 миллионов человек. Сюда относятся и умершие от голода: более 5,5 миллиона — в гражданскую войну и более 5 миллионов человек — в 30-е годы. Яковлев А. Н. Сумерки. С. 123, 217

⁶¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 5. С. 494; Ленин В. И. ПСС. Т. 41. С. 309; Сталин И. В. Соч. Т. 4. С. 37, 366.

Заключение

Гражданская война в России не имеет аналогов в мировой истории. Влияние ее на будущее созидание тоталитарных режимов было огромно. Ведь Гитлер мог утверждать, что идею организации концлагерей он заимствовал у Ленина и Троцкого. А Сталин, совершенствуя методы устрашения и насилия тех лет, довел общество до восприятия большого террора 30-х годов.

М. Геллер и А. Некрич, советские историки, будучи в эмиграции, написали краткий очерк истории СССР с 1917 года, назвав его «Утопия у власти»¹. Они ошиблись. У власти в СССР были не утописты, а жестокие прагматики, использовавшие в пропагандистских целях камуфляж утопических лозунгов. Ленин и его окружение полагали, и не без оснований, что только неограниченное никакими законами насилие может помочь большевистской элите удержаться у власти. И этой цели — удержаться у власти — была посвящена вся их деятельность. Ради этого большевистские власти цинично показывали, что человеческая жизнь для них — это только лагерная пыль.

В годы Великой Отечественной войны Сталин вспомнил опыт Троцкого в гражданскую и ввел в действие заградительные отряды, которым было приказано расстреливать отступающих красноармейцев. Троцкий требовал ставить на «командные посты только тех бывших офицеров, семьи которых находятся в пределах Советской России, и объявляя

¹ London, 1986.

им под личную расписку, что они сами несут ответственность за судьбу своей семьи»¹. Ленин предлагал ввести институт заложничества по волостям. Политбюро ЦК ВКП(б) во главе со Сталиным решило институт заложничества усовершенствовать и 5 июля 1937 г. постановило: «Установить впредь порядок, по которому все жены изблеченных изменников родины — правотроцкистских шпионов подлежат заключению в лагеря не менее как на 5—8 лет».

На всех докладах о еврейских погромах, проводимых Первой Конной армией на Украине и в Белоруссии, Ленин лаконично писал: «В архив». Сталин превратил антисемитизм в государственную политику и официально готовил погромы в 1953 году, проведя до этого депортации целых народов².

От красных мало чем отличались белые. Летом 1919 г. А. Ф. Керенский сетовал на то, что «нет преступления, которого не совершили бы агенты Колчака... В Сибири имеют место не только случаи казни и пыток, но часто все население деревень подвергается порке, не исключая учителей и интеллигентов... Благодаря Колчаку общественная и экономическая жизнь в Сибири была уничтожена и создала новое и усиленное большевистское движение» (Там же. С. 55). Сталин устроил ликвидацию (не порку) представителей всех слоев населения, прежде всего крестьянства и интеллигенции.

Заметим и другое. Полководцы красных и белых войск, сражавшихся со своим народом в гражданскую, ничем не смогли проявить себя в межгосударственных войнах. Тухачевский, успешно воевавший с белыми и крестьянами, потерпел поражение при столкновении с польской армией. Беспомощными оказались Буденный и Ворошилов, Краснов и Шкуро в годы Второй мировой войны.

В годы гражданской войны у большевиков «классовыми врагами» были в разной степени все группы общества. Под

¹ См.: Волкогон Д. Д. Ленин. Политический портрет. М., 1994. Т. 2. С. 109.

² Там же. Т. 1. С. 360—361.

другими лозунгами, с меньшими возможностями боролись против «всех» белые. Эта война могла дать лишь временных, формальных победителей. Большевики установили рекорд по умению заставить миллионы людей десятки лет сидеть на штыках. Но в подобной ситуации можно только провозглашать «тысячелетний рейх», а не всерьез рассчитывать на вечность подобного режима.

Всполохи террора времени гражданской войны продолжали вспыхивать в 20-е годы. Его проявлениями были убийства советских полпредов В. Воровского и П. Войкова, бывших деятелей и генералов противной стороны — С. Петлюры, Я. Слашова, А. Кутепова, Е. Миллера и др. Время с трагической очевидностью показало страшность не столько репрессий, сколько психологии толпы, оправдавшей и распевавшей Христа, и казнь недавних друзей и кумиров.

Деникин еще в 20-е годы отмечал: «Человеческое страдание — всегда страдание. Убийство — всегда убийство, льется при этом «белая» или «красная» кровь». Понятен и его призыв: «Мне хочется сказать людям в шорах: говорите о ваших терзаниях. Читайте ваших мертвецов. Но когда проходите случайно мимо бездонной могилы русской буржуазии — по существу, русской интеллигенции, снимите шапку над ней. Ибо там, вместе с окровавленными трупами, погребены невознагражденные культурные ценности страны, ее интеллектуальные силы, ее надежда!» И еще: гражданская война «калечила жестоко не только тело, но и душу»¹. Для того чтобы излечить душу от ненависти, чтобы привить ей сострадание к ближнему, нужно время. Будем ждать...

Гражданская война в России и даже победа в ней большевиков показала, что в перспективе ни белые, ни красные не имели будущего в стране, во имя которого они воевали. Историографические работы последних лет свидетельствуют о возросшем интересе исследователей к истории ВЧК—ОГПУ—НКВД, белого движения. (См.: Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю. Белое дело: идеология,

основы, режимы власти. Историографические очерки. М., 1998; Голдин В. И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980—1990-е годы). Архангельск, 2000; Михайлов И. В. Гражданская война в современной историографии: виден ли свет в конце тоннеля? / Гражданская война в России. События, мнения, оценки. М., 2002. С. 639—655; и др. А также: Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917—1941 гг.). Уфа, 1994; Петров М. Н. ВЧК—ОГПУ: первое десятилетие. Новгород, 1995; Иванов В. А. Механизм массовых репрессий в советской России в конце 20—40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). Автореф. дисс. докт. ист. наук. СПб., 1998; Хаустов В. Н. Деятельность органов государственной безопасности НКВД СССР (1934—1941 гг.). Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 1998; Российские спецслужбы: история и современность. Материалы исторических чтений на Лубянке 1997—2000 гг. М., 2003.)

Исследователи белого движения в значительной степени идеализируют его цели и программы, часто забывая о реалиях, которые свидетельствовали о декларативности многих заявлений его руководителей. Романтическое представление о белогвардейцах влияет и на изучение карательных органов этого движения и не позволяет более объективно раскрыть понятие белого террора. Изучение карательных органов советской власти в последние годы наполняется все более критическим отношением к происшедшему и попытками понять одну из главных систем режима, несколько десятилетий удерживающего власть в стране. В этом плане наверняка в скором времени появятся новые исследования, позволяющие понять до сих пор не совсем открытые механизмы борьбы за власть в гражданскую войну. Говорят, что смерть равняет всех, а память дифференцирует. Отказаться от личных симпатий и антипатий трудно, но в данном случае просто необходимо.

¹ Октябрь. 1990. № 10. С. 55.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	
Размышляя о гражданской войне в России	5
ГЛАВА 1	
Роль политического террора в борьбе за власть. Насилие и жестокость. Источники и литература	13
ГЛАВА 2	
Советская карательная политика. Теория и импровизация. Внесудебные (чрезвычайные) и юридические учреждения. Красный террор	54
ГЛАВА 3	
Репрессивная практика антибольшевистских правительств	139
ГЛАВА 4	
Тотальный террор. Распятие символов. Диктаторы ликвидируют оппозицию	225
ГЛАВА 5	
Эволюция охранительных институтов диктатуры пролетариата в начале 20-х годов.	388
Заключение	440

Алексей Литвин
КРАСНЫЙ И БЕЛЫЙ ТЕРРОР В РОССИИ
(1918—1922 гг.)

Издано в авторской редакции
Художественный редактор С. Силин
Компьютерная верстка А. Щербакова
Корректор Е. Челлакова

Ответственный за выпуск А. Светлова

ЛР № 065715 от 15.03.1998
ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15
Контактный тел.: (095) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00.**

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
**1 марта 2004 года открывается новый мелкооптовый филиал ТД «Эксмо»:
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (095) 780-58-34**

Книжные магазины издательства «Эксмо»:

Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96.
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.
Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

ООО Дистрибьюторский центр «ЭКМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.

**Северо-Западная компания представляет весь ассортимент книг
издательства «Эксмо». Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.**

**Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети «Книжный супермаркет»
на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34 и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.
Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.**

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.01.2004.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 23,66.

Тираж 3000 экз. Заказ 3172.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

